

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 11-002

СЕКРЕТНЫЕ БУНКЕРЫ КЁНИГСБЕРГА

А.С. Пржедомский

(Год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Annotation

В предлагаемой читателям книге, основывающейся на подлинных фактах и событиях, автор предпринял попытку с учетом личных впечатлений и рассказов очевидцев, реконструировать события, связанные с исчезновением и поисками Янтарной комнаты. Конечно, еще остаются «белые пятна» в увлекательнейшей истории, которая зовется «спецоперация „Янтарная комната“». Однако большинство пробелов автору удалось восполнить, основываясь на обширном документальном материале, ставшем доступным исследователям в последние десятилетия, а также на анализе документов, находящихся в архивных фондах спецслужб, к которым он имел доступ.

- [Андрей Станиславович Пржездомский](#)

- [От автора](#)

- [Часть I](#)

- [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)

- [Часть II](#)

- [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)

- [Часть III](#)

- [Глава тринадцатая](#)
    - [Глава четырнадцатая](#)
    - [Глава пятнадцатая](#)
    - [Глава шестнадцатая](#)

- [Эпилог](#)

- [Об авторе](#)

- [Иллюстрации](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)

- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)

- [195](#)
  - [196](#)
  - [197](#)
  - [198](#)
  - [199](#)
  - [200](#)
  - [201](#)
  - [202](#)
  - [203](#)
  - [204](#)
  - [205](#)
  - [206](#)
  - [207](#)
  - [208](#)
  - [209](#)
  - [210](#)
  - [211](#)
  - [212](#)
  - [213](#)
  - [214](#)
  - [215](#)
  - [216](#)
  - [217](#)
  - [218](#)
  - [219](#)
  - [220](#)
  - [221](#)
  - [222](#)
  - [223](#)
  - [224](#)
  - [225](#)
-

Андрей Станиславович Пржездомский
Секретные бункеры Кёнигсберга

От автора

...Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят...

Евангелие от Матфея, Глава 7

О Янтарной комнате написаны сотни книг и тысячи статей. Пожалуй, ни одно из выдающихся утраченных культурных достояний человечества не удостоилось в течение последнего полувека столь частого упоминания. Кажется, что о Янтарной комнате знают все — и умные очкарики, сидящие по выходным за компьютерами и в библиотеках, и «крутые» почитатели ночных клубов и дискотек, и, конечно же, люди более старшего поколения, помнящие сенсационный бум 1967 года. Тогда советские газеты, не привыкшие к незапланированным неожиданностям, вдруг взорвались броскими заголовками: «Тайна похищения Янтарной комнаты приоткрывается», «Признания Коха», «Будет ли раскрыта тайна „янтарной комнаты“?», «Судьба сокровищ, награбленных фашистами в СССР».

Я, тогда еще ученик девятого класса московской школы № 427, неожиданно для себя «открыл» целую страну захватывающих приключений и удивительных историй, которая в определенной степени повлияла на формирование моих интересов и устремлений в дальнейшем. А началось все в последних числах февраля 1967 года. Как-то раз, развернув один из номеров «Красной звезды», которую выписывал мой отец — бывший кадровый офицер, уже несколько лет страдающий «ностальгией» по недавней армейской службе, я увидел статью капитана второго ранга Королева. В ней рассказывалось о том, что отбывающий заключение в варшавской тюрьме нацистский военный преступник Эрих Кох сообщил польскому журналисту о местонахождении Янтарной комнаты, пропавшей в годы войны.

К тому времени я уже успел прочитать увлекательнейшую книгу В. Дмитриева «Дело о янтарной комнате» и кое-что знал о событиях, связанных с поисками «восьмого чуда света». Но в статье говорилось о работе какой-то комиссии, осуществляющей розыск Янтарной комнаты на территории Калининградской области. Для меня и для моего школьного друга, одноклассника Володи Черного это стало сигналом к тому, чтобы

самим попытать счастье в увлекательнейшем деле поиска сокровищ. Наверное, большинство мальчишек в этом возрасте мечтают об опасных приключениях и таинственных похождениях, но нам с Володей удалось воплотить эти мечты в реальность и пережить то, что казалось возможным только увидеть в кинофильмах и прочитать в книгах. Мы задумали в весенние каникулы на недельку махнуть в Калининград и самим отыскать Янтарную комнату.

Не буду рассказывать, чего стоило уговорить родителей отпустить нас в Калининград, тем более что особыми успехами в учебе мы с Володей не отличались. Однако убедить родителей все-таки удалось, и мы провели чуть больше недели в этом удивительном городе, облазив многочисленные развалины, «обследовав» глубокие подземелья и вернувшись с богатыми трофеями — фарфоровыми пробками от пивных бутылок с видами старого города, полуистлевшими документами прусского суда и ржавым парабеллумом, который, впрочем, пришлось по прибытии в Москву сдать в районное отделение милиции.

Через год я побывал в Калининграде с другим своим товарищем по классу Витей Купцовым, а летом 1969 года нам с ним довелось уже работать в составе Калининградской геолого-археологической экспедиции и за короткое время познакомиться с такими интересными людьми, как директор Павловского дворца-музея, бывший хранитель Янтарной комнаты Анатолий Михайлович Кучумов, начальник экспедиции Мария Ивановна Попова, кладоискатель-энтузиаст Иван Тимофеевич Цедрик, бывшие жители Кёнигсберга Макс Энгелин и Александр Вайнгартен.

О тех днях я могу рассказывать очень много: о спусках в подземные казематы и рыцарские комнаты бывшего Королевского замка, о подъемах на головокружительную высоту в развалинах Кафедрального собора и кирхи Святого Семейства, ныне Калининградского органного зала, о раскопках в различных районах города и за его пределами, об удивительных находках, исчезнувших впоследствии из-за человеческой тупости или бессовестности. Во всяком случае, лето 1969 года оставило у меня неизгладимые впечатления, которые благодаря дневниковым записям удалось хорошо сохранить в памяти.

Уже много позже во время одного из приездов в Калининград мне довелось познакомиться с чудесной женщиной, ставшей настоящим другом нашей семьи — Еленой Евгеньевной Стороженко, которая в течение ряда лет руководила работой экспедиции. Целеустремленная, полная неугасимой энергии, всегда одержимая новыми идеями, она помогла мне разобраться во многом, понять причины неудач и выработать собственную точку зрения

на проблему поиска утраченных в годы войны культурных ценностей. Вместе с Еленой Евгеньевной мы создавали Координационный совет по поискам культурных ценностей, утраченных в годы Второй мировой войны, который она возглавила, а я стал его членом и консультантом по данной проблеме от Комитета государственной безопасности СССР. Со временем мы решили подготовить несколько совместных публикаций, которые должны были привлечь внимание общественности к этой теме. За основу были взяты мои дневниковые записи и рукописи, которые я писал «в стол», не рассчитывая, что когда-либо удастся их опубликовать. Так появилась документальная повесть «Тайны королевского замка», опубликованная газетой «Страж Балтики» летом и осенью 1990 года. Потом был целый ряд других публикаций под псевдонимом «А. Орлов», избранным мной по девичьей фамилии моей мамы. В то время в связи с моей профессиональной деятельностью еще рано было называть мою настоящую фамилию. Поэтому многие поисковики и просто люди, интересующиеся темой Янтарной комнаты и розыском сокровищ на территории Калининградской области, с недоумением восприняли появление нового автора, о котором никто ничего не слышал. Впрочем, со временем мне было разрешено публиковаться под своей фамилией, и с тех пор вышло несколько книг о поисках, в которых мне посчастливилось участвовать, — об историческом прошлом Калининграда, о судьбах людей нашей страны в трудный перестроечный и постперестроечный периоды. Литературную работу по «кёнигсбергской» тематике венчал вышедший в 2006 году иллюстрированный энциклопедический справочник «Кёнигсберг — Калининград».

В представленном Вам новом издании, основывающемся на подлинных фактах и событиях, я предпринял попытку с учетом личных впечатлений и рассказов очевидцев, а также многочисленных документов, к которым я имел доступ, реконструировать события, связанные с исчезновением и поисками Янтарной комнаты, изложив при этом собственные версии и соображения. К сожалению, многих из участников событий больше нет с нами и их неоценимые свидетельства уже никогда не смогут стать достоянием современников. Ушла из жизни Елена Евгеньевна Стороженко, мой добрый друг и единомышленник, с которой мы провели немало времени в разговорах «за чаем» у нас в Москве и в ее уютной квартире в Светлом, вместе строили планы о развертывании работы Координационного совета и надеялись на то, что поисковая работа получит наконец адекватную поддержку государства. Нет в живых Анатолия Михайловича Кучумова, дружба с которым началась во время моей работы

в калининградской экспедиции и продлилась на многие годы. На девяносто третьем году жизни не стало Вениамина Дмитриевича Кролевского, автора той самой нашумевшей повести «Дело о Янтарной комнате», воспоминания которого о поисках пропавших произведений искусства в послевоенный период явились важным свидетельством участника и очевидца тех событий.

Оттого, естественно, остаются «белые пятна» в увлекательнейшей истории, которая зовется «поиски Янтарной комнаты». Кое-что мне, надеюсь, удастся восполнить, основываясь на обширном документальном материале, ставшем доступным исследователям в последние десятилетия, а также на анализе документов, находящихся в архивных фондах спецслужб, к которым я имел доступ в связи с соответствующим поручением руководства.

Прежде чем приступить к повествованию, позволю себе высказать несколько соображений общего порядка, которые без особого ущерба для себя может опустить любой читающий эту книгу, особенно если ему уже приходилось знакомиться с историей поисков Янтарной комнаты. Тому же, кто впервые сталкивается с этой темой, было бы полезно, на мой взгляд, «уловить» и принять во внимание некоторые отправные точки повествования, позволяющие понять, так сказать, глобальность и общечеловеческую значимость происходящего.

Результатом Второй мировой войны явились, как известно, не только неисчислимые человеческие жертвы и громадные разрушения, но и утрата многочисленных произведений искусства. Помимо гибели культурного достояния цивилизации в ходе боевых действий в Европе значительная часть бесценных сокровищ оказалась захваченной воюющими сторонами и впоследствии утраченной для мировой и национальных культур.

Целенаправленная политика гитлеровского руководства по разграблению музеев, дворцов, картинных галерей, библиотек, архивов, научно-исследовательских институтов, университетов, церквей, монастырей, собраний общественных организаций и частных коллекций на территории оккупированных стран привела к тому, что в Германии оказались сосредоточенными значительные культурные ценности. Об этом известно из многочисленных трофейных документальных материалов, содержащих сведения о деятельности «Айнзатцштаба рейхслейтера Розенберга»^[1] и подчиненных ему восьми региональных штабов, группы особого поручения «Линц», зондеркомманд Кюнсберга и Мюльмана, групп VI-G, VII-C и III-D шестого, седьмого и третьего управлений РСХА — Главного управления имперской безопасности, подразделений Главного

административно-хозяйственного управления СС и других учреждений нацистской Германии.

О концентрации на германской территории громадных массивов культурных трофеев свидетельствуют многочисленные документы штабов и отдельных частей вермахта, особенно материалы уполномоченных ОКХ [2] по «защите произведений искусства» в прифронтовой полосе, а также материалы так называемого «Исследовательского и просветительного общества СС „Аненэрбе“» [3].

Общая стоимость захваченных гитлеровцами ценностей не поддается точной оценке, но достигала, по-видимому, нескольких десятков, а то и сотен миллиардов рейсмарок. Только в рамках реализации планов превращения австрийского города Линца в «мировой музей искусств» было вывезено в общей сложности 4732 ценнейших предмета мировой культуры, лишь одно описание которых едва уместилось в 31-томном реестре, обнаруженном уже после окончания войны. Среди не найденных до сих пор произведений искусства находится и Янтарная комната из Екатерининского дворца города Пушкина. И, несмотря на то, что выдающиеся мастера современности воссоздали Янтарную комнату, используя сохранившиеся чертежи и фотографии, и она снова украшает один из залов Екатерининского дворца, произведение старых мастеров, исчезнувшее в вихре войны, напоминает о себе удивительными историями его поисков.

Помимо культурных ценностей, вывезенных нацистами из других стран, в годы Второй мировой войны оказались утраченными и многочисленные произведения искусства, находившиеся в немецких музеях, замках, частных собраниях, также представляющие несомненный интерес для мировой культуры. Среди них — всемирно известная Серебряная библиотека герцога Альбрехта, скульптуры и картины выдающихся мастеров, художественные изделия из драгоценных металлов, камней и янтаря, ценные образцы оружия и естественно-научные экспонаты, значительные архивные и библиотечные фонды.

Целый ряд обстоятельств способствовал тому, что значительная часть произведений искусства, вывезенных германскими учреждениями с оккупированных территорий, оказалась в Восточной Пруссии.

Во-первых, к этому приводило особое положение в нацистской иерархии гаулейтера Эриха Коха, который, по многочисленным свидетельствам, проявлял исключительную активность в сборе собственной коллекции шедевров мировой культуры, за что неоднократно

имел нарекания со стороны Гитлера.

Во-вторых, начиная с 1941 года территория центральной Германии стала подвергаться сначала незначительным, а затем все более массированным налетам англо-американской авиации, достигшим в 1943–1944 годах наивысшей интенсивности, что вынудило гитлеровцев принять меры по эвакуации отдельных художественных собраний на восток страны, откуда, как казалось, угроза была меньшей.

В-третьих, стремительное наступление советских войск в конце 1944 — начале 1945 года и серьезные военно-стратегические просчеты Верховного командования вермахта привели к блокированию Земландского полуострова^[4] с суши, отсечению Восточной Пруссии от центральной Германии.

В-четвертых, возможности эвакуации ценностей морским и воздушным путем после 28 января 1945 года^[5] стали крайне ограниченными, чрезвычайно опасными и ненадежными ввиду тяжелых потерь противника в морских судах и авиации, абсолютного превосходства Военно-морского флота СССР и его союзников на балтийских транспортных коммуникациях.

В-пятых, гитлеровское руководство, считая художественные и исторические ценности важной материальной основой для будущего возрождения национал-социализма, а также надежным источником существования в послевоенной Германии и за ее пределами, предусмотрело осуществление целого комплекса мероприятий по их захоронению на немецкой территории и, в частности, Восточной Пруссии.

Сразу же после окончания войны вплоть до наших дней судьба Янтарной комнаты оказывалась в эпицентре интересов всех, кто занимался сбором трофеев и поисками ценностей не только на территории бывшей Восточной Пруссии, но и во многих других местах Европы. За это время относительно судьбы Янтарной комнаты появилось множество свидетельств, позволяющих воссоздать все этапы ее движения, начиная от демонтажа в городе Пушкине в 1941 году и кончая перемещением ее на территории Кёнигсберга и Восточной Пруссии в 1944–1945 годах. Общее число людей, в той или иной степени располагающих сведениями об укрытии Янтарной комнаты на теперь уже российской земле, превысило тысячу. Среди них — непосредственные участники и случайные очевидцы захоронения, граждане, видевшие ценности уже после взятия Кёнигсберга советскими войсками, и лица, слышавшие от других об укрытии ценностей. Немалую долю составляют бывшие советские военнопленные,

русские, украинцы и поляки, угнанные на принудительные работы в Германию, которые волею случая принимали участие в работах по укрытию каких-то ящиков, мешков, контейнеров.

Все эти свидетельства, содержащие различные интерпретации фактов укрытия ценностей, зачастую противоречащие друг другу, вместе с тем сходятся в одном: подавляющее большинство культурных ценностей, вывезенных гитлеровцами в Восточную Пруссию с территории Прибалтики, Украины, Белоруссии, ряда областей Российской Федерации, бывшего Генерал-губернаторства (так фашисты именовали Польшу), а также размещавшиеся в немецких государственных учреждениях и организациях, находившиеся в частных руках, в том числе конфискованные у лиц еврейской национальности и в культовых учреждениях, были укрыты на территории Восточной Пруссии, причем значительная их часть была сосредоточена в Кёнигсберге и его окрестностях.

Указанный вывод, разумеется, не исключает того, что некоторые ценности могли быть все-таки эвакуированы из Восточной Пруссии вглубь Германии и спрятаны в заранее подготовленных местах. Большинство зарубежных исследователей, в частности, немецкие ученые Георг Штайн и Пауль Энке^[6], придерживаются именно такой точки зрения, допуская потерю многих произведений искусства при транспортировке морем в конце 1944 — начале 1945 года (так называемая «морская версия») или при сокрытии их в глубоких шахтах или соляных коях. На немалые размышления в этом ключе наводят книги австрийских исследователей Герхарда Цаунера и Катарины Хаммер^[7].

За все время поисков Янтарной комнаты в Калининградской области прорабатывалось более трехсот пятидесяти версий ее нынешнего местонахождения, пронизывающих практически всю территорию этой самой западной части российской земли. Калининград и Балтийск, Черняховск и Правдинск, Полесск и Гурьевск, мелкие деревеньки и бывшие хутора, громадные форты и едва заметные подземные бункеры, полузасыпанные подвалы и подземные коллекторы — сколько их было, поисковых объектов, внушавших надежды на успех, дававших новый импульс работе экспедиций и самостоятельных кладоискателей, но, в конце концов, приносивших только разочарование и досаду.

А сколько авантюристов, прохвостов, мелких проходимцев пытались примкнуть к поисковикам! И у некоторых это получалось! Сколько фантазеров, лжесвидетелей и лжеученых, добросовестно заблуждающихся или откровенно лгущих, невежественных или глубоко эрудированных

«толкались» вокруг поисков Янтарной комнаты! Одни делали на этом деньги, торгуя подлинной информацией или наспех состряпанными откровениями очередного свидетеля. Другие — делали себе пиар, время от времени взрывая публичное пространство очередным сенсационным известием, нисколько не заботясь о правдоподобности сообщаемых сведений. Третьи — строчили книжные опусы, обложившись уже выпущенными публикациями и не очень утруждая себя тяжелым поиском в архивах и работой с документами.

И только настоящие, преданные делу люди, без лишней помпы и самолюбования, серьезно, в течение многих лет пытались решить эту полную романтики и тайн загадку, которая называется «поиски Янтарной комнаты». Мне очень повезло, что я знаком с некоторыми из этих людей и даже могу причислять себя к их друзьям или товарищам.

Один из калининградских «историков-исследователей» (он сам себя так называет), поднаторевший над оболваниванием публики бредовыми рассказами о «черных посвященных СС», «магических знаках», «подземельях рунических мужчин» и прочей чепухе, на вопрос, зачем он выливает все это на головы читателей и телезрителей, простодушно ответил: «Я рассказываю то, что от меня хотят услышать».

Понимая, что невозможно в рамках документального повествования рассказать даже о наиболее интересных версиях, поскольку рассказ о каждой влечет за собой длинную цепь приключений и неожиданных событий, я решил ограничиться изложением лишь о некоторых из них — тех, которые мне кажутся самыми привлекательными и перспективными с точки зрения поисков. Чтобы не разрывались логика и смысл изложения я свел эти истории в три самостоятельных части, каждая из которых объединяет по несколько версий, связанных с конкретными объектами на территории нынешнего Калининграда — стертым с лица земли Королевским замком, некоторыми подземными сооружениями в районе прежней улицы Штайндамм и местом, где когда-то располагалось имение бывшего гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха.

Перед вами — не наукообразный вымысел или приукрашенные истории сомнительной достоверности, и в то же время перед вами — не отчет о результатах поисковых работ. Я предлагаю вам свои собственные впечатления и наблюдения, свою интерпретацию уже известных фактов и обстоятельств, свой взгляд на большие и малые исторические события, так или иначе связанные с утратой и поисками Янтарной комнаты, своего рода символа каждый раз приближающейся, но недостижимой цели, возврата упущенных возможностей и неоправдавшихся ожиданий^[8].

Я осознаю, что многие из описываемых мной событий другие авторы интерпретировали бы иначе, по-своему прочитывая старые документы, рассказы очевидцев и участников поисков. Это не беда! Пусть читатель сам определит, что на его взгляд больше соответствует реальности, а что вызывает у него сомнение, а, может быть, даже протест.

Не претендуя на полноту освещения затронутой темы, не стремясь поразить читателя стилистическими ухищрениями и авантюрно-приключенческими поворотами сюжета, а лишь строго придерживаясь документально-исторической канвы, которая по обилию неожиданностей и загадок порой не уступает самому смелому вымыслу, я могу сказать о предлагаемой Вам работе словами римских консулов: «Feci, quod potui, faciant meliora potentes»^[9].

Часть I

Бункеры в центре Калининграда

Глава первая

Янтарный кабинет

...Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй! О здешнем объявляю, что наш приезд сюда не даром, но с некоторою пользою. Мы отсель поедem сего дня, дай божe, чтоб до места уже доехать и Вас скорее увидеть...

P.S. К^[10] подарил меня изрядным презентом яхтою, которая в Потсдаме зело убранная, и кабинетом янтарным, о чем давно желали.

Письмо Петра I Екатерине. 17 ноября 1716 года

С утра вдруг неожиданно пошел мокрый снег, покрывая белым ковром все вокруг. Еще вчера вся местность у разрушенного дворца была буквально взрыта снарядами и минами. Обгоревшие остовы зданий, обвалившиеся стены, рухнувшие внутрь перекрытия, нагромождения обломков — все это некогда было знаменитым Екатерининским дворцом.

За последние дни сентябрьских боев он превратился из жемчужины зеленого ожерелья Ленинграда в зловещие развалины, свидетельствующие о том, что даже в середине XX века варварство и дикость продолжают сопровождать историю человечества. Повсюду виднелись следы отгремевшего боя: сгоревшие грузовики и повозки, искореженные пушки, кучи какого-то тряпья и припорошенные холмики человеческих тел — враги и друзья до подхода похоронных команд лежали рядом. Вдали слышалась канонада недалекого боя, треск пулеметных и автоматных очередей... До Ленинграда было каких-то двадцать три километра.

В Янтарном зале Екатерининского дворца гулял ветер. Окна, до начала боев заложенные мешками с песком, теперь зияли в некоторых местах провалами, через которые проникал тусклый свет. Пол был усеян неизвестно откуда взявшимся мусором и досками. Стены, по сравнению с другими частично сохранившимися во дворце, выглядели здесь очень странно: во всю высоту они были обшиты толстым картоном, обиты какой-то серой тканью. Все три двери Янтарного зала были распахнуты настежь, а одна из створок, покосившись, повисла на нижней петле.

Перед главным входом было заметно какое-то движение — подъезжали и разгружались грузовые автомашины с брезентовым верхом, чуть дальше слышался рев танковых моторов. По всему зданию раздавались гортанные возгласы и крики. Солдаты в серых шинелях заносили ящики, тюки, мешки. Связисты с традиционными эмблемами — молниями на верхней части левого рукава — разматывали катушки кабеля. В одном из крыльев полуразрушенного Екатерининского дворца в городе Пушкине лихорадочно размещался штаб двадцать восьмого армейского танкового корпуса вермахта.

В Янтарный зал вошли два здоровенных солдата с гофрированными флягами на ремнях и ранцами за спиной. В руках у них были карабины «98» с примкнутыми штыками. Было видно, что в полумрак этого помещения их привлекло любопытство и желание чем-нибудь поживиться. В соседних залах их товарищи уже сидели, развалившись, на роскошных диванах и креслах-жардиньерках, покрытых голубой тканью с позолотой — все, что уцелело в помещениях дворца, использовалось для обустройства фронтового быта.

В полумраке зала они не сразу различили громадные листы картона, которыми были обиты стены. Но, осмотревшись, обратили внимание на странную «упаковку», долго не раздумывая, сняли винтовки с плеч и стали расковыривать картон, оживленно переговариваясь друг с другом. Несколько сильных ударов и на пол вдруг неожиданно посыпались блестящие кусочки какого-то камня. Один из солдат наклонился, поднял небольшой осколок и, рассмотрев его, вдруг воскликнул: «Бернштайн!»^[11]

Через полчаса оба солдата уходили из зала с карманами, набитыми уникальными сувенирами. Здесь были и тонкие пластинки ярко-желтого янтаря с удивительными вкраплениями, и крупные, размером с виноградину, темно-коричневые куски солнечного камня. А на стенах Янтарного зала остались рваные клочья ткани и свисающие обрывки картона. Кое-где проглядывали мозаичные картины флорентийских художников и зеркальные пилястры^[12]. На полу, поблескивая в лучах света, проникающего в щели между мешками, которыми были закрыты оконные проемы, остались россыпью лежать кусочки диковинного камня.

Откуда было знать молодым немецким парням из Баварии или Мекленбурга, победным маршем прошедшим по городам Европы, стоящим у самых стен Ленинграда и ожидающим со дня на день приказа взять этот город, что своими штыками они грубо и бесцеремонно вонзались в живую ткань мировой культуры, грязно, по-варварски попирали выдающееся

достижение человеческого гения — уникальное произведение искусства, известное во всем мире как «Янтарная комната» или «Янтарный кабинет».

* * *

Думается, читатель, взявший в руки эту книгу, имеет некоторое представление о Янтарной комнате и ее драматической истории, и у меня нет необходимости подробно рассказывать об этом. Тем более что в последние годы появилось немало книг на данную тему^[13]. Но для порядка напомним лишь, что Янтарная комната, или, как она тогда называлась, Янтарный кабинет, была создана данцигскими мастерами в 1701–1709 годах по проекту известного немецкого архитектора Шлютера и подарена прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I русскому царю Петру Великому в знак уважения к России и с надеждой на более тесное военное сотрудничество с Пруссией.

Янтарный кабинет поместили сначала в Летний, а затем в Зимний дворец императорской фамилии в Санкт-Петербурге, и только в 1755 году он был смонтирован в одном из залов Екатерининского дворца в Царском Селе. Вследствие того, что площадь зала значительно превышала размеры кабинета, архитектор Растрелли вынужден был дополнить ее убранство новыми элементами, выполненными безымянными крепостными резчиками и позолотчиками: зеркальными пилястрами, янтарными гирляндами, резными орнаментами.

Двенадцать янтарных панно, разделенных длинными узкими зеркалами в золоченых рамах с капителями^[14], украшенными женскими головками, превосходные орнаменты, изящные резные украшения, четыре мозаичные картины флорентийских мастеров с аллегорическим изображением пяти человеческих чувств — это лишь жалкое перечисление того, что представляла собой Янтарная комната. В лучах солнца она сияла чудесным светом, который может дать только янтарь — удивительный минерал, который древние греки называли «электроном», а славяне «латырь-камнем». Янтарная комната, наверное, была самым замечательным и притягивающим внимание «экспонатом» в Пушкинском дворцовом комплексе.

Тысячи людей, от пионеров с красными галстуками до командиров РККА^[15], от колхозников до иностранных дипломатов, побывали во дворце-музее и унесли с собой воспоминание о восьмом чуде света...

Утром 14 октября 1941 года семь солдат из саперного батальона 121-й немецкой пехотной дивизии под командованием уполномоченного по охране культурных ценностей группы армий «Север» ротмистра резерва графа Сольмс-Лаубаха и представителя начальника управления военных музеев капитана Пёнсгена завершили демонтаж Янтарной комнаты, упаковали ее в двадцать семь деревянных ящиков и погрузили на автомашины. Пополудни восемнадцать армейских грузовиков с моторизованным боевым охранением выехали на шоссе и, чадя моторами, двинулись колонной в сторону Пскова.

Глава вторая

«Бункерная лихорадка»

...Произведения искусства, купленные мною, никогда не приобретались для личных целей; они покупались исключительно ради создания галереи в моем родном городе Линце на Дунае...

Из завещания Адольфа Гитлера.

Берлин, 29 апреля 1945 года

Кавалькада черных «мерседесов» в сопровождении тяжелого «штейра» лихо промчалась по вытянутой площади Хауптплатц, мимо чумной колонны — свидетельницы средневековых трагедий, неказистой старой ратуши, похожей на пожарное депо с каланчой, мимо галереи, образованной полукруглыми арками первого этажа здания, облицованного серо-желтым камнем. Грузные лимузины двигались по брусчатой мостовой, плавно покачиваясь и четко выдерживая «строй». Каждому, кто что-либо понимал в конструкциях машин, было ясно — лимузины-то бронированные и каждый весит не менее трех с половиной тонн.

Машины выехали на мост через Дунай, заметно сбавили ход и остановились. Почти одновременно из первого и двух последних лимузинов выскочили вооруженные люди в черных мундирах, а «штейр», резко развернувшись, перекрыл проезжую часть моста, встав прямо посередине, на трамвайных путях. Впрочем, и на самом мосту были видны одиноко стоящие фигуры полицейских и «людей в плащах и черных шляпах».

Рослый эсэсовец в ладно сидящем мундире бережно открыл переднюю дверь второго «мерседеса», и через мгновение из нее показался человек в бесформенном коротком плаще грязно-серого цвета. Щеточка черных усов под носом, надвинутая на лоб фуражка военного образца, деревянная трость в руке — это первое, что бросалось в глаза.

Его спутник, появившийся из противоположенной двери автомобиля, был моложе и выше ростом. На нем был долгополый плащ, а в левой руке — массивная кожаная папка. Он несколько суетливо обогнул «мерседес» и приблизился к человеку с усиками. По всему было видно, что они только

что прервали разговор и теперь собирались продолжить его уже здесь, стоя на мосту.

К ним подтянулись еще несколько человек, большинство из которых были одеты в мундиры или военизированные френчи. По периметру, отсекая группу от возможных прохожих, встали охранники, некоторые из них были вооружены автоматами.

Сомнений быть не могло: на мосту через Дунай, носившему романтическое название Моста Нибелунгов, стоял в окружении своих соратников человек, от одного вида которого многотысячным ревом взрывалась толпа, а обезумевшие фанатики смахивали слезы умиления и счастья. Его образ вселял в одних восторг и священный трепет, а в других — ужас и ненависть. По одну сторону линии фронта его портреты были неизменным атрибутом митингов и собраний, чиновничьих кабинетов, школьных классов и студенческих аудиторий. А по другую линию фронтов его карикатурами пестрели тиражи газет и журналов, стены домов, оклеенные плакатами, и листовки, сброшенные с самолетов и медленно оседающие на землю среди траншей и окопов.

Да, на Мосту Нибелунгов в австрийском городе Линце в окружении охраны и «товарищей по партии» стоял Адольф Гитлер — фюрер и рейхсканцлер Германии, вот уже более десятка лет наводивший ужас на поработленную его армиями Европу. Рядом с ним был Альберт Шпеер — рейхсминистр Имперского министерства вооружений и военной промышленности.

Все это происходило в середине апреля 1943 года. Гитлер только что приехал из Зальцбурга, где вел переговоры с Бенито Муссолини — главарем фашистской Италии. Переговоры были тяжелыми: германо-итальянский военный пакт, в просторечье называемый «Осью Берлин — Рим», трещал по всем швам. Серьезные перемены на фронтах, где Красная Армия все более и более завоевывала стратегическую инициативу, заставляли фашистскую Италию, верного союзника Германии, задуматься о том, что следует делать дальше.

Дуче сделал Гитлеру предложение, от которого тот вначале потерял дар речи: Муссолини посоветовал ему заключить мир с русскими и сконцентрировать совместные военные усилия на Средиземноморском театре военных действий. Но Гитлер понимал, что «Советы» ни при каких обстоятельствах не пойдут с ним на переговоры о мире, и поэтому требовал от своего итальянского партнера мобилизовать все силы для того, чтобы нанести решающий удар на Восточном фронте. Так они довольно долго препирались, пока Муссолини не согласился с точкой зрения Гитлера,

потребовав взамен оказание со стороны Германии срочной военной и экономической помощи. На это Гитлер тоже не мог согласиться — у Третьего рейха было полно своих проблем. В общем, переговоры ничего не дали, а только усугубили разногласия между союзниками по блоку.

Из Зальцбурга Гитлер уехал раздраженным и обиженным на итальянского диктатора, еще совсем недавно казавшегося самым преданным и надежным другом. Даже благодушная атмосфера Бергхофа^[16] не смогла вернуть Гитлера в состояние равновесия, и он, понимая, что впадает в очередную депрессию, решил немного развеяться — проехать по милым сердцу местам родной Австрии, а заодно посетить крупный металлургический завод «Обердонау», построенный уже после аншлюса — включения Австрии в состав Германии. Для этого Гитлер вызвал Шпеера, которого считал не только хорошим организатором, но и приятным собеседником, благотворно влияющим на настроение фюрера.

Из книги Эриха Штокхорста

«5000 голов. Кто был кто в Третьем рейхе». Киль, 1998

год

«Шпеер, Альберт, профессор, доктор, инженер, род. 19.3.1905 в Маннгейме, в 1929 — архитектор, 1-й ассистент в Высшей технической школе в Берлине. 1.3.1931 вступил в СА, в 1932 — в СС, с 1932 член НСДАП... В 1932–1942 — архитектор и советник Гитлера... В 1941 (авг.) — 1945 — депутат рейхстага... С 15.2.1942 — имперский министр вооружений и военной промышленности... 1.10.1946 как военный преступник осужден на 20 лет...»

Гитлер, придерживая Шпеера за руку, подвел его к ограде моста, останавливающим жестом дал охране понять, чтобы она не следовала за ними и оставалась на почтительном расстоянии. День был солнечным, по-настоящему весенним, на воде играли световые блики, отражалось голубое небо с обрывками облаков, да у ближнего берега покачивалось несколько лодок, напоминая о чем-то совсем забытом, оставшемся в далеком прошлом.

— Вы знаете, Шпеер, я очень люблю этот город. Здесь прошли мои юные годы, здесь я учился в реальной школе. Здесь прочитал свои первые книги. И, конечно же, Шпеер, именно здесь я понял, что архитектура — мое призвание. А то, чем я занимаюсь сейчас...

— Мой фюрер, Вы — вождь нации...

— Ладно, Шпеер, не надо об этом! — И без всякого перехода он вдруг громко воскликнул, да так, что охранники разом повернули голову в его сторону: — Вот это поза! Какая мускулатура! Какой взгляд! Настоящий германский взгляд!

Шпеер не сразу понял, что Гитлер так восторженно говорит о высеченной из камня конной статуе Зигфрида, установленной на высоком постаменте с этой стороны моста, — изваянии героя древнегерманского эпоса.

— Это же настоящий воин. Как он держит меч! А этот поверженный дракон! Это же наши враги — русские варвары и трусливые англосаксы! Прекрасная работа! Настоящее немецкое искусство!

Шпеер только кивал головой. Он знал пристрастие Гитлера к германским древностям, римским героям и всему, что связано с «воинственным духом предков».

Гитлер еще долго восхищался скульптурными группами, украшавшими Мост Нибелунгов, разглагольствовал о превосходстве германского искусства над вырождающимся западным искусством, пропитанном духом рабства и распада.

— Шпеер, Вы же знаете, что я давно задумал превратить Линц в центр мировой культуры. Нет! В центр мировой цивилизации! Здесь будут сосредоточены все выдающиеся произведения искусства — картины, скульптуры, фрески, изделия из кости, драгоценных камней, золота, археологические древности, старинные манускрипты! Со всего мира наши победоносные армии, наши героические воины свезут сюда трофеи, которые по праву принадлежат нам, великой нации, тысячелетнему Третьему рейху! Мой Музей искусств будет уникальным! Лувр перед ним будет просто выставкой деревенских мастеров!

— Мой фюрер, Вы абсолютно правы! И я горд, что мне доверено разработать проект будущей картинной галереи для будущего «Фюрер-музея»...

— Конечно, Шпеер, это — большая честь! Но Вы справитесь с этой ролью! Вы — выдающийся архитектор и Ваши творения тоже останутся в веках!

— Об этом я могу только мечтать, мой фюрер!

— Мечтайте, Шпеер! И работайте! Нам еще много предстоит сделать! Вы знаете, что я поручал Поссе^[17] заняться отбором картин и других произведений искусства. Жаль, он умер. Очень хороший профессионал и преданный был мне человек. Теперь этим занимаются другие люди. Что-то

надо купить, что-то забрать у Гиммлера^[18] и его людей. Надо потрясти Розенберга^[19]. Он совсем не умеет хранить ценности. Геринга^[20] я уже поставил на место, а то он может затащить в свой дворец пол Европы! Разумеется, надо профильтровать все, что становится трофеями наших солдат на Восточном фронте. И, конечно же, надо потрясти наших гаулейтеров^[21], особенно Коха. Он сейчас на Украине, но, как мне докладывают, не пропускает и там ни одной ценной вещи. Что он в них понимает?! Слесарь из депо!^[22]

Из «Аналитической справки»

«...Эрих Кох родился 19 июня 1896 года в г. Эльберфельде (Рейнская область) в семье рабочего Адольфа Коха. В 1911 году окончил школу, после чего три года работал в типографии. В 1914 году поступил работать на железную дорогу, работал дорожным рабочим, стрелочником, телеграфистом. В 1915 году призван в армию. В 1916 году попал на Восточный фронт, где воевал до 1918 года. После войны Э. Кох вернулся в Рейнскую область, вновь поступил работать на железную дорогу. В 1921 году в возрасте 25 лет вступил в НСДАП...»

Настроение Гитлера резко изменилось. От прежнего задумчиво-восторженного состояния не осталось и следа. Мысли о том, что кто-то или что-то может помешать реализовать в полной мере его давнюю мечту о создании в Линце «Мирового музея», выводила его из себя.

— Мне доложили, что Кох решил навсегда оставить у себя в Кёнигсберге Янтарный кабинет! Как будто это его личный трофей! Я еще подумаю, куда деть эту историческую реликвию. Может быть, вернуть в Берлин и установить в Королевском дворце, а может быть, перевезти сюда, в Линц. Я еще не решил.

— Мой фюрер, — Шпеер озабоченно посмотрел на Гитлера. — Идет война, и нам надо считаться с тем, что враг может подвергнуть бомбардировке немецкие города...

— Нет! Никогда! Ни один вражеский самолет отныне не сможет сбросить бомбы на города рейха! Геринг и наша героическая авиация, наши доблестные силы противовоздушной обороны не позволят врагу вторгнуться в воздушное пространство рейха!

— Но, мой фюрер, англичане и русские бомбили...

— Да, русские бомбили Кёнигсберг! — перебил Шпеера Гитлер. — Но

это шаг отчаяния! Их аэродромы уничтожены еще в сорок первом году! Самолеты сожжены! Тогда большевики бежали, бросая технику и вооружение! И несколько летчиков-фанатиков на бомбардировщиках решили испугать нас! Им это не удалось! Все самолеты были сбиты, а бомбы не причинили сколь-нибудь значимого ущерба!^[23] Да, эти проклятые британцы сумели прорвать нашу оборону и разбомбить Любек и Кёльн! А русские, истекающие кровью на Украине, Кавказе и на Дону, попытались запугать нас, снова сбросив бомбы на Кёнигсберг. Но опять у них ничего не получилось!^[24] Мы полностью изменили нашу систему противовоздушной обороны, и теперь ни один вражеский самолет не появится в германском небе! Не появится никогда!

— И все-таки, мой фюрер, мы реализуем с Вашего согласия программу строительства бункеров ПВО и различных подземных сооружений на случай...

— Никаких случаев мы не допустим! Даже не говорите мне об этом! — По всему было видно, что Гитлера вывели из равновесия слова Шпеера. — Мы строим бункеры исключительно из профилактических целей. Враг должен знать, что любые его планы нанести бомбовой удар не принесут ему никаких результатов. В считанные минуты мы сможем передислоцировать наши предприятия, больницы, госпитали, школы и университеты в комфортабельные подземные сооружения! Шпеер, наши бункеры — это наша уверенность в полной безопасности!

— Именно так, мой фюрер! — Шпеер старался исправить положение и вернуть Гитлера в уравновешенное состояние. Он знал, как это сделать. Достаточно было вновь заговорить об архитектуре, как Гитлер буквально преображался: от раздражения не оставалось и следа, его голос становился более Мягким, а лицо добродушным. — Разумеется, мой фюрер, строительство бункеров, которое мы начали по всей стране, в том числе и здесь, в Линце, нисколько не мешает реализации наших архитектурных и градостроительных планов. В некотором смысле мы даже этим способствуем их реализации. Возьмем, например, новые катакомбы, построенные под монастырем капуцинов, или большой резервный бассейн на пересечении улиц Вайсенвольффштрассе и Груберштрассе. Вроде бы мы строим их на случай... — Шпеер чуть было не сказал «бомбардировок», но вовремя поправился: — на непредвиденный случай, а как они дополняют архитектурный образ Линца!

— Да, Линц — прекрасный город. Он чем-то напоминает мне Будапешт. Но Линц, когда мы его преобразим в «мировой город», будет

красивее Будапешта. И уж точно в тысячу раз прекраснее этой грязной, вечно захламленной Вены. Вы же знаете, Шпеер, она и построена по-дурацки — спиной к Дунаю.

Шпеер знал давнюю неприязнь Гитлера к Вене^[25] и не преминул поддержать фюрера:

— Это большая ошибка градостроителей — не использовать реку в архитектурном облике города!

— Да, Шпеер, и Париж, и Лондон, и даже Петербург построены таким образом, что вид с мостов показывает эти города во всей их красе. Вот это — грамотное архитектурное решение! Но нам не нужны будут эти кумиры. Еще немного, и Лондон мы превратим в развалины, а Петербург... Несмотря на то, что русские смогли снять блокаду города, в результате этой войны он вернется в свое первоначальное положение и снова станет болотом. Русский царь построил его совсем не там. А нам на Балтике хватит Риги и Ревеля^[26]. Так что, Шпеер, Линц и только Линц станет выдающимся архитектурным образом всей нашей Земли и мировой цивилизации. Мой родной город достоин этого!

Гитлер резко вскинул голову и круто повернулся. Вытянув руку в сторону замка, стоящего на высокой горе на этом же берегу Дуная, он с пафосом воскликнул:

— Посмотрите, это же торжество германского духа и германской природы! Как я люблю этот замок на горе Рёмерберг! Германская и римская история сплелись здесь с древним парком в одно целое! Шпеер, такого Вы не найдете больше нигде в мире! — Он озабоченно посмотрел на часы и почти извиняющимся тоном спросил — Шпеер, у нас есть еще время? Мы когда должны быть на заводе?

— В пятнадцать, мой фюрер. Гудериан и Эйгрубер^[27] уже там.

— Тогда у нас с Вами, дорогой Шпеер, есть еще целый час. Мне очень хочется прогуляться по местам моего детства. Я надеюсь, Вы составите мне компанию?

— Конечно, мой фюрер.

Кавалькада автомобилей быстро развернулась прямо на мосту и через минуту-другую уже двигалась по улице Променаде в сторону театра, который буквально был зажат между старинными бюргерскими домами центра города. Здесь Гитлер и Шпеер снова вышли из машины и дальше продолжили прогулку уже пешком. Это определенно представляло значительные сложности для эсэсовской охраны, но она уже привыкла, что Гитлер, приезжая на родину — в Линц или Браунау, — нередко

предпочитал ходить пешком. По всему маршруту движения фюрера расставлялись посты, с дорог убирались машины и повозки, перекрывались примыкающие улицы и переулки. Особую озабоченность у охраны вызывали открытые окна на фасадах зданий, в связи с чем сотрудники службы личной охраны иногда вынуждены были заходить в подъезды домов и подниматься на этажи, проверять, не прячется где-нибудь злоумышленник или слишком экспансивный почитатель фюрера. Опасность покушения витала над Гитлером уже больше десятка лет, особенно после взрыва бомбы в мюнхенской пивной «Бюргербройхаус» 8 ноября 1939 года, когда Гитлер чудом спасся от смерти. Он покинул пивной зал за десять минут до взрыва, в результате которого семь его соратников погибли, а шестьдесят три были ранены. Смертельно напуганный Гитлер с тех пор требовал от службы безопасности чрезвычайных мер защиты его персоны.

Гитлер, как заправский экскурсовод, рассказывал Шпееру о достоинствах того или иного архитектурного элемента городского театра, окружающих его домов, гармоничной планировке этой части старого города. Казалось, он уже забыл, зачем приехал в Линц, для чего позвал вместе с собой имперского министра вооружений, забыл о ждущих их на сталеплавильном заводе Гудериана и гаулейтера, о безрезультатных переговорах с Муссолини, о резко обострившемся положении на фронтах. Для диктатора, покорившего почти всю Европу, сейчас не существовало ничего, кроме этого старого города его молодости, который он вознамерился сделать столицей мировой культуры.

Так за разговорами они прошли по круто поднимающейся вверх улочке Хофгассе, похожей на узкую щель среди домов-скал, прямо к замку, стоящему на высоком холме, на берегу Дуная. Шпеер несколько отрешенно слушал словоизлияния Гитлера, который то пускался в дебри истории, то демонстрировал свои познания в архитектуре, то начинал рассказывать не раз уже слышанную историю из своего детства и юности.

Незаметно, почти по инерции, они пересекли внутренний двор замка, через задние ворота вышли наружу и по каменным ступеням поднялись на подковообразное фортификационное укрепление, служившее, наверное, когда-то для отражения атак неприятеля с запада, то есть с внешней стороны города. Гитлер подошел к каменному ограждению и посмотрел вниз. Его лицо вдруг расплылось в улыбке, а глаза радостно заблестели:

— Шпеер, посмотрите-ка вниз! Ну же, быстрее!

Отсюда с укрепления открывался чудесный вид на прилегающий парк, только-только начинающие зеленеть деревья, аккуратно посаженные вдоль

аллей, пожухлую прошлогоднюю траву, через которую пробиваются первые весенние побеги молодой травы.

— Смотрите, вон там! — Гитлер указывал на кусты, росшие неподалеку от замковой стены. Там среди веток он разглядел серый шевелящийся комок. «Заяц! — мысленно удивился Шпеер. — Откуда ему тут было взяться, в центре города? Впрочем, не все ли равно. Фюрер радуется, как ребенок, как будто ему нет никакого дела до того, что происходит на фронтах и в мире».

— Шпеер, я еще школьником бегал сюда кормить зайцев! Как здорово, что они по-прежнему здесь живут.

— Да, мой фюрер. — Шпееру не терпелось переговорить с Гитлером об очень важном для него вопросе.

Дело касалось реализации программы строительства подземных бункеров для руководства гитлеровской Германии. С началом войны началось строительство бункеров для командных пунктов «Адлерхорст»^[28] в Бад-Наухайме, «Фельзенест»^[29] под Родертом на Эйфеле, «Вольфсшлюхт»^[30] в бельгийском городке Брюи-де-Пеш и «Вольфшанце»^[31] под Растенбургом в Восточной Пруссии. Кроме того, был построен законспирированный бункер в местечке Танненберг в Шварцвальде, ну и, конечно, самый мощный бункерный комплекс в Оберзальцберге в Южной Баварии. Отдельные бункеры строились для Геринга, Гиммлера, Геббельса.

Но о своей безопасности пеклись не только высшие руководители рейха. После многочисленных обращений гаулейтеров Гитлер дал согласие на строительство бункеров и для региональных руководителей НСДАП. Повсеместно в строжайшей тайне возводились подземные сооружения, призванные обеспечить безопасность гаулейтеров и их ближайших сотрудников.

Строительство таких дорогостоящих объектов ставило под сомнение возможность реализации другой нацистской программы — возведения в городах бомбоубежищ ПВО для населения страны. С середины тридцатых годов прошлого века в Германии началось строительство противовоздушных башен двух типов — «муравейник» и «гриб», каждая из которых представляла собой железобетонное сооружение в три-четыре этажа, способное вместить от пятисот до четырех с половиной тысяч человек. С начала сороковых годов такие башни стали появляться практически во всех городах Германии.

Альберта Шпеера, ответственного за сооружение всех этих объектов,

беспокоило другое. Охватившая нацистское руководство «бункерная лихорадка», когда каждый мало-мальски значимый чиновник хотел иметь свое собственное бомбоубежище, отвлекала большие ресурсы, направленные на функционирование оборонной промышленности, задействовала целые армии строителей, громадное количество «восточных рабочих» и военнопленных.

— Мой фюрер, я хотел доложить Вам, что в рамках реализации нашей программы строительства бункеров ПВО...

— Вы опять за свое! — с раздражением перебил его Гитлер. — Мне выдалась возможность хоть на несколько минут забыть обо всем, пообщаться с прошлым, вспомнить юность, а Вы... Опять про бомбардировки, бункеры, про трусов и паникеров!

— Простите, мой фюрер!

— Ладно! Что там у Вас?

— Мой фюрер, я хотел только сообщить Вам, что некоторые наши руководители проводят работу по строительству бункеров, которая не предусмотрена утвержденными Вами планами, отвлекая на это значительную рабочую силу и технику. Кое-где даже крайслейтеры^[32] стали строить себе личные бункеры!

— Где же это так развернулись? — Гитлер строго посмотрел на Шпеера. — Это похоже на самоуправство!

— В Восточной Пруссии.

— Опять этот Кох! Я ему запретил сеять панику, а он снова за свое. Напуган бомбежками Любека и Кельна! Боится теперь, что англичане решатся бомбить Кёнигсберг. Да они просто не долетят туда! У них нет сил преодолеть нашу противовоздушную оборону! Наша усовершенствованная система «Химмельбетт»^[33] не позволит прорваться в небо Германии ни одному вражескому самолету!

— Мой фюрер, тем не менее Кох просил меня согласовать с Вами строительство дополнительных бункеров ПВО и отдельных подземных сооружений на территории Восточной Пруссии и самого Кёнигсберга для размещения важных военных производств и создания резервных командных пунктов.

— От кого он собирается прятаться, от русских, что ли?

— Кох сообщает, что в Кёнигсберге сосредоточены большие трофеи со всего Восточного фронта, из генерал-губернаторства, да и вывезенные из Центральной Германии в конце прошлого года.

— Я знаю. Мне докладывали Розенберг и Гиммлер. Но мы не можем

везти все в рейх. Да, мы создадим здесь, в Линце, «Мировой музей искусства». Он затмит Лувр, Дрезденскую галерею и Эрмитаж! Здесь будут представлены произведения выдающихся художников, графиков, скульпторов, резчиков по дереву, кости, изделия из золота, серебра, драгоценных камней! Но это будут самые лучшие, самые выдающиеся произведения искусства! Все остальное остается на своих местах — в европейских музейных собраниях, в замках, частных коллекциях. Только еврейское наследство и трофеи, изъятые у поляков и большевиков, мы заберем себе. Я сам приму решение, что из этой громадной добычи достойно быть представлено в Линце.

— Вы говорили, мой фюрер, о том, что примете решение о Янтарном кабинете, который Кох выставил на всеобщее обозрение в Королевском замке в Кёнигсберге. Разумеется, Ваше решение непререкаемо. Но мне кажется, такие ценности, пока идет война, должны быть скрыты от публики. Наши солдаты спасли их от большевистских варваров в развалинах царского дворца под Петербургом, но никто не может гарантировать их сохранность от вражеских бомб.

— Да, Шпеер, Вы правы. Я об этом тоже думал и в самое ближайшее время дам указание провести селекцию трофеев и определить временные места их хранения. По крайней мере, до тех пор, пока не закончится война.

— Об этом мегн спрашивал и Кох. Вернее, он интересовался, не можем ли мы в рамках нашей программы по строительству бункеров предусмотреть сооружение подземных укрытий, куда в случае необходимости были бы складированы «культурные трофеи», ведь в немецких музеях не хватает достаточно места для своих экспонатов, а музейные запасники и так забиты до отказа предметами, изъатыми в синагогах и еврейских частных коллекциях.

Казалось, Гитлер перестал слушать Шпеера и снова погрузился в воспоминания своей юности. Шпеер умолк, ожидая, когда его собеседник соблаговолит продолжить разговор. Но Гитлер без всякой связи с тем, о чем они говорили, воскликнул:

— Слушайте, Шпеер, пойдете туда! — Он указал на пространство, прилегающее к внешней стене замка, обращенной к реке. — Там был мой самый любимый уголок Линца. Оттуда открывается чудесный вид на Дунай. Пошли!

Охрана, угадав намерения Гитлера, устремилась в указанном направлении — надо было успеть отсечь случайных прохожих и работников замкового музея.

Они спустились с верхнего яруса фортификационного сооружения,

прошли вдоль стены замка и оказались на небольшой смотровой площадке, с которой открывался чудесный вид на противоположный берег Дуная — домики с черепичными крышами, поросшие редкими деревьями холмы, игрушечную церковь на вершине холма. Повсюду вдоль реки на обоих берегах виднелись заборы с временными деревянными бараками — грандиозная реконструкция, которая должна была превратить Линц в «фюрерштадт»^[34], была приостановлена, а все работы законсервированы. Техника переброшена на строительство военных укреплений, а рабочие направлены на оборонные объекты и возведение бункеров противовоздушной обороны.

— Дорогой Шпеер, Вы же знаете мои планы на ближайшее будущее. К 1950 году на том берегу будут возведены громадное здание Гауляйтунга, зал для манифестаций на тридцать пять тысяч человек и шестидесятиметровая башня-колокольня. Ее будет видно отовсюду. Наконец, мы восстановим историческую справедливость — башня превзойдет по высоте венский Собор Святого Стефана! А то, видите ли, «любая колокольня должна быть ниже!» Кто им позволил диктовать всем свои правила! Мой родной город будет иметь самую высокую колокольню в Европе!

— Простите, фюрер, но высота колокольни собора в Ульме сто семьдесят два метра.

— Я знаю, Ульм не в счет. — И безо всякой связи с этим почти мечтательно продолжил — В эту башню будет перенесен прах моих родителей. Когда-нибудь и мой саркофаг будет помещен в эту башню, на самую высоту, и я оттуда буду взирать на всех живущих...

У Шпеера пробежали мурашки по спине. Что-то параноидальное чувствовалось в словах Гитлера, который, это становилось все яснее, был явно не в ладах со здравым рассудком. Чтобы остановить поток болезненной фантазии фюрера, Шпеер снова заговорил об интересующих его вопросах, разговор о которых был прерван Гитлером:

— Мой фюрер, я полагаю, что Вы не будете возражать, чтобы наши гаулейтеры, прежде всего Кох, заняли некоторые бункеры художественными ценностями. Не стоит подвергать их риску быть уничтоженными англичанами или большевиками.

— Хорошо, я согласен. Но тогда Вы, Шпеер, возьмите на себя техническую сторону вопроса. Ведь подземные заводы рейха в Вашем ведении.

— Так точно, мой фюрер. Только отдайте, пожалуйста, соответствующие указания Гиммлеру и Борману. Многие бункеры

находятся в их ведении.

— Ладно, Шпеер, напомните мне об этом, когда мы вернемся в Оберзальцберг.

— Слушаюсь, мой фюрер! — И, посмотрев на часы, добавил: — К сожалению, нам пора. Нас ждут на заводе.

Через десять минут кавалькада лимузинов уже мчалась в сторону металлургического завода «Обердонау». До окончания войны оставалось еще долгих два года.

Глава третья

Бункер-оборотень

...На всех объектах подземного строительства категорически запрещается появление солдат вермахта в форме... Строжайшей маскировке уделить самое большое внимание. Особо ценные предметы... срочно замаскировать путем подрыва стен и в углубленных бункерах...

*Из инструктивной шифротелеграммы,
полученной из Берлина 6 марта 1944 года*

Читатель, которому довелось побывать в Калининграде, самом западном городе России, безусловно, заметил, что его центр все больше и больше начинает приобретать облик европейского города с гигантскими супермаркетами, торговыми центрами, кафе и ресторанами. За всем этим стеклобетонным псевдовеликолепием почти не видно зданий, которые хотя бы в малой степени напоминали о старом Кенигсберге. Даже однотипные четырех- и пятиэтажки, построенные еще в шестидесятые годы прошлого века, приобрели совершенно новые очертания — практически все первые этажи заняты маленькими магазинчиками, бутиками, кафешками, ателье, а стены окрасились в яркие цвета.

Исторический центр города не совпадает с современным, который находится перед зданием мэрии на площади Победы, превращенной стараниями современных архитекторов в некое подобие московской Манежной площади, правда, без причудливых скульптур зверюшек и сельскохозяйственных животных, но с гигантской колонной, при сильном напряжении фантазии напоминающей Александрийский столп в Санкт-Петербурге. Центр же старого города находился в километре отсюда, там, где сейчас стоят гостиница «Калининград», торгово-развлекательный центр «Плаза» и гигантская махина пустующего Дома Советов. А между обоими центрами, новым и старым, широкая магистраль — Ленинский проспект, проходящий точно по линии старой немецкой улицы Штайндамм.

Здесь нет пышной зелени улицы Тельмана, роскошных вилл с причудливыми крышами и башенками, что на улице Кутузова, высоких зданий, какие мы видим в новом калининградском микрорайоне на Сельме.

Правда, в последние годы здесь появилось множество объектов, ставших популярными у калининградцев: пиццерия «Папаша Беппе», «Круассан-кафе», бар «Ленинский, 18», кафе «Унция» и «Тысяча и одна ночь», торговые центры «Меркурий», «Плаза» и «Европа», магазины одежды «Бенеттон» и «Мон Блан». Даже старый советский универмаг «Маяк» приобрел более современные черты. Поэтому Ленинский проспект от площади Победы до самой эстакады, ведущей через Преголю, всегда выглядят оживленным — тут и жертвы тотального шоппинга, снующие из одного торгового центра в другой, тусующаяся молодежь, нагруженные пакетами и сумками приезжие, иностранные туристы, с опаской смотрящие на уличную суету.

Более семи десятков лет назад это место тоже было самым оживленным в том, почти исчезнувшем с лица земли, городе. Это был деловой центр Кёнигсберга — сотни контор, фирм, банков и других учреждений размещались в тесно стоящих друг к другу домах.

На первых этажах старых и новых построек находились магазины, кафе, рестораны, салоны, кинотеатры. Между сетью узких улочек располагались кварталы, занимаемые университетскими клиниками и институтами, лабораториями и школами. Почти семь столетий магистральная улица и прилегающий к ней район назывались Штайндаммом, что дословно переводится с немецкого как «каменная дамба», которая якобы существовала здесь еще в XIII веке.

Из книги Карла Розенкранца

«Кёнигсбергские зарисовки». Данциг, 1842 год

«Штайндамм — самая яркая улица Кёнигсберга. Однако ее архитектура, за редким исключением, довольно невзрачна. Здесь живут, в большинстве своем, бакалейщики и мясники, торговцы и чиновники. Улица довольно широка, имеет тротуары и является „прогулочной“ улицей, ведущей в „Хуфен“^[35] — место отдыха и развлечения горожан... Поэтому на ней много хорошо одетых прохожих, оживленно двигаются элегантные экипажи... Штайндамм — это апофеоз социальной жизни кёнигсбергских улиц».

Давно уже нет кёнигсбергского района Штайндамм, сгинувшего в пламени минувшей войны, стертого с лица города в трудные годы послевоенного созидания. От него остались лишь единичные островки старых построек, неожиданно возникающие среди торго-

развлекательных центров и однотипных блочных домов. Они выглядят несуразно, а иногда даже жалко: обшарпанные, с полуобвалившимися стенами, проржавевшими оградами и непропорционально плоскими крышами, давно лишившимися своего черепичного одеяния. И мало кому из калининградцев, а уж тем более приезжих, известно, что здесь, в условном треугольнике, образуемом Ленинским и Московским проспектами и улицей Генерала Галицкого, до сих пор остаются невыясненными, непроверенными ряд версий, касающихся судьбы Янтарной комнаты. Хотя некоторые из этих версий уже неоднократно упоминались в беллетристике, подлинные факты и события прошлого до сих пор остаются малоизвестными, что порождает множество домыслов и фантастических предположений.

Если мы пересечем наискосок Ленинский проспект от гостиницы «Калининград» через скверик перед зданием Инвестбанка в сторону магазина «Мон Блан» и кафе «Тысяча и одна ночь», что на Житомирской улице, мы как раз выйдем к тому месту, где, по свидетельствам очевидцев, находилось одно из самых загадочных, так и не найденных до наших дней, сооружений Кёнигсберга, получившее наименование «бункера Брюсова». Фамилия великого поэта здесь ни при чем. Речь идет о его брате, Александре Яковлевиче, известном ученом, археологе, переводчике и критике. До революции он занимался торговлей, в 1914 году был мобилизован в армию, воевал, попал в германский плен и вернулся уже в Советскую Россию, где стал заниматься археологией, защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора и стал работать в Государственном Историческом музее.

Из справки А. В. Максимова^[36]

«Краткая история розыска Янтарной комнаты»^[37]

«...В марте 1945 года, когда наши войска были на подступах к Кёнигсбергу, Министерством культуры СССР к 11-й гвардейской армии был прикомандирован доктор исторических наук Александр Яковлевич Брюсов (работник исторического музея). Для почтения старику недели погонны полковника, а в помощь придали двух адъютантов (старших лейтенантов). Этим преследовалась следующая цель: после взятия Кёнигсберга найти, рассортировать и доставить по назначению награбленное немцами».

31 мая 1945 года профессор Брюсов прибыл в составе небольшой

группы работников в разрушенный до основания Кёнигсберг, наводненный войсками, тысячами беженцев, освобожденными из лагерей военнопленными и бывшими «восточными рабочими». После неизбежных хлопот, связанных с размещением в гостинице, постановкой на довольствие и получением пайка, Брюсов со своими коллегами включился в поисковую работу.

Из дневника А. Я. Брюсова

«...Выяснили, что в „шлоссе“^[38] под грудой развалин сохранились некоторые музейные предметы... Я слежу за раскопками в старом замке вместе с гв. кап. Чернышевым (от 1-й комендатуры — начальник партии рабочих). Иногда по вечерам хожу в Гос. Архив помогать разбирать книги.

Со 2 по 15/VI мы с Чернышевым осмотрели в замке все, что могли...»

Впервые о некоем загадочном бункере Брюсов узнал из одного письма, оказавшегося в ворохе бумаг, найденных в частично сохранившейся юго-восточной башне Королевского замка. В письме директора художественных собраний Кёнигсберга доктора Альфреда Роде тайному советнику доктору Циммерману, сотруднику Музея Кайзера Фридриха в Берлине, которое было датировано 12 сентября 1944 года, в ответ на его вопрос о судьбе какой-то картины, переданной им во время войны на хранение в музей, сообщалось, что она помещена вместе с другими произведениями искусства в одно из помещений подземного бункера, «ключ от которого утерян».

Впоследствии профессор Брюсов сокрушался, что не придал значения обнаруженному документу, хотя и спросил у доктора Роде, почему он не упоминал об этом бункере ранее в ходе многочисленных допросов и бесед. Да и где, собственно, находится этот таинственный бункер? Немецкий ученый неожиданно многословно стал рассказывать про какое-то подземное сооружение в районе Штайндамма, о том, что само здание занято военными и строго охраняется. Роде якобы уже нашел утерянный ключ и готов сопроводить туда советских офицеров для того, чтобы осмотреть хранящиеся художественные ценности. «Поскольку мы были тогда убеждены, что янтарная комната сгорела в замке или вывезена из Кёнигсберга, мы не поставили в связь сообщение об этом бункере с вопросом о янтарной комнате. Но сведения о бункере... заинтересовали меня», — писал впоследствии Брюсов в одной из своих докладных записок.

На следующий день он и два других члена бригады, майор Беляева и майор Пожарский, отправились вместе с Роде осматривать бункер.

Кёнигсбергский район Штайндамм был разрушен до основания. Неожиданный налет советской бомбардировочной авиации весной 1943 года отметил руинами несколько кварталов в районе улиц Друмштрассе и Оберрольберг^[39], серьезно повредил корпуса университетской клиники в самом центре. Ужасные налеты английской авиации на город в ночь на 27 и 30 августа 1944 года, явившиеся ответом на бомбардировки Лондона, превратили центр Кёнигсберга в смрадно чадающие развалины. В Штайндамме почти не осталось целых домов, повсюду виднелись лишь остовы когда-то роскошных зданий, улицы были завалены грудami кирпича и обломков, для проезда автомашин и трамваев кое-где расчищались узкие проходы-ущелья.

То, что уцелело после авианалетов, обратилось в прах во время штурма города советскими войсками, и когда Брюсов со своими коллегами пробирался вслед за доктором Роде к неизвестному им бункеру, местность вокруг выглядела совершенно неземной, напоминая какой-то инопланетный зловещий ландшафт...

Плутая между развалинами, они наконец оказались около полуразрушенного здания с закопченными стенами. Окликнувшему их часовому профессор Брюсов предъявил пропуск, полученный накануне в центральной комендатуре, после чего группа вошла в здание. Сам Александр Яковлевич так описывал это событие: «Бункер помещался на Штайндамме с левой стороны улицы, если идти от замка, на углу пересечения Штайндамма и Розенштрассе^[40] или, может быть, во втором доме от угла. В бункер вела длинная лестница, вход на которую находился с правой стороны дома. Внизу, спустившись на 4 или 5 этажей (точно не помню), мы оказались в прекрасно оборудованном бомбоубежище. Тут были спальни, комната для детей и ряд комнат, служивших, по-видимому, для хранения вещей, как можно было заключить по разбросанным на полу картинам, скульптурам и проч. Но, вероятно, тут уже побывали люди и вынесли отсюда все ценное. Осталось только то, что не стоило и собирать, поскольку оно не представляло никакого интереса. Выбрав две-три лучшие вещи, мы вышли из бункера».

Потом, не раз возвращаясь ко дню посещения бункера, профессор Брюсов вспоминал некоторые важные детали. Так, в беседе с Анатолием Михайловичем Кучумовым, бывшим хранителем Янтарной комнаты в Екатерининском дворце, он рассказывал, что помещения первого этажа

дома, расположенного над бункером, были похожи на залы какого-то конторского учреждения. На массивных столах стояло различное оборудование, множество пишущих машинок. Группа спускалась вниз по крутой лестнице, минуя два яруса подземных помещений, двери в которые были заперты. Сопровождавший советских офицеров немецкий ученый сказал, что не имеет никакого представления о том, что находится за дверями. В одной из расположенных в нижнем этаже бункера комнат они обнаружили сложенные штабелями картины итальянских мастеров XVI–XVII веков с этикетками берлинских музеев. После беглого осмотра живописных полотен, покрытых толстым слоем известковой пыли, двери комнаты были заперты, а ключ передан охранявшим здание солдатам.

Но самое сильное впечатление на профессора Брюсова произвела неожиданно вспыхнувшая догадка о том, что доктор Роде неслучайно скрывал сведения об этом бункере и, возможно, был не откровенен, когда говорил, что не знает, что спрятано за закрытыми дверями подземелья.

Из записки А. Я. Брюсова

«О судьбе Янтарной комнаты». 1961 год

«Только позднее, когда мы уже вернулись в Москву, я вернулся к воспоминаниям об этом посещении бункера... Роде говорил, что он не мог попасть в бункер, потому что потерял ключ; найдя его, он пошел с нами, но, когда мы пришли в бункер, ни одной двери не пришлось отпирать ключом. От какой же двери был этот ключ? Попад в бункер, мы увлеклись рассматриванием найденных там вещей и совершенно не обратили внимания на А. Роде, а я вспомнил, что в течение некоторого времени А. Роде около нас не было, он появился только тогда, когда мы собрались уходить. Где же он был?

...И вот тут-то и мелькнула у меня мысль о бункере. Не находилась ли Янтарная комната в бункере и притом в том помещении, ключ от которого был у Роде? Ведь мы не осмотрели всего бункера. Не воспользовался ли Роде возможностью проникнуть вместе с нами в бункер, чтобы проверить, там ли еще находится она? Не для этого ли он исчезал от нас на некоторое время? Но было уже поздно сожалеть о том, что тогда нам не пришло в голову. Возможно, что мы были на пороге открытия тайника, в котором Янтарная комната хранилась, и не сумели воспользоваться этим!»

Профессор Брюсов со своими коллегами возвратился в Ленинград, но спустя четыре года, в конце декабря 1949-го, он неожиданно получил срочное предписание опять вылететь в Калининград для оказания содействия комиссии советских музеев. Для дачи показаний работающей там комиссии был также приглашен референт министерства просвещения ГДР доктор Герхард Штраус, бывший в свое время сотрудником Инспекции по охране памятников Восточной Пруссии.

Уже не было в живых доктора Роде, да и многие другие свидетели последних месяцев существования агонизировавшего Кёнигсберга навсегда покинули землю своих предков, и след их терялся в многомиллионных потоках беженцев и переселенцев.

Комиссия под руководством Вениамина Дмитриевича Кролевского, секретаря Калининградского обкома партии, вела интенсивный поиск сокровищ в развалинах Королевского замка и на других объектах города и области, используя для этого прикомандированные военные команды. Брюсов, снова оказавшись в городе, с огорчением почувствовал, что ему очень трудно узнать облик даже ближайшей к замку местности, так как многие коробки и фронтоны зданий к этому времени обвалились или были взорваны ввиду опасности новых обвалов. Часть улиц была расчищена от груд обломков и щебня.

Профессор внимательнейшим образом осмотрел с одним из членов комиссии инженером Якубовичем близлежащие к замку развалины, тщетно пытаясь натолкнуться на то самое здание, в котором был вход в бункер. Когда уже обоих покинула надежда найти «объект», Брюсов заметил, что остов одного из домов имеет сходство с тем, который остался у него в памяти. Инженер же обратил внимание на трубы мощной вентиляционной системы, выходящие на поверхность, что могло свидетельствовать о наличии под землей обширного подземного сооружения.

Инженер Якубович, общаясь с военными контрразведчиками, уже знал, что гитлеровцы буквально «нашпиговали» город подземными бункерами. Сначала это были бомбоубежища для населения и временной дислокации учреждений городской инфраструктуры, а затем стали строиться подземные катакомбы для временной «отсидки» диверсантов. Несколько подобных сооружений военная контрразведка «СМЕРШ» якобы обнаружила в последние недели войны на территории Восточной Пруссии и в пригородах Кёнигсберга. Знакомый офицер-контрразведчик показал Якубовичу немецкий трофейный документ, в котором содержалась директива использовать для диверсионно-разведывательной работы так называемых «фернихтунгсgruppen»^[41] подземные бункеры, специально

приспособив их для этого и тщательно замаскировав. Не вдаваясь в подробности, контрразведчик намекнул тогда Якубовичу, что не все фашисты из отрядов «Вервольфа»^[42] обнаружены, в том числе и потому, что, возможно, скрываются в подземных бункерах и казематах.

Когда же зимой 1949 года Брюсов и Якубович попытались проникнуть через зияющий проем в нижнюю часть здания, то оказалось, что подвалы практически доверху заполнены водой. Конечно же, водопроводная и водосточная сети города не функционировали и, скорее всего, только после их восстановления можно было бы говорить об откачке воды из бункера.

Из отчета А. Я. Брюсова о командировке в Калининград 21–29 декабря 1949 года

«...24 декабря я ездил с тов. Якубовичем отыскивать то газоубежище, в которое в 1945 году нас водил Роде на бывшем Штайндамме. Но дома там с тех пор развалились, а в 1945 г. мне вообще не приходило в голову, что надо точно запомнить это место; поэтому я мог указать только приблизительно некоторые из домов. Мы осмотрели там несколько подвалов, но не нашли того, что искали. Впрочем, мы не спускались глубоко, так как некоторые подвалы затоплены водою. Дальнейшие поиски продолжались без меня. Я вынес впечатление при этом осмотре, что место это должно находиться около бывшей Розенштрассе, но утверждать этого не могу...»

У профессора Брюсова, пытавшегося еще не раз в течение пребывания в Калининграде найти бункер на Штайндамме, сохранилось устойчивое мнение о том, что доктор Роде, явно причастный к тайному захоронению Янтарной комнаты, вполне мог выбрать для этого столь надежное убежище. В этом профессора убедили и многократные обстоятельные беседы с доктором Штраусом, в ходе которых Брюсову удалось узнать, что примерно в том месте, где находился искомый «объект», размещалось отделение городского банка. «...Сопоставляя это с тем, что городской магистрат Кёнигсберга взял на себя ответственность за сохранность музейных ценностей замка, можно предполагать, что Роде мог использовать сейф или другое убежище городского банка для укрытия части музейных предметов, может быть, и янтарной комнаты...», — писал профессор в докладной записке, содержащей предположения по поводу поиска Янтарной комнаты в декабре 1949 года.

Так где же все-таки этот злосчастный бункер? Этим вопросом

задавались все, имеющие отношение к поискам Янтарной комнаты: и Кучумов, несколько раз пытавшийся отыскать его вместе с профессором Брюсовым, а потом уже и без него; и Кролевский, более десяти лет руководивший поисками в пятидесятые годы прошлого века; и сотрудники экспедиции, начавшей свою работу в 1969 году. Вопрос о местонахождении бункера был ключевым, поскольку, не решив его, нельзя было приступить к дальнейшим поискам.

Скупые сведения о бункере позволили лишь примерно определить ориентиры для поиска: во-первых, бункер находился на левой стороне улицы Штайндамм, если идти от Королевского замка; во-вторых, вход в него располагался в доме, стоящем на перекрестке этой улицы с Розенштрассе, ныне не существующей, в первом или втором доме от угла; в-третьих, сам дом имел несколько этажей и глубокие, специально оборудованные подвалы или убежища; в-четвертых, первый этаж этого дома занимало какое-то учреждение, может быть, банк или торговая контора...

Окажись мы в предвоенном Кёнигсберге хоть на один день, нам вряд ли удалось бы миновать этот оживленный район города.

Здесь улица Штайндамм расширялась, образуя перед известным отелем «Берлинер хоф» своеобразную площадь. Двухэтажное здание «Дрезднер банка» под черепичной крышей отделяло ее от островка зелени вокруг Штайндаммской кирхи с остроконечной колокольней. Миниатюрные юркие трамвайчики то и дело останавливались на остановке, которая здесь была вроде пересадочного пункта. Прямо, в сторону главного вокзала, шли трамваи третьего, четвертого, двенадцатого и пятнадцатого маршрутов, а семерка поворачивала налево, к площади Парадеплатц^[43], и дальше в район вилл и парков Марауненхоф^[44].

Перед гостиницей всегда было много автомашин, они занимали все пространство площади вдоль тротуара — отель был одним из лучших в Кёнигсберге. Вот здесь и выходили на Штайндамм две узенькие параллельные улочки — Розенштрассе, а чуть дальше напротив кирхи — Николайштрассе^[45]. Дома были преимущественно старой постройки, трех-, четырех- или пятиэтажные, с фигурными фронтонами и остроконечными крышами. Нижние этажи их состояли сплошь из больших стеклянных витрин, над которыми пестрели вывески располагающихся здесь магазинов и учреждений: «Бюро путешествий Роберта Майхофера», «Шаттке», «Дом фото и кино», «Городская сберегательная касса», «Восточнопрусский земельный банк», «Страховое общество Альбингия», «Сигареты и вино»,

кинотеатр «Призма»...

Если принять во внимание наблюдения Брюсова, вход в интересующий нас бункер мог быть практически в любом из перечисленных учреждений, так как каждое из них производило впечатление «торгового или конторского». Но намеки доктора Штрауса о каком-то городском банке, располагавшемся в этом районе, сужают наш интерес до одного объекта — четырехэтажного дома № 132–133, который как раз являлся вторым по счету от перекрестка с Розенштрассе, если идти от замка, что полностью соответствует воспоминаниям Александра Яковлевича.

Из «Адресной книги Кенигсберга». 1942 год

«...132.133, Земельный банк провинции Восточная Пруссия — контора (1-й этаж). Управляющий: Тешнер Франц, старший инспектор, проживает — ул. Кнайпхёфше Ланггассе, 1/4.

Доктор Дёринг и доктор Дриттлер — Адвокатское бюро (3-й этаж), Хантель, курьер (со двора) „Иозупайт и Шмидт“, строительная фирма Видер, учитель (4-й этаж)...»

Из «Телефонной книги Кёнигсберга»

«...Земельный банк провинции Восточная Пруссия — контора на Штайндамм, 132–133, тел. 3-62-31...

Дёринг, доктор юриспруденции, адвокат, Штайндамм, 132–133, тел. 3-10-35, проживает: Лавскер аллее, 58, тел. 2-34-25...

Дриттлер Георг, адвокат. Бюро: Штайндамм, 132–133, тел. 3-10-35, проживает: Венерштрассе, 9, тел. 3-58-15...

Иозупайт М. и Шмидт, ранее Германн Прохнов, строительная фирма, Штайндамм, 132–133, тел. 3-07-67, и строительная площадка: полицейская часть, тел. 2-16-24...»

Это все, что дают нам справочные книги об интересующем здании и его жильцах. Вполне возможно, что бункер мог быть построен во дворе этого дома в 1943–1944 годах, или само здание имело достаточно глубокие подвалы, впоследствии переоборудованные под бомбоубежище или специальное хранилище. Известен приказ полицей-президента Кёнигсберга обергруппенфюрера СС Г. Шёне, предписывающий в 1943 году строительство в черте города подземных сооружений, соединяющих здания в кварталах Кёнигсберга, если они отстоят друг от друга не более чем на 20–30 метров. Аналогичные подземные укрытия сооружались и в рамках

так называемой «Егер-программы»^[46].

До начала систематических поисков «бункера Брюсова» на участке пересечения бывших улиц Штайндамм, Розенштрассе и Николайштрассе неоднократно велись поисковые работы. Это делалось при расчистке развалин и проезжей части улиц, а также позже, когда началось строительство жилых зданий и Дома профсоюзов. Любопытно, что, по свидетельству главного инженера строительной воинской части, которая вела указанные работы, в одном из котлованов на Житомирской, приблизительно в том месте, где она пересекается бывшей Розенштрассе, была обнаружена полированная янтарная плитка размером десять на десять сантиметров. Солдаты, отставив лопаты в сторону, с интересом рассматривали диковинку, завидуя ее обладателю, белобрысому ефрейтору, на время прикомандированному к их части. Однако вечером ему все же пришлось расстаться с ценной находкой: ее с многозначительным видом «конфисковал» замполит, заявивший, что передаст экспонат в политотдел. После этого о судьбе янтарной плитки, похожей на деталь какого-то большого панно, никто ничего не слышал.

Областная комиссия по поискам Янтарной комнаты, начавшая свою работу в конце 1949 года с вызова в Калининград профессора Брюсова и доктора Штрауса, в течение нескольких месяцев вела интенсивные, но, к сожалению, бессистемные поиски по всему городу и области. Были проведены осмотры четырнадцати подвалов в развалинах домов по Житомирской улице. В одном месте, как свидетельствуют материалы комиссии, был обнаружен подвал, уходящий вниз на три этажа, два из которых оказались залитыми проточной водой, поступающей неизвестно откуда. Тогда не удалось ничего выяснить, а спустя несколько лет в районе Житомирской улицы развернулось строительство жилых домов, и очень скоро территория, где предположительно находится бункер, оказалась застроенной однотипными четырехэтажными зданиями.

Калининградская геолого-археологическая экспедиция^[47] начала систематическое изучение этого района в 1970 году, когда от расположенного неподалеку Королевского замка остались лишь груды кирпича и каменные обломки. Жители близлежащих домов часто видели салатовый автобус и группу людей, что-то оживленно обсуждавших и пристально всматривавшихся в брусчатку кое-где сохранившейся старой мостовой, крыши канализационных колодцев и решетки водостоков. Потом приезжали какие-то специалисты с приборами, что-то измеряли, делали записи в тетрадах. Это были геофизики, проводившие по заданию

экспедиции электромагниторазведку, которая позволила выявить ряд аномальных участков, расположенных между домами. В течение двух месяцев здесь велись буровые работы, причем глубина отдельных скважин достигала пятнадцати метров, что, по мнению специалистов, безусловно, позволило бы натолкнуться на крупное подземное хранилище, если бы оно имелось в этих точках. После буровиков на Житомирской можно было увидеть солдат в строительных робах и услышать надрывный рокот экскаватора. Экспедиция приступила к непосредственным поискам бункера. За все время работы было сделано более десятка раскопов между домами, расположенными в районе улиц Житомирской, Вагнера и Сибирской.

У всех, кто принимал участие в поисковых работах, учащенно забилося сердце, когда ковш экскаватора, сняв метровый слой земли во дворе четырехэтажного дома в самом начале Житомирской, вдруг заскоблил по бетону. Под тяжестью ковша часть щебня вдруг осыпалась куда-то внутрь, открыв два пролома. Это был... бункер. В одном из проломов угадывались контуры спускающейся в темноту лестницы. Пахло сыростью и гнилым деревом. Через некоторое время проломы были расширены до размера, позволяющего пролезть внутрь бункера и провести его обследование.

Из «Отчета Калининградской экспедиции о работе на объекте „Бункер Брюсова“». 1970 год

«...Помещение убежища засыпано на 1,2 м кирпичом, металлическим ломом, деталями внутренней обстановки бункера, затоплено на 90 см водой. Железобетонное перекрытие толщиной 55 см, армированное железными прутьями диаметром 1,5–2,5 см в два слоя, было пробито в двух местах. Через эти отверстия диаметром 80 см вода из помещения была откачана насосом. Уровень ее остановился на 40 см...

В заполнявшем бункер хламе были обнаружены обломки двухъярусных нар с остатками матрацев, набитых морской травой, 17 металлических ящиков-форм, две шкатулки-сейфа (открытые) и два сейфа. Один из них, маленький, вмазан в стену убежища... Оба сейфа оказались вскрытыми и совершенно пустыми... Кроме того, в бункере были найдены гаечные ключи, слесарный инструмент, кофеварка, бетонные кольца (детали печи) ... чаша десертная с монограммой Г. Роде... детали велосипеда...
Дополнительных сооружений, пустот под бункером-убежищем не

обнаружено».

Итак, бункер был найден, но оказался он совсем не тем, который искали. Ни бурение в полу его помещений, ни пробивка кирпичных стен в разных направлениях не позволили обнаружить каких-либо признаков перехода в другое подземное сооружение. Поначалу находка чаши с монограммой Г. Роде вселила фантастическую надежду на то, что она имеет какое-то отношение к небезызвестному доктору Роде. Однако эта надежда рассеялась очень быстро, достаточно было изучить пожухлые страницы адресно-справочного grossбуха, сообщавшего, что дом № 141 по улице Штайндамм принадлежал некоему Г. Роде, владельцу пекарни и кафе, расположенных на первом этаже этого дома. Бункер являлся, по-видимому, заурядным бомбоубежищем, каких в Кёнигсберге было тысячи.

Раскопки в других местах не давали оснований для оптимизма. Находки ограничивались мозаичными керамическими плитами, металлическими трубами, бочками, битой и очень редко целой посудой, ржавым инструментом, бутылками, остатками велосипедов, часов, мясорубок, чугунными утюгами, электромотором и даже неплохо сохранившимся тесаком времен Первой мировой войны.

Не только непосредственные поиски таинственного бункера приводили к разочарованию. Попытка сотрудников экспедиции получить какие-либо дополнительные сведения о нем от участников событий июля 1945 года также не увенчалась успехом. Из всей группы, посетившей бункер в то давнее время, какие-либо свидетельства могла дать только Беляева, так как Брюсова, Роде и Пожарского не было уже в живых.

Из письма Беляевой в Калининградскую экспедицию

«Получила Ваше письмо, но, к моему большому сожалению, ничем Вам не могу помочь, т. к. ничего не знаю о том бункере, о котором упоминается в статье Брюсова. Я никуда ни с ним, ни с Роде, ни с Пожарским не ходила и не могла бы этого забыть... Брюсов был человеком довольно своеобразным, он сам вел все переговоры с Роде, и в то время он ничего не рассказывал о Янтарной комнате, кроме того, что ему якобы сказал Роде, что немцы вывезли Янтарную комнату с другими ценностями, такими, как подлинные рукописи И. Канта и др., в глубь Германии...

...Я была командирована для сбора книг, чем мы с Пожарским и занимались, а Брюсов, Цырлин и Сергиевская были

работниками музея, и сбор и отбор музейных материалов входил в их компетенцию».

Возникло предположите, что профессор Брюсов мог в своих записках по рассеянности назвать в составе группы, посетившей бункер вместе с доктором Роде, Беляеву, в то время как ходил туда вместе с майором Н. Ю. Сергиевской, секретарем закупочной комиссии Комитета по делам искусств. Попытка разыскать Сергиевскую увенчалась успехом, и скоро из Москвы было получено письмо.

Из письма Н. Ю. Сергиевской в Калининградскую экспедицию

«Очень бы хотела оказаться полезной в деле, которое мы начинали, а Вы продолжаете. Жаль только, что между двумя этими событиями прошло уже более 30 лет.

...В те далекие времена... гражданского населения во всей Пруссии не было. Всех увела с собой отступавшая гитлеровская армия. Не было немцев и в Кёнигсберге. Точнее, почти не было... Роде... был или прикидывался несчастным старым алкоголиком с остановившимся взглядом и трясущимися руками. Стариком, который ничего „не знает“ и ничего „не помнит“... Во всех... местах, где мне довелось побывать, а места эти указывались нам нашим военным командованием, я видела лишь частные богатые поместья, где висели или стояли лишь копии произведений известных мастеров. И ни в одном населенном пункте мне не пришлось увидеть ничего сколько-нибудь похожего на бункер. В том же районе, план которого Вы мне прислали, я вообще не была...

Конечно, продолжать поиски надо было раньше... Но неужели ничего не было предпринято в этом направлении, когда начали строить Калининград?»

Таким образом, обе участницы событий отрицали, что когда-либо бывали в бункере. Неожиданным оказалось и заявление Якубовича, с которым, по утверждению Брюсова, они вместе искали бункер в 1949 году. Он категорически отрицал тот факт, что участвовал после войны вместе с профессором в осмотре подземных сооружений на бывшей улице Штайндамм. Тогда якобы произошла какая-то накладка, и вместо него с Брюсовым занялся поисками архитектор Арсений Владимирович

Максимов. Когда же сотрудники экспедиции встретились с ним, разочарованию их не было границ. Приговор Арсения Владимировича был безнадежным:

«Это склерозный вымысел нашего уважаемого Александра Яковлевича. Он сам путался и нас всех запутывал. Штайндаммштрассе я отлично зрительно и сейчас помню. Ни одного здания с затопленными подвалами на ней не было. А вентиляторы, по-моему, просто блеф.

Если бы были подозрительные места, то я бы не молчал о них, т. к. много затратил сил и времени на эту работу».

Круг замкнулся! Никто из тех, кто работал с Брюсовым в Кёнигсберге в 1945 году, не мог ничего вспомнить о бункере на Штайндамм, более того, — все, с кем удалось поговорить или установить переписку, категорически отрицали свое участие в осмотре или поисках этого бункера. Геофизические исследования, проверка аномалий с помощью бурения и раскопов, как уже рассказывалось, тоже ничего не дали. Таким образом, экспедиции ничего не оставалось, как прекратить поиски...

Из отчета Калининградской экспедиции по объекту «Бункер Брюсова». 1976 год

«...Предлагаем: заявление профессора Брюсова А. Я. о возможном захоронении Янтарной комнаты в бункере на Штайндамм считать... ошибочным.

Объект „Бункер Брюсова“ закрыть. Продолжать поиски бункера в другом районе. Данные, полученные в результате исследовательской работы на данном объекте, использовались при работе на других объектах...»

Этим заключением можно было бы поставить точку на дальнейших поисках таинственного бункера, посчитав данные о нем недостоверными, а проще говоря, плодом фантазии известного ученого, склонного к преувеличениям, если бы не некоторые факты и обстоятельства, которым не дано объяснение и по сей день.

Во-первых, от компетентных органов была получена информация о том, что один из бывших жителей Кёнигсберга утверждал о наличии на улице Штайндамм трехэтажного бункера, в котором хранились какие-то картины. По мнению немца, эти картины были тайно вывезены из

Кёнигсберга осенью 1945-го или весной 1946 года специально оставленным в городе подразделением «Вервольфа». Так, может быть, был бункер с картинами на Штайндамм?!

Во-вторых, экспедицией было получено письмо от рабочего целлюлозно-бумажного комбината Пака, проживающего в Калининграде с 1946 года, который давал очень подробное описание развалин на исследуемом участке Житомирской улицы. В частности, он обращал внимание на большой бункер под административным зданием на пересечении Житомирской и бывшей Вагнерштрассе^[48], а также на необычные развалины одного из близлежащих домов. Он писал:

«Весь этот район был разрушен налетами авиации, что было видно по стоявшим вокруг стенам с полностью выгоревшими деревянными перекрытиями. На месте же этого дома... лежала аккуратная груда кирпичей, создающая впечатление, что дом был рассыпан от взрыва изнутри. Во все соседние подвалы легко можно было проникнуть, в подвал же этого дома ниоткуда хода не было, кроме как через не полностью завалившуюся лифтовую клетку. Клетка шла до нижнего этажа подвала и еще ниже, в бункер, но там было все полностью завалено... Этот подвал вызывал большой интерес... и тем, что туда пытались лазать немцы, несмотря на явное неудобство входа...»

В-третьих, многочисленные беседы с прорабами и рабочими, участвовавшими в строительстве домов на бывшей улице Штайндамм, позволили установить, что здесь все-таки было одно здание с глубокими и обширными подвалами, и впоследствии на его месте был возведен жилой четырехэтажный дом.

Но главное состоит в том, что версия Брюсова о возможном захоронении Янтарной комнаты в бункере на Штайндамм не была проверена целеустремленными поисками. Экспедиция не смогла обеспечить достаточный уровень аналитических исследований, которые позволили бы из отрывочных фактов и предположений воссоздать обстоятельства сокрытия ценностей в указанном районе Кёнигсберга и осуществить точную их привязку к современной территории. Отсюда, возможно, и низкая результативность поисковых работ.

Уже многие годы катают мамы коляски по асфальтовым дорожкам и играют детишки в сквериках между домами в районе улиц Вагнера, Больничной и Сибирской, ведут неторопливую беседу старушки у

подъездов четырехэтажек на Житомирской. Царящие здесь тишина и спокойствие время от времени нарушаются лишь громкой музыкой со стороны торгово-развлекательного центра «Плаза», шумными кампаниями подростков, возвращающихся с дискотеки или из Интернет-кафе. И действительно, кажется нереальной даже сама мысль о том, что где-то здесь, под слоем земли и щебня, покрытыми асфальтом или газонами, притаилась одна из загадок прошлого под условным названием «бункер Брюсова».

Глава четвертая

Тайна Штайндаммской кирхи

*Vita brevis, ars vero longa, occasio autem praeceps,
experimentum periculosum, iudicium difficile*^[49]

*Гиппократ с острова Кос, древнегреческий
врач (460 — ок. 370 гг. до н. э.)*

Перед зданием Инвестбанка, что в центре Калининграда, есть небольшой остроконечный скверик, где сходятся Ленинский проспект и Житомирская улица. Мимо проезжают, гроыхая по рельсам, трамваи, обдающие прохожих выхлопными газами автобусы, кряхтящие троллейбусы, бесконечные потоки спешащих автомашин, преимущественно иностранного производства. «Российский форпост» на западе, как, собственно, и его «собратья» на востоке — Хабаровск и Владивосток, — отличается тем, что на улицах трудно встретить отечественные автомобили.

На тротуаре у сквера всегда многолюдно, потому что здесь остановка трамвайных, троллейбусных и автобусных маршрутов, а кроме того, множество самых разных магазинов и развлекательных заведений. Томясь от городской духоты летом или переступая с ноги на ногу в морозные зимние дни, калининградцы не представляют, что буквально под ними, под толстым слоем земли и асфальта, скрывается еще одна тайна Кёнигсберга. Теперь даже трудно себе представить, что когда-то на том месте, где сейчас проезжая часть улицы с поблескивающими на солнце трамвайными рельсами, стояла одна из старейших церквей Пруссии — Штайндаммская кирха с невысокой колокольной, увенчанной остроконечной крышей.

Из «Путеводителя по Кёнигсбергу и окрестностям»

Вальтера Зама. Кёнигсберг, 1922 год

«Штайндаммская (ранее польская) кирха. Впервые упоминается в 1256 году. Достояна внимания, как, вероятно, самый древний храм города. Ее фундамент располагается на четыре ступени ниже мостовой, которая значительно поднялась в течение столетий.

На капителе алтаря картина кёнигсбергского художника

Антониуса Мёллера „Страшный суд“ упоминается уже в 1640 году. Кафедра в стиле рококо. В 1886 и 1905 годах церковь была основательно отреставрирована и служит теперь также в качестве университетского храма».

**Из книги Рихарда Армштедта и Рихарда Фишера
«Краеведение Кенигсберга в Пруссии».**

Кенигсберг, 1895 год

«Штайндаммская кирха вызывает большой интерес не своей архитектурой, а историей. Она является... старейшим храмом Замландии... филиалом Альштадтской приходской кирхи... Оленья голова, изображенная над входом в зал, где происходит таинство крещения, напоминает, согласно легенде, о том, что когда-то во время богослужения при словах 42-го псалма „Как олень стремится к чистой воде, так и дума моя, Господи, стремится к тебе“, в храм действительно забежал благородный олень...

Богослужение было прервано... во время Семилетней войны... Русские проводили в этой церкви греко-католическую службу — три медные люстры с изображением двуглавых орлов напоминают об этом, а французы в 1807–1814 годах превратили кирху в лазарет...»

**Из «Списка исторических памятников архитектуры
Калининграда». 1956 год**

«Штайндамм-кирха. Построена в 1256–1258 гг. (состояла в списках исторических памятников). Находится на Штайндаммштрассе, ныне ул. Житомирская. Сооружение разбито прямым попаданием авиабомб. Сохранилась алтарная часть, восточная сторона с куполом свода и частично сохранилась северная стена...»

Кирха привлекла к себе внимание еще в первые послевоенные годы. Когда наши войска вступили в Кёнигсберг, она, в отличие от многих поверженных в прах построек Штайндамма, сохранилась сравнительно неплохо. У нее даже уцелела часть крыши и остроконечная колокольня. Буйная зелень площади, на которой стояла полуразрушенная кирха, скрывала нагромождение обломков рухнувших зданий и кучи щебня. Пробивающийся бурьян подобрался к подножию памятника — двум

склоненным друг к другу фигурам из камня — солдату и женщине в платке. На пьедестале виднелась короткая надпись фактурным готическим шрифтом «für uns», что с немецкого переводится лаконичной, но емкой фразой «за нас».

Из книги Герберта Мюльпфорда

«Кёнигсбергские скульптуры и их мастера. 1255–1945».

Вюрцбург, 1970 год

«Кауэр Станислаус... „für uns“. Памятник павшим в Первой мировой войне... Торжественно открыт в конце сентября 1931 года. Ракушечник. Пьедестал из искусственного камня.

Местонахождение: площадь Штайндаммер Кирхенплац... Судьба неизвестна».

Сюда, на площадь, и привел участкового военного коменданта города подполковника Рычкова немец Франц Бильке, владелец кафе, расположенного в полуразрушенном здании бывшего универмага «Дефака» на Штайндамм. Предприимчивый делец, постоянно предлагавший свои услуги комендатуре, отлично говорил по-русски. Рычков знал, что он родился в Советском Союзе, жил с родителями в Ленинграде.

Отец Бильке, немец по национальности, с воодушевлением воспринял приход Гитлера к власти в Германии и уговорил жену переехать в родной «фатерланд»^[50]. Пятнадцатилетнему Францу надо было привыкать к новой жизни. Друзья, родная Лиговка, кинотеатр «Сатурн» и танцплощадка в парке Урицкого — все это осталось в прошлом. Через несколько лет, когда Франц уже достаточно освоился в Германии, окончил школу и стал работать шофером на мебельной фабрике, один из родственников отца помог ему поступить на курсы подготовки летчиков транспортной авиации в Штаакене под Берлином. Окончив ее в 1940 году, он был направлен в Кёнигсберг, где стал летать на самолетах гражданской авиации. Из аэропорта Девау он совершал регулярные рейсы в Мемель и Данциг. На внешние линии Франца не пускали, по-видимому, по причине определенных сомнений в его благонадежности. В связи с этим, вероятно, он не был призван в армию и почти всю войну пролетал на стареньком транспортном «фокке-вульфе», перевозя пассажиров и почту.

Только в 1943 году Франц Бильке был призван в люфтваффе^[51]. В первом же воздушном бою где-то в районе Сталинграда он был ранен, долго провалялся в госпитале, вышел из него уже поздней осенью, скрипя протезом и опираясь на трость. К этому времени Красная Армия подошла к

границам Восточной Пруссии, и большинству немцев, ранее не сомневавшихся в победе германского оружия, стало ясно, что дело идет к полному краху. Неосторожное, ироничное слово, брошенное Францем в одной из длинных очередей в адрес «фюрера — спасителя нации», и анекдот, рассказанный им в толпе, привели к тому, что он неожиданно был арестован. Положение Бильке было безнадежным. Тюремная камера, битком набитая «распространителями панических слухов» и дезертирами, вылавливаемыми полевой жандармерией по подвалам заброшенных домов и в окрестностях города, с ужасом ожидала развязки. Среди арестованных с трепетом называлось имя надзирателя тюрьмы Фрица Герценбаха, с нескрываемым сладострастием выполняющего роль палача.

Но развязка в данной истории наступила неожиданно — под грохот канонады, разрывы снарядов и бомб, сотрясавших пропитанный запахом гари подвал до самого основания, вдруг появились советские солдаты. Франц Бильке, «жертва гитлеровского произвола», оказался на свободе.

В руинах Кёнигсберга начала медленно возрождаться жизнь. Среди развалин стали появляться островки жилья, заработала военная комендатура. Бильке, пользуясь тем, что считался пострадавшим от режима, был принят на работу в одно из многочисленных хозяйственных подразделений и, несмотря на увечье, стал шофером. Ему, бывшему летчику, и раньше доводилось водить автомобиль, поэтому он, сидя за баранкой, не испытывал каких-либо затруднений, быстро приспособился к новому для себя образу жизни и даже заслужил благосклонность нового начальства.

Однажды летом 1946 года Бильке заявился в комендатуру, располагавшуюся в здании, где сейчас находится противотуберкулезный диспансер на Барнаульской, и рассказал подполковнику Рычкову о том, что в подвальных помещениях «Дрезднер банка» хранится невывезенное из Кёнигсберга золото. Он якобы вспомнил, что кто-то из сокамерников рассказывал ему об этом, а кто конкретно, вспомнить не может. Информация была настолько интересной, что Рычков, доложив командованию, на следующий же день приступил к организации работ по расчистке завалов в том месте, где стояла сгоревшая коробка бывшего банка. Прибывшая группа саперов сделала подрыв перекрытия первого этажа, и скоро в пробоину вслед за солдатом с миноискателем спустились Франц Бильке и сам комендант. В подвале даже не было намека на сейфы, в которых хранится золото. Обгоревшие деревянные стеллажи, конторская мебель, кипы бумаг, каких-то толстых grossбухов и скоросшивателей. Подполковник резко отчитал немца, обозвав его лгуном, клял себя за то,

что клюнул на удочку и в глазах командования выглядел теперь простаком, которого легко можно обвести вокруг пальца. В общем, через несколько дней Бильке был уволен из автохозяйства и вынужден был подыскивать себе какой-либо иной способ пропитания. А над подполковником Рычковым еще долго подшучивали офицеры комендатуры, называя его за глаза «золотоискателем».

Через пару месяцев предприимчивый немец снова появился в комендатуру, теперь уже за разрешением открыть в полуразрушенном здании бывшего универмага «Дефака» на Штайндамм небольшое кафе для обслуживания, как он сам выразился, «товарищей офицеров». Видно, его дела шли неплохо, если среди голода и разрухи он смог организовать столь прибыльное дело. А спустя еще некоторое время он опять пришел в комендатуру. Теперь уже за разрешением открыть ресторан в здании располагавшегося рядом бывшего кинотеатра «Призма»^[52]. Подполковник Рычков выразил недоумение, откуда Франц Бильке сможет достать столько продуктов, чтобы содержать увеселительное заведение в период жесткого карточного распределения. В ответ Франц рассказал подполковнику совсем удивительную историю.

В январе 1945 года, когда Кёнигсберг оказался фактически блокирован советскими войсками, в тюремную камеру, где Бильке с товарищами по несчастью ожидал своей участи, вошел офицер в черном эсэсовском плаще. Брезгливо осмотрев обросших щетиной людей, со страхом взирающих на него, эсэсовец вызвал троих человек: пожилого фольксштурмиста^[53], оставившего свою часть накануне наступления русских, широкоплечего парня со споротыми знаками отличия на униформе НСКК^[54], который в пьяной драке застрелил офицера-подводника, и Бильке. Этим троим объединяло только одно — все они в прошлом работали шоферами. Эсэсовец объяснил, что подследственные будут привлечены к одному очень важному делу, и от того, насколько исполнительными они будут, зависит их дальнейшая судьба. Новоиспеченных шоферов расконвоировали, перевели в близлежащую казарму и выдали солдатский паек. Из разбитого гаража около Вальтеринга^[55] они поздно вечером вывели три крытых грузовика. В кабине рядом с Бильке сидел старший — человек в штатском, не промолвивший за все время почти ни единого слова. Город лежал во мраке, окна уцелевших домов были плотно закрыты светомаскировкой. Слышался грохот канонады, где-то в стороне Нойхаузена^[56] поднималось красное зарево — горели склады горючего. Со дня на день ждали прорыва в город русских танков.

Ехать было недалеко. Но каждый раз, когда машины подъезжали к баррикаде, перегораживающей улицу, сосед Бильке выходил из кабины, о чем-то долго разговаривал с постом охраны, после чего они продолжали путь. Хотя Бильке хорошо знал Кёнигсберг, в темноте он совсем не ориентировался и следовал только команде старшего — «налево», «направо», «прямо», «стоп». Наконец они выехали на небольшую площадь и оказались прямо перед возвышающейся громадой многоугольной башни. Замок! — узнал Бильке. Он бывал здесь неоднократно, последний раз в начале 1943 года на экскурсии...

После того как необщительный сосед опять о чем-то переговорил с охраной, был поднят шлагбаум, и машины проехали между двумя врытыми в землю бетонными колпаками в узкую щель баррикады, а затем уже в арку самого замка. Широкий двор, окруженный полуразрушенными стенами, был загроможден штабелями каких-то грузов, накрытых брезентом, железными бочками и тяжелыми мешками, наверное, с песком. У стены стояло несколько автофургонов, угадывались очертания легковых машин. В темноте слышались какая-то возня, топот сапог и отрывистые крики команд. Солдаты выносили из широко раскрытых массивных дверей коробки и аккуратно укладывали в кузов одного из фургонов. Ждать долго не пришлось: из той же двери к машине стали сносить большие деревянные ящики. Было видно, что груз тяжелый, так как солдаты вдвоем еле-еле поднимали их. На всю работу ушло не более получаса. После того как в кузов влезло несколько человек, среди которых были не только военные, колонна выехала из ворот замка. Опять темнота, команды старшего и смутное ощущение узнаваемости темных ущелий-улиц. Вот проехали по Юнкерштрассе, у Альтштадтской кирхи свернули на площадь Парадеплатц, потом, объезжая баррикаду, свернули налево. Еще немного, и машины выехали на Штайндамм — эту улицу Бильке не мог не узнать: ведь ему часто приходилось, работая летчиком, бывать в штабе командования воздушного округа. Именно сюда, на площадь у Штайндаммской кирхи, где находился штаб, и приехали машины той глубокой ночью.

Площадь вокруг церкви была окружена редкой цепью солдат. Машины, подминая колесами кустарник сквера, раскинувшегося перед кирхой, и слегка пробуксовывая на снегу, остановились рядом со зданием. Тут же были откинута борта, и началась разгрузка. Минут пятнадцати хватило на то, чтобы все ящики были перенесены куда-то за угол кирхи, — как показалось Францу, в сторону входа в храм. На этом работа была закончена, шоферы отогнали машины в гараж на Вальеринг, после чего их

снова препроводили в общую тюремную камеру. Через несколько дней Бильке узнал от кого-то, что в кирху ночью угодила бомба.

Бильке потом несколько раз приходилось участвовать в подобных работах. Но проводились они, как правило, днем и без таинственных мер предосторожности, которые он запомнил с той январской ночи.

Рассказав эту историю подполковнику Рычкову, Франц Бильке сделал совершенно неожиданное резюме: он почему-то полагал, что в подземном укрытии у кирхи были спрятаны запасы продуктов и вин, хранившиеся в Королевском замке. Конечно, известно, что в историческом погребеке «Блютгерихт», расположенном в северном крыле замка, хранились большие запасы марочных вин, в том числе известное всей Германии красное вино под названием «Блютгерихт 7» и «Блютгерихт 8». Но подполковнику Рычкову сразу показалось сомнительным, что в столь драматическое для гитлеровцев время они стали бы с чрезвычайными мерами конспирации прятать в тайниках такие «ценности». Он не стал разубеждать Бильке, рассчитывавшего использовать хотя бы часть найденных продуктов и вин для организации своего «дела», но и не готов был поверить немцу, опасаясь снова оказаться в дурацком положении и вызвать новую волну насмешек со стороны сослуживцев.

Тем не менее на следующий день около руин Штайндаммской кирхи состоялся импровизированный «военный совет», в котором приняли участие Рычков, командир одной из саперных частей, дислоцированных в городе, и инструктор политотдела армии. Вышестоящему начальству о тайнике подполковник пока решил не докладывать. Бильке показал место, где стояли автомашины, а затем провел офицеров туда, куда, по его мнению, сносили ящики той холодной ночью 1945 года. Рухнувшая стена и обломки крыши образовали здесь сплошной завал. Бильке вдруг вспомнил, что люди, относившие ящики, долго не возвращались за следующими, и предположил, что хранилище расположено на значительной глубине. Майор с саперными эмблемами на петлицах покачал головой и посоветовал Рычкову отказаться от этой затеи. На том и порешили. Бильке, казалось, не очень огорчился и, как только его отпустили, шмыгнул куда-то в арку полуразрушенного дома. Немцы в то время жили исключительно в развалинах и подвалах среди руин и обломков.

За кучей дел, которых у районного коменданта было предостаточно, Рычков стал уже забывать о рассказе Бильке, как вдруг одно из происшествий снова напомнило о нем. Однажды подполковник, проезжая поздно вечером на машине по расчищенной от завалов и баррикад улице Николайштрассе, заметил метнувшуюся в сторону от фар автомашины

фигуру. Сидевший с Рычковым шофер крикнул в темноту: «Хальт!», но человек не остановился, а юркнул в пролом в стене стоявшего у дороги дома. Дав очередь из автомата в темноту окон, зияющих пустыми черными глазницами, Рычков с солдатом вышли из машины. В комендантский час немцам было строго запрещено появляться на улице — еще нередко были случаи нападения на военных и гражданских лиц, в окрестностях города действовали вооруженные банды. Подойдя к руинам, в которых скрылся человек, они услышали какое-то жалобное поскуливание и обнаружили прижавшуюся к стене женщину. В ней Рычков узнал врача комендатуры немку Гертруду Браунд. Она долго плакала, твердя одно и то же: «Извините, господин комендант! Извините, извините!» Потом, уже в комендатуре, Браунд рассказала, что она вместе с другими немцами пыталась проникнуть под покровом ночи в бункер у Штайндаммской кирхи, где якобы спрятаны большие запасы продовольствия. С десятков человек ночью в течение нескольких часов копошились в развалинах, разбирая завалы и рассчитывая найти вход в подземелье. По словам Браунд, наконец это удалось, и два человека спустились вниз. Она назвала некоторых знакомых ей лиц, участвовавших в ночной вылазке. И тут Гертруда Браунд упомянула о Франце Бильке как об организаторе всей этой затеи.

**Из воспоминаний подполковника в отставке Рычкова,
бывшего участкового коменданта**

«...На следующий день около кирхи обнаружили два разбитых пустых ящика размером 1,5 × 1 метр, обитых внутри толем. Приведенный на место участник группы врач комендатуры Рихтер сообщил, что они проникли в затопленную часть подвала кирхи, откуда из воды достали эти два ящика, якобы с консервами. Ящики были мокрые, а около них лежали барельеф из дерева головы оленя и стул, на которых были этикетки с принадлежностью их Екатерининскому музею. Проникнуть в указанный Рихтером подвал было трудно, т. к. он был затоплен. Рихтеру поверили, еще раз предупредили и на этом проверку закончили».

Потом Рычков рассказывал, что барельеф, найденный около Штайндаммской кирхи, долго хранился у него дома, вызывая интерес и даже зависть редких гостей. Но однажды мать подполковника, жившая вместе с ним, не посоветовавшись, продала ценную вещь на толкучке. Что

же касается стула из царскосельского дворца, то он еще тогда куда-то пропал, скорее всего, сгорев в одном из костров, разводимых нашими солдатами.

Прошло несколько лет. Немецкое население покинуло город. Повсюду разворачивалось строительство, развалины, уже заросшие кое-где высокой травой, уступали место стройплощадкам. То там, то здесь строители натыкались на подвалы, подземные бункеры, засыпанные убежища. Иногда при этом находились полезные вещи — посуда, швейные машинки, различный инструмент. Дошло дело и до бывшей Штайндамм, теперь уже называемой Житомирской улицей.

Еще сохранившиеся стены кирхи подорвали, чтобы расчистить место для строительства новых кварталов. И вот тут-то комиссией по поискам ценностей и была сделана находка, о которой потом долго вспоминали в городе.

Из справки о беседе с В. Д. Кролевским начальника Калининградской экспедиции М. И. Поповой. 1972 год

«...На улице Штайндамм был раскопан под кирхой подвал на глубину двух метров. В подвале найдены только скелеты, один из них был прикован ошейником к доске. Больше никаких раскопок на улице Штайндамм комиссией не проводилось».

Чем-то зловещим, средневековым повеяло от этих находок. Чья судьба оборвалась так страшно в подземельях этой кирхи? Было ли это в непродолжительный период преследования «ведьм», или в годы борьбы католической церкви с религиозным инакомыслием? А может быть, все случилось гораздо позже и связано с какими-либо другими, малоизвестными событиями кёнигсбергской истории? Ответов на эти вопросы пока еще нет.

Вместе с тем, как только начала работать экспедиция, Штайндаммская кирха сразу стала одним из объектов поиска Янтарной комнаты. И хотя за основу версии были взяты воспоминания Рычкова, целый ряд других, косвенных данных возбуждал еще больший интерес к этому объекту.

Среди таких сведений особое внимание обращало на себя заявление киевлянина Владимира Федоровича Ращепы, который, прочитав в газете «Известия» статью о поисках Янтарной комнаты, вспомнил драматические события своей жизни, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны. Тогда еще молодой парень, он был в 1943 году вместе с сотнями тысяч своих сверстников, оказавшихся в оккупации, угнан в Германию.

После многодневных мытарств по пересыльным пунктам он оказался в Кенигсберге. Холодно и враждебно встретила его восточнопрусская столица. Большую группу рослых и крепких подростков с Украины, не успевших еще получить какую-нибудь специальность, направили на работу в торговый порт разгружать прибывающие в город баржи с углем. Жили рабочие в обшарпанном бараке в районе товарной станции на улице Фридрихсбургштрассе^[57].

Барак был частью располагавшегося здесь когда-то форта «Фридрихсбург», но экзотический вид ворот крепости с четырьмя резными башенками, надписями готической вязью и изображением хищного прусского орла был безразличен измученным непосильным трудом «восточным рабочим».

Владимир Федорович вспоминал о том, что в 1944 году, когда порт стал работать с перебоями, грузчиков стали привлекать для различных тяжелых работ на складах Кёнигсберга: в районе бывшей Восточной ярмарки около Северного вокзала, у Прегеля рядом с одним из разводных мостов; в глубоких подвалах громадного дома на площади Кайзер-Вильгельм-платц. Последнее место запомнилось. Ведь именно здесь на следующий день после августовского налета англичан на город им пришлось по пояс в горячей воде среди дыма и гари выносить тяжелые металлические и деревянные ящики, статуи и другие скульптурные произведения, большие картины в рамах. Здесь же работали и немецкие военные моряки, по цепочке передавая какие-то небольшие свертки и коробочки для погрузки в длинный автофургон. Владимир Федорович не называл «замком» место, где проводились экстренные погрузочные работы, так как даже представления не имел о том, что в Кёнигсберге существовал замок. Но, похоже, что это был именно он — Королевский замок, являвшийся самым высоким зданием, выходящим на площадь Кайзер-Вильгельм-платц.

За два месяца до штурма Кёнигсберга советскими войсками Ращепя снова оказался на работах в центре города. К этому времени его уже перевели в лагерь для иностранных рабочих, который размещался неподалеку от Южного вокзала. Однажды небольшая группа людей, одетых в грубые спецовки с нашивкой «OST» над карманом^[58], среди которых находился и Ращепя, была направлена в сопровождении охраны лагеря в район Кайзер-Вильгельм-платц. Во всяком случае, Владимиру Федоровичу запомнилось, что они долго шли через разрушенный Форштадт^[59], потом пересекли зловещие, забеленные снегом развалины на острове

Кнайпхоф^[60] и вышли на площадь, где у подножки высокой круглой башни виднелся памятник германскому императору. Обогнув квартал больших, но сильно разрушенных домов, группа оказалась на улице, перегороженной массивной баррикадой, и там, где она делает заметный поворот, остановилась. Здесь и проводились разгрузочные работы, которые лишь спустя четверть века показались Ращепе достаточно примечательными. Тогда он и поделился воспоминаниями о них с людьми, осуществляющими поиски Янтарной комнаты.

**Из письма Ращепы в редакцию газеты.
4 октября 1960 года**

«Под охраной солдат мы выгружали... ящики из машин в подвалы церкви... возле поворота улицы Штат... Ящики, которые я помню, были разной длины и ширины. Они были не особо тяжелые, потому что мы вдвоем могли подать их с машины, а 4–6 человек могли отнести их в подвалы этой церкви. Руководил этой работой человек в черной гражданской одежде, но перед ним „вытягивался“ офицер, охранявший нас. Содержимое и дальнейшая судьба этих ящиков для меня остались неизвестными...»

Читатель, видимо, обратил внимание на почти полное совпадение воспоминаний Ращепы с рассказом немца Бильке. Расхождения касаются лишь времени события: у Бильке это январь, а у Ращепы — середина февраля 1945 года. Но место разгрузки ящиков определено одно и то же — Штайндаммская кирха. Бильке называет ее совершенно точно, а Ращепа, не знаящий Кёнигсберга, сообщает о «церкви возле поворота улицы Штат...» неподалеку от площади Кайзер-Вильгельм-платц. Не владеющий немецким языком и не запомнивший названия улицы, Владимир Федорович тем не менее точно зафиксировал ее местонахождение. Ведь в Кёнигсберге вообще не было ни одного названия улицы с начальными буквами «Штат», а в районе площади Кайзер-Вильгельм-платц (ориентир, знакомый Ращепе) улица Штайндамм была одной из трех улиц, название которых начиналось на букву «ш» — Шлосштрассе, Штритцельштрассе и Штайндамм... Остающиеся сомнения развеивает упоминание о том, что церковь находилась «возле поворота улицы» — действительно, Штайндаммская кирха была расположена как раз в том месте, где улица Штайндамм имела заметный изгиб влево, если идти по ней со стороны Кайзер-Вильгельм-платц. Таким образом, с большой степенью вероятности можно говорить о

том, что в воспоминаниях Ращепы и Бильке указывается один и тот же объект, ставший местом захоронения каких-то ценных предметов, упакованных в деревянные ящики. Это совпадение позволяет предположить, что Штайндаммская кирха или расположенный около нее бункер в течение некоторого времени (январь — февраль 1945 года) использовались гитлеровцами для сокрытия ценностей кёнигсбергских музеев и предметов искусства, вывезенных с оккупированной территории, в том числе, возможно, и Янтарной комнаты, находившейся в это время, согласно большинству свидетельств, в одном из помещений Королевского замка.

О том, что рядом с церковью находились значительные подземные сооружения, свидетельствуют воспоминания бывшего жителя Кёнигсберга Герберта Ковальчика, сообщавшего, что на площади позади Штайндаммской кирхи в 1940–1941 годах было построено обширное бомбоубежище, имевшее, по меньшей мере, два входа — один со стороны улицы Трагхаймер-Кирхенштрассе, примерно там, где сейчас находится магазин одежды «Силуэт», а второй — на самой улице Штайндамм неподалеку от церкви^[61].

После уже упомянутых раскопок, проведенных под руководством Кролевского в районе бывшей Штайндаммской кирхи, это место еще несколько раз привлекало внимание поисковиков. В 1971 году было проведено комплексное обследование этой территории силами Калининградской экспедиции с участием Калужской геофизической партии. Применяя такие довольно современные методы исследования, как магниторазведку и электроразведку, специалисты довольно быстро обнаружили ряд аномальных участков, свидетельствовавших о наличии в толще земли каких-то полостей. Было решено приступить к вскрытию подземных сооружений. Часть улицы, примыкавшей к скверу перед тогдашним Домом профсоюзов, отгородили деревянным забором, и началась интенсивная работа. Как всегда, первыми были саперы, которые тщательно обследовали участок миноискателем: слишком велика опасность напороться на мины и гранаты, тысячи тонн которых хранит в себе со времен войны калининградская земля. Пара часов работы — и скоро в толще битого кирпича и щебня была обнаружена громадная бетонная плита, напоминающая перекрытие подземного сооружения. Орудя отбойным молотком, двое рабочих в течение нескольких часов пробивали отверстие в перекрытии и, наконец, к всеобщей радости, откололись и упали в темный провал последние куски бетона. Образовалось небольшое отверстие с острыми краями выступающей арматуры. Спустившийся вниз

рабочий, осветив фонариком подземелье, обнаружил, что оно буквально завалено... металлическими ящиками. Сухие строчки рукописного отчета, составленного сразу по завершении всех работ, не могут, конечно, передать всего диапазона чувств, охвативших сотрудников экспедиции — от нетерпеливого ожидания до глубокого разочарования...

**Из отчета о работах, проведенных на объекте № 56
(«Штайндамм-кирха»). 1971 год**

«Пространство под перекрытием завалено железными ящиками. В глубине — стальной ящик с бронированными дверцами, на которых сохранились медные замки с цифрами...

При раскопках было обнаружено: фауст-патрон, остатки солдатского немецкого подсумка, часть пулеметной ленты, около двух десятков немецких винтовочных патронов, дорожный указатель, осколки посуды, остатки столовых приборов... В юго-восточной части раскопа были найдены бронзовая статуэтка самурая и медный кувшин с чеканными фигурами...

На деталях запоров сейфов имеется клеймо в виде орла... Всего в подвале было обнаружено 8 сейфов-касс. Сейфы были разрезаны и сданы в контору „Главвторчермета“... В ходе расчистки подвала были обнаружены остатки кассовых книг филиала „Дрезднер банка“, Путеводитель по Восточной Пруссии...

В помещение стала поступать вода. Арматура была разрезана, вода откачана при помощи насоса. В полу пробито отверстие 1 × 1 м. При исследовании щупом более глубоких подвалов не обнаружено».

Действительно, рядом со Штайндаммской кирхой находился двухэтажный дом № 64, фасад которого значительно выступал из общего ряда зданий по улице Штайндамм. На первом этаже этого дома размещались помещения депозитных касс кёнигсбергского филиала «Дрезднер банка» — всемирно известного финансового спрута, а второй этаж занимало фотоателье Фрица Краускопфа — одно из самых престижных в восточнопрусской столице.

Именно на подвалы этого здания, как выяснилось, и наткнулась экспедиция. Правда, здесь уже с большой натяжкой можно было ссылаться на свидетельства Бильке и Рацспы, так как здание «Дрезднер банка» располагалось в полусотне метров к югу от кирхи и довольно трудно

объяснить, зачем ящики нужно было разгружать непосредственно рядом с церковью, а затем носить их куда-то на значительное расстояние от этого места. Если их намеревались поместить в подвалы «Дрезднер банка» (а это крайне сомнительно ввиду того, что люди, руководившие захоронением ценностей, прекрасно понимали возможный интерес победителей к хранилищам банка), то проще произвести разгрузку непосредственно у подъездов дома № 64, так как улица Штайндамм была здесь просторнее, а обломки рухнувших зданий после налета в августе 1944 года не загромождали проезда. Таким образом, находка и осмотр подземных сооружений этого объекта не снимали с повестки дня вопрос о том, где же размещался тот самый бункер, о котором с полной уверенностью сообщал Герберт Ковальчик и наличие которого предполагали Бильке и Ращеп. Однако ответить на этот вопрос экспедиции не удалось.

Под серьезное сомнение были поставлены сами воспоминания подполковника Рычкова, в частности история о том, как немцы из числа гражданского населения смогли достать ящики из «мифического» бункера, а также почти все рассказанное Бильке о неожиданном участии в ночном рейсе с ценностями, хранившимися в замке. Заключение было достаточно категоричным: «Товарищ Рычков склонен к фантазированию». Это же якобы подтверждал один из сослуживцев подполковника, утверждавший, что он «очень несерьезный человек, склонный к фантазии, за что и был снят с работы».

Может быть, действительно Рычков что-то добавил от себя. Но тогда чем объяснить почти буквальное совпадение рассказов Бильке и Ращепы, а также многочисленные упоминания о бункере рядом со Штайндаммской кирхой.

О подобных свидетельствах некоторых бывших жителей города сообщала, например, газета «Известия» в августе 1960 года. То же утверждал и Герберт Ковальчик, видевший из окна ресторана, расположенного напротив кирхи, массивную железную дверь входа в бомбоубежище. Но где же этот бункер? Выходит, ни геологическое обследование района, ни раскопки, периодически проводимые здесь на протяжении почти тридцати послевоенных лет, не подтвердили факта существования бункера. Не потому ли, что обследование было не очень тщательным? Ведь еще Арсений Владимирович Максимов, работавший в группе Кролевского, в своем письме в экспедицию сообщал о том, насколько поверхностными были поиски в пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века: «Все совали нос и командовали, кто во что... Эскаватор роет траншеей метра в 3–4, все смотрят на дно и торопят: нет,

ящиков не видно — закапывай!»

Как говорят, отсутствие результата — это тоже результат. В 1971-м траншеи были зарыты, как думалось тогда, окончательно. И теперь уже ничто не напоминает здесь, в самом центре Калининграда, о некогда страстном желании многих людей найти исчезнувшее сокровище.

Спустя несколько лет после закрытия экспедиции вдруг выяснилось, что Штайндаммская кирха в различные периоды получала наименования то польской, то греческой, то русской церкви. Начало этому было положено православными богослужениями после Семилетней войны, когда Восточной Пруссией управлял российский генерал-губернатор.

Дело в том, что в материалах экспедиции были сведения о неустановленном объекте под названием «Русская церковь». В число поисковых объектов он был включен в связи с поступившей из Польши информацией о заявлении Эриха Коха, находящегося в заключении. Бывший гаулейтер вдруг якобы «вспомнил», что Янтарная комната может быть спрятана в бункере, в котором находятся его личные вещи. По предположению Коха, этот бункер располагался неподалеку от «Русской церкви» на улице, название которой беседовавший с ним польский журналист расслышал не полностью, запомнив лишь, что она имела окончание «дамм».

Не исключено, что Кох имел в виду именно Штайндаммскую кирху, что делает эти сведения дополнительным аргументом в пользу дальнейшего изучения этого объекта. Сегодня, наверное, уже не так просто будет определить точное местонахождение кирхи, увидеть среди нынешней планировки контуры старого города. А надо ли? Может быть, версии о захоронении Янтарной комнаты или других ценностей в подземном бункере у Штайндаммской кирхи — всего лишь плод человеческого воображения, блеф? Окончательного ответа на этот вопрос пока еще нет...

Глава пятая

Подземный объект «Б-3»

...На углу улиц Барнаульской и Вагнера (на профилях 16–18, пикетах 18–25) получен структурный минимум r_k и интенсивный минимум Δz ... Возможно, что полученная аномальная зона на перекрестке улиц обусловлена коммуникационным колодцем. Однако следует проверить высказанные предположения. Для этого необходимо пройти канавы глубиной 5 м в указанных местах...

Из отчета о результатах опытно-производственных геофизических работ в г. Калининграде, проведенных в 1973 году

Среди мест возможного нахождения Янтарной комнаты и других похищенных гитлеровцами ценностей этот объект приобрел почти легендарную известность. Тот, кто хоть мало-мальски интересуется поисками янтарного сокровища, кто читал многочисленные публикации на эту тему, не мог не обратить внимания на кочующие из статьи в статью, из книги в книгу упоминания о некоем оберштурмбаннфюрере Рингеле, якобы непосредственном организаторе и участнике тайного захоронения произведений искусства. С легкой руки Вениамина Дмитриевича Кролевского и писателя Валентина Петровича Ерашова, появившись на страницах нашумевшей в свое время книги «Тайна Янтарной комнаты», фигура Рингеля стала обрастать все новыми и новыми подробностями и благодаря стараниям некоторых, прямо скажем, не очень добросовестных авторов приобрела карикатурный характер. Это позволило журналисту Валерию Бирюкову, опубликовавшему в 1992 году интереснейшую повесть «Янтарная комната. Мифы и реальность», сделать вывод о том, что в данном случае мы имеем дело если не с сознательными мистификациями, то с серьезными заблуждениями.

О том, что фамилия Рингель вымышленная, теперь уже достаточно хорошо известно, как известно и то, что существовала реальная фигура эсэсовца Виста, причастного к исчезновению Янтарной комнаты. Однако обстоятельства, приводимые в связи с этой личностью, нуждаются в более

внимательном рассмотрении. Ведь опрометчиво отказавшись от недостаточно глубоко проверенной версии, мы лишаем себя важного следа, который, может быть, приведет нас к долгожданным результатам. Тем более что объект, фигурировавший под названием «Бункер Виста», — один из самых загадочных тайников Штайндамма, точное место которого до сих пор установить так и не удалось. А теперь все по порядку.

В начале 1959 года журнал «Фрайе Вельт» в ГДР опубликовал несколько статей о поисках Янтарной комнаты. Спустя некоторое время в редакцию пришло письмо от некоего Рудольфа Виста из небольшого городка Эльстерберга, что на юге Восточной Германии. Адресат сообщал некоторые якобы известные ему от отца подробности, связанные с сокрытием Янтарной комнаты, коллекции янтаря и военного архива в Кёнигсберге в последние месяцы войны. Через несколько дней редакция командировала в Эльстерберг трех сотрудников, которые провели обстоятельную беседу с двадцатитрехлетним рабочим фабрики по производству синтетических волокон.

Узнав «сногсшибательные» подробности, журналисты попытались уговорить парня дать согласие на публикацию материалов о его отце, но Рудольф ответил категорическим отказом. Ведь гордиться отцом ему, безусловно, не приходилось. Он не хотел возвращаться в прошлое и привлекать внимание к тому факту, что его отец был ярким нацистом, как будто это бросало тень и на его, Рудольфа, жизнь. Достаточно того, что по совету товарищей он передал эту информацию в еженедельник Общества германо-советской дружбы.

Почти до конца войны Рудольф жил со своими родителями в самом центре Кёнигсберга на улице Егерхоф, что соединяла ломаной линией две городские магистрали — Фордерросгартен и Штрасс дер СА^[62]. Семья занимала двухкомнатную квартиру на третьем этаже большого серого дома, заселенного преимущественно рабочими кёнигсбергских заводов и фабрик. Рудольф плохо помнил эту квартиру и отца, постоянно где-то пропадавшего и приходившего домой усталым и раздраженным. После ссоры с матерью, которая надолго запала в память мальчика, отец переехал в район Амалиенау, где получил освободившуюся служебную квартиру. После этого он очень редко показывался дома, и Рудольф, пропадавший целыми днями на улице, был в положении тысяч мальчишек военной поры, отцы у которых воевали где-то на полях далеких сражений войны, все никак не приводящей к долгожданной победе. А в 1944 году война вдруг неожиданно сама пришла в город, заявив о себе воздушными тревогами, интенсивным движением войск, лазаретами и госпиталями,

переполненными ранеными.

В одну из августовских ночей как всегда тревожно завывали сирены, и население города привычно заспешило в многочисленные убежища и бункеры. Но то, что случилось вслед за этим, повергло жителей в ужас. Свыше двухсот самолетов британской бомбардировочной авиации сбросили на город тысячи зажигательных и фугасных бомб, превратив в руины многие здания между Кранцер-аллее и Герцог-Альбрехт-аллее^[63]. Пострадала даже громадная Оттокар-кирха. Большинство бомб упало на район казарм и штабные корпуса Главного командования первого военного округа, а также другие стратегические объекты, и лишь некоторые угодили в жилые кварталы центра города, разрушив до основания несколько зданий. Кёнигсбержцы впервые по-настоящему почувствовали кошмар неотвратимо приближающейся катастрофы и поняли, что ожидало их впереди.

Через два дня налет повторился, но в еще более страшном виде. Казалось, наступил конец света. Сотни английских самолетов разом повесили над городом россыпи осветительных ракет, а после этого на плотные кварталы старого города обрушились бомбы, среди которых были и такие, которые впоследствии получили название напалмовых. Центр города был объят пламенем. Струи полыхающей огненной смеси стекали по крышам домов, с шипением врывались в вентиляционные отверстия подвалов и укрытий. Картины Апокалипсиса ожили в ночном Кёнигсберге.

Наутро, когда Рудольф с сестрой, матерью и бабушкой выбрались из подземного убежища, им предстала совершенно дикая картина: вокруг с гулом полыхали дома, дымились развалины, от гари и хлопьев летающего пепла было темно, как ночью. От их дома, да и всей улицы Егерхоф остались лишь остовы зданий, в чреве которых что-то горело и плавилось. Немногочисленные отряды пожарных, вспомогательной полиции и военных безуспешно пытались бороться с огнем, эвакуировали жителей, грузили на машины ценное имущество учреждений и магазинов. С большим трудом только к вечеру семье удалось добраться до Шарнгорстштрассе^[64], где была квартира отца. Здесь они прожили до октября, каждый день готовясь эвакуироваться в глубь Германии.

Несколько месяцев, которые Рудольф прожил в квартире отца, запомнились ему достаточно хорошо. И хотя отец по-прежнему приходил домой очень редко, сын смог ближе узнать этого грубого и безжалостного человека. Конечно, на эти воспоминания наложились потом рассказы матери, и спустя годы Рудольфу казалось, что он знал об этом человеке

достаточно много.

Из воспоминаний Рудольфа Виста об отце. 1976 год

«Мой отец, Густав Георг Вист, родился 18 августа 1905 года. Как мне известно, профессии у него никакой не было. До 1931 года он работал в различных учреждениях, в том числе и на почте. В 1931 году руководством местной организации НСДАП „Шлосстайх“ был назначен политическим руководителем. В 1933 году после прихода Гитлера к власти он перешел из СА в СС, членом которой оставался до конца войны. Во время войны он служил в „зондергруппе“, непосредственно подчинявшейся РСХА — Р.Л.М.^[65] В составе этой группы он служил в Германии и на оккупированной территории. В конце войны он был в чине оберштурмбаннфюрера, что соответствовало воинскому званию подполковник. В числе наград отца были: немецкий крест за участие в боях в Испании, испанский крест, железные кресты 1-й и 2-й степени, медали за участие в боях на Восточном фронте, серебряная нашивка за участие в ближнем бою и значки участника пехотных атак...

...Когда он приходил домой и если я ему попадался под руку, то он меня нередко избивал...»

Портрет Георга Виста дополняют воспоминания матери Рудольфа, записанные немецким исследователем Паулем Энке, в которых она рассказывает о том, что ее муж был одним из активных участников еврейских погромов в Кёнигсберге во время пресловутой «хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года, когда по всему городу громились магазины и лавки еврейских торговцев, запылали обе синагоги, осквернялись молельные дома и еврейские кладбища. Ярый нацист, работавший на почте, проявил при этом удивительное рвение и предприимчивость, поджигая здание синагоги на Линденштрассе^[66].

Вскоре после переезда на Шарнгорстштрассе семья покинула Кёнигсберг, жила некоторое время на хуторе под Хайльсбергом, а в ноябре 1944 года перебралась в городок Криммичау в Саксонии. Спустя несколько месяцев там неожиданно появился отец, казалось навсегда оставшийся в огненном капкане окруженного Кёггигсберга. Объяснения его были путанными и невразумительными. Рудольф запомнил лишь, как он рассказывал матери о какой-то подводной лодке, на которой он якобы выбрался из города.

Когда в городок вступили американцы и началась поголовная регистрация мужского населения, Георг Вист выдал себя за инвалида войны, тем более что все необходимые на этот счет медицинские документы у него имелись. Он не сообщил о своем членстве в НСДАП и подавно уж скрыл факт службы в СС. Это позволило ему относительно спокойно жить при любой оккупационной власти. Но все-таки зимой 1946 года семья по его настоянию переехала в курортный городок Обершлема в Рудных горах, а затем в Эльстерберг, расположенный в отрогах Фогтланда. Георг Вист искусно заметал следы.

Может быть, страх, пережитый в осажденном Кёнигсберге и преследующий бывшего эсэсовца, как-то подействовал на Георга Виста. Он стал более внимательным к сыну, не придирался по мелочам, перестал заниматься рукоприкладством. Тяжелая форма туберкулеза, развившегося после ранения в Польше, подтачивала его здоровье, день ото дня ему становилось все хуже и хуже. Однажды осенью (а это был уже чрезвычайно трудный послевоенный 1947 год) Георг Вист неожиданно разоткровенничался с сыном: стал самодовольно рассказывать о своей карьере в СС, о доверии, которым пользовался у руководства, об ответственных поручениях, выполнявшихся им в последние месяцы войны. Тогда-то Рудольф и услышал впервые от отца, что он принимал участие в работах по перебазированию различных ценностей.

Тяжелобольной Георг Вист оживлялся, рассказывая о том, как он в составе специальной команды укрывал в подземных тайниках музейные экспонаты и фонды кёнигсбергских архивов. Открывшись сыну — единственному слушателю его воспоминаний, Георг Вист упомянул о каком-то бункере на Штайндамм, в который «зондергруппа» поместила знаменитую кёнигсбергскую коллекцию янтаря, разобрannую и уложенную в ящики Янтарную комнату, а также чрезвычайно ценные материалы какого-то военного архива. Оживляясь, отец сыпал названиями учреждений, именами лиц, принимавших участие в работах, а также перечислял различные объекты на территории Кёнигсберга, ставшие местами захоронения сокровищ. Рудольф не мог, конечно, запомнить этот калейдоскоп имен и названий, но кое-что его память сохранила.

Рудольф запомнил, с какой многозначительностью говорил отец о пассаже на улице СА, находившемся неподалеку от их старой квартиры, о складах на Ластадиё^[67], соборе на острове Кнайпхоф, подземельях Лёбенихта; о том, как он именовал гаулейтера Коха и крайслейтера Вагнера своими названными братьями. Отец, по-видимому, испытывал потребность поделиться с кем-то переполнявшим его чувством собственной значимости,

причастности к сверхсекретным и государственно важным делам развалившегося Третьего рейха, и сын, еще совсем ребенок, стал для него лучшим из слушателей, главное — неспособным в полной мере оценить важность этих сведений и сообщить о них новым властям.

Так или иначе, но Рудольф оказался посвящен в тайные деяния своего отца-эсэсовца, что в некотором роде даже тяготило его. Ведь груз такого знания вполне мог обернуться против молодого человека, вступающего в жизнь в послевоенной Германии. Правда, отец иногда как бы спохватывался и надолго замыкался в себе, отвечая на вопросы Рудольфа снисходительной усмешкой. Один раз при этом он сказал сыну, что тот — еще ребенок и не может понять и оценить значимости его воспоминаний. В октябре 1947 года Густав Георг Вист умер в окружной больнице города Грайца, куда его незадолго до этого порекомендовал отправить лечащий врач. Казалось, что с отцом окончательно ушли в небытие и сведения о спрятанных в Кёнигсберге сокровищах.

Рудольф учился в школе, вступил в Союз свободной немецкой молодежи, стал участвовать, как тогда говорили, в «строительстве новой жизни», отбрасывая всяческие воспоминания о прошлом и в первую очередь напрочь выбросив из головы откровения отца-нациста. Но судьбе суждено было еще не раз возвращать Рудольфа к прошлому, связанному с «делами» Георга Виста в Кёнигсберге. Однажды, проводя капитальную уборку в подвале дома, где они жили с матерью, Рудольф наткнулся на неожиданную находку. Под кучей брикетов бурого угля, которыми топились печь в доме, он вдруг обнаружил грязную, тронутую сыростью полевую сумку с замочком, ржавый ключ от которого был прикреплен металлическим колечком к ремню. Вот как спустя годы Рудольф вспомнил о том, что было в сумке.

Из письма Рудольфа Виста в Калининградскую экспедицию

«...Содержимое сумки было похоже на ком склеившейся бумаги, частично разрушившейся, текст на которой... едва прочитывался... Это были копии (папиросная бумага), затем одна коробочка из жести (бакелитный набор)^[68], в которой находилось около 200 шт. полосок, подобных часовой пружине (микрофильмы?). В сумке находились около 20 удостоверений личности с фотографиями моего отца... на различные фамилии. При рассмотрении лежавших передо мной материалов мне бросилось в глаза слово „Кёнигсберг“. Это явилось поводом для

прочтения этих бумаг».

Какие же документы хранились Георгом Вистом в полевой сумке? Рудольф более или менее отчетливо запомнил содержимое лишь некоторых из них. Прежде всего — уже неоднократно цитировавшийся в статьях о Янтарной комнате приказ за подписью должностных лиц РСХА и министерства авиации о препровождении транспортной колонны с Янтарной комнатой в «известный объект», обозначенный как «Б-3» (бункер № 3, арка № 3)^[69]. В приказе якобы указывалось, что все оставшиеся в районе объекта здания подлежат немедленному подрыву. Читая этот документ, Рудольф вспомнил, как отец что-то говорил о бункере на Штайндамм, поэтому он еще раз внимательно вчитался в слабо различимый текст машинописной копии на тонкой папиросной бумаге. В его памяти цепко остались ориентиры местонахождения этого бункера так, как это было изложено в приказе.

**Из документа, найденного и собственноручно
воспроизведенного Рудольфом Вистом**

«Границы Б-3: Книпродештрассе — Штайндамм — Ланге Райе. Визирь: с улиц Якобштрассе, Гезекусплатц в направлении Штайндамм».

Кроме этого «кроссворда», состоявшего из названий улиц, Рудольф запомнил содержание еще нескольких документов: докладных записок в гауляйтунг НСДАП^[70] и подразделения РСХА за подписью отца о завершении работ по вышеупомянутому приказу, а также расписки в получении от дежурного оберфенриха^[71] тридцати ящиков с янтарными панелями и сырьем. Среди слежавшихся листков бумаги была вырезка из карты Кёнигсберга на клеенчатой основе, а также едва просматривавшаяся светокопия схемы бункера, похожего на штольню, связанную с другими подземными сооружениями. Карта тогда привлекла пристальное внимание мальчика, и он, вспоминая рассказы отца, долго рассматривал ее, пытаясь определить местонахождение таинственного объекта. Это был район к северо-западу от замка с четко просматривавшейся сетью улиц и квадратами городских кварталов. Простым карандашом вдоль улиц была проведена тонкая, прерывистая линия, сопровождавшаяся какими-то пометками и обозначающая, по-видимому, маршрут движения транспорта с ценным грузом. Рудольф Вист запомнил, что линия эта обрывалась в том месте карты, где на Штайндамм выходила вытянутая в южном направлении

площадь Хоймаркт^[72]. Именно тогда он и решил, что бункер на Штайндамм, о котором говорил отец, находился где-то в районе этой площади, то есть в непосредственной близости от здания Геолого-палеонтологического института и янтарной коллекции Кёнигсбергского университета.

Потом, когда Рудольфа Виста неоднократно просили вспомнить еще что-нибудь, связанное с находками в полевой сумке отца, он припоминал некоторые дополнительные детали, — например, те два десятка удостоверений личности, которые позволяли предположить, что оберштурмбаннфюрер был не заурядным чиновником в системе РСХА, а, возможно, одним из специально подготовленных сотрудников, готовых в любое время перейти на нелегальное положение.

**Из письма Рудольфа Виста
в Калининградскую экспедицию. 3 марта 1977 года**

«Удостоверения личности были изготовлены в различных воинских частях. Одно из них предписывало всем учреждениям империи и вермахта оказывать всяческое содействие его владельцу. Удостоверение было подписано подобно знаку НН^[73].

В сумке находились кроме удостоверений, изготовленных на имя отца, удостоверения... на фамилии (фон) Шлоссберг, Хаффштром и Шнайдеркопф (Шнайдеркопп). Все они были немного повреждены. Одно удостоверение с красной обложкой и позолоченной звездой посередине было заполнено русскими буквами. Фамилии вспомнить не могу».

Итак, суммируя сведения, которыми располагал Рудольф Вист, можно предположить, что его отец был одним из фактических организаторов сокрытия ценностей кёнигсбергских музеев, а также материалов, представляющих интерес для нацистского руководства. Возможно, он был причастен к одной из широкомасштабных секретных операций по укрытию и эвакуации главных фашистских кадров, а также переводу валютных средств, произведений искусства и золотых активов НСДАП в страны Латинской Америки. Точных данных о нем пока не имеется. Можно, конечно, усомниться в отдельных фактах биографии Густава Георга Виста, но следует учесть, что значительная их часть нашла свое подтверждение в воспоминаниях других членов семьи и родственников, а также в отдельных документах, о чем сообщал в своей книге о поисках Янтарной комнаты немецкий исследователь Пауль Энке. Он считал, что Рудольф Вист обладал

«очень хорошей памятью», «логическим мышлением» и занимал в беседах достаточно «самокритичную позицию».

Вместе с тем романтические элементы истории — таинственный бункер, находка микрофильмов и удостоверения за подписью рейхсфюрера СС, подводная лодка — все это придавало воспоминаниям Рудольфа Виста несколько детективный характер, порождало сомнения в их достоверности, вызывало чувство недоверия.

Самое главное, что все рассказанное впоследствии Рудольфом Вистом об участии его отца в сокрытии Янтарной комнаты и других ценностей невозможно было подтвердить документами, которые он нашел в полевой сумке. Дело в том, что, ознакомившись с ними, Рудольф... уничтожил их все до единого.

Из письма Рудольфа Виста в Калининградскую экспедицию. 3 июня 1976 года

«...Все, что можно было прочесть, было прочитано мною без особого интереса... Затем я сжег весь этот хлам. Вы сейчас, возможно, этого и не поймете. Однако представьте себе: мы тогда потерпели поражение в войне. Были люди, которые располагали меньшим, чем я, но и они в первые годы допускали грубые ошибки.

Я боялся и хранить этот хлам, и сдавать его. Теперь я убедился, что совершил ошибку, однако исправить ее уже невозможно. Кроме того, до 1959 года я даже не знал, что Янтарной комнаты у вас нет...».

Итак, Рудольф Вист уничтожил все документальные материалы еще в 1950 году и к моменту беседы с журналистами из «Фрайе Вельт» мог «предъявить» лишь свои устные воспоминания с воспроизведением по памяти некоторых особенно запомнившихся ему документов. По-видимому, журналисты серьезно отнеслись к его рассказу, так как спустя несколько недель к нему в Эльстерберг специально приехал секретарь советского консульства в Карл-Маркс-Штадте^[74] Алексеев.

Консульский работник проявил большой интерес к воспоминаниям двадцатитрехлетнего молодого человека, подробно расспрашивал Рудольфа об обстоятельствах находки документов, задал не один десяток вопросов относительно личности отца, просил еще раз на память процитировать приказ за подписью должностных лиц РСХА и Министерства авиации. В заключение беседы сотрудник консульства предложил Висту оказать

содействие Советскому Союзу в благородном деле поиска ценностей, награбленных фашистами в годы войны, в том числе непосредственно в розыске Янтарной комнаты. Разговор закончился в благожелательном тоне, и еще недавнее беспокойство и тревога, охватывавшие Рудольфа при воспоминании об отце, уступили место волнующему душу предчувствию скорой встречи с местами, где прошло его детство.

Видимо, советской стороне потребовалось какое-то время на согласование вопроса, так как несколько дней Виста не беспокоили, никуда не вызывали, и он пребывал в состоянии тревожного ожидания. Наконец однажды вечером у его дома остановился блестящий черный лимузин, из которого вышли два незнакомых ему человека. Разговор был недолгим. Консул лишь сообщил, что, учитывая готовность гражданина ГДР Рудольфа Виста оказать содействие в поиске Янтарной комнаты, в самое ближайшее время с ним будет проведен ряд обстоятельных бесед, к которым он должен основательно подготовиться.

Событие не заставило себя ждать, и 23 августа во время рабочей смены Рудольфа Виста вдруг неожиданно вызвали в кабинет директора фабрики. Незнакомый человек, прибывший из Берлина, дал ему не больше часа на сборы, и спустя некоторое время они уже мчались на служебной автомашине в сторону столицы ГДР. На следующий день, сопровождаемый советским представителем — референтом министра культуры, Рудольф уже сидел в самолете и думал о неожиданных поворотах своей судьбы. Несколько часов назад ему было заявлено, что советское правительство дало разрешение на приезд гражданина Виста в Калининград с тем, чтобы он, сориентировавшись на месте, помог более точно определить, где следует вести поиск. И вот теперь его ждала встреча — сначала с Москвой, а потом с городом, воспоминания о котором будоражили душу Рудольфа, с городом его детства.

Следует отметить, что район Штайндамм, указанный Вистом, давно привлекал внимание тех, кто занимался поиском исчезнувших сокровищ. Сюда сразу после окончания войны не раз приходил профессор Брюсов. Это место интересовало и уже упомянутую группу поисковиков, работавшую под руководством Кролевского. Однако конкретные данные, пусть даже вызывающие серьезные сомнения в их достоверности, поступили из ГДР с заявлением Рудольфа Виста. Главная задача заключалась теперь в том, чтобы определить конкретное местонахождение укрытия. Где мог находиться тот «Б-3», о котором говорилось в документах оберштурмбаннфюрера?

Воспроизводя по памяти приказ о захоронении Янтарной комнаты,

Рудольф Вист называл три улицы, которые определяли границу территории, где находился бункер, — Книпродештрассс (Театральную), Ланге Райе (Барнаульскую) и Штайндамм (Ленинский проспект). Все эти три улицы проходят, как известно, под определенным углом относительно друг друга, но, пересекаясь, не образуют замкнутого пространства. Поэтому, собственно, не могут рассматриваться в прямом смысле слова как границы местонахождения бункера. Вместе с тем, отмеченный на карте маршрут движения транспортной колонны, как мы помним, заканчивался в районе площади Хоймаркт, а она, по существу, являлась как бы центром, в котором сходились все три улицы.

Из книги Фрица Гаузе

«История города Кёнигсберга в Пруссии». Кёльн — Вена, 1972 год

«Общественные места были в то же самое время местами казни и судопроизводства. Каждое из них представляло собой три виселицы, стоящие на круглом основании, и располагалось, конечно, далеко за пределами города... В старом городе это был Хоймаркт»^[75].

Эта краткая историческая справка не дает нам представления о том, как выглядела площадь Хоймаркт в те времена, когда Калининград еще назывался Кёнигсбергом, когда в хаосе окружения несколько крытых военных грузовиков остановились у перекрестка и безликие люди в униформе стали сгружать какие-то ящики, унося их в неизвестном направлении. Открывающаяся со стороны Штайндамма площадь была застроена преимущественно четырех- и пятиэтажными домами, стоящими вплотную друг к другу. Здесь было несколько магазинов, салонов, множество контор: ресторан «Цум Барбаросса», кинотеатр «Штайндамм», мастерская жестянщика Розенбаума, продовольственный магазин Ланге, парикмахерский салон Вернера... После авианалета в августе 1944 года несколько домов на Хоймаркт было разрушено, движение автотранспорта ограничивалось расчищенной проезжей частью улицы Ланге Райе. Здесь, на Хоймаркт, находился большой гараж служебных автомашин, поэтому обломки рухнувших зданий и щебень быстро были убраны рабочими командами РАД^[76] под руководством дорожной полиции. Не будем гадать, какие события происходили здесь, на площади, в последние месяцы перед штурмом Кёнигсберга. Строились ли в этом месте новые убежища, дополнительно к существовавшим ранее, или реконструировались старые

— сведений об этом, к сожалению, не было ни у поисковиков, которые встретили Рудольфа Виста, прибывшего в Калининград столь неожиданно, ни впоследствии у Калининградской экспедиции, проводившей интенсивное обследование данного района.

Когда Виста по прибытии в Калининград привезли к тому месту, которое он неоднократно упоминал в своих рассказах, по всему было видно, что молодой человек растерялся. Десяток людей с интересом и ожиданием смотрели на него, а он, озираясь по сторонам, не мог узнать города, воспоминания о котором так долго тревожили его. Конечно, он знал, что после его отъезда из Кёнигсберга в восточнопрусской столице были ожесточенные, кровопролитные бои. Решимость Красной Армии, обрушившей свой праведный гнев на землю захватчиков, столкнулась с фанатической уверенностью нацистов в том, что их «несокрушимое упорство» приведет к победе. «Уничтожайте большевиков, где только можете! Дайте им отпор и превратите дорогу в Кёнигсберг в братскую могилу!» — эти надрывные призывы крайслейтера Вагнера Рудольф слышал в сорок пятом в одной из передач кёнигсбергского «Райхсзендера»^[77], когда они с матерью, сестрой и бабушкой уже жили в казавшейся недостижимой Саксонии. Через несколько месяцев город действительно превратился в большую могилу, поглотившую тысячи жизней немецких и советских солдат: смерть не разбирала, где грешники, а где праведники, — такова жестокая правда войны. Но и сам город заплатил сполна — это было видно даже через четырнадцать лет после войны. Пустыри, заросшие бурьяном, развалины и фундаменты, неустроенный быт и с неимоверным трудом возводимые на кирпичном крошечном доме нового города.

Такие или же похожие мысли были в голове у молодого человека, неожиданно оказавшегося в родном городе, теперь ставшем ему почти совсем чужим. Рудольф долго осматривался, пытаясь сориентироваться, и, наконец «зацепившись» взглядом за некоторые уцелевшие постройки, четко представил себе, где находится. Он показал окружающим его членам комиссии бывшую площадь Хоймаркт, а также место напротив, где раньше стояла известная кёнигсбергская аптека «К золотому орлу». Там сейчас работал бульдозер, расчищая завалы. Где-то здесь, по мнению Виста, и проходила условная граница местонахождения бункера. Именно отсюда довольно легко просматривались среди уцелевших построек и кое-где возведенных новых домов два других ориентира, названных в запомнившемся документе, — улица Якобштрассе и площадь

Гезекусплатц^[78].

Если на плане Калининграда провести прямые линии, соответствующие направлениям всех четырех названных улиц и одной площади, то они сойдутся в условной точке на карте, которая располагается как раз где-то в районе пересечения Ленинского проспекта с улицами Барнаульской и Генерала Соммера.

В 1959 году Рудольф Вист так и не смог точно определить, где же был этот таинственный «Б-3», о котором рассказывал отец. Он подходил к месту, где работал бульдозер, потом шел на противоположную сторону улицы, где начиналась Барнаульская и была раньше площадь Хоймаркт, затем снова шел к бульдозеру.

Вполне понятно, что нельзя было требовать точности от человека, лично не участвовавшего в укрытии ценностей, а знавшего об этом, можно сказать, только понаслышке. Он, конечно же, не мог указать местонахождение бункера, и скоро это стало понятно всем. Затея была явно несерьезная. Приезжавший несколько раз на «опознание» Кролевский с самого начала не питал особых надежд на успех такого поиска, а после того как Вист стал проявлять неуверенность и ссылаться на хрупкость своей памяти, вообще потерял к нему интерес.

К тому же и поисковая работа, которая проводилась в период нахождения Виста в Калининграде, оставляла желать лучшего. Об этом впоследствии свидетельствовали ее участники и сам Рудольф Вист.

Из справки А. В. Максимова

«Краткая история розыска Янтарной комнаты»

«Начались раскопки, которые проходили, прямо говоря, по-детски. Механическим канавокопателем на глубину в 2,5–3 метра были сделаны несколько разрезов в разных направлениях. Затем дали два-три шурфа глубиной до 7 метров, и все. Убедились, успокоились, пожали плечами и отправили Виста восвояси. Этим и закончились так называемые „розыски Янтарной комнаты“».

Из письма Рудольфа Виста

в Калининградскую экспедицию. 26 марта 1976 года

«...Теперь непосредственно о работе в 1959 году. Ход дела был поставлен неудовлетворительно. Даже из самых ответственных лиц никто не знал, о чем должна была идти речь. Организация дела... также не ладилась... Было видно, что интерес проявляется лишь только к немедленным результатам...»

Итак, миссия Виста в Калининграде окончилась неудачей. Скорее всего, другого результата и не приходилось ожидать. Ведь ясно, что нельзя вспомнить того, чего не видел сам. У многих даже закралось подозрение: а не выдумал ли молодой немец всю эту историю, начиная от находки полевой сумки и кончая рассказами отца, для того, чтобы получить возможность побывать на родине? Развеять это подозрение мог только сам Рудольф Вист, но он и впоследствии продолжал настаивать на полной достоверности сообщенных им сведений.

В начале семидесятых годов прошлого века на Барнаульской развернула свою работу экспедиция. Началось скрупулезное обследование бывшей площади Хоймаркт, опрос десятков старожилов и участников предшествующих поисков, изучение многочисленных документальных материалов, поступивших в правительственную комиссию по розыску Янтарной комнаты и музейных ценностей, начиная с момента ее образования в 1967 году. Поиски затруднялись не только тем, что после войны прошло уже более четверти века и оставалось все меньше людей, помнящих первые послевоенные годы, но и тем, что на месте бывших пустырей и развалин выросли новые кварталы пятиэтажных панельных домов, пролегали улицы и переулки, не совпадающие со старой кёнигсбергской планировкой.

В экспедицию «хлынул» поток заявительских материалов: приходили письма от участников войны и первых переселенцев, от бывших жителей Кёнигсберга, проживающих в Германии, от граждан, волею судьбы оказавшихся на территории гитлеровского рейха в годы войны.

Анализ вновь собранного материала позволил выделить из общей массы сведений те, которые, казалось, могли иметь отношение к версии Виста. И, несмотря на то, что эти данные существенно отличались друг от друга по степени их достоверности, отбрасывать их было нельзя. Ведь пренебрежение самым малым, даже какой-то крупинцей информации, могло лишить поисковиков той тонкой связующей нити, которая, кто знает, может быть, вела к разгадке, зашифрованной в буквенно-цифровой комбинации сгоревшего в огне документа германской полиции безопасности.

Информация первая. В 1964 году в газету «Калининградская правда» обратился житель Калининграда Василий Никифорович Степаненко. Он рассказал, как в первые послевоенные годы обнаружил среди домов на Барнаульской спуск в «потайной ход», по которому даже взрослый человек мог передвигаться свободно, не сгибаясь. Куда он вел и какой был протяженности, Василий Никифорович не знал, но место, где ему довелось спуститься в подземелье, показал уверенно.

Информация вторая. Старожил этого района Иван Романович Бутенко рассказал, что в конце сороковых годов здесь был обнаружен колодец, из которого имелся переход в просторное подземелье. Солдаты саперной части по приказу из комендатуры осмотрели это укрытие и, ничего не найдя, засыпали, а потом и забетонировали вход в подземелье.

Информация третья. Еще в 1956 году в редакцию газеты «Калининградская правда» поступило письмо от супругов Петровских из Омска. Они сообщали, что, прочитав книгу В. Дмитриева и В. Ерашова «Тайна Янтарной комнаты», вспомнили один «незначительный случай», связанный с улицей Барнаульской.

**Из письма супругов Петровских
в редакцию газеты «Калининградская правда».
15 июля 1956 года**

«В 1951 году я и моя жена Тамара оканчивали строительный техникум. На две стипендии прожить вдвоем было в то время трудновато, приходилось подрабатывать, т. е. брать чертежную работу, обмеры и проч. Однажды мы снимали план здания, подлежащего ремонту с некоторой реконструкцией... Пришлось обшарить с рулеткой массу всяких выступов, уширений, тупиков и пристроек.

Составив эскиз подвала в плане и проставив размеры, мы начали „увязывать цепочку“ — получается какая-то чертовщина! Одна сторона короче другой на 3 метра! Проверили на месте — ошибки быть не должно. Тогда решили вычертить план подвала в масштабе... В плане рядом с лестничной клеткой образовалось некое „белое пятно“ — квадратная комнатка около трех метров в поперечнике. Пытались найти туда вход или окно, но их не оказалось. Кругом были капитальные стены. Размышлять... у нас не было времени, нужно было работать над дипломными проектами.

А потом все было забыто. И вот восемь лет спустя я вспомнил этот случай...»

Заявлений, подобных этому, было немало, и в свое время к нему отнеслись как к несерьезному, хотя в конце письма адресат выражал свою готовность показать дом, в котором обнаружилось «белое пятно». Это было в двух шагах от бывшей площади Хоймаркт.

Информация четвертая. В середине пятидесятых годов работниками

лаборатории измерительных приборов, размещавшейся в самом начале улицы Больничной (этот дом выходил фасадом на интересующую нас площадь) был задержан неряшливо одетый человек, долго слонявшийся около окон, а затем появившийся в самом здании. Может быть, на него никто и не обратил бы особого внимания, если бы лаборантки не заметили, как незнакомец проник в одно из подсобных помещений и стал осторожно простукивать глухую капитальную стену. Была вызвана милиция, и подозрительного субъекта препроводили куда следует. Случай этот потом еще долго вспоминали в коллективе лаборатории, строя самые фантастические предположения.

Информация пятая. Вера Степановна Богачева, проживавшая в этом районе Калининграда с 1947 года, рассказала, что однажды вечером, проходя мимо четырехэтажного дома, выходящего фасадом на площадь, она услышала какой-то непонятный глухой стук. Он исходил как бы из-под земли со стороны гаражей, пристроенных к дому. Вера Степановна удивилась, но вскоре за домашней суетой забыла о необычном факте. Через несколько дней, проходя по Больничной в сторону Ленинского проспекта, она опять услышала глухие удары, как будто каким-то тяжелым предметом, например кувалдой, со всей силы стучали по бетонной стене. Казалось, что от этих ударов даже немного сотрясается земля под ногами. Она поделилась своим недоумением с соседкой. На следующий день та уже сама зашла к Вере Степановне и рассказала, что тоже слышала «подземный стук». Обе решили, не откладывая, заявить в милицию. Пришлось «попотеть» и двум милиционерам, которых тоже заинтересовало «привидение», работающее по вечерам в толще земли. Настроенные поначалу скептически, они почувствовали, что здесь пахнет каким-то криминалом, и даже организовали попеременное дежурство в одном из гаражей. Стук шел откуда-то из глубины и раздавался вечером почти в одно и то же время, будто человек, где-то там долбящий стену, регулярно принимался за свою изнурительную работу. Прошла еще пара дней, и вдруг неожиданно стук прекратился. Больше его здесь никто никогда не слышал.

Информация шестая. Достаточно серьезная, так как прозвучала из уст человека, которого трудно заподозрить в стремлении к преувеличению или фантазерству. Через бывшего начальника отдела военной контрразведки «Смерш» одной из армий, действовавших в Прибалтике в годы Великой Отечественной войны, работники экспедиции познакомились с Анной Евстигнеевной Жерлыгиной, бывшей разведчицей, которая находилась в Кёнигсберге с апреля 1944 года до самой капитуляции гитлеровцев в составе разведгруппы, выполнявшей задание советского

командования. В отношении интересующего поисковиков места Анна Евстигнеевна сообщила, что разведчики неоднократно пользовались подземным ходом, проходившим здесь глубоко в толще земли. Она запомнила, что вход в подземелье находился на перекрестке улиц Рихард-Вагнер-штрассе и Ланге Райе, а на карте командира разведгруппы обозначался сокращенно «W-8», что могло означать «Вагнер-штрассе, дом номер восемь». Именно здесь якобы и был спуск.

Анна Евстигнеевна вспоминала, как разведчики под покровом ночи отыскивали это место среди развалин, как спускались в глубокий колодец, держась за металлические скобы, обтянутые резиной, как на глубине в несколько десятков метров (?) увидели широкие коридоры, освещенные слабым электрическим светом. Вдоль стен тянулись какие-то трубы и кабели, попадались откидные скамьи-сиденья, в нишах можно было разглядеть блестящие корпуса авиабомб, надежно прикрученных к вмурованным в стену крюкам и соединенных электрическим проводом.

Жерлыгина с готовностью бралась показать месторасположение этого подземного сооружения, и, хотя вход в него находился, по ее описаниям, несколько дальше — в двухстах метрах от бывшей площади Хоймаркт, ее информация представляла исключительный интерес. Ведь невозможно было только по рассказам определить направление подземных коридоров, а, следовательно, не исключалось, что хотя бы один из них имел выход на эту площадь. Тогда бы материализовавшаяся версия Виста дополнилась новой «информацией к размышлению», заставляющей взглянуть на вещи по-иному. Конечно, найдя подземное сооружение «W-8», можно было бы предположить и то, что ящики были принесены сюда по улице Ланге Райе, так как Рихард-Вагнер-штрассе сильно пострадала от авиааналета в августе 1944 года, и подходы к бункеру могли быть недоступны с этой стороны. Но для таких предположений, по меньшей мере, надо было отыскать подземелье.

Это далеко не полный перечень информации, полученной экспедицией в отношении вероятного нахождения бункера в районе бывшей площади Хоймаркт и улицы Ланге Райе. Были и другие, может быть, менее значимые сведения, но как фрагменты мозаики, лежащие в общую картину событий военной и послевоенной поры. Во всяком случае, даже если бы не было воспоминаний Виста, этот район Калининграда представлял собой исключительный интерес для поисков. Справедливости ради следует сказать, что это отмечал еще в начале пятидесятых годов инженер Якубович, один из активных участников поиска Янтарной комнаты. В своей справке, озаглавленной «Краткие сведения о начале розыска

Янтарной комнаты», он перечислял «наиболее вероятные места» ее укрытия. На втором месте Якубович указал «территорию, ограниченную в настоящее время улицами Барнаульской, Больничной, Ленинским проспектом и Горной».

В первую очередь экспедиция задалась вопросом, не натыкались ли строители, возводившие дома в районе Ленинского проспекта и Барнаульской, на какие-либо подземные сооружения, укрытия, бункеры. Опрос руководителей и непосредственных участников строительства и сноса старых развалин показал, что практически по всему бывшему Штайндамму они обнаруживали многочисленные полузасыпанные или полностью обрушенные подвалы, встречали десятки колодцев, многие из которых имели значительную глубину. Тем не менее каких-либо подземных сооружений, похожих на бункер или специальное хранилище, при возведении «нулевого цикла» строителям не попадалось.

Тогда за основу практического поиска были взяты многочисленные упоминания старожилов о глубоких колодцах между домами около гаража станции «Скорой медицинской помощи» на улице Барнаульской. Уже упоминавшийся выше Василий Никифорович Степаненко указал сотрудникам экспедиции точное, как казалось ему, местонахождение колодца, куда он спускался в то время, когда город лежал в сплошных развалинах. Начались раскопки на небольшом пятачке, усаженном деревьями. Сначала был вскрыт сразу показавшийся подозрительным «восьмигранник» — четко выделяющийся на газоне контур какого-то сооружения, ограниченного ровно уложенными под углом друг к другу плитами. Орудия ломов, рабочие разворотили кирпичную кладку, которой была заложена поверхность колодца, и в течение нескольких часов очищали его от земли, битого кирпича и щебня, которым он был завален на двухметровую глубину. Обнажились овалы стены с выступающими металлическими скобами. На дне, совершенно не тронутым сыростью, была обнаружена закрытая металлической решеткой отдушина, труба от которой шла куда-то в сторону. Прибывшие для консультации специалисты городского управления «Водоканал» высказали предположение, что колодец мог быть частью какой-то вентиляционной системы, так как подобного рода сооружения строятся, как правило, вблизи подземных хранилищ большого объема.

Рядом с «восьмигранником» после прокладки неглубокой траншеи был обнаружен другой колодец. Как же хотелось тогда найти, наконец, бункер или хотя бы подземный ход, подтверждающий свидетельства Степаненко, Богачевой, Бутенко или Жерлыгиной. Но тщетно. Отчасти потому, что

почти ни одно из обследований не удавалось довести до конца — не было необходимой техники, мешала промозглая декабрьская погода, превращавшая тяжелую работу землекопов в сущий ад. Вот и здесь, на дне очищенного колодца, обнаружилась тяжеленная гранитная плита толщиной сантиметров двадцать, а под ней (это было видно в зазор между стенками колодца и каменным монолитом) слой железобетона. Нужна буровая техника, подъемные автокраны, лебедки. Но ничего этого под рукой у экспедиции не было. Опять просить... И все это для того, чтобы, может быть, еще раз испытать разочарование. Ведь версия Виста и так у очень многих людей, причастных к поискам, вызывала скептическую усмешку. Так и не обнаружив открытого подземного хода, о котором говорили многочисленные заявители^[79], экспедиция прекратила поиск на бывшей площади Хоймаркт. Колодцы были засыпаны, поверхность земли выровнена, и теперь яркий зеленый газон совсем не напоминает о том, что где-то глубоко под землей остались так и не обнаруженные лабиринты подземного Кёнигсберга, до сих пор хранящие не одну тайну.

Неудачным оказался и осмотр Барнаульской улицы вместе с Анной Евстигнеевной Жерлыгиной. Она, когда-то хорошо ориентировавшаяся в хитросплетении улиц и развалин старого Кёнигсберга, теперь испытывала затруднения, пытаясь показать место, где находится спуск в обширные подземелья, подготовленные гитлеровцами к взрыву. В конце концов, она все-таки привела поисковиков к трехэтажному кирпичному дому, где прежде размещалась Университетская глазная клиника.

**Из книги Рихарда Армштедта и Рихарда Фишера
«Краеведение Кёнигсберга в Пруссии».
Кёнигсберг, 1895 год**

«Глазная клиника расположена напротив Нойросгертерской кирхи на углу Вагнерштрассе и Ланге Райе. Она была открыта в 1877 году. Здесь же располагается и поликлиника... В саду клиники стоит созданный скульптором Ройшем бюст профессора Юлиуса Якобсона, известного окулиста нашего города, долго и плодотворно трудившегося здесь...»

**Из книги Герберта Мюльпфордта
«Кёнигсбергские скульптуры и их мастера. 1255–1945».
Вюрцбург, 1970 год**

«Бюст глазного врача профессора доктора Юлиуса Якобсона. Подарен университетом. Бронза. 1890 год. Местонахождение:

перед Университетской глазной клиникой на Ланге Райе. Судьба: после бомбардировки бюст оказался сброшенным, позднее пропал».

Осмотр здания бывшей глазной клиники показал, что под ним были обширные сводчатые подвалы с многочисленными коридорами и переходами, тянувшимися вдоль улицы в сторону бывшей Штайндамм.

Но все-таки это было не то, что искали. Оставалось предположить, что Жерлыгина спускалась в проходивший в этом месте коллектор, который служил для отведения сточных вод и канализации. После бомбардировки Кёнигсберга в 1944 году почти вся канализационная сеть центра города, включая насосные станции, вышла из строя и не эксплуатировалась. Потоки дождевой воды промыли подземные сооружения, удалив нечистоты. Вполне возможно, что гитлеровцы не отказались от использования таких удобных подземных хранилищ. Ведь размеры главного коллектора, пересекавшего Рихард-Вагнер-штрассе, были довольно внушительными: туннель имел высоту свыше двух, а ширину — более полутора метров. Его ходы и лабиринты по самым приблизительным подсчетам достигали протяженности свыше восьми километров под кварталами центральной части города. Некоторые из калининградцев, особенно те, у кого детство пришлось на период послевоенной разрухи, конечно, помнят эти подземные ходы — любимые места мальчишеских игр, порою очень небезопасных и нередко кончавшихся плачевно для недостаточно осмотрительных. Жерлыгина так и не нашла место, где она со своими товарищами из разведгруппы спускалась в освещенный бледным светом подземный ход.

Таким образом, ни опросы старожилов, ни раскопки, ни сопоставление разнохарактерных сведений с данными Рудольфа Виста не привели к долгожданной цели — бункер «Б-3» или какое-либо иное подземное сооружение, о наличии которого свидетельствовали по меньшей мере восемь советских граждан и трое немцев, найдены не были. Не помогла и повторная встреча с Вистом, который не сумел добавить к своим рассказам ничего нового. Так или иначе, но речь стала вестись о свертывании работ экспедиции в районе бывшей площади Хоймаркт как бесперспективных.

Прекращением практических поисков была подведена черта под надеждами найти загадочный «Бункер № 3». Тогда, в начале восьмидесятых, казалось, что будут другие, более перспективные объекты, что еще немного — и появится надежный след, приводящий прямо к долгожданной находке. Но шло время, надежды сменялись

разочарованиями, и конечная цель, казалось, все удалялась и удалялась, заставляя переосмысливать прошлое, искать ошибки, упущения, неиспользованные возможности. Думается, что все, связанное с информацией о «Бункере № 3», — не только данные Рудольфа Виста, но и другие, не менее интересные заявления, упоминавшиеся в этой главе, — все это нуждается в повторной проверке, серьезной, вдумчивой, основанной на методах современной науки и, конечно, опирающейся на энтузиазм нового поколения поисковиков.

Глава шестая

Гросс-гараж «СС»

...Железобетонный трехъярусный немецкий гараж хорошо сохранился... Изучить это место в те годы нам было невозможно из-за примитивности наших кустарных средств. У меня в руке был один самодельный электрический фонарь, вот и все оборудование. Однако интересно, что в этот подземный зал немцы ввели несколько грузовых машин и подожгли их... Это место подлежит тщательному и глубокому обследованию. Быть может, из этого углового помещения имеется вход в бункер... С этого места и следует начать работу...

Из записки А. В. Максимова «Моя „версия“ о легенде исчезновения „Янтарной комнаты“». 1986 год

Эта история произошла в двадцатых числах марта 1945 года, когда Кёнигсберг был уже прочно блокирован советскими войсками. С портом Пиллау^[80] его соединяло узкое пространство Земландского полуострова вдоль залива Фришес Хафф^[81], еще удерживаемое остатками частей трех пехотных, одной танковой и двух гренадерских дивизий вермахта. До капитуляции города оставались считанные дни. Единственная железная дорога, соединявшая Кёнигсберг с портом, была загружена до предела. Шоссе и все проселочные дороги были забиты тысячами повозок и толпами беженцев, отступающими войсками, брошенной техникой.

**Из книги Эдгара Гюнтера Ласса
«„Бегство“. Восточная Пруссия. 1944–1945».
Бад Наухайм, 1964 год**

«Сотни автомобилей с сотрудниками штабов вермахта, высокопоставленными гражданскими лицами... идвигающиеся им навстречу военные грузовики, штурмовые орудия и тяжелые танки блокировали дорогу. Советник фон дер Гребен совместно с адъютантом генерала майором бароном фон Шроттером...

пытались устранить эту многочасовую транспортную пробку и привести потоки в движение... В Фишхаузене^[82] царит неопишуемая давка. Из-за его чрезвычайной переполненности людьми предпринимаются попытки преградить дорогу все прибывающим массам беженцев, что удается, конечно, лишь отчасти.

Не только из Кёнигсберга, но и из других частей западного Замланда устремляются сюда потоки беженцев, которых скапливается здесь невообразимое количество...»

Фашистский гаулейтер и имперский комиссар обороны Восточной Пруссии Эрих Кох в связи с объявленной еще 27 января эвакуацией назначил одного из своих чиновников, некоего доктора Цуббе, специальным комиссаром по вопросам эвакуации. Разместившись со своим штабом в отеле «К золотому якорю» в Пиллау, этот нацистский чиновник, уже поднаторевший в подобных делах при отступлении немцев из Тильзита и Мемеля, стал не только вершителем судеб тысяч беженцев, которые намеревались получить место на одном из уходящих судов, но и главным распорядителем в вопросах вывоза ценных грузов в рейх. Подчинявшийся непосредственно имперскому комиссару обороны, Цуббе имел исключительные полномочия в определении, совместно с «морским комендантом» и командиром дивизии, дислоцировавшейся на полуострове, очередности и даже целесообразности погрузки на транспорты того или иного груза. При этом нередко он сам решал вообще не принимать груз на борт судна. Так, прибывшим в Пиллау бургомистру Хайлигенбейля^[83] и его сотрудникам было категорически отказано в приеме четырнадцати ящиков с «важнейшими документами» и крупной суммой денег в рейхсмарках, которые они тут же вынуждены были сжечь. Некоторые чиновники, обладающие всеми необходимыми пропусками и предписаниями, сами отказывались от отправки привезенного груза, предпочитая налегке занять место на каком-нибудь катере и побыстрее выбраться из западни, готовой превратиться в сущий ад. На пирсах Пиллау, у многочисленных пакгаузов и сараев, скопились горы брошенных ящиков, мешков, коробок. По ночам их пытались вскрывать в поисках съестного беженцы и солдаты фольксштурма.

Именно сюда, в переполненный беженцами, забитый автомашинами и фурами Пиллау, ранним утром прибыли из Кёнигсберга семь крытых грузовиков и серый «хорьх» с разбитым задним стеклом. По всему было видно, что сопровождавший колонну офицер имел какие-то чрезвычайно

важные документы, так как на контрольно-пропускном пункте полевой жандармерии их пропустили беспрепятственно прямо на пирс. У причала стоял грузопассажирский пароход, верхние палубы которого были уже битком забиты пестрой толпой беженцев. Слышались крики, чей-то надрывный плач, гортанные команды военных. По двум деревянным трапам солдаты, подталкивая друг друга, затаскивали носилки с ранеными. Тут же на земле дожидались своей участи десятки других неподвижно лежащих фигур в сером обмундировании. По-видимому, пароход должен был вот-вот отчалить.

Колонна остановилась поодаль. Старший в общевойсковой форме СС и двое штатских, которые до этого сидели в легковой автомашине, подошли к группе морских офицеров, наблюдавших за погрузкой. Между ними сразу началось бурное объяснение. Прибывшие с грузовиками, энергично жестикулируя, что-то доказывали высокому пожилому моряку в теплой куртке с капюшоном, по-видимому, капитану. Эсэсовец несколько ряд доставал из портфеля какие-то бумаги и, что-то горячо говоря, буквально совал их под нос безразлично смотрящим на него морякам. Водителю «хорьха», сидевшему в кабине, не было слышно, о чем шел разговор, так как его заглушал шум работающих моторов и гвалт толпы на пароходе. Но и без слов было понятно: команда судна отказывалась принять на борт переполненного парохода прибывший из Кёнигсберга груз. И тут, по-видимому, не сумел бы помочь даже сам комиссар по эвакуации доктор Цуббе. Хотя он мог, конечно, дать команду снять часть людей с парохода, но добиться ее выполнения было бы чрезвычайно трудно. Каждый, кто попал на палубу или в трюм, считал себя почти спасенным от неотвратимой гибели, и лишить его этой уверенности можно было лишь применив силу.

Резкий вой сирен прервал перепалку между капитаном судна и старшим колонны. Моряки заспешили на пароход, вокруг которого поднялась невообразимая суeta. Стало ясно, что, если судно сейчас же не отойдет от причала, оно вернее всего станет очередной жертвой налета советской авиации и грудой искореженного металла будет стоять здесь, сея панику и обезображивая акваторию порта, и так сверх всяких пределов забитую островами затонувших пароходов, барж и катеров. Где-то в стороне Камстигалля^[84] загрохотали зенитки — советские самолеты выходили на цель.

Откинулся полог брезентового верха грузовика, и человек десять в гражданской одежде с портфелями и саквояжами или маленькими чемоданчиками в руках заспешили по пирсу к уже убираемым матросами

трапам. Офицер вернулся к легковой машине, передал водителю кожаную папку с бумагами, предварительно вынув из нее и спрятав во внутренний карман запечатанный пакет. Через несколько минут пароход отошел от причальной стенки. Грузовики, обдавая опустевший пирс клубами выхлопных газов, быстро развернулись и, выстроившись в колонну, вслед за «хорьхом» двинулись в обратный путь — водители рассчитывали вывести машины за пределы Пиллау до налета бомбардировщиков.

Преодолевая заторы, колонна успела к началу бомбардировки порта выехать из города. Однако дальше двигаться было практически невозможно из-за заторов на дорогах. Надолго застряв в одном из них среди дымящихся развалин Нойхойзера^[85], водители автоколонны стали свидетелями безжалостной расправы над тремя дезертирами. Группа полевой жандармерии во главе с офицером ГФП^[86] вздернула на фонарный столб двух вырывающихся молодых солдат, одетых в гражданскую одежду, и пожилого фольксштурмиста, которые скрывались неподалеку в подвале разрушенного фольварка и были пойманы в ходе очередного прочесывания местности. С 9 марта повсеместно стал активно применяться приказ Гитлера, регламентирующий действия мобильных военно-полевых судов — «радикального средства» борьбы с дезертирством и уклонением от службы.

Спустя несколько часов пробка немного рассосалась, и машины смогли ехать дальше. Сорокакилометровое расстояние они преодолели только к вечеру, но, не доезжая пяти километров до Кёнигсберга, где-то в районе Зеераппена^[87], один из грузовиков — тяжело груженный трофейный «берле» французского производства с газогенераторной установкой — вдруг вышел из строя и его пришлось оставить вместе с водителем ночевать на месте поломки. Поздно ночью автоколонна приближалась к Кёнигсбергу, холодному и мрачному, оцетинившемуся баррикадами и железобетонными колпаками на перекрестках основных магистралей, называвшихся в просторечии «горшками Коха». Грузовики свернули с шоссе — в районе Меттетена^[88] находился склад, откуда накануне был взят ценный груз, предназначенный для отправки морем, — а серый «хорьх» еще битый час пробирался через город, объезжая завалы, образовавшиеся после недавней бомбардировки. Прибыв в гараж на Хоймаркт, шофер доложил по телефону своему начальнику о возвращении из Пиллау, о фактическом бегстве на судне пассажиров грузовика и о грузе, который так и не удалось отправить морем.

Начальник транспортного реферата хозяйственного отдела Кёнигсбергского Главного управления гестапо старший криминаль-

секретарь Бруно Апфельштедт приказал своему шоферу Ежи Яблонскому написать подробную докладную записку о случившемся и представить ее ему лично по прибытии к зданию полицей-президиума.

Эту историю поведал поисковикам в 1967 году приезжавший в Калининград гражданин Польши Ежи Яблонский. Да, да, тот самый шофер, который участвовал в перевозке неизвестных ценных грузов в 1945 году! Оказавшись в Калининграде, он вспомнил несколько эпизодов военной поры, но в данном повествовании речь пойдет только об одном из них, связанном со Штайндаммом и конкретно с известным уже нам гаражом на площади Хоймаркт.

Что же было после того, как Яблонский доложил своему гестаповскому начальнику о происшествии в Пиллау? И какое отношение эта история имеет к гаражу на Хоймаркт, самому крупному в Кёнигсберге, так называемому «Гросс-гаражу», находившемуся в ведении СС после известной бомбардировки 1944 года?

Через пару дней Яблонского, занимавшегося ремонтом своей автомашины (он вставлял с трудом раздобытое заднее стекло), вызвали через внутренний селектор к вахте на въездных воротах гаража. Там его встретили двое мужчин в штатском. Один из них, предъявив удостоверение офицера СД, сообщил, что с шофером якобы хочет побеседовать какой-то важный чиновник. Так и не переодевшись, в старом комбинезоне, Ежи Яблонский, лихорадочно думая, какую оплошность он мог допустить, последовал за незнакомыми ему сотрудниками службы безопасности. Когда они, предъявив документы посту охраны у баррикады, преграждавшей улицу рядом с громадой «Штадтхауза»^[89], вышли на площадь, Ежи подумал, что его ведут в здание полицей-президиума, и неприятный холодок пробежал по спине: за два года работы шофером у Апфельштедта он уже достаточно наслышался о методах, которые используются гестаповцами при «беседах» в зловещих подвалах этого дома. Но, вопреки опасениям, они вдруг свернули в сторону здания Восточнопрусского земельного суда, массивная серая коробка которого с четкими рядами прямоугольных окон придавала площади казарменный вид. Фасад здания был в нескольких местах иссечен осколками, стены над верхним рядом окон закопчены — следы последних бомбардировок города.

Яблонский и сопровождающие его сотрудники СД пришли в здание. Петляя по коридорам, заваленным бумагами, обломками конторской мебели, мешками с песком, они перешли в старое здание суда, где суety было поменьше и сохранилась некоторая видимость порядка. Наглухо заколоченные досками окна погрузили некогда шикарные апартаменты во

мрак. Лишь в отдельных рабочих кабинетах горели лампы-подвески, слышался стук пишущих машинок и приглушенные голоса. Солдаты, тяжело дыша, выносили какие-то тщательно упакованные ящики во двор здания. Во всем чувствовалось тревожное ожидание развязки. Правда, никто еще не знал, что до начала штурма города-крепости оставалось около недели.

Перед массивными дверями они остановились. Тот, кто показывал Яблонскому свое удостоверение, что-то шепнул сидевшему около двери офицеру. Через несколько минут шофер оказался в просторном кабинете, в центре которого стоял массивный письменный стол. Три человека, склонившихся над картой и какими-то бумагами, освещенными ярким светом настольной лампы, негромко переговаривались. Что-то знакомое почудилось Яблонскому в одутловатом лице одного из них, одетого в теплую пятнистую куртку, какую обычно носили солдаты егерских батальонов. «Главный», — подумал шофер. Не успев даже сосредоточиться на этой мысли, Яблонский вдруг сразу узнал другого, сидящего сбоку, — на нем был черный эсэсовский мундир, в петлицах которого поблескивали по два дубовых листика.

Это был оберфюрер СС Бёме, руководитель полиции безопасности и СД в Восточной Пруссии, старший начальник Апфельштедта. Его Яблонский неоднократно видел садящимся в блестящий лимузин у полицей-президиума, а личный водитель Бёме имел даже отдельный бокс для машины шефа в гараже на Хоймаркт.

Сидевшие за столом прервали разговор, и человек в куртке, не дожидаясь, пока Яблонский сообщит о своем прибытии, резко спросил, не передавал ли ему старший колонны, отбывший на пароходе, что все без исключения грузовики должны были вернуться к складам в Меттетене. И не знает ли он, каким образом и по чьему указанию одна из машин вдруг очутилась в другом конце города в гараже около ворот Кёнигстор. Яблонский промямлил в ответ что-то о неполадках с газогенераторной установкой одного из грузовиков, и что он лично ни от кого никаких указаний не получал и действовал по своему усмотрению. Оберфюрер, переглянувшись с «главным», сердито смотрел на шофера.

— Вы свободны, — сказал человек в куртке, и Яблонский, отдав честь, вышел из кабинета. Назад его никто не сопровождал, и он через пятнадцать минут вернулся к прерванному занятию в гараже, теряясь в догадках о причине вызова к высокому начальству.

Из справки о беседе с гражданином Польши

Ежи Яблонским

«После разговора... Яблонский встретился с Апфельштедтом и рассказал обо всем. Последний сказал ему, что с ним беседовал лично Кох, а в ящиках, которые они перевозили, было золото и янтарь.

Как стало позднее известно, шофер отремонтировал машину „берле“ и пригнал ее в гараж на улицу СА^[90]. В то время там размещалась часть фольксштурма. Солдаты разгрузили машину и разбросали ящики за Литовским валом...»

По-видимому, в этих ящиках был чрезвычайно ценный груз, раз сам имперский комиссар обороны проявил интерес к их судьбе. Хотя из содержания состоявшегося разговора можно предположить, что Кох хотел осторожно, не давая делу официального хода, выяснить, не вмешалось ли какое-то иное высокопоставленное лицо в заранее четко отработанный порядок эвакуации ценностей. Невозвращение одного из грузовиков в Метгетен, где находились подземные хранилища, принадлежавшие СС, вероятно, встревожило гаулейтера. Возникли опасения — не стало ли кому-нибудь известно содержимое ящиков и не причастен ли кто-то из его окружения к «пропаже» ценностей. А может быть, досадный сбой в движении машин нарушил операцию дезинформационного характера, заранее разработанную рефератом «6(Н)» главного управления гестапо^[91] и проводившуюся под контролем имперского комиссара обороны? К сожалению, об этом можно только гадать. Документальных свидетельств тех событий не сохранилось, как не сохранилось и каких-либо показаний бывших гестаповцев, которые могли бы пролить свет на загадочные обстоятельства. Фактом остается лишь одно (конечно, если не ставить под сомнение рассказанное Ежи Яблонским) — в напряженнейшие дни подготовки к отражению штурма Кёнигсберга, когда Кох фактически постоянно находился далеко за пределами города в специально оборудованном бункере в местечке Нойтиф^[92] на косе Фрише-Нерунг и в Кёнигсберг навещался лишь несколько раз для проверки готовности города к обороне, у него нашлось время для выяснения обстоятельств, связанных с вывозом ценных грузов. Учитывая личность Коха, человека чрезвычайно алчного и начисто лишенного каких-либо нравственных принципов, что подтверждается оценками многих людей из его окружения, можно предположить, что повышенный интерес его к упомянутому грузу объяснялся исключительно меркантильными соображениями, и мы имеем

дело в данном случае с неожиданно ставшей известной попыткой имперского комиссара обороны вывезти или спрятать за несколько месяцев до полного краха фашизма ценности, гарантировавшие, как ему казалось, безбедное существование в будущем.

Несмотря на всю необычность этой истории, вряд ли Ежи Яблонский запомнил бы ее в деталях, если бы не одно обстоятельство. В тот же день, выходя поздно вечером из здания гаража, он увидел знакомый грузовик «берле», подогнанный задом в арку въездных ворот, и солдат, сгружающих из кузова злополучные ящики и устанавливающих их в глубокую нишу в стене. Только водитель в машине был уже другой, не тот, с которым они ездили в Пиллау. Яблонский отметил это про себя и поежился, вспомнив колючий взгляд оберфюрера Бёме.

Ящики были сгружены в «Гросс-гараже» на Хоймаркт за несколько дней до начала штурма Кёнигсберга. Какие-либо сведения о том, куда они были отправлены после этого, отсутствуют. Да и сомнительно, чтобы в оставшееся время гитлеровцы смогли переправить их в другое место. Если уж ящики не вернули сразу в подземные склады СС в Метгетене, то, наверное, у их хозяина был какой-то резон. Возможно, сохранность наиболее ценных предметов было легче обеспечить там, где вряд ли их будут тщательно искать и где в то же время легко оборудовать и замаскировать уже имеющиеся хранилища. Безусловно, соответствующим всем этим критериям местом был упомянутый гараж.

Из «Адресной книги Кёнигсберга». 1942 год

«Хоймаркт... 1а. Домовладелец: Тодтенхёфер А. Г., Берлин, Потсдаммер-штрассе, 12 — Гросс-гараж „Хоймаркт“. Управляющий: Полькен.

Эрих, начальник (2 этаж); Айхлер, учитель средней школы (6 этаж); Фройнд, дантист (2 этаж); Йуркун, железнодорожный секретарь; Краузе, бухгалтер-ревизор; Ланге, секретарша (1 этаж); Розенбаум, мастерская жестяных изделий (1 этаж); Виллушес, вдова (4 этаж)...

Гросс-гараж „Хоймаркт“, Хоймаркт, 1а, тел. 301–80/81, работает круглосуточно...»

Скупые строки справочников не дают возможности воочию представить, что же это было за сооружение — «Гросс-гараж» на Хоймаркт. То, что мы видим сейчас, проходя по улице Барнаульской, — лишь часть сооружения, разрушенного в апрельские дни 1945 года.

Ожесточенные бои, развернувшиеся 9 апреля в самом центре города, когда фашисты, предчувствуя близкую развязку, цеплялись за каждый дом, не могли обойти стороной площадь Хоймаркт. В двух шагах от гаража до самого вечера того дня «огрызалась» огнем казарма «Троммельплатц»^[93] — один из последних опорных пунктов гитлеровцев: части, засевшие в бывшей казарме кирасиров, оказывали ожесточенное сопротивление. От некогда шикарного трехъярусного гаража осталась наполовину разрушенная коробка, заполненная остовами искореженных или сгоревших автомашин.

«Гросс-гараж» на Хоймаркт был построен в тридцатые годы, когда во многих городах Европы из-за нехватки и дороговизны площадей развернулось строительство многоярусных транспортных стоянок.

Имея несколько пандусов — наклонных плоскостей, служащих для въезда и выезда автомобилей с одной этажа на другой, — он вмещал на своих двух надземных ярусах и одном подземном более двухсот легковых автомашин. Сооруженный по последнему слову транспортного строительства, этот гараж имел массу усовершенствований — современные системы отопления, принудительной вентиляции, освещения и пожарной сигнализации, а также спринклерную моечную установку. В ремонтной мастерской служебные «оппели», «мерседесы», «БМВ», «адлеры», «хорьхи» и «майбахи» попадали в руки опытных механиков. Заправка автомашин могла осуществляться на всех трех ярусах — бензин автоматически подавался из нескольких цистерн-танков, расположенных глубоко под землей.

По двум широким лестницам можно было подняться на третий и четвертый этажи, используемые в качестве небольшой гостиницы для переменного водительского состава и автотуристов. Вплоть до бомбардировки Кёнигсберга британской авиацией в августе 1944 года гараж легковых автомашин полиции безопасности и СД размещался на улице СА, неподалеку от ворот Кёнигстор. Но после того как значительная часть построек и бензозаправочная станция сгорели от напалмовых бомб, весь оставшийся автопарк был переведен в «Гросс-гараж» на Хоймаркт, тем более что значительная часть автохозяйства города была передана вермахту и фольксштурму, в результате чего половина боксов в нем пустовала. Теперь главное управление гестапо и главный сектор СД В Кёнигсберге делили здание гаража между собой, а перед широкими двухъярусными въездными воротами появился специальный пост СС.

Итак, сюда, в гараж, за несколько дней до полного разгрома кёнигсбергской группировки немецко-фашистских войск был доставлен

особо ценный груз, который бесследно исчез в недрах этого сооружения. Но почему именно сюда привезли упомянутые Апфельшtedтом «янтарь и золото»? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, вполне уместно будет теперь напомнить читателю о том, что совсем рядом с гаражом, буквально в соседнем доме размещались имеющие европейскую известность Геолого-палеонтологический институт и Янтарное собрание Кёнигсбергского университета.

Из книги В. Зама «Путеводитель по Кёнигсбергу и окрестностям».

Кёнигсберг, 1922 год

«...Янтарное собрание Геолого-палеонтологического института при университете. Ланге Райе, 4. Открыто за исключением больших праздников по воскресеньям с 11 до 13 часов. Для желающих посетить в другое время необходимо уведомить кастеляна^[94]. Собрание представляет собой богатые наглядные пособия, которые иллюстрируют условия образования и различные цветовые гаммы янтаря... В витринах выставлено около 2000 включений животных и растений...

На 2-м и 3-м этажах находятся помещения Геолого-палеонтологического института с уникальными коллекциями. Образцы окаменелостей и горных пород...»

Из книги Вёрля

«Иллюстрированный путеводитель по Кёнигсбергу в Восточной Пруссии и окрестностям».

Лейпциг, 1904 год

«...на улице Ланге Райе, 7 находим мы Провинциальный музей физико-экономического общества геологии, доисторической археологии и антропологии, в котором имеется свыше 66 000 геологических экспонатов, 20 600 особых прусских древностей, 2300 черепов.... великолепное собрание янтаря и библиотека, насчитывающая более 10 000 томов...»

Из книги Герберта Мюльпфорта

«Кёнигсберг от А до Я. Городской словарь».

Мюнхен, 1970 год

«Янтарный музей. Основан профессором Клебсоном в 1899 году... Он был единственным в мире и содержал образцы всех

цветов и размеров, в том числе 12 000 включений периода янтарных лесов: остатки щепок и иголок, семян, пауков, ракообразных, уховерток, саранчи, жуков, клопов, цикад. Самым ценным был кусок янтаря с застывшей внутри ящерицей...»

Я позволил себе привести столь пространные цитаты из краеведческой литературы лишь для того, чтобы читатель понял, что рядом с гаражом находилось не заурядное учреждение, а хранилище уникальных коллекций, в том числе и янтарных. Может быть, разгрузка машины с ценностями (золото и янтарь!) именно в этом месте как-то связана с размещавшейся в двух шагах от гаража коллекцией янтаря? Исключить этого нельзя, тем более что дальнейшие события предоставили в наше распоряжение целую серию фактов, подтверждающих эту связь.

После войны гараж представлял собой плачевное зрелище: полностью выгоревшие верхние этажи здания, сильно поврежденные, а кое-где и рухнувшие пандусы, безнадежно вышедшие из строя системы водоснабжения и вентиляции. Не лучше выглядело и здание располагавшегося рядом Геолого-палеонтологического института и Янтарного собрания, фасад которого был сильно поврежден, хотя со стороны улицы Ланге Райе смотрелся вполне прилично: еще сохранились лепные орнаменты, пилястры с капителями и фигурные карнизы.

С начала поисковой работы в Кёнигсберге, которая, как мы знаем, датируется летом 1945 года, эти дома привлекли к себе самое пристальное внимание. Ведь уже тогда было понятно, что из заблокированного города все вывезти было практически невозможно, и значительную часть произведений искусства, в том числе ценности, похищенные в оккупированных странах Европы и рассредоточенные по немецким музеям, гитлеровцам приходилось в спешке прятать, — возможно, и неподалеку от мест их хранения. Именно поэтому прибывшая в Кёнигсберг через полтора месяца после взятия города группа, руководимая уже знакомым нам профессором Брюсовым, очень скоро проявила интерес к дому № 4 по улице Ланге Райе.

Из дневника А. Я. Брюсова. Май — июль 1945 года

«...Несколько дней тому назад (числа 10–11) мы с Чернышевым нашли на Lange Reihe, 4, около 1-й комендатуры, Геологический музей с собранием образцов янтаря. Это — Bemsteinsammlung^[95], единственное в мире, сохранилось довольно хорошо. Очевидно, „камушки“ никого не интересовали,

да редко кто рисковал лазать по зданию около комендатуры. По всей видимости, немцы начали упаковывать это собрание, но не успели: ящики витрин выдвинуты, часть вещей завернута в бумагу...»

Брюсов вместе с капитаном Чернышевым составили специальный акт об осмотре сохранившейся части коллекции, содержащий предложения по ее перевозке «в безопасное и охраняемое помещение». Это, по-видимому, так и не было реализовано из-за послевоенной разрухи, когда у властей города хватало других забот, связанных с преодолением катастрофического положения в коммунальном хозяйстве, наведением элементарного порядка в обеспечении населения продовольствием и медицинским обслуживанием, борьбой с распоясавшимися бандами уголовников и отдельными фанатиками-нацистами, оставленными в городе для проведения диверсионной и другой подрывной работы.

Одним из первых предпринял попытку на свой страх и риск найти ценности в районе бывшего гаража Иван Тимофеевич Цедрик, приехавший в Калининград в начале 1946 года после демобилизации из армии. Это был человек неумной энергии, авантюрного склада ума, фантазер и кладоискатель по натуре. Здесь, в Калининграде, он в течение четверти века успел облазить многие подземелья, бункеры, осмотреть сотни подвалов. Он участвовал почти во всех поисковых группах, заражая своей активностью даже тех, кто сомневался в целесообразности поисков. Его склонность к самым фантастическим предположениям раздражала многих, особенно руководящих работников, поэтому нередко его просто прогоняли, чтобы спустя какое-то время снова обратиться к его опыту, наблюдательности и чутью — качествам, необходимым каждому поисковику.

Калининград не стал для Ивана Тимофеевича балтийским Клондайком. Он скромно жил в своей однокомнатной квартире двухэтажного дома на Еловой аллее, работая слесарем в районной ремстройконторе, а в свободное время пытался решить многочисленные загадки, которые таит в себе этот город, ставший уже для нескольких поколений россиян родным.

Итак, в июле или августе 1946 года Цедрик, работавший шофером в Управлении гражданской администрации, разговорился как-то с кочегаром Клаусом, тихим, молчаливым пожилым человеком, казалось, легко приспособившимся к условиям послевоенной жизни, когда в бывшей столице Восточной Пруссии жили и работали бок о бок победители и

побежденные. Немец, коверкая русские слова, поведал Цедрику таинственную историю о том, что в районе «Гросс-гаража» на Хоймаркт гитлеровцы оборудовали какой-то подземный склад. Что спрятано в этом хранилище, Клаус, естественно, не знал, но один известный ему факт наводил на мысль, что акция была очень серьезной. Дело в том, что на строительстве склада были использованы якобы советские военнопленные из лагеря «Шихау», которые впоследствии, по слухам, были расстреляны.

История эта очень заинтересовала Ивана Тимофеевича, и на следующий день они вместе с немцем совершили «прогулку» через весь город к гаражу «Балтрыбстроа» на Барнаульской. Здесь Клаус несколько раз что-то невнятно говорил о подземном ходе, якобы идущем от гаража, и указал на островок зелени напротив въездных ворот. На этом осмотр закончился, а через пару дней немец почему-то не вышел на работу. Когда Цедрик узнал, что кочегар умер, он не очень удивился, так как сильная худоба и частый глухой кашель позволяли предположить, что этот человек был серьезно болен. И только спустя многие годы, возвращаясь в своей памяти к тому случаю, Иван Тимофеевич стал склоняться к мысли, что смерть немца была не случайна. То, что он общался с Цедриком и что-то рассказывал ему, могло быть замечено другими работниками Управления гражданской администрации из числа местных жителей, а также немцами, ютившимися в развалинах домов на Барнаульской улице. И, кто знает, может быть, среди них были те, кому не по нраву пришились откровения Клауса с русским шофером. Трудно поверить, что, уходя из Кёнигсберга, гитлеровцы не оставили добровольных тайных наблюдателей за особо важными объектами — местами захоронения ценностей и архивов.

Достоверно известно, что незадолго до падения Кёнигсберга Эрих Кох провел в своем бункере в имении Нойтиф секретное совещание, на котором определялись задачи подпольных диверсионно-террористических групп, создаваемых в рамках «Вервольфа», нелегальных ячеек НСДАП и гестаповских резидентур. Есть все основания полагать, что задача обеспечения сохранности тайных хранилищ была одной из наиболее важных, так как служила в целом реализации так называемого проекта «РИО», разработанного в конце войны в недрах РСХА по указанию самого Бормана и предусматривающего очень бережное отношение к валютным средствам, золотым активам и культурным ценностям, которые «следовало непременно сохранить» в интересах обеспечения финансирования широкой сети послевоенного нацистского подполья. «Антипатриотичные» действия какого-то Клауса явно расходились с этими установками и, возможно, вынудили гестаповскую агентуру к применению «крайних мер» —

устранению лица, способного выдать ставшее ему известным местонахождение секретного укрытия. Можно было бы посчитать эти рассуждения безосновательными домыслами, если бы не целый ряд происшедших в те далекие годы случаев, как две капли воды похожих друг на друга и повторяющих схему рассказанного нами сюжета.

Цедрик, который теперь никак не мог отделаться от навязчивого стремления разгадать тайну подземного хранилища, стал подумывать о том, как подобраться к нему. Скоро подвернулся удачный случай — освободилось место в гараже «Балтрыбстро́я», и Иван Тимофеевич устроился шофером старенького потрепанного ЗИС-5. Теперь, казалось, он был совсем рядом с заветным подземным складом.

Из воспоминаний И. Т. Цедрика. 1959 год

«...О рассказе немца я никому ничего до сих пор не говорил, но за этим местом присматривал до последнего времени, не ведет ли там кто раскопок. Даже однажды сам пытался вскрыть верхний слой земли, но, натолкнувшись на глубине 50 см на какую-то стену, работу прекратил...»

Справедливости ради следует заметить, что Иван Тимофеевич потом не раз оказывал ощутимую помощь различным поисковым группам. А когда стала работать Калининградская экспедиция, передал ей некоторые свои материалы, несмотря на то что экспедиционное начальство относилось к нему с нескрываемым предубеждением.

В 1969 году мне пришлось в течение месяца бок о бок работать с Иваном Тимофеевичем, спускаясь в глубокие подвалы Королевского замка, осматривая развалины имперского банка и мощного железобетонного бункера на берегу Замкового пруда. Когда мы расставались, он подарил мне и моему другу Виктору на память несколько «кёнигсбергских сувениров», найденных им за долгий период его изыскательской работы, — старинные монеты, медные, покрытые грязно-голубоватым налетом пряжки и фибулы^[96], стеклянные пивные кружки...

Последний раз я виделся с Цедриком летом 1971 года, когда, будучи старшим сержантом, приехал из Советска в Калининград на очередные сборы комсомольского актива. Иван Тимофеевич заметно постарел, но был по-прежнему радушен и полон идей. Он поил меня крепким чаем с черничным вареньем и подарил на память фрагмент прусского ордена черного орла с четырьмя коронами и латинской надписью «Suum cuique»^[97]. Через несколько месяцев Иван Тимофеевич умер, унеся с собой

неисчислимо количество таинственных историй и предположений, нереализованных планов и намерений.

В декабре 1949 года в Калининград был приглашен референт Министерства просвещения ГДР доктор Герхард Штраус, долгое время работавший сотрудником Инспекции по охране памятников Восточной Пруссии. В это время в городе уже действовала комиссия под руководством Кролевского, которая приступила к интенсивным поискам в самом городе и за его пределами. В Калининград для консультаций были приглашены также профессор Брюсов и искусствовед Кучумов. Изучались документы, обсуждались детали поисков, предпринимались выходы и выезды для осмотра места возможного укрытия ценностей. В череде тех событий одно было связано с интересующими нас зданиями и сооружениями на бывшей площади Хоймаркт. Члены комиссии, ставшие свидетелями этого события, в подробностях запомнили содержание разговора и необычное поведение одного из участников — доктора Штрауса — и потом не раз возвращались к этой истории при проработке версии по объекту «Гараж СС».

Из записей А. В. Максимова. 1976 год

«...Почему я держу это место под подозрением? Был такой случай: во дворе замка, когда собралась вся комиссия вместе со Штраусом, он нас спросил: „Вы хотите знать, где раньше был Геологический музей?“ Комиссия отозвалась положительно... Штраус подвел нас к углу здания, встал на крышку колодца... и, указывая перстом, говорит: „Здесь, в этом доме, был Геологический музей“. Показал верно. Тогда я у него спрашиваю: „Вот в этом разрушенном здании был Янтарный музей?“ Доктора перекорежило, он дернулся и резко ответил: „Нет“. Тогда я через переводчика повторяю вопрос. Ответ: „Кто лучше знает город — я, доктор Штраус, или Максимов?“

Вечером... опять собралась комиссия, и я всех убедил, что соседний дом по немецким планам значился как Янтарный музей^[98]. Для чего была эта фальшь? Это тоже осталось непонятным. Для чего нас подвел Штраус к этому углу? Что ему надо было посмотреть?.. Это было не случайно...»

Конечно, трудно определить, чем руководствовался почтенный немецкий ученый, скрывая достаточно очевидный факт. Может быть, это было простое упрямство в ответ на неточное обозначение объекта, названного «музеем», а не «собранием» или «коллекцией». Или, может

быть, члены комиссии столкнулись с наивной попыткой немца отвести подозрение от этого места, чтобы у них не возникло нежелательных ассоциаций со словом «янтарь»?.. Но факт остается фактом: человек, который не мог не знать о том, что в этом месте ранее находилась всемирно известная янтарная коллекция, неуклюже отрицал это и тем самым подлил масло в огонь нашего и так повышенного интереса к данному участку Штайндамма.

В пятидесятые годы поиск продолжился. Не придерживаясь какой-либо системы, искали везде: на территории самого гаража, во дворе, среди развалин почти полностью обрушившейся коробки Геолого-палеонтологического института и Янтарного собрания. Нельзя сказать, что совсем уж ничего не было найдено. Во вскрытых подвалах вдруг обнаружилось скопление доисторических древностей — кости и бивни мамонта, черепа и громадные зубы каких-то вымерших животных, скелеты кистеперых рыб. Однако то, ради чего велся поиск, найти так и не удалось. Ни замаскированного бункера, ни подземную хода с территории гаража обнаружено не было.

Надежда забрезжила, когда в 1959 году в Калининград приехал Рудольф Вист, обещавший на месте показать бункер, в котором его отец, оберштурмбаннфюрер СС, спрятал похищенные нацистами ценности и военный архив. Об этом достаточно подробно рассказывалось в предыдущей главе. Но дело в том, что, указывая площадь Хоймаркт в качестве возможного местонахождения тайного объекта под названием «Б-3», Рудольф Вист не мог однозначно расшифровать эту аббревиатуру. Отец рассказывал ему о бункере на Штайндамм, и в памяти Рудольфа закрепилось, что таинственное сокращение, фигурировавшее в найденных им документах, относится к какому-то бункеру под номером три. Но уверенности в этом, конечно, не было. Тем более, когда Вист оказался на площади перед гаражом, в его памяти шевельнулось что-то, ассоциировавшееся с аркой. Ведь в немецком языке и то, и другое слово начинается с буквы «b» («Bunker» — бункер, «Bogen» — арка) и каждое могло быть зашифровано так, как это указывалось в документах. Во всяком случае, нельзя исключить, что речь шла как раз не о бункере, а об арке. Тем более что один из активнейших участников поисков Арсений Владимирович Максимов обратил внимание на наличие трех сводов в левом тоннеле — въезде в гараж. Этими сводами как раз и были образованы три последовательно стоящие арки. (Уж не сюда ли сгружались ящики из трофейного «берле» в марте 1945 года?)

Поисковая работа в районе гаража, несмотря на интересные данные,

проводилась, к сожалению, тогда слишком поспешно и довольно поверхностно. Это признавали впоследствии и сами ее участники, критически оценивавшие практическую деятельность комиссии тех лет.

Из письма А. В. Максимова

в Калининградскую экспедицию. 1972 год

«...Для меня это (здание геологического института. — *Авт.*) ... неоконченный объект... Помните гараж двухъярусный, принадлежавший некогда гестапо. Ведь как было бы им удобно из подвала гаража прорыться под двор гео-музея и заглубиться на... 10 метров! А наши хоть и шурфовали, но все же не так и не там. В таких случаях надо ставить себя на место противника и с его колокольни думать как обхитрить, иначе успеха не будет. И надо держать в голове 10 метров верх сооружения...»

Наверное, Арсений Владимирович был прав, давая резкие оценки проведенной работе, но беда заключается в том, что и позднее не удалось более обстоятельно изучить территорию гаража и прилегающих к нему площадей и зданий.

Во второй половине шестидесятых годов появились воспоминания Ежи Яблонского, которые были подробно изложены в начале этой главы. Оказавшись в 1967 году в Калининграде, он показал группе поиска, где, по его предположению, находится подземное хранилище. Возвращаясь к последним числам марта 1945 года, он неожиданно для всех вспомнил, что из гаража имелся достаточно широкий проход в рядом расположенный дом. Однажды, пройдя по нему и спустившись в глубокий подвал, Ежи увидел множество ящиков, мешков, картонных коробок и свертков. Повсюду лежали еще не запакованные музейные экспонаты, кипы бумаг, книг, журналов, репродукций и фотографий. Не встретив никого из сотрудников геологического института, шофер прошел дальше, освещая себе путь электрическим аккумуляторным фонариком.

В одном из подвальных помещений Яблонский увидел открытую металлическую дверь с массивными скобами-задвижками, какие обычно бывают в бомбоубежищах. В лицо пахнуло ледяным холодом подземелья. Коридор с цилиндрическим лазом уходил куда-то в сторону от здания, как показалось Яблонскому, прямо под площадь Хоймаркт. Дальше идти он не решился, а только посветил впереди фонариком, тусклого света которого, конечно, не хватило для того, чтобы разглядеть внутренности подземного хода. Во мраке угадывался поворот коридора, ниша в стене, и даже вроде

ответвляющийся в сторону другой подземный ход. Возвращаясь в гараж, Ежи Яблонский прихватил «на память» из открытой коробки, лежащей в одной из комнат, несколько мелких предметов: брошку с прозрачным кусочком янтаря, курительную трубку, выточенную из кости, и блестящий плоский камень голубоватого цвета со сверкающими вкраплениями и прожилками.

Думается, читатель обратил внимание на поразительное сходство рассказа Яблонского с воспоминаниями бывшей разведчицы Жерлыгиной, сообщавшей о подземном ходе со стороны улицы Рихард-Вагнер-штрассе. Не шла ли здесь речь об одном и том же объекте? Вполне возможно, что Яблонский видел одну часть подземного сооружения, а Жерлыгина — другую. Более того, возникает вопрос: а не об одном ли и том же объекте свидетельствуют воспоминания Яблонского и Виста? Ведь так или иначе, все данные приводят нас к бывшей площади Хоймаркт, автобазе, рядом расположенных вокруг нее домов и маленькому зеленому скверу посреди улицы Барнаульской.

Калининградская экспедиция с момента основания, то есть с 1969 года, начала свою работу по изучению объекта «гараж СС» с изучения немногочисленных архивных материалов, справок и отчетов предшествующих групп поисковиков. Поскольку эти документы отличались предельным лаконизмом, сотрудникам экспедиции потребовалось встретиться со многими непосредственными участниками поисков, старожилами и другими людьми, которые могли хоть в какой-то мере пролить свет на события четвертьвековой давности. Были опрошены многие старые работники автохозяйства, сообщившие целый ряд мелких, но существенных деталей, в частности, о замурованном проеме в одном из помещений гаража. Состоялись встречи с Максимовым, проживавшим в Костроме, Кролевским — в Москве. Удалось наладить переписку с Рудольфом Вистом и Ежи Яблонским. Если первый практически ничего уже не мог добавить к тому, что ранее сообщал и показывал на месте во время пребывания в Калининграде в 1959 году, то Яблонский в своих письмах делал некоторые уточнения, дополняя воспоминания новыми подробностями.

При этом он подчеркивал свою уверенность в том, что находившиеся в Кёнигсберге произведения искусства, награбленные гитлеровцами на оккупированной территории стран Восточной Европы, вывезти весной 1945 года из Кёнигсберга было практически невозможно.

Из письма Е. Яблонского. Июнь 1976 года

«Если дело касается янтарной комнаты, то я безусловно подтверждаю, что она находится на территории Кёнигсберга, ибо в качестве невольного наблюдателя могу утверждать, что не было никакой возможности ее вывоза...»

Уверенность Ежи Яблонского вселяла надежды на то, что тщательная проверка версии о наличии подземного хранилища в районе гаража позволит все-таки обнаружить хотя бы исходные точки, откуда следует вести дальнейший поиск. Ведь спускался же Яблонский в подземелье из подвала Геолого-палеонтологического института. Значит, был соответствующий подземный ход, почему-то не найденный в ходе раскопок, проводимых в пятидесятые и шестидесятые годы. К тому же неожиданно в распоряжение экспедиции попали несколько общих тетрадей, в которых вел подробные записи Иван Тимофеевич Цедрик. После его смерти сын, понимая важность сведений, содержащихся в записках отца, передал эти материалы в экспедицию. Согласно имевшихся там многочисленных схем с пояснениями, стало понятно, что Цедрик в свое время обнаружил не только длинный туннель, идущий вдоль улицы Ланге Райе, но и достаточно широкий подземный ход, соединявший обе стороны бывшей площади Хоймаркт. Причем относительно второго он даже сделал пометки: «Можно проехать на легковом автомобиле. Не исследован». Из этого следует, что размеры подземного сооружения были, по-видимому, достаточно внушительными. Хотя оставалось совершенно непонятным их назначение, так как на схемах туннель соединял лишь жилые постройки, стоявшие напротив друг друга и впоследствии разрушенные. Может быть, это часть целой системы подземных сооружений Штайндамма, включающей в себя так и не найденные объекты «Б-З», «Бункер Брюсова», туннели, о которых рассказывали Жерлыгина и Яблонский? К сожалению, экспедиция не смогла ответить на этот вопрос, потому что процесс проверки этой версии пришлось совершенно неожиданно прервать. Сообщение, полученное из-за рубежа, оказалось настолько сенсационным, что вообще возник вопрос о целесообразности дальнейших поисков.

Весной 1977 года на имя руководства экспедиции пришла телеграмма-молния из Западной Германии. Отправителем был небезызвестный энтузиаст-исследователь Георг Штайн, проживавший в местечке Штелле под Гамбургом. Телеграмма содержала всего пять слов: «Янтарные изделия найдены. Подробности письмом». Какие изделия? Янтарная комната? Или, может быть, что-то другое из многочисленных кёнигсбергских коллекций?

В напряженном ожидании прошло несколько дней. Затем стали поступать письма от знакомых и незнакомых адресатов, которые присылали вырезки из западногерманских газет и журналов. Дело в том, что в ФРГ было обнаружено знаменитое янтарное собрание Кёнигсбергского университета, размещавшееся, как мы знаем, в доме № 4 по улице Ланге Райе.

**Из статьи в западноберлинской газете
«Дер Тагесшпигель». 23 апреля 1977 года**

«Одна из самых знаменитых в мире коллекция янтаря, принадлежащая Геологическому институту Кёнигсбергского университета, которую считали потерянной в последние дни Второй мировой войны, обнаружена. Десятилетия она пролежала неузнанной в одном из сейфов Геологического института в Гёттингене...»

Как сообщили из Западной Германии, найденная часть коллекции состояла из более тысячи ценных предметов из янтаря, среди которых находился так называемый Шварцортский янтарный клад, включающий находки периода неолита, обнаруженные в середине XIX века вблизи литовской деревни Юодкранте^[99] на Куршской косе. В одной из статей, опубликованных западногерманским журналом «Штерн» по поводу находки, сообщалось, что «с приближением в 1944 году русских к Кёнигсбергу ценнейшие экземпляры из янтарного собрания Геолого-палеонтологического института были упакованы в два ящика». В них уместилась, по данным журналиста, лишь одна десятая часть всего Янтарного собрания. Вывезенная из Восточной Пруссии коллекция сначала была размещена якобы в калийной шахте в Фольприхаузене в Нижней Саксонии, затем до 1948 года хранилась в зональном архиве «Кайзерхауз» в Гёттингене, потом — на складе художественных ценностей в городе Целле, и уже после этого по распоряжению земельных властей ее передали Гёттингенскому университету. По поводу того, каким же образом Янтарное собрание оказалось вывезено из Кёнигсберга, никакой информации практически не было. Правда, малая зацепка все-таки имелась.

Одним из ведущих преподавателей Гёттингенского университета был профессор Карл Андре, бывший житель Кёнигсберга и директор Геолого-палеонтологического института и Янтарного собрания Кёнигсбергского университета, известный геолог, специалист по янтарю, написавший целый ряд блестящих научных работ. Его статья, опубликованная в 1925 году в издававшемся в Бреслау журнале «Остдойче натурварт» и посвященная

значению восточнопрусских образцов и коллекций янтаря, была высоко оценена научной общественностью. Так вот, этот профессор, по некоторым данным, был убежденным нацистом и даже имел высокий эсэсовский чин штандартенфюрера. В сентябре 1945 года он, якобы в расчете на благосклонность оккупационных властей, еще до взрыва соляной шахты Виттекинд в Нижней Саксонии, где были спрятаны многие ценности и архивы, сумел передать британской военной администрации какие-то архивные фонды и упомянутое Янтарное собрание из Кенигсберга. Вывезены они были, по мнению уже упоминавшегося нами профессора Герхарда Штрауса, в промежуток времени между 15 и 21 января 1945 года. Во всяком случае, если о конкретных сроках эвакуации Янтарного собрания можно еще дискутировать, то в отношении того, что значительная часть архива Гауляйтунга НСДАП и некоторых кёнигсбергских административных органов находится в одном из архивов западногерманского города Гёттингена, сомневаться не приходится. А это свидетельствует о том, что не только профессору Андре удалось вывезти из окруженного города особо ценные грузы. Ведь «эвакуационный морской мост» Пиллау — Свинемюнде — Штральзунд — Варнемюнде — Киль действовал, несмотря на огромные потери гитлеровцев, вплоть до конца марта 1945 года. Что конкретно удалось вывезти в этот период из Кёнигсберга, за немногим исключением, остается неизвестным. Во всяком случае, когда Калининградская экспедиция получила сведения о находке в Геттингене, многим показалось уже нелогичным отрабатывать версию о захоронении Янтарной комнаты и других ценностей в подземном сооружении около гаража на бывшей площади Хоймаркт. Правда, сейчас по прошествии более трех десятков лет не кажутся Уж столь убедительными выводы, сделанные под впечатлением гёттингенской находки.

**Из отчета Калининградской экспедиции по объекту
«Гараж СС». 1977 год**

«Сведения газеты „Дер Тагесшпигель“ и доктора Г. Штрауса дают повод предполагать, что на территории гаража не было сооружено какого-либо хранилища, бункера для сокрытия ценностей, ибо в противном случае немцы не могли бы им не воспользоваться, хотя бы для захоронения вывезенных коллекций — янтаря и геологической...»

Безусловно, на мнение специалистов оказало большое негативное влияние и то обстоятельство, что проверка версии с гаражом переплеталась

с безуспешными поисками объекта «Б-3», о котором рассказывалось в предыдущей главе. Критическое отношение к данным Рудольфа Виста и полное отсутствие результатов постепенно привели к тому, что район Барнаульской улицы из «наиболее перспективного места поисков» стал превращаться в «малоперспективный», а потом уже в совсем «бесперспективный». Глядя сегодняшними глазами на проделанную в прошлом работу, испытываешь чувство сожаления, что не все возможное было сделано, зачастую не хватало выдержки, терпения, скрупулезности при анализе фактографического материала, некоторым выводам и оценкам недоставало аргументированности и логической обоснованности. Ведь многие факты, связанные с возможным укрытием гитлеровцами Янтарной комнаты и других ценностей в районе бывшего гаража СС на площади Хоймаркт, не перечеркивались находками в Гёттингене. Зачем-то ведь разгружался под аркой въездных ворот гаража один из грузовиков, перевозивших «золото и янтарь» в марте 1945 года. Что-то знал об укрытии ценностей в этом месте и немец Клаус, неожиданно умерший после того, как поделился своими воспоминаниями с шофером Цедриком. По крайней мере, оба эти факта не могут быть связаны с частью Янтарного собрания, найденного в Гёттингене, хотя бы потому, что оно было вывезено из Кёнигсберга значительно раньше. И в конце концов, где же те подземные сооружения, о которых рассказывали совершенно разные, не знакомые друг с другом люди? Они ведь так и не были найдены.

Ответы на все эти вопросы еще впереди. А тогда, в 1977 году, в отчете экспедиции появилась до обидного стандартная концовка: «Принимая во внимание вышеизложенное, дальнейшую научно-исследовательскую работу на объекте „Гараж СС“ считаем нецелесообразной». Но, несмотря на столь категоричное заключение экспедиции, интерес к этому объекту не ослабевал. И уже энтузиасты нового поколения пытались разрешить загадку полувековой давности, используя для этого нетрадиционные методы поиска. Наперекор скептикам, они стремились сами разобраться в переплетении противоречивых фактов, нащупать правильное решение. Один из моих друзей несколько лет назад старался распутать клубок тайн, сконцентрированных в районе бывшего гаража СС, на свой страх и риск он, прибегая к помощи товарищей, несколько раз пробовал вести раскопки на этом месте, проводил инструментальную разведку территории, даже организовал глубокое бурение наиболее «подозрительных» участков. Увы! Ему тоже не улыбнулась удача — бункера он так и не нашел.

Конечно, пока нет отлаженной системы поиска, поставленной на серьезную организационную основу, трудно рассчитывать на осязаемые

результаты, но как говорил поэт: «Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas^[100]».

Глава седьмая

Штольня под универмагом

*...Легче узнать заблуждение, чем открыть истину;
первое лежит на поверхности, и с ним можно
справиться, вторая покоится на глубине, и
исследование ее не каждому доступно...*

Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832)

В ночь с 9 на 10 апреля 1945 года комендант крепости Кёнигсберг генерал Отто Ляш принял условия капитуляции вверенных ему частей перед советскими войсками и отдал приказ о прекращении сопротивления и об организованной сдаче в плен.

Из сводки Совинформбюро. 9 апреля 1945 года

«...Войска 3-го Белорусского фронта после упорных уличных боев завершили разгром кёнигсбергской группы немецких войск и сегодня, 9 апреля, штурмом овладели крепостью и главным городом Восточной Пруссии Кёнигсберг — стратегически важным узлом обороны немцев на Балтийском море...

Остатки кёнигсбергского гарнизона во главе с комендантом крепости генералом от инфантерии Ляшем и его штабом сегодня в 21 час 30 минут прекратили сопротивление и сложили оружие».

Из сообщения ОКВ^[101]. 12 апреля 1945 года

«...Крепость Кёнигсберг после многодневных тяжелых боев была сдана большевикам комендантом крепости генералом от инфантерии Ляшем. Несмотря на это, части гарнизона, оставшиеся верными воинскому долгу, раздробленные на многочисленные боевые группы, оказывают большевикам ожесточенное сопротивление».

Итак, после длительной осады и стремительного штурма Кёнигсберг пал. Но это был уже не тот всемирно известный город Канта и Бесселя, город музеев и церквей, парков и садов, казарм и бастионов, как о нем

писали путеводители. Это был уже не тот восхваляемый гитлеровцами «форпост на Востоке», зловещий символ милитаристской Германии. Перед глазами советских воинов, вступавших в Кёнигсберг вслед за войсками, штурмовавшими город, предстала картина страшных разрушений: скелеты домов, рухнувшие мосты, обгоревшие остовы трамваев, машин, военной техники... Праведная ярость наступающих и безысходное ожесточение оборонявшихся имели своим результатом не только гибель тысяч людей в эти последние дни самой страшной войны в истории человечества. Кровавопролитные схватки в центре Кёнигсберга, когда обеими сторонами применялись самые эффективные по тем временам средства вооруженной борьбы — авиация, артиллерия и танки, — привели к тому, что часть города, оставшаяся невредимой после налетов британской авиации в августе 1944 года, была разрушена полностью. Все, кто побывал в Кёнигсберге в апрельские дни 1945 года, надолго запомнили увиденное.

**Из книги А. Т. Твардовского
«Страницы записной книжки»**

«...Кёнигсберг прежде всего большой город. Много из того, что на въезде могло сразу броситься в глаза — башни, шпили, заводские трубы, многоэтажные здания, — повержено в прах и краснокирпичной пылью красит подошвы солдатских сапог советского образца, мутно-огненными облаками висит в воздухе.

...Но город, там и сям горящий, там и сям роняющий с шумом, треском и грохотом сдвинутую огнем стену, там и сям содрогающийся от взрывов, — чужой и враждебный город. Он таит еще в теснинах своих развалин и уцелевших стен, в подвалах и на чердаках злобные души, способные на все в отчаянии поражения...»

**Из книги Франсуа де Жоффра
«„Нормандия — Неман“. Воспоминания военного летчика».**

Москва, 1960 год

«...Кенигсберг, крепость-столица Пруссии, опустошен и разбит... Как будто гигантское землетрясение произошло здесь. Все разрушено, сожжено, уничтожено. В воздухе запах пороха, пепла, смерти. На восток движутся нескончаемые колонны немецких пленных... Они идут одичалые, безразличные ко всему...».

Из очерка Юрия Лаптева «Удар с неба»

«...Утро 10 апреля мы встречаем на улицах Кёнигсберга. Надо видеть собственными глазами картону полного разгрома, подлинный хаос разрушения, чтобы оценить мощь залпов советской авиации и артиллерии. По узким улицам, в буквальном смысле этого слова, ни проехать, ни пройти. Обломки зданий, поваленные чугунные столбы, скошенные обгорелые деревья, орудия разбитые и целые... сожженные, перевернутые вверх колесами автомашины...

Еще горят дома. Много пожаров. По некоторым улицам невозможно пройти — нестерпимый жар. Иные кварталы затянуты едким дымом. То тут, то там слышатся одинокие взрывы — рвутся мины. Сотрясая землю, рухнуло заминированное немцами огромное горящее здание...»

Я позволил себе привести здесь эти пространные цитаты из воспоминаний участников Великой Отечественной войны лишь для того, чтобы читатель мог воочию представить обстановку, в которой разворачивались события тех дней. Ведь без осязания исторического контекста мы не сможем объективно оценить еще одну версию в цепи нашего повествования о поисках Янтарной комнаты. Эта версия, как я четыре предшествовавших, связана с центром бывшего Кенигсберга, конкретно — с уже известной нам улицей Штайндамм.

Это случилось через несколько дней после капитуляции кёнигсбергского гарнизона, когда части 2-й гвардейской, 5-й и 39-й армий развернули наступление на Земландском полуострове — немецко-фашистские войска еще удерживали узкую полосу суши вдоль западного берега, ожесточенно сопротивляясь и отступая в район Фишхаузена — Пиллау. Теперь уже было ясно: разгром восточнопрусской группировки противника — дело нескольких дней.

У капитана Крылова, начальника связи отдельной танковой бригады, входившей в состав 1-го танкового корпуса, во время короткой передышки между боями, связанной с передислокацией бригады перед наступлением на Фишхаузен, возникла потребность пополнить недостающие комплекты ЗИПов^[102] для радиостанций, а также раздобыть газосветные трубки. После того как в Инстербурге^[103] бригадный электротехник — мастер на все руки — старшина Куделяк приспособил их в качестве локальных осветительных приборов в штабном автобусе, к Крылову обратились заместитель командира по политчасти и медики с просьбой тоже сделать у

них удобную подсветку. Увидев однажды такую рационализацию, начальник штаба корпуса напрямую дал указание Крылову подыскать и для его хозяйства необходимое осветительное оборудование и приборы. Словом, капитан Крылов и старшина Куделяк уселись на трофейный мотоцикл с коляской и отправились в еще дымящийся, забитый войсками и потоками военнопленных Кенигсберг. Во всеобщем разгроме и хаосе, царившем среди развалин, они намеревались отыскать какие-нибудь уцелевшие мастерские, лаборатории, предприятия или, на худой конец, просто сохранившееся оборудование.

Старшина цепким взглядом окидывал мрачные остовы зданий, намереваясь определить, где можно было рассчитывать на находку. Ехать по улицам было опасно. То тут, то там с грохотом рушились стены или этажные перекрытия. Почти на каждой улице что-то горело и дымилось. Местных жителей не было видно. Лишь группы пленных, сопровождаемых одним-двумя автоматчиками, понуро шагали в места сбора для отправки в Штаблак и Инстербург. Пару раз Куделяк останавливал мотоцикл у зданий, показавшихся ему подходящими. Однако оба раза, зайдя внутрь, они видели полностью выгоревшие этажи среди нагромождения скрюченных металлических конструкций и обуглившейся мебели, теперь уже никому ненужные остатки каких-то приборов и оборудования. В воздухе висел тошнотворный запах разложения, смрад горелой резины, краски, пластмассы.

Петляя между обломками стен рухнувших зданий, кучами кирпича и щебня, объезжая баррикады, сгоревшие танки и бронетранспортеры, они наконец выехали на небольшое свободное пространство некогда проходившей здесь улицы. Среди остовов зданий стояло рядом два высоких неплохо сохранившихся дома. На одном из них, где-то на уровне четвертого этажа, виднелись буквы световой рекламы. Как раз те, что нужны, — округлой формы, которые удобно было приспособить для освещения.

Из воспоминаний А. В. Куделяка

«...Там было одно четырехэтажное здание. На первом этаже, я помню, были установлены электроплиты и электродуховки. Здание стояло, насколько я помню, своим торцом к дороге... было довольно сильно разрушено, особенно верхние этажи. Пока я добирался до рекламы и снимал букву и дроссель ^[104], капитана Крылова не было... Он бродил по развалинам рядом стоящего здания и этого, где я был.

Когда я снял букву, а может быть, и две... я позвал капитана

Крылова. После нескольких окриков он наконец-то отозвался и подошел к опущенной на веревке букве, отвязал ее, а я также спустил дроссель...»

Из воспоминаний В. В. Крылова

«...В здании на первом этаже были электрические плиты, на втором или третьем — что-то похожее на типографию, а потолок верхнего этажа был стеклянным...»

Конечно, ни Крылов, ни Куделяк не представляли, что поиски трубок привели их в здание одного из крупнейших кёнигсбергских универсальных магазинов, принадлежащих акционерному обществу «КЕПА»^[105]. Впрочем, знать им это было тогда необязательно. После безуспешных блужданий среди развалин они наконец раздобыли то, что искали, и, конечно, не могли предвидеть, что много лет спустя будут вспоминать этот день, пытаясь до мельчайших подробностей восстановить последовательность событий и совокупность обстоятельств, в которых эти события произошли.

А мы обратимся к документам и материалам, рассказывающим о том, что же представляло собой здание, где побывали в 1945 году капитан Крылов и старшина Куделяк.

Из «Адресной книги Кёнигсберга». 1942 год

«...Штайндамм, 149. Домовладение: „КЕПА“. А.-Г., Берлин — Вильмерсдорф, Фербеллинер-платц, 1 — служебное помещение (подвал, 1-й и 2-й этажи). Управляющий: Диттманн Герман (4-й этаж); Бальс, монтажник (3-й этаж), Бузольски, торговец (4-й этаж), Фрекк, фотограф (4-й этаж)».

Из «Телефонной книги Кёнигсберга»

«„КЕПА“, акционерное общество, Штайндамм, 149, тел. 3-95-93. „ХОХТИФ“, общество строительства высотных зданий и подземных сооружений МБХ, филиал в Кёнигсберге (Пруссия), Штайндамм (КЕПАхаус), тел. 3-51-52, 3-93-34...»

Фасад четырехэтажного здания универмага «КЕПА», выходящий на улицу Штайндамм, не являлся украшением этой улицы и совершенно не гармонировал со старыми постройками XVIII и XIX веков. Как, впрочем, и фасад рядом расположенного универмага «Дефака». Голые стены из серого

камня, громадные окна-витрины первого и второго этажей, почти плоская, непропорциональная высоте здания, крыша. Никаких украшений, никакого декора, только практическая целесообразность и функциональная оправданность конструкций — типичный образец модерна в архитектуре.

Универмаг относился к числу торговых предприятий с так называемыми стандартными ценами, которых во всей Германии насчитывалось лишь около шестидесяти, и составлял серьезную конкуренцию владельцам многочисленных магазинов Кёнигсберга, поскольку цены на товары здесь были, как правило, невысокими и доступными для среднего покупателя. Когда нацисты пришли к власти, они развернули травлю таких предприятий, обвиняя их в подрыве «здорового среднего сословия», являвшегося, как известно, социальной базой фашизма. Еще в 1928 году Эрих Кох призывал: «Разгромим международного врага — универмаги!» В тридцатые годы универмаг «КЕПА» не раз подвергался набегам коричневорубашечников, после чего его шикарные витрины зияли пустотой, а торговые залы выглядели как мусорная свалка. В 1938 году универмаг был подвергнут «ариизации», а его владелец Карл Лихтенштейн после непродолжительного содержания в тюрьме полицей-президиума затерялся среди многотысячных потоков жертв гитлеровского холокоста.

Внутри универмаг «КЕПА» впечатлял масштабами и богатством торговых залов. Здесь можно было купить ткани, обувь, одежду... Просторные отделы галантереи и парфюмерии способны были удовлетворить, казалось, любой, самый взыскательный вкус покупателей. На первом этаже в одном из залов размещалось кафе, принадлежавшее владельцу универмага (вспомните электрические плиты, которые видел Крылов!). Третий и четвертый этажи были заняты преимущественно конторскими помещениями фирмы «Хохтиф», занимавшейся строительством высотных зданий и подземных сооружений в Восточной Пруссии. Громадные подвалы здания в основном использовались как складские помещения универмага, но и фирма «Хохтиф» имела несколько просторных комнат для хранения своего оборудования.

Однако читатель, по-видимому, пока никак не может понять, зачем я столь подробно рассказываю о каком-то кёнигсбергском универмаге и каким образом все это связано с Янтарной комнатой и ее поисками. А дело в том, что капитан Крылов, оставивший старшину снимать газосветные трубки рекламных букв «О» и «G» с фасада универмага, решил обследовать не только залы и служебные помещения этого здания. В окно второго этажа он увидел, что в стороне, напротив, стоит еще один большой

неплохо сохранившийся дом. Сизый дымок вырывался струями из разбитых окон верхних этажей, кружил над почти полностью осыпавшейся черепичной крышей...

Из воспоминаний В. В. Крылова

«...Дом был трех-четырёхэтажный, длинный. Посередине дома была арка... Двор был пустой, без построек, примерно квадратной формы, со сторонами 30–35 метров. В противоположной стороне двора в здании были подвалы, в которых скрывались немцы, жители города со своим скарбом. Один подвал был глубже других, уходил под землю на 5–7 метров и был совершенно пуст. В него вела лестница, в конце которой была металлическая дверь... За дверью были две ступеньки вниз. На нижней ступеньке лежал немец, убитый выстрелом в затылок.

В открывшемся помещении было темно, свет проникал лишь через открытую дверь. Однако мы^[106], привыкнув к сумраку, увидели расставленные в один ряд ящики, все одного размера, примерно 3,5 м × 70 см × 45 см. Ящиков было штук 15. Все они были деревянные. Вскрыв первые два ящика, мы обнаружили в них старые немецкие знамена, а в другом — старое оружие, шпаги. Мы вскрыли еще несколько ящиков: во всех находились предметы из желтого камня. Впоследствии я узнал, что это янтарь.

В ящиках были плиты толщиной 3–4 сантиметра, длиной 40–70 сантиметров, а может быть, и в длину ящика. Все плиты были хорошо упакованы в вату и мягкую ветошь. В одном из ящиков плиты занимали не весь ящик, оставалось место, которое было заполнено различными изделиями. Я взял часы, барометр в янтарной оправе, ножи, вилки с ручками из янтаря. Часы и барометр до сего времени находятся у меня, а другие вещи со временем растерялись, были подарены и т. п....»

Из воспоминания А. В. Куделяка

«...Когда я слез, Крылов мне показал свои трофеи: часы в янтаре, барометр, нож янтарный. Я его спросил, где он это взял и нет ли еще чего-нибудь хорошего там. Он указал на другой конец этого здания... сказал, что там еще какие-то ящики стояли, лежали фашистские знамена. Я лично не заходил в подвал».

Пока Куделяк с Крыловым увязывали и укладывали в коляску мотоцикла снятые рекламные буквы, оказавшиеся довольно большими, дроссель и находки капитана, улицу стало заволакивать удушливым дымом: видно, пожар, начавшийся в верхних этажах соседнего дома, продолжал разгораться, пожирая все новые и новые помещения. А через несколько минут раздался оглушительный грохот, взметнулись языки пламени, в небо поднялись столбы дыма и хлопья пепла, — очевидно, рухнули перекрытия и лестничные марши. Крылов и Куделяк заспешили выбраться из опасного места, снова долго петляли между развалин, пока не выехали на ровную, уже расчищенную от обломков и нагромождения техники дорогу. Через час они вернулись к месту расположения бригады, к вечеру вступившей в бой. Начинался заключительный этап уничтожения оперативной группы немецко-фашистских войск «Земланд».

Прерву ненадолго повествование и предложу поразмыслить о том, что же все-таки увидел капитан Крылов в подвале того горящего дома, расположенного рядом с универмагом. Из его рассказа следует, например, что в ящиках находились «старые немецкие знамена». По большинству имеющихся в нашем распоряжении документальных источников мы знаем, что в Кёнигсберге была единственная в Восточной Пруссии коллекция знамен старой прусской армии, демонстрировавшаяся с 1924 года в так называемом Московитском зале Королевского замка. Это было не только самое просторное помещение в бывшей резиденции прусских королей и курфюрстов, но и самый большой зал во всей Восточной Пруссии, имевший восемьдесят три метра в длину и восемнадцать метров в ширину. Построенный еще в Средние века, он был украшен в стиле старопрусских рыцарских залов. На сводчатом потолке — огромные изображения гербов Пруссии, бранденбургских маркграфов, магистров Тевтонского ордена, у стены — фигуры герцога Альбрехта и Фридриха I в воинственных позах.

Именно здесь, в Московитском зале, 24 апреля 1924 года, в присутствии начальника возрождающегося германского Генштаба генерала рейхсвера Вильгельма Хейе, состоялось торжественное открытие милитаристского «Зала славы». Со всей Германии в Кёнигсберг были собраны знамена прусских пехотных, кирасирских, гренадерских, кавалерийских и фузилерских полков, свезены многочисленные образцы холодного и огнестрельного оружия, бывшего на вооружении прусской армии в течение нескольких веков.

**Из книги Альфреда Роде
«Замок в Кёнигсберге и его коллекция».**

Берлин, 1933 год

«Назван зал так потому, что когда-то здесь принималось Посольство из Московии. Сейчас он служит в качестве выставочного зала и мемориала восточнопрусской военной истории. В оконных нишах — знамена старых восточнопрусских полков. Макеты демонстрируют военную архитектуру Восточной Пруссии... Оружие всех видов иллюстрирует развитие оборонительного и наступательного вооружения... Позолоченный железный шлем из Фридрихсберга под Кёнигсбергом... оружие, образцы униформы, памятные подарки...»

Считается, что когда в середине войны над Кёнигсбергом нависла опасность авиационных налетов, по прямому указанию руководства гитлеровского Генштаба «военные реликвии» из Московитского зала в Королевском замке и Крепостного музея в здании старой комендатуры^[107] были переправлены в замок Лохштедт неподалеку от Пиллау, где оказались в апреле 1945 года погребенными под рухнувшими сводами тевтонской твердыни. Находка же Крылова наводит на мысль о том, что, по-видимому, многие музейные экспонаты из помещений замка остались в городе, только перекочевали в одно из многочисленных подземных хранилищ. Обнаруженные капитаном янтарные плиты в ящиках очень походили на детали Янтарной комнаты, хотя Крылов ее никогда не видел и, конечно, не мог ручаться за точность воспроизведения в памяти размеров ящиков и плит.

В темном подвале, в спешке, ему не удалось внимательно рассмотреть содержимое ящиков. Да и находка часов с барометром его вдохновила больше, чем штабеля каких-то плит из «желтого камня». Так или иначе, но ни Крылов, ни Куделяк не придали находке серьезного значения. Конечно, они рассказывали об этом однополчанам, а капитан после демобилизации не раз демонстрировал гостям сохранившиеся у него трофеи, с воодушевлением и в красках описывая кёнигсбергский подвал с сокровищами.

Прошло несколько лет после войны. Уже давно Кёнигсберг был переименован в Калининград, а бывшие воины, воевавшие в Восточной Пруссии, жили новой, гражданской жизнью, еще довольно трудной, но полной надежд и ожиданий. И вот в руки Владимира Васильевича Крылова, живущего в Саратове, случайно попала изданная в Риге книга В. Дмитриева и В. Ерашова «Тайна Янтарной комнаты». Когда он прочитал

о том, как выглядело это уникальное произведение искусства, и узнал, что гитлеровцы очень тщательно относились к сокрытию награбленных культурных ценностей, его словно током пронзило: а не Янтарная ли комната была упакована в тех громадных деревянных ящиках в подвале горящего дома, рядом с которым старшина Куделяк снимал стеклянные буквы газосветной рекламы? И Владимир Васильевич, недолго думая, отправился в Саратовский художественный музей имени Радищева и рассказал директору о том, что, судя по всему, видел место, где спрятана Янтарная комната, и при необходимости сможет показать его. Так калининградская поисковая группа, которой в то время руководил Кролевский, узнала о еще одном вероятном подземном хранилище ценностей на Штайндамме.

Как и все подобные истории, эта тут же стала обрастать выдумками, превратившись в одну из сотен мистификаций, которых так много на тернистом пути поисков Янтарной комнаты. Судите сами. Как только объявился Владимир Васильевич Крылов со своими воспоминаниями об апрельских днях 1945 года, тут же в журнале «Молодая гвардия» появилась статья с интригующим названием «Еще один ключик к Янтарной комнате». В ней журналист, основываясь на рассказе Крылова, закрутил, прямо скажем, очень увлекательный сюжет. Сохранив фабулу воспоминаний капитана, он украсил их такими подробностями, которых в действительности не было, и, выдавая домыслы за подлинные факты, увел читателей, а вместе с ними и поисковиков, на шаткую дорогу вольной интерпретации событий прошлого.

Из статьи в журнале «Молодая гвардия»

«Еще один ключик к Янтарной комнате». Март 1961 года

«Мы входили в этот город на третий день после взятия его советскими войсками, — рассказывает бывший капитан-танкист Владимир Васильевич Крылов. — Остановились в переулке у огромного полуразрушенного здания. Вдруг из раскрытой двери раздалась автоматная очередь. С водителем бросились к двери. Дали несколько очередей, перешагнули через труп гитлеровца и спустились в глубокий подвал. Темно. Зажгли фонарики — кругом продолговатые ящики. Крышки сорваны. В одном ящике старые, потрепанные знамена. В другом — разворошенные стружки, между ними камень золотистого цвета, а в нем часы. Рядом — барометр, вделанный в золотистый янтарь. Решили показать их командиру...

Отъехали от подвала метров триста, не больше, вдруг грохнул взрыв, за ним другой, третий... Дом, в подвале которого мы только что были, рухнул, окутанный клубами пыли и дыма».

Вот так-то. Здесь и перестрелка с гитлеровцем, и взрывающийся буквально за спиной дом, погребающий подвал с кладом, и намек на то, что ящики кто-то уже вскрывал до прихода наших...

А между тем история, рассказанная Крыловым и Куделяком, совершенно не нуждается в приукрашивании. В ней и так достаточно труднообъяснимых моментов. Взять хотя бы того же гитлеровца с пулей в затылке, лежавшего на ступеньках при спуске в подвал. Можно, конечно, строить массу самых фантастических предположений по этому поводу, но факт остается фактом: в подвале, где лежали ящики с ценностями, был убит человек. Убит, по-видимому, неожиданно для него. Трудно сказать, какая трагедия разыгралась в том подвале в апрельские дни 1945 года. На фоне тысяч смертей одна человеческая жизнь не имела практически никакого значения для тех, кто ценой убийства хотел сохранить в тайне местонахождение наворованного достояния Третьего рейха. Последующие события укрепили в нас уверенность, что виденное Крыловым укладывается в логическую цепь событий, происходивших в этом же месте города в течение последнего года Второй мировой войны.

Как известно, новая жизнь в Кёнигсберге налаживалась трудно. Значительная часть города, особенно центральные кварталы, долго не восстанавливалась. На бывшей улице Штайндамм, теперь названной Житомирской, уцелело всего несколько домов: оба бывших кинотеатра, расположенные здесь, — «Аламбра» и «Призма», да стоящие рядом на одной стороне улицы универмаг «Дефака» и универсальный магазин стандартных цен фирмы «КЕПА». От остальных домов остались лишь возвышающиеся по обе стороны громадные кучи обломков или почерневшие коробки с пустыми глазницами окон.

Десяток лет после окончания войны руки строителей не доходили до бывшего универмага «КЕПА». Требовались не только серьезные восстановительные работы по приведению в порядок самого здания, но и новая прокладка коммуникаций, расчистка окружающих площадей от развалин. В середине пятидесятых годов восстановление универмага все-таки началось. Когда рабочие очистили первый этаж от обломков и скопившегося здесь мусора, обнаружили спуски в подвальные помещения. А здесь, как оказалось, уже никак нельзя было обойтись без саперов. Привычное дело для Калининграда. По свидетельству одного из

участников и очевидцев этих событий, из подвалов бывшего универмага было извлечено около трех тонн немецкого оружия и боеприпасов — несколько десятков автоматов «38–40», пять ручных пулеметов «МГ-34», противотанковое ружье, множество ручных гранат, противопехотных и противотанковых мин, а также несчетное количество «панцерфаустов», известных у нас как фаустпатроны — самое распространенное оружие «тотальной войны».

В подвалах была невообразимая сырость, а некоторые помещения оказались по колено залиты водой, откачать которую строителям не удалось. Тогда они, недолго думая, засыпали подвалы на добрую треть строительным мусором, битым кирпичом и щебнем, сверху положили рубероид, потом листы толи и все это залили цементом. В 1956 году в здании бывшего универмага «КЕПА» открылась Калининградская галантерейная фабрика, а в 1961 году после существенной перепланировки и ремонта — швейная фабрика № 2.

Никто из калининградцев, конечно, не представлял, что с этим неброским зданием, имеющим плоскую крышу и совершенно невыразительный фасад, могла быть связана какая-то таинственная история. Вместе с тем у городских властей был повод проявить некоторый интерес к этому дому. Однажды, в конце рабочего дня, во дворе фабрики произошло маленькое происшествие, на которое практически никто не обратил внимания. Грузенный готовой продукцией ГАЗ-51, с трудом разворачивавшийся на захламленной территории двора, вдруг стал медленно оседать на заднее колесо. Водитель сначала не понял, в чем дело. Крики грузчиков заставили его вылезти из кабины, и он увидел, что колесо грузовика повисло над осыпавшимся куда-то вниз грунтом. Обнаружился провал — довольно глубокая, не менее двух метров, яма. Внизу виднелась часть лестничного марша, уходящего круто вниз. Поразительно, но никто особенно не заинтересовался тем, куда могла вести эта лестница, располагавшаяся почти посреди двора. Правда, калининградцы в те годы неоднократно могли наблюдать, как под ковшом экскаватора появлялись подвалы, глубокие колодцы и странные лабиринты — город ведь был возведен на «подземных этажах» старого Кенигсберга. Привычка сделала свое дело: машину разгрузили, оттащили от образовавшейся ямы, а через пару дней приехал самосвал и ссыпал в провал битый кирпич. Потом это место заасфальтировали, и больше уже ничто не нарушало маневров автотранспорта на хозяйственном дворе предприятия.

Возможно, информация Крылова о подвале рядом с универмагом и случай с грузовиком во дворе швейной фабрики так никого бы и не

заинтересовали, если бы в апреле 1972 года в Калининградскую экспедицию не пришло письмо от некоего Пауля Зонненшайна из ГДР. То, что он сообщал, казалось невероятным. Немец утверждал, что он... непосредственно занимался укрытием Янтарной комнаты.

Из письма Пауля Зоннепшайна. 16 апреля 1972 года

«...В период последней войны я был мобилизован в тогдашнюю имперскую трудовую службу... В марте 1944 года мы были передислоцированы в Кёнигсберг для прохождения обучения в одной из зенитных частей... 27.05.44 г. во время занятий в эту часть прибыли офицеры СС и отобрали три человека произвольно. В число этих трех попал и я. Затем офицеры привезли нас в замок. Здесь заставили нас снять свое обмундирование, взамен которого мы получили темную рабочую одежду. Еще девять человек были отобраны в близлежащих гарнизонах и доставлены в Кёнигсберг.

Лишь 28.05.44 г. нас поставили в известность о том, что нам поручено упаковывать сокровища Янтарной комнаты. В замке нас привели в два помещения. В одном находилось 22 ящика, обитых цинковой жестью, а в другом помещались сами сокровища. Здесь были шкафы, ларцы и зеркала. Мы должны были с большими предосторожностями упаковывать эти предметы в вату, струйку. Запакованные ящики были затем вывезены ночью. Их погрузку и транспортировку осуществляли тоже мы. Ящики были вывезены в следующие места:

1. 4 ящика — в подвальное помещение замка;
2. 12 ящиков — в подготовленный бункер, находящийся под универмагом „КЕПА“ на улице Штайндамм;
3. 6 ящиков были спрятаны за пределами Кёнигсберга в старых крепостных сооружениях времен Первой мировой войны...

В течение всех этих дней нам запрещали покидать пределы замка...»

Несмотря на путаность изложения и явные недомолвки, информация Зонненшайна представляла исключительный интерес для поисковиков. Поэтому сразу же началась интенсивная переписка с заявителем. Ведь Зонненшайн мог вспомнить и другие подробности, относящиеся к периоду войны, получив наводящие вопросы от экспедиции. Так оно и произошло: в

результате обмена посланиями немец давал все более обстоятельные описания, припоминал существенные детали, что позволяло шаг за шагом воссоздавать ход минувших событий.

Итак, шестнадцатилетний немецкий юноша из Инстербурга проходил «воспитание в духе национал-социализма» в одном из лагерей имперской службы трудовой повинности. Тогда, в 1944 году, было уже не до сооружения водоотводных каналов и строительства автобана Кёнигсберг — Эльбинг. Команда РАД, в которой работал Пауль, строила линию обороны в Хайльсбергском укрепленном районе. Они возводили огневые точки, убежища, надолбы, проволочные заграждения, копали противотанковые рвы. Бои шли где-то еще очень далеко от рейха — в районе Новгорода, Витебска и Могилева. Поэтому строительство оборонительных сооружений воспринималось не нюхавшими пороха юношами как что-то, не имеющее практического значения. И вдруг в марте 1944 года в их «рабочий лагерь» неожиданно прибыла большая группа офицеров, а с ними и сам начальник имперской службы трудовой повинности Восточной Пруссии Айзенбек. На большом плацу между бараками, где жили «солдаты труда», состоялся общий сбор. Перед выстроенными шеренгами молодых людей в военизированной форме с эмблемами в виде лопатки и колосьев попеременно выступили несколько приехавших офицеров. Известный всем набор лозунгов закончился громогласными призывами «быть стойкими перед лицом врага» и укреплять «фанатическую волю к победе». Это был беглый пересказ «14-ти тезисов», недавно провозглашенных доктором Геббельсом. В заключение руководитель РАД зачитал приказ о расформировании команд, ликвидации лагеря и направлении всего личного состава в действующую армию.

Так Пауль Зонненшайн после медицинского освидетельствования из категории эрзацрезерва второго разряда попал в учебный зенитный артиллерийский дивизион, дислоцировавшийся в казарме «Бельке» в кёнигсбергском пригороде Кальтхоф^[108]. Здесь ему в качестве курсанта предстояло в течение нескольких месяцев овладеть военной специальностью и освоить наиболее распространенные образцы зенитных орудий — 37-мм и 50-мм пушек. По всему чувствовалось, что Кёнигсбергу, в течение войны практически не подвергавшемуся бомбардировкам, скоро понадобится зенитная артиллерия. Фронт медленно, но верно откатывался на Запад.

Наступил май. Обстановка становилась все более тревожной. Больницы и общественные здания были переполнены прибывающими с фронта ранеными, от чего город стал походить на громадный лазарет. Из

Центральной Германии, которая подвергалась налетам британской и американской авиации, в Кёнигсберг хлынул поток беженцев, размещавшихся у своих знакомых и родственников. На домах появились грозные плакаты с надписями «Победа или большевистский хаос!», «Великий час пробил. Новое оружие — наша победа!» Поговаривали о снижении призывного возраста и новой мобилизации. Повсюду строились бомбоубежища, бункеры, укреплялись подвалы жилых и административных зданий.

**Из книги Фрица Гаузе
«История города Кёнигсберга в Пруссии». Том 3.
Кёльн — Вена, 1971 год**

«...Начавшиеся мероприятия осуществлялись больше для защиты от бомб, чем от наступления Советов. Музейное имущество помещалось в бункеры или перевозилось в имения за пределы города, в том числе и расположенные в восточном направлении. Частные клиники должны были перебазироваться в курортные места. В общественных больницах сооружались бомбоубежища-операционные...»

День 27 мая 1944 года Пауль Зонненшайн запомнил очень хорошо. Во-первых, в связи с тем, что ему пришла посылка от родителей, проживавших в Инстербурге, а во-вторых, потому, что на послеобеденном построении перед казармой гаупфельдфебель Кроль приказал ему и еще двум курсантам выйти из строя и немедленно явиться к командиру дивизиона. В кабинете майора находились еще три человека — дивизионный офицер НСФО^[109] и двое в форме СС. Краем глаза Пауль увидел на столе у командира стопку военных билетов — толстых серых книжиц с черным орлом и надписью «Heer»^[110].

Курсантам объявили, что они на время откомандировываются в распоряжение зондергруппы СС для выполнения «специального задания командования». Через двадцать минут им надлежало явиться сюда же в полном снаряжении, взяв с собой необходимые личные вещи и сообщив товарищам, что их переводят в другую часть.

Спустя полчаса курсанты уже тряслись в кузове армейского грузовика, продолжая недоумевать, почему выбор пал именно на них.

Автомашина проехала по Герман-Геринг-штрассе^[111], резко дернулась, огибая ворота Кёнигстор при въезде в старый город. Трамвайный перезвон, гудки автомобилей, велосипедисты, пешеходы на тротуарах, пестрота

витрин, яркие лучи майского солнца — все это как-то не очень гармонировало с тревожным ожиданием приближения фронта и чувством неизвестности, связанным с выполнением предстоящего «специального задания». Промелькнуло красное кирпичное здание бывшего Интендантства, приземистая Французская кирха. Еще пять минут, и машина, проехав по узкой Францёзише-штрассе, остановилась у въездных ворот... Королевского замка. Пауль плохо знал Кёнигсберг, хотя он бывал уже здесь несколько раз, так как практически каждый год для учеников школ Инстербурга организовывались экскурсии в столицу провинции с обязательным посещением и осмотром замка.

Открылись ворота, машина проехала по узкому въездному туннелю и оказалась на громадном замковом дворе. Здесь уже стояли два тяжелых «бюссинга» с брезентовым верхом, около которых расположилась кучка солдат в полном снаряжении с ранцами и вещевыми мешками в руках — по-видимому, так же, как и они, собранных из расположенных неподалеку частей. Знакомых не было видно. Единственное, на что обратил внимание Пауль, — черный цвет окантовки погон и петлиц у большинства стоявших во дворе военнослужащих. Значит, преимущественно здесь были саперы. Правда, в толпе мелькнул белый погон пехотинца и светло-желтые — связистов, но преобладал все-таки черный цвет. Артиллеристов и зенитчиков, кроме Пауля и прибывших с ним курсантов, здесь, похоже, не было вовсе.

Ожидать пришлось недолго. Из дверей ближнего подъезда вышли знакомые эсэсовские офицеры и высокий майор в серой полевой форме с поблескивающим над левым карманом френча железным крестом II степени. Кто-то скомандовал, и толпа в один миг превратилась в пеструю шеренгу. В течение пяти минут майор давал необходимые указания относительно размещения личного состава и порядка несения службы на время командировки. Все прибывшие должны разместиться в нескольких специально выделенных для этого помещениях замка, сдать обмундирование, оружие и предметы экипировки обер-фельдфебелю, оставив себе лишь самые необходимые личные вещи. Все будут переодеты в тиковые спецовки армейского образца и комбинезоны. Звания и должности прикомандированных никакого значения не имеют — взамен солдатских книжек, которые должны быть сданы тому же обер-фельдфебелю, все получают специальные удостоверения о прикомандировании к зондергруппе. В заключение майор предупредил, что прибывшим для выполнения специального задания категорически запрещается без соответствующего разрешения покидать настоящее

месторасположение, писать и передавать письма родственникам и знакомым. После короткого инструктажа прозвучала команда «Разойдись!», но цель прибытия в замок и суть возложенных на команду специальных задач большинству, наверное, так и остались неясными. Остаток дня прошел в организационной суете: сдавались униформа и снаряжение, получались спецовки, решались вопросы расквартирования и довольствия.

Лишь на следующий день после завтрака в одном из помещений известного винного погребка «Блютгерихт» прикомандированным сказали, что они будут осуществлять погрузочно-разгрузочные работы с особо ценным грузом — экспонатами музея, расположенного в Королевском замке. Это несколько разочаровало Пауля, показавшись ему несерьезным и не соответствующим предпринимавшимся мерам предосторожности и секретности. Он, да, пожалуй, и другие солдаты ожидали какого-то особо ответственного задания, может быть, даже связанного с боевыми действиями на фронте. А тут... экспонаты! Странно было и то, что этим занимаются «эсэс», а не заурядные музейные работники.

Тем не менее всю команду разбили на три группы, назначили в каждой из них старшего и развели по местам работы. Пауля и его обоих однопольчан из зенитного дивизиона и двоих крепышей, отрекомендовавшихся саперами, лейтенант в эсэсовской форме, бывший здесь кем-то вроде производителя работ, провел по узкому коридору и каким-то лестницам в помещение, сплошь уставленное различного размера предметами — громадными панелями с резьбой, зеркалами в позолоченных рамах, старинными шкафами, секретерами и письменными столами с тончайшими барельефами самых причудливых форм. Мебель и резные панели переливались на свету, множество украшающих их деталей — резные канделябры, золоченые орнаменты, гирлянды цветов и маленькие скульптурки — все это поразило солдат. Ведь никто из них никогда в жизни не видел такого великолепия, даже те, кто уже бывал здесь, в замке. Пауль же вспомнил, что нечто подобное он видел только в кинокартине «Великий король», в своих многочисленных сериях воспевавшей «подвиги» Фридриха II и «возвышение Пруссии».

Суетливый человек в сером костюме объяснил солдатам, как надо упаковывать эти предметы: все экспонаты имели бирки с номерами, соответствующими номерам на ящиках, сложенных в соседней комнате. В качестве упаковочного материала служили стружка и техническая вата, тугие мешки с которыми стояли рядом. Паулю досталось упаковывать три шкафа: один, инкрустированный янтарем, довольно внушительных размеров, по-видимому, от письменного стола, и два маленьких, очень

изящных, с множеством ящичков и перламутровых ручек. Кроме того, ему пришлось попотеть с упаковкой громадного толстого зеркала в раме с золоченым орнаментом. Все это, тщательно обернутое и аккуратно уложенное в четыре разноформатных ящика с соответствующими номерами, было осторожно снесено вниз. Ящики нашли свое место в мрачных и немного зловещих подземных помещениях северного крыла замка, куда Пауль Зонненшайн с помощью двоих солдат доставил их по указанию лейтенанта.

Когда Зонненшайн вернулся в помещение, где оставались уже упомянутые панели и мебель, первая партия ящичков была заполнена. Лейтенант и почти постоянно находившийся в помещении человек в штатском показали солдатам, как следует установить крышку того или иного ящика, — особенно это касалось небольших ящичков, обитых оцинкованной жестию, как закрепить ее с помощью специальных зажимов. После того как ящик был полностью упакован, музейный работник (а Пауль сразу признал в штатском сотрудника замкового музея) писал красным карандашом на верхней крышке какой-то только ему известный набор цифр, постоянно сверяясь с толстым блокнотом и делая, по-видимому, отметки в описях ценностей.

Нести по коридору и спускать с лестницы громадные ящики было очень трудно. Впятером они еле разворачивались со своей, хотя и не очень тяжелой, но неудобной ношей, и пока дотащили один ящик до грузовика, стоявшего во дворе, выбились из сил. Широкий кузов «бюссинга» вместил четыре узких длинных ящика. Поставленные торцом, по высоте они почти достигали брезентового верха. Не менее сложным оказалось закрепить их, чтобы при движении не болтались в кузове. Эту операцию солдаты проделали под непосредственным руководством человека в штатском, очень беспокоившегося за сохранность упакованных панелей. Толстыми веревками, почти канатами, они стягивали ящики по периметру и зацепляли концы за металлические скобы в бортах автомашины. После того как работа была закончена, грузчики успели передохнуть, присев на штабель свежеструганных, пахнущих смолой досок, только что привезенных сюда, по-видимому, с лесопильного завода.

Двор замка был неузнаваем. И хотя по-прежнему над ним возвышалась массивная остроконечная готическая башня-колокольня, монументально смотрелось западное крыло с громадными окнами и тяжелыми контрфорсами, величественно выглядела старинная деревянная резная галерея северного крыла, тем не менее все приобрело запущенный, неухоженный вид. Почти у каждого подъезда лежали штабеля досок,

мешки и бочки. Ранее сиявшие чистотой окна, казалось, были покрыты налетом пыли, которая поднималась от кучек непонятно откуда взявшегося здесь песка. Центр двора, где стоял фонтан, был буквально завален какими-то тюками, слегка прикрытыми брезентовым пологом. У противоположного крыла замка тоже шла погрузка. Только ящики и коробки были небольшими, и солдаты в спецовках носили их по одному, плотно укладывали в кузов другого «бюссинга».

Спустя час или полтора была дана команда на отправление машины. Один из однополчан Пауля сел в кабину с водителем и лейтенантом, а остальные заняли свободное пространство в кузове, с опаской поглядывая на возвышающиеся над ними ящики. Ехали недолго, но так как клапан брезента был опущен и плотно закреплен защелками на заднем борту, никто из сидевших в кузове не смог даже примерно определить, в каком направлении они двигаются. До них лишь доносился трамвайный перезвон и шум городских улиц. Потом машина остановилась, послышался приглушенный разговор, после чего заскрипели открывающиеся ворота, и грузовик въехал во двор.

Когда Пауль и его товарищи спрыгнули на землю, они увидели, что находятся во дворе какого-то производственного здания. Около высокой кирпичной стены, окружавшей двор, лежал больших размеров котел с многочисленными отводными трубками и вентилями. Само здание с узкими зарешеченными окнами было буквально увито трубами, повсюду стояли деревянные и металлические бочки, чаны различной формы, бутылки в плетеных корзинах. По двору прохаживался часовой с автоматом — его форма не оставляла сомнения в принадлежности охранника к войскам СС. Почти посередине на высоких металлических шестах-стойках с оттяжками была натянута маскировочная сеть с грязно-коричневыми лоскутами материи. Под ней прямо в земле виднелась прямоугольная яма с краями, аккуратно обшитыми досками, и целая система подъемных механизмов, установленная на металлическом каркасе, — несколько блоков с подвесными крюками на цепях, барабанная лебедка с электрическим приводом и какие-то канаты, свешивающиеся вниз.

По команде лейтенанта началась разгрузка. Ящики осторожно снимали, подносили к яме, а двое рабочих в спецовках (возможно, таких же прикомандированных солдат) стягивали их канатами, зацепляли за тяжелые крюки, придерживая ручную цепь, идущую от шкива. Пауль с интересом заглянул в дышащую холодом шахту. Она вертикально уходила глубоко вниз, где виднелся бледный свет электрической лампочки. С правой стороны в обшитую досками стену шахты были вбиты железные скобы, по

которым можно было легко спуститься вниз. Когда ящик был надежно закреплен и подтянут к краю шахты, снизу крикнули, чтобы туда спустились два человека. Скобы, торчавшие из дерева, не выглядели достаточно надежными, поэтому Пауль и работавший вместе с ним в одной группе сапер не без опаски начали спуск.

Внизу действительно было холодно и сыро. Сверху свет загораживали плотная маскировочная сеть и ящик, уже повисший на тросах и занявший, казалось, все пространство громадного колодца. Заработал электромотор, и ящик стал опускаться на дно шахты. Здесь его довольно быстро отцепили и установили на подогнанную прямо под него плоскую металлическую тележку с маленькими колесиками. Только тут спустившиеся на дно шахты увидели, как в одной из стен распахнулись створки больших дощатых дверей, открыв широкий, не менее пяти метров, тоннель, уходящий под уклон. Наподобие подземных горных выработок, он имел защитную крепь из деревянных брусьев. По потолку тянулся кабель, и через равные промежутки штольня освещалась ярким светом забранных в сетку электрических светильников. Длина коридора была не менее пятидесяти метров. В конце его слышались глухие голоса, и было видно, как несколько человек пытаются развернуть громадный ящик, чтобы его внести в темный проем с торцевой стороны штольни.

Тележка с ящиком довольно легко скользила по дощатому полу, и скоро солдаты уже заносили его в одно из помещений в конце штольни — большую камеру-нишу с совершенно голыми бетонными стенами без каких-либо признаков вентиляции или стационарного освещения. Ручная переносная лампа-подсветка со шнуром была зацеплена за вбитый в стену крюк около входа и освещала этот подземный склеп бледным холодным светом. Ящик установили на толстые деревянные брусья, предназначенные, по-видимому, для того, чтобы гарантировать его сохранность, даже если в помещении появится сырость и пол станет мокрым.

Через некоторое время машина была разгружена, и оба других ящика перекочевали в ту же камеру подземного бункера, расположенного где-то в стороне от спуска в шахту. Находившаяся внизу группа солдат в комбинезонах не стала подниматься после этого на поверхность. Наоборот, внизу, видимо, началась какая-то еще более интенсивная работа, так как с помощью лебедки туда спустили два штабеля досок, большой ящик с цементным раствором. Во дворе раздался шум бетономешалки. Но для Пауля и его группы на сегодня работа была уже закончена. Тот же «бюссинг», уже пустой, возвратился в замок, где они могли скоротать остаток дня за карточной игрой. На ужин каждому прикомандированному

выдали по три бутылки светлого понартского пива.

Спустя пару дней все повторилось почти в той же последовательности, как и в первый раз: упаковка ценностей в ящики, погрузка их на автомашину, поездка через центр города к замаскированной шахте. Разница заключалась лишь в том, что каждый раз ящики укладывались в свободную камеру-нишу, в то время как старые были уже аккуратно замурованы, причем на некоторых еще оставалась деревянная опалубка. Работа стала привычной, да и за дни, проведенные вместе, многие уже перезнакомились и нашли земляков. Паулю повезло в этом смысле вдвойне: его земляками оказались сразу двое солдат из «шахтной команды» и охранник Вилли, постоянно дежуривший у въезда во двор. От них-то Пауль и узнал, что здание с трубами, на производственном дворе которого велись разгрузочные работы, является старой ликерной фабрикой, ныне не действующей, а глубокая подземная штольня ведет точно под универмаг стандартных цен, который выходит своим фасадом на улицу Штайндамм. Все оказалось не столь уж загадочным, и строгие требования, которые предъявлялись к солдатам со стороны эсэсовских офицеров, выглядели излишними. Конечно, Пауль не сомневался в высокой ценности для рейха музейных экспонатов и старинной мебели, но работе по их перевозке он предпочел бы тогда все-таки учебу в зенитном дивизионе и редкие, но регулярные увольнения в город. Правда, как-то раз один из инстербуржцев шепнул ему, что большие панели с зеркалами — это не что иное, как разобранный знаменитый Янтарный кабинет, который был подарен Фридрихом Вильгельмом I русскому царю, одно из всемирно известных чудес света стоимостью в миллионы рейхсмарок. Зачем нужно было тайно прятать ценности, замуровав их в подземные склепы, это Паулю пока было не ясно. Еще большее недоумение охватило его, когда он узнал, что шахту и штольню якобы собираются подорвать, и специальная группа опытных саперов уже закладывает заряды из мелинита — десятки стандартных трехкилограммовых шашек в металлической оболочке...

Прервемся на минутку и поразмыслим над информацией, которую сообщил поисковику Пауль Зонненшайн. Нетрудно заметить, что подобный сюжет уже не раз варьировался в рассказах других свидетелей или участников захоронения Янтарной комнаты. Вспомните Франца Бильке, который случайно прямо из тюремной камеры оказался в команде по перевозке и укрытию ценностей в бункере у Штайндаммской кирхи. Или Георга Виста, который в составе эсэсовской «зондергруппы» упрятал Янтарную комнату, кёнигсбергскую коллекцию янтаря и материалы какого-то архива в подземное сооружение «Б-3» где-то в районе площади

Хоймаркт. Можно вспомнить также и Ежи Яблонского, который видел, как с грузовика «берле» сгружались ящики с «золотом и янтарем» у въезда в гараж СС. Во всех этих сюжетах присутствуют три основных компонента: автомашины с ценностями в ящиках, среди которых, возможно, была и Янтарная комната; эсэсовская охрана, обеспечивающая секретность проводимой акции; и наконец глубокое подземное укрытие в районе Штайндамма.

О чем говорят совпадения в рассказах разных, не знакомых друг с другом людей? Может быть, о наличии у гитлеровцев определенной системы захоронения ценностей и архивов, системы четкой регламентации всех основных этапов и видов работ, варьировавшейся только в зависимости от специфических условий того или иного региона? Ведь большинство инструктивных и методических документов такого характера нам неизвестны. Они либо погибли в огненном смерче войны, либо оказались за дверями бронированных сейфов, находящихся в руках тех, кто рассчитывает когда-нибудь вернуться в места укрытий похищенных ценностей и стать их новыми владельцами. Подумаем обо всем этом и продолжим наше повествование.

После завершения перебазирования ценностей из замка в подземные укрытия команда, состоявшая из прикомандированных солдат, была расформирована, и все они возвратились в свои части. Вернулся в свой учебный зенитный артиллерийский дивизион и Пауль Зонненшайн. Опять началась учеба, муштровка на плацу, наряды и выезды на местность для отработки боевых нормативов. На все вопросы сослуживцев о том, где пропадал он и двое других курсантов в течение последних двух недель, Пауль лишь отшучивался. Ведь не мог же он после того, как дал письменное обязательство не разглашать «содержание и характер выполненного специального задания», рассказать своим товарищам, что участвовал в укрытии сокровищ и приобщился к глубокой тайне рейха.

Оказавшись как-то в очередном увольнении в городе (а это был уже июль 1944 года), Пауль решил скоротать время до начала вечеринки, на которую его пригласил старый школьный приятель, проживавший теперь в Кёнигсберге, — от службы в армии он был освобожден по состоянию здоровья и имел спасительное врачебное заключение с буквенной пометкой «w.u.», что означало «полностью негоден». Сначала Зонненшайн посмотрел сентиментальную кинокартину «Женщина на три дня», которая шла в кинотеатре «Мирамар», расположенном на самом берегу Замкового пруда, затем зашел в знаменитый книжный магазин издательства «Грефе унд Унцер» на площади Парадеплатц, где купил в подарок другу роман Ганса

Йоста «Начало».

Время еще оставалось, и он решил пройтись пешком по центру города. От площади Парадеплатц он направился в сторону Восточной ярмарки, прошел вдоль экзотического здания Палестры Альбертины — центра гимнастической и фехтовальной подготовки кёнигсбергской молодежи^[112], затем снова вернулся к площади. Обогнув кирху, он вышел на оживленную улицу Штайндамм — там, где она делает едва заметный поворот влево. Скользя взглядом по витринам магазинов, вывескам и рекламным щитам фирм, он вдруг увидел на четырехэтажном здании четкую узорную надпись «КЕПА» — Кёнигсбергский торговый дом стандартных цен — и сразу вспомнил слова земляка-сапера о том, что именно под этот универмаг вела подземная штольня, в которую полтора месяца назад они спускали ящики с ценностями. Паулю вдруг захотелось посмотреть на это место во дворе ликерной фабрики, где был спуск в шахту. Он прошел по узкому проулку между универмагом и магазином колониальных товаров, носящим странное название «Бютгельплатц», что в переводе с немецкого означает «Площадь палача».

Позади здания универмага начинался высокий кирпичный забор. Пауль прошел вдоль него — показались знакомые деревянные ворота. К его удивлению, они были распахнуты, а на фабричном дворе даже наблюдалось какое-то оживление. Перед входом был установлен большой щит-объявление: «Место продажи топлива: уголь и дерево. Невгер и К°. Адрес фирмы — Штайндаммер-Кирхен-платц, 5». Несколько кёнигсбержцев с тележками стояли в небольшой очереди за угольными брикетами. А на том месте, где недавно была натянута маскировочная сеть и спускалась вниз глубокая шахта, лежали ровными штабелями серые кирпичики, стояли большие напольные весы и шла бойкая торговля сырьем, необходимым любому большому городу. Никаких следов «специального задания» Пауль так и не увидел, если не считать кучи ломаных досок, небрежно сваленных в дальнем конце двора.

Пауль Зонненшайн еще не раз возвращался в памяти к неординарному событию в своей жизни, каким было участие в укрытии ценностей под универмагом «КЕПА». Однако последующие события стали постепенно вытеснять эти воспоминания, а после августовских авианалетов на город все помыслы были о том, как бы уцелеть в этой ужасной войне. В сентябре состоялся досрочный выпуск курсантов-зенитчиков, и началась настоящая служба, сначала в Раушене^[113], а потом, после передислокации части — в Померании, где он отступал до самого Одера и после падения Альтдамма

— последнего опорного пункта на восточном берегу реки — сдался в плен.

Получив информацию из ГДР, Калининградская экспедиция сразу приступила к изучению нового объекта поисков, который приобрел порядковый номер восемьдесят восемь. Сначала были опрошены работники швейной фабрики, располагавшейся теперь в бывшем здании немецкого универмага. Удалось найти людей, которые участвовали в восстановлении дома и в деталях рассказали об этом.

Из справки о встрече с В. Ф. Золотаревым

«...Прораб Шигарев П. А. принял решение не очищать подвальные помещения от завалов и строительного мусора, а приказал провести планировку в подвалах и забетонировать... Таким образом, в итоге получилось, что подвальные помещения оказались необследованны, а их высота уменьшена примерно на 80 сантиметров. Тов. Золотарев В. Ф. предполагает, что в этом доме могут быть и нижние ярусы подвалов...»

В архивах было найдено заключение инженера Якубовича с характеристикой поисковых объектов в районе Штайндамм, составленное им в 1967 году сразу после решения Совета Министров РСФСР образовать правительственную комиссию по розыску Янтарной комнаты и других музейных ценностей. В нем Владимир Михайлович, основываясь на собственном опыте обследования зданий города в пятидесятые годы, делал предположение о возможности укрытия ценностей в глубоких подвалах взорванных руин к западу от ателье индпошива и швейной фабрики.

Получив разрешение на проведение поисковых работ в здании бывшего универмага «КЕПА» и на прилегающей к нему территории, экспедиция приступила к обследованию объекта. Работы начались осенью 1973 года в пятидесяти метрах от здания, там, где ориентировочно располагался двор ликерной фабрики и, по описаниям Зонненшайна, был вход в шахту. Снова геофизики развернули свои приборы, позволяющие улавливать аномалии в грунте. Но калининградский грунт — это, как известно, не только песок, земля и глина. Это скопление металлических конструкций, железобетона, старых, разрушенных коммуникаций. Поэтому чувствительным приборам трудно «разобраться» в подземном хаосе, и показания их зачастую бывают противоречивы. Так и здесь. Геофизики указали столько аномалий, что, казалось, все внизу состоит из сплошных бункеров и подземных галерей.

Начались буровые работы, которые эпизодически проводились в

течение года, — сначала неподалеку от фабрики, а затем и в ее подвальных помещениях.

Из заключения Калининградской экспедиции

«...На полученных аномалиях в 1973–1974 годах пробурено 57 скважин на глубину от 10,5 до 20 метров. Скважины располагались как вокруг здания для выявления признаков шахты или штольни, так и внутри здания бывшего универмага... Со стороны, где по данным заявителя, пролежала штольня... бурение не дало ожидаемых результатов...»

Однажды поисковикам, казалось, повезло. Раскоп позади здания фабрики позволил натолкнуться на какой-то подвал, заваленный сгнившими досками и обломками ящиков. Под ними оказалась груда разбитой и целой посуды. На тарелках легко различался фирменный знак и надпись «Кафе Штайнер». Но самое тщательное обследование не привело к обнаружению подземного хода или колодца, уходящего вниз к искомым бункеру или штольне. Энтузиазм поисковиков стал понемногу угасать. «Достоверные» сведения Зонненшайна и воспоминания Крылова и Куделяка теперь уже не казались безупречными с точки зрения объективности. Поэтому было принято решение организовать встречу с заявителями, а если возможно, то, пригласив их в Калининград, попытаться точнее определить местонахождение объектов, о которых они сообщали в своих письмах.

В сентябре 1974 года в Калининград из Саратова приехал Владимир Васильевич Крылов. Здесь состоялась встреча бывших фронтовиков, не видевшихся друг с другом более десятка лет. Постаревшие, но по-прежнему энергичные, они с готовностью приняли предложение еще раз пройти по центральным улицам города, чтобы поточнее определить местоположение подвала, где в апреле 1945 года лежали ящики с янтарными изделиями и старинными знаменами. Чтобы не быть субъективными, предоставим место официальному документу, отфиксировавшему эту попытку.

Из справки о работе с заявителем В. В. Крыловым

«...Крылов В. В. самостоятельно ориентировался на местности в районе старого города. Ориентирами, которые сохранились до настоящего времени, для него были направление улиц Ленинский проспект — Житомирская (быв. Штайндамм),

здания Дома одежды и фабрики индпошива (быв. универмаг „КЕПА“), остатки развалин замка.

В результате первого визуального осмотра тов. Крылов В. В. высказал предположение о месте захоронения музейных ценностей, которое находится в районе объектов „Бункер Брюсова“ — „КЕПА“...

...Продолжая изучение этого района, тов. Крылов встретился с тов. Бутенко И. Р., проживающим с 1945 года в районе „КЕПА“. На основании своих воспоминаний и воспоминаний Кудеяка А. В., а также сопоставляя данные о размещении старых зданий и дворов, тов. Крылов сделал вывод, что подвал с захоронением ценностей находился во дворе под зданием на том месте, где в настоящее время располагается магазин...»

Примечательно, что в процессе определения местонахождения объекта и Крылов, и Кудеяк независимо друг от друга привели сотрудников экспедиции к известной фабрике на Ленинском проспекте, что, безусловно, доказывало объективность их воспоминаний.

С приглашением в Калининград Зонненшайна, с которым была установлена устойчивая переписка, было, разумеется, гораздо сложнее. Тем не менее руководство экспедиции направило письмо в Генконсульство СССР в Лейпциге с просьбой оказать содействие в организации поездки Зонненшайна в Советский Союз. В проработку этого вопроса включилось и советское посольство в Берлине. Но тут неожиданно заколебался сам Пауль Зонненшайн, до этого выражавший готовность приехать в Калининград и показать все на месте. В одном из своих писем, ссылаясь на недавно перенесенную тяжелую операцию, он сообщал, что приехать не сможет. А потом вдруг вообще заявил: «Что-либо другого дополнить... кроме того, что я уже написал по этому вопросу (по вопросу укрытия ценностей в 1944 году. — *Авт.*), я не могу и заверяю, что мои данные о музейных ценностях правдивы. Больше я вам ни в чем помочь не могу. Я надеюсь, что это дело является завершенным для меня».

В ответ на наводящие вопросы немец присылал явные отписки, практически ничем не дополняющие уже сообщенную им информацию. А в самом начале 1976 года пришло письмо, заставившее сотрудников экспедиции серьезно задуматься по поводу искренности Зонненшайна. В письмо была вложена вырезка из газеты «Нойес Дойчланд», в которой излагалась широко распространенная версия о тайной эвакуации Янтарной комнаты из Кёнигсберга морским путем и возможном нахождении ее в

трюмах затонувшего у выхода из Данцигской бухты лайнера «Вильгельм Густлов».

Из письма Пауля Зонненшайна. 1 января 1976 года

«Мой приезд я бы не считал необходимым, так как прилагаемая газета представляет... убедительные доказательства (так же, как и показания нацистского гаулейтера Коха) того, что ценности были приняты на борт одного корабля в Гдыне в марте 1945 года. Вырезку из газеты прилагаю.

С почтением уважением

Пауль Зонненшайн».

Было совершенно ясно, что в поведении «живого участника» захоронения ценностей в Кёнигсберге произошли серьезные метаморфозы. После того как в многочисленных письмах он подробно рассказывал об уже известных нам событиях весны и лета 1944 года, Зонненшайн почему-то вдруг резко решил не только прервать свои воспоминания, но и вообще прекратить переписку. Не говоря уже о том, что ехать в СССР он явно не собирался. Похоже, что он кардинально пересмотрел свои взгляды на оказание нам помощи в розыске похищенных нацистами ценностей. Все это наводило на мысли о том, что произошло это не без какого-то внешнего влияния, а последующие события позволили считать это предположение небезосновательным. Для того чтобы снять все возникшие вопросы и сомнения, а главное, хоть как-то компенсировать отказ Зонненшайна приехать в Калининград и показать точное месторасположение шахты во дворе ликерной фабрики, было решено воспользоваться предстоящей поездкой в ГДР начальника экспедиции Елены Евгеньевны Стороженко и одного из ее сотрудников.

...Скорый поезд «Берлин — Магдебург — Вернигероде» домчал их за каких-нибудь три с половиной часа до широко известного своими фахверковыми постройками города, расположенного у подножия лесистых склонов Гарца. Тем, кто бывал в Вернигероде, конечно запомнилась великолепная средневековая ратуша в стиле ренессанс с остроконечными башенками и резными фигурами, создающими атмосферу народных сказаний и обычаев. Но тогда Елене Евгеньевне было не до осмотра достопримечательностей. Времени было в обрез, а до Хоппенштедта, где проживал Зонненшайн, предстояло еще добираться минут сорок на

автобусе.

Небольшой домик под черепичной крышей на улице Остерквинштрассе они нашли быстро, про себя отметив, как похожи эти провинциальные городки на калининградские пригороды. Так и кажется, что находишься где-нибудь в районе Большого Исакова, Первомайского или Суворова. На звонок к калитке вышла из дома женщина лет сорока. Она с недоумением смотрела на незнакомцев, а поняв, кто это, не смогла скрыть досады. Как выяснилось, Пауля Зонненшайна уже неделю не было дома, так как он по случаю предстоящей операции, связанной с удалением камней в почках, находился в стационаре городской клиники Вернигероде. Фрау Зонненшайн не предложила гостям пройти в дом, а лишь сказала, что они могут навестить ее мужа в больнице в шестнадцать часов, когда заканчивается послеобеденный сон и больным разрешается выйти погулять в старый парк, расположенный на территории клиники.

Елена Евгеньевна рассказывала мне, что от нескрываемой неприветливости жены Зонненшайна у нее остался какой-то осадок, но встреча с немцем была необходима, и теперь уже ничто не должно было помешать ей состояться. Они долго искали среди однотипных кирпичных зданий нужный корпус клиники, а затем и палату, где лежал Пауль Зонненшайн. Когда, постучавшись, вошли в комнату, он с широкой улыбкой и явно демонстрируемым радушием пригласил «гостей из Калининграда» сесть к столу. Как ни странно, фрау Зонненшайн оказалась здесь же. И по тому, с каким напряженным вниманием она следила за посетителями, было видно, что визит ей явно не по душе. Больше в палате никого не было. И что уж совсем странно, в продолжение более чем двухчасового разговора никто даже не заглянул в дверь, будто больные, сговорившись, решили не мешать беседе. А судя по пустым кроватям, здесь обитали еще, по меньшей мере, три человека.

Беседа проходила в доброжелательном тоне, немец подробно отвечал на вопросы. Однако было заметно, что он тщательно подбирает слова и продумывает ответы. Несколько раз, когда гости задавали вопросы, касающиеся местоположения бункера с камерами-нишами под универмагом «КЕПА», возникало легкое беспокойство в его глазах. Но он быстро справлялся с замешательством и отвечал, не выходя за рамки уже сообщенной им информации. Личная встреча с Зонненшайном практически ничего не добавила к тому, что уже было известно с его слов. При этом он не раз упомянул содержание присланной им в Калининград вырезки из газеты «Нойес Дойчланд» и весьма снисходительно охарактеризовал сообщенные им ранее сведения. Он, как бы извиняясь, сказал, что в 1944

году ему было всего лишь шестнадцать лет, а каждый юноша в этом возрасте обладает, как правило, незаурядным воображением. И только при прощании Пауль Зонненшайн мимоходом произнес фразу, смысл которой тогда уловить не удалось, и лишь спустя некоторое время она показалась ключом к разгадке столь резкой перемены в поведении бывшего добровольного помощника в поисках Янтарной комнаты. Он сказал: «А вообще-то мне посоветовали поменьше болтать, так как я могу еще кое-кому пригодиться».

Уже потом в Калининграде, когда обсуждались результаты поездки в ГДР, Елена Евгеньевна задумалась над загадочной фразой, сказанной немцем в палате вернигеродской клиники. Кто мог посоветовать ему «поменьше болтать»? И кому Пауль Зонненшайн, сорокасемилетний бюргер из маленького городишка на самой границе ГДР, мог в этом смысле «пригодиться»? К сожалению, ответы на эти вопросы получить не удалось. Оставалось лишь предположить, что откровенность Зонненшайна кого-то задела за живое. В действиях бывшего инстербуржца неизвестные люди с нацистским прошлым, а может быть, какие-то другие силы, могли усмотреть «предательство немецких национальных интересов». И совсем неважно, что речь шла о награбленных гитлеровцами ценностях. Так просто отдавать их «в руки русских» эти люди не хотели. А способов воздействовать на «предателя» у них имелось немало. Сразу после войны это были зверские убийства, чинимые фанатиками из «Вервольфа» или специальных диверсионных групп, оставляемых на территории Восточной Пруссии немецко-фашистским разведывательным органом «Татост-1». В пятидесятые годы аналогичные функции принял на себя располагавшийся в Западном Берлине «Следственный комитет свободных юристов», сотрудники которого хотя и не убивали никого, но осуществляли кампании морального террора в отношении тех немцев, которые, по их мнению, переступили черту предельной лояльности к «Советам» и новой власти в бывшей восточной оккупационной зоне. Сотни писем-угроз получали в те годы жители Восточной Германии, помогавшие представителям нашей страны ликвидировать тяжелое и взрывоопасное наследие войны, особенно те граждане, которые способствовали розыску гитлеровских военных преступников, материалов архивов службы безопасности и похищенных гитлеровцами ценностей музеев и библиотек. Думается, что даже в семидесятые годы имелось немало влиятельных сил, и не только за пределами Восточной Германии, которым было достаточно сделать легкий, но недвусмысленный намек, чтобы вынудить какого-нибудь «слишком разболтавшегося» субъекта устраниваться от дальнейшей помощи

Советскому Союзу. Так или иначе, но не вызывало сомнений, что на Пауля Зонненшайна было оказано давление, в результате чего он отказался участвовать в розыске Янтарной комнаты, воспользовавшись первым попавшимся правдоподобным предлогом вроде публикации в газете «Нойес Дойчланд». Впрочем, это, конечно, не означает, что «морская версия» исчезновения Янтарной комнаты не имеет права на существование. Но она — предмет отдельного повествования.

Интересно, что спустя два года после памятной встречи в Вернигероде Зонненшайн все-таки соблаговолил ответить на одно из писем Стороженко, в котором содержались дополнительные вопросы к нему. По существу ничего не добавляя к уже сообщенному ранее, он ввел в свой ответ такой абсурдный пассаж, что любой здравомыслящий исследователь не мог бы не усомниться в правдоподобности новой информации. В ответ на вопрос Стороженко о том, кто присутствовал непосредственно при упаковке ценностей в замке, Пауль Зонненшайн, что называется, не моргнув глазом, сообщил: «Во время работ в замке присутствовали гаулейтер Кох, генерал Ляш и владелец ресторана „Блютгерихт“ Пауль Файерабенд». Нам представляется, что нет даже нужды опровергать этот явный вымысел, который, скорее всего, был навеян опубликованной к тому времени за рубежом книгой Кролевского «История Янтарной комнаты» или другими многочисленными публикациями на эту тему. Подобная информация, очевидно, имела одну цель — окончательно подорвать доверие к Зонненшайну и заставить поисковиков отказаться от проработки версии, связанной с сокрытием ценностей в бункере под универмагом Кёнигсбергского торгового дома стандартных цен.

После всего случившегося интерес к объекту в районе бывшей площади Бюттельплатц действительно заметно ослаб. Правда, в 1977 году экспедиция провела целую серию ручных буровых работ в здании фабрики, но отсутствие результата только увеличило количество скептиков. Через четыре года была предпринята попытка обследовать двор швейной фабрики биофизическими методами, но бурение в точках выявленных аномалий так ничего и не дало.

Резкое изменение позиции Зонненшайна, заставившее усомниться в достоверности сообщаемых им сведений, и практически полное отсутствие каких-либо реальных результатов в работе экспедиции привело к тому, что поисковый объект, получивший в 1972 году наименование «Универмаг КЕПА», постепенно превратился из первоочередного в абсолютно неперспективный.

Из Заключения Калининградской экспедиции. 1983 год

«В результате проведенного комплекса исследовательских и производственных работ заявление П. Зонненшайна не получило своего подтверждения. Можно предположить, что отрицательный ответ отчасти является результатом того, что площадь под зданием бывшего универмага обследована на недостаточную глубину. Более тщательное ее обследование можно провести с помощью межскважного просвечивания, которое, однако, требует больших материальных затрат порядка нескольких сот тысяч рублей, поэтому проведение его без достаточного документального подтверждения о захоронении разыскиваемых ценностей на объекте, видимо, представляется нецелесообразным».

А вслед за этим заключением был составлен обстоятельный отчет экспедиции о всех проведенных работах с безнадежным и обидно часто повторявшейся фразой: «Объект представляется в Комиссию на закрытие».

Итак, в 1972–1983 годах попытки найти подземный бункер в районе бывшего универмага на Штайндамм не увенчались успехом. Но не осталось ли у нас с вами, читатель, при ретроспективном взгляде на происходившие события чувства определенной неудовлетворенности проделанной поисковой работой, а точнее — внутренней убежденности в том, что версия о захоронении ценностей под универмагом «КЕПА» нуждается заново в самой серьезной проверке? На этот вывод наталкивает не только явная незавершенность работ, проведенных почти три десятилетия назад, но и сопоставление некоторых фактов и свидетельств, если рассматривать их во всей совокупности с позиций сегодняшнего дня.

Во-первых, нуждается в серьезном осмыслении повторяемость сценариев захоронения ценностей, которая наблюдается в информациях Бильке — Яблонского — Зоннешайна. Не исключено, что речь здесь шла если не об одном и том же объекте (ведь Штайндаммская кирха и гараж на Хоймаркт находятся в радиусе ста двадцати метров от универмага «КЕПА»), то, по крайней мере, о взаимосвязанной системе объектов и едином способе их использования.

Во-вторых, остается открытым вопрос о взаимосвязи версий, основанных на заявлениях Зонненшайна и Крылова. Внешнее расхождение в их воспоминаниях (у Зонненшайна место укрытия ценностей — шахта, штольня и бункер, а у Крылова — подвал дома позади универмага «КЕПА») не должны вводить нас в заблуждение. Речь все-таки идет

практически об одном и том же участке на территории бывшего кёнигсбергского района Штайндамм. Например, можно предположить, что виденные Крыловым в подвале дома позади универмага ящики с янтарными изделиями и знаменами были там сложены накануне штурма города в целях укрытия их в подземном бункере, о котором рассказывал Зонненшайн. Но стремительность событий начала апреля 1945 года не позволила гитлеровцам завершить эту акцию, и на ступеньках подвала остался лежать лишь убитый в последний момент охранник или участник перевозки ценного груза.

В-третьих, в один тугой узел могут быть увязаны заявления Жерлыгиной о подземном сооружении «W-8», свидетельства Богачевой, Степаненко, Бутенко, супругов Петровских и наконец Цедрика, указывавших на наличие подземных хранилищ в описываемом мной районе Штайндамма. Нельзя исключить, что все эти свидетельства являются отражением личных впечатлений разных людей об одном и том же сооружении, использовавшемся гитлеровцами в целях захоронения ценностей музеев и материалов архивов. Причем каждый из заявителей соприкасался лишь с какой-то частью этого целостного объекта и субъективно воспринимал его в силу собственного воображения как самостоятельный.

В-четвертых, нельзя забывать и о как бы повисшей в воздухе версии, связанной с «Бункером Брюсова», о которой я рассказывал в самом начале повествования. Даже при беглом взгляде на карту Кёнигсберга становится ясным — этот объект (если ориентироваться на место, указанное Брюсовым) имеет такое же право на рассмотрение в комплексе с другими, как и, например, бункер Зонненшайна. Судите сами: ведь от предполагаемого места нахождения этого бункера до Штайндаммской кирхи — около семидесяти метров, до универмага «КЕПА» — около двухсот, а до бывшей площади Хоймаркт — чуть более двухсот пятидесяти. При этом, конечно же, не следует впадать в крайность и считать, что под Калининградом существует некий «подземный город», о чем твердят некоторые не в меру склонные к фантазии журналисты. В данном случае, на мой взгляд, речь может идти либо об использовании имевшихся под отдельными зданиями сооружений, соединенных между собой системой подземных галерей, которые могли быть связаны с городским коллектором, либо о специально созданном гитлеровцами подземном бункере или группе бункеров с тщательно замаскированными выходами в отдельных частях локальной территории Штайндамма. Кстати, читатель ведь может тоже поразмыслить над этим вопросом, тем более что в его распоряжение

предоставлен теперь значительный фактографический материал.

Итак, уважаемый читатель, Вы завершили ознакомление с кратким, чрезвычайно поверхностным обзором некоторых из имевшихся в распоряжении автора материалов, проследили развитие многочисленных версий об укрытии Янтарной комнаты и других ценностей в бывшем кёнигсбергском районе Штайндамм, прочитали о том, как в течение целого ряда лет велась работа по проверке этих версий. При этом хотелось бы, чтобы у Вас не сформировалось ложное представление о том, что «Штайндаммская версия» исчерпывается теми пятью поисковыми объектами, о которых я Вам рассказал. За более чем полувековой период времени, прошедшего после окончания Великой Отечественной войны, прорабатывались и другие, не менее интересные версии, основанные на документах, заявлениях граждан, связанные с теми или иными случайными находками в этой сравнительно небольшой по площади части города.

Например, определенный интерес представляла так до конца и не проверенная информация одного из старожилов города о том, что в районе бывшей улицы Кройцштрассе^[114] ему довелось увидеть заваленный вход в бункер, впоследствии кем-то тщательно замаскированный так, что уже трудно было найти место его расположения. Или заявление бывшей санитарки эвакогоспиталя, которой какой-то немец-антифашист показал в апреле 1945 года место в районе улицы Штайндамм, где незадолго до штурма города группа солдат вермахта закапывала в землю тяжелые ящики. Прорабатывалась и версия об укрытии ценностей в так называемом «хохбункере»^[115] на бывшей улице Коперникусштрассе^[116], рыжая громада которого и сейчас возвышается между домами на Московском проспекте. Кстати, о событиях последних дней войны, происходивших в этом бункере и вокруг него, сообщал граф фон Лендорф в своем «Востоchnопрусском дневнике», опубликованном в 1980 году. Небезынтересна была и информация, полученная от одного из участников штурма Кёнигсберга, который рассказал о своей встрече в апрельские дни 1945 года с русской женщиной, бывшей «восточной рабочей», угнанной в Германию из Смоленской области. Она довольно подробно описала характер работ, которые проводились специальной командой гитлеровцев с привлечением советских военнопленных. В результате в одном из районов Штайндамма возникли глубокие и объемные бетонные хранилища. Список подобных сообщений можно было бы продолжить.

И в наши дни Штайндамм не перестает будоражить воображение исследователей и поисковиков. Неудачи прошлых лет не снизили их

интереса к этому полному загадок бывшему району города. Свидетельством тому явились предпринятые в начале девяностых годов шаги знакомой калининградцам группы «Поиск», действовавшей при Калининградском областном отделении Фонда культуры, обстоятельные публикации известного писателя Юрия Иванова, особенно его нашумевшая повесть «Кёнигсбергская версия», многочисленные статьи журналиста Валерия Бирюкова, который подверг скрупулезному анализу целый ряд версий, касающихся судьбы шедевра мирового значения в своей документальной повести «Янтарная комната».

Как я уже рассказывал, не обходили стороной Штайндамм и наши зарубежные коллеги, которые летом 1990 года предприняли попытку обнаружить подземные сооружения в районе некоторых поисковых объектов, в том числе и тех, о которых рассказывалось в первой части этой документальной повести. Хорошо оснащенные технически, имеющие отменную экипировку, они и сейчас рассчитывают благодаря нашей нынешней открытости и безоглядной гласности, граничащей с глупостью, еще не раз вернуться к практическому поиску ценностей, спрятанных гитлеровцами в годы войны в тайниках старого Кёнигсберга. Их напористость, умение браться за дело, а также материальные возможности, которые нам и не снились, дают некоторые основания предполагать, что попытки эти могут оказаться небезуспешными. Конечно, в масштабе истории неважно, кто именно вернет человечеству пропавшие сокровища, но будет очень обидно, если мы окажемся в стороне от этого благородного Дела, продемонстрируем еще раз свою неспособность сконцентрироваться на главном, правильно распределить силы и достигнуть цели, вдохновлявшей не одно поколение поисковиков.

Мне вспоминается лето 1990 года, когда я со своей семьей в очередной раз побывал в Калининграде. Мы отдохнули в сказочно прекрасном месте — в поселке Лесном на Куршской косе. После горячего песка дюн, морского воздуха, пропитанного запахом хвои и удивительно теплых для Балтики волн, меня потянуло в город, с которым связано у меня многое — работа в экспедиции, встречи с многочисленными друзьями и знакомыми, служба в армии. За время, прошедшее с 1964 года, когда я впервые попал в Калининград в составе группы Первомайского Дворца пионеров, совершавшей автопробег «По дорогам боевой славы», он стал для меня третьим после Москвы и Санкт-Петербурга любимым российским городом.

Мне приходилось бывать в разных уголках нашего некогда могучего государства — на Крайнем Севере и в Сибири, в Средней Азии и на Кавказе, на Украине и в Молдавии, на Урале и Дальнем Востоке, и, конечно

же, в Прибалтике. Но только в Калининграде я так остро ощущал нечто неуловимо таинственное и загадочное, связанное с историей этого уникального города. Скорее всего, это сугубо индивидуальное ощущение, но я знаю немало людей, которые разделяют мои чувства. Я вспоминаю свои поездки сюда в 1967–1968 годах, работу в экспедиции, многочисленные приезды в последующие годы. Незабываемые впечатления подарил мне этот город — и романтические приключения в подземельях бывшего Королевского замка (о чем еще пойдет дальше речь); и интереснейшие события, происходившие при обследовании тогда еще разрушенного Кафедрального собора; загородных фортов и укреплений Литовского вала, и яркие впечатления об изыскательской работе на территории бывшего имения Коха (об этом тоже будет рассказ); и долгие вечерние бдения в Ленинской библиотеке и Историческом музее за ворохом документов и книг, испещренных готической вязью.

Тогда, летом 1990 года, я, моя жена Ольга, десятилетняя Нина и шестилетний Сережа, отдохнув две недели на Куршской косе, приехали в Калининград, как всегда остановились в гостинице с одноименным названием и снова встретились с Еленой Евгеньевной Стороженко, бывшим начальником Калининградской экспедиции. Наши добрые отношения продолжались уже несколько лет, а мои дети дружили с Женей, сыном Елены Евгеньевны, мальчиком умным и очень самостоятельным. Она неоднократно приезжала к нам в Москву, где мы обменивались собственными впечатлениями о поисках Янтарной комнаты, в которых нам пришлось участвовать, вспоминали события минувших лет, обсуждали планы на будущее, говорили о том, как наилучшим образом организовать поисковую работу в многообещающий период «перестройки», тем более что мне, в то время сотруднику центрального аппарата КГБ СССР, руководством было поручено оказывать содействие поисковикам в их работе. Не раз бывали мы и в уютной квартире Елены Евгеньевны на втором этаже пятиэтажки, стоящей на главной улице города Светлого.

От гостиницы «Калининград» — два шага до Житомирской улицы, где начинался бывший кёнигсбергский район Штайндамм. Мы бродили по его улицам и дорожкам среди стандартных домов, вспоминали и дела «давно минувших дней», и события не столь отдаленные, видели, что на тех местах, где раньше лежали груды щебня и рос бурьян, появились новые здания, жилыцы которых, конечно, даже не подозревали, какими загадочными историями буквально насыщено все вокруг. Наши дети, пребывавшие еще в том возрасте, когда хочется резвиться и проказничать, с нетерпением поглядывали на взрослых, которые водили их по каким-то

задворкам, вместо того, чтобы пойти, например, в зоопарк, покататься на каруселях в парке имени Калинина или посмотреть приключенческий фильм в кинотеатре «Заря». Сидящие у подъездов старушки и прохожие с удивлением и даже какой-то подозрительностью взирали на пестрый состав нашей «группы», особенно когда мы подходили к какому-то совершенно неприметному с их точки зрения месту и многозначительно обсуждали между собой связанные с ним события и обстоятельства. Нам вспоминалось многое из того, что известно о «Бункере Брюсова» и Штайндаммской кирхе, загадочном объекте «Б-3», гараже СС на Хоймаркт и, конечно же, об универмаге «КЕПА», в подземных недрах которого, не исключено, до наших дней сохранились бесценные сокровища. Наши встречи и прогулки тогда, в 1990-м, носили характер своего рода подведения итогов поисковой работы в этом районе. Именно тогда у меня и возникло намерение попытаться описать часть того, что мне известно, в виде документальной повести. А Елена Евгеньевна живо откликнулась, предлагая помочь договориться с какой-нибудь редакцией газеты и взять на себя все организационные заботы.

Совсем недавно, во время одной из командировок в Калининград, я обратил внимание на то, что здание, которое когда-то занимал универмаг «КЕПА», а последние годы универмаг «Вестер», снова на капитальном ремонте. Сколько сменилось у него владельцев, а тайна подземного бункера так и не раскрыта до сих пор! Может быть, кто-то из новых хозяев заинтересуется удивительными историями «штайндаммских сокровищ» и, наконец, решит обследовать все по-настоящему? Но, прямо скажу, меня берут сомнения. Ведь в наш меркантильно-циничный век все меньше и меньше остается места для романтики поиска и трепетного чувства первооткрывателя. И от этого становится немного грустно: не все же в жизни можно измерить практической целесообразностью и личной выгодой!

Я рассказал читателям несколько историй о предполагаемых местах укрытия Янтарной комнаты и других похищенных гитлеровцами ценностей на территории кёнигсбергского района Штайндамм, проанализировал ряд версий, показал ход их проработки, высказал свои суждения о результатах поисков и возможных путях их дальнейшего продолжения. Но Штайндамм — это только одно звено в цепи запутанных историй, разгадать которые еще предстоит нашим современникам. О другом же не менее интересном и таинственном объекте — о Королевском замке — пойдет речь в следующих главах.

Часть II

Королевский замок: тайны рыцарских комнат

Глава восьмая

Тевтонский призрак

...Наизнаменитейшим из всех в Кёнигсберге находящихся зданий можно почесть так называемый Замок, или дворец прежних герцогов прусских. В одном из четырех его боков, или фасов, во втором этаже находятся старинные герцогские покои, состоящие во многих залах и пространных комнатах, которые и в нашу еще бытность обиты были теми старинными тканными обоями, которые находились еще в то время, когда в оных принят был Петр I, когда он путешествовал с Лефортом по разным землям в посольской свите...

Из книги «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков».

Санкт-Петербург, 1871 год

Многие калининградцы и гости города хорошо помнят руины, возвышавшиеся на том месте, где сейчас стоят ряды торговых павильонов, громадная яма с археологическими раскопками, отгороженная высоким забором с афишами и рекламой, давно неработающие фонтаны в прямоугольных бетонных «оправах» в окружении зеленых газонов рядом с недостроенной гигантской многоэтажной глыбой в центре города — памятником безвозвратно ушедшей советской эпохи. Когда-то это было место притяжения для калининградских мальчишек, экскурсионным объектом, который делал Калининград отличающимся от многих городов Балтики. Ведь даже тому, кто приезжал сюда на один-два дня, обязательно предлагали посмотреть «замок трех королей» — эти страшные развалины бывшей прусской твердыни, не утратившей своей величественности даже после ее окончательного ниспровержения. Перед моими глазами до сих пор стоит видение из ранней юности, когда, выруливая среди пустырей, наши машины, совершающие автопробег из Москвы, оказались на площади перед грандиозным и мрачным сооружением. Темно-серые высокие

круглые башни и массивные стены, окруженные яркой зеленью, производили потрясающее впечатление. Такого мне не приходилось видеть нигде, хотя память сохранила немало ярких картин — суровый силуэт Петропавловской крепости, руины укреплений Старого Изборска, новгородский Кремль, средневековый замок Тоомпеа в Таллине, польские замки Мальборк, Тщев и Гнев, бельгийские крепости в Динане и Намюре, немецкие замки в Гейдельберге и Нюрнберге, зальцбургский замок на высокой скале, Шильонский замок на берегу Женевского озера, крепости в норвежском Бергене и Люксембурге, многие другие сооружения, окутанные ореолом романтики. В развалинах же замка в Калининграде чудилось нечто необыкновенное, таинственное, мистическое и недосказанное. Впоследствии я убедился, что первое впечатление меня не обмануло.

О Королевском замке в Кёнигсберге написаны десятки книг и сотни статей. Он фигурировал во всех путеводителях и записках современников. Без него в послевоенные годы не обходились съемки художественных фильмов о войне, и во многих любимых нами кинокартинах можно увидеть его очертания. У меня же остались неизгладимые впечатления о времени, когда мне пришлось вплотную соприкоснуться с этим уникальным объектом, полным загадок и парадоксов.

Как известно, в конце шестидесятых годов прошлого века сохранившиеся до того времени развалины Королевского замка были взорваны, его башни и стены превращены в груды камней и щебня, послуживших впоследствии «сырьем» для калининградских новостроек. Не будем вдаваться в подробности спланированного исчезновения остатков замка. Об этом в свое время много писалось в калининградских газетах. Достаточно упомянуть обширный материал, опубликованный «Калининградским комсомольцем» в апреле 1990 года и напомнивший об острых дискуссиях между противниками и сторонниками окончательного разрушения замка, о том, с каким трудом пробивал себе путь новый взгляд на порядок окружающих вещей, позволивший понять наконец, что наша жизнь должна основываться на непреходящих человеческих ценностях, независимо от того, кто был их создателем. Единственное, что можно добавить, так только то, что я абсолютно убежден — если бы замок не был окончательно уничтожен, это значительно облегчило бы поиски культурных ценностей, исчезнувших в годы Второй мировой войны.

История замка восходит к временам господства тевтонских рыцарей, когда они на холме Твангсте рядом с небольшим поселением истребленных впоследствии пруссов построили в 1255 году деревянную крепость,

получившую название «Кёнигсберг», что в переводе означало «гора короля». Спустя два года были заложены громадные камни в основание будущего Орденского замка, который через несколько лет стал одним из самых укрепленных фортификационных сооружений во всей Пруссии. Отсюда рыцари совершали свои набеги на польские и литовские земли, пока в битве под Грюнвальдом не были наголову разбиты войсками объединившихся против захватчиков славянских и прибалтийских народов.

В течение почти семи столетий замок неоднократно перестраивался, видоизменяясь и все больше приобретая облик, знакомый нам теперь по рисункам и фотографиям. В мою задачу не входит описание всех этих преобразований и исторических перипетий, тем более что в настоящее время любознательному читателю доступна историческая и краеведческая литература, в которой немало внимания уделяется бывшему Королевскому замку. Подчеркну лишь то, что история замка связана не только с определенными этапами развития Пруссии и Германии, но и с интереснейшими, а потом и драматическими событиями отечественной истории. Достаточно вспомнить неоднократные визиты русских князей и монархов — Петра Великого, Александра I и Екатерины II, или имена крупных личностей России периода Семилетней войны — генерала-аншефа Василия Ивановича Суворова, отца будущего выдающегося полководца; главнокомандующего русской армии Виллима Виллимовича Фермора; графа Петра Ивановича Панина, брата известного министра и реформатора; Андрея Тимофеевича Болотова, оставившего потомкам свои выдающиеся «Записки»; генерал-лейтенанта Николая фон Корфа; будущего предводителя Крестьянского восстания Емельяна Пугачева...

В период Освободительной войны с Наполеоном в замке некоторое время проживал великий русский полководец генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Там же останавливался и ставший главнокомандующим объединенными русско-прускими войсками после смерти Кутузова генерал-фельдмаршал Петр Христианович Витгенштейн. В Королевском замке побывали почти все посещавшие Кёнигсберг русские общественные деятели и путешественники; сокровища его музеев и убранство залов довелось увидеть многим писателям и журналистам. Взять хотя бы того же Николая Михайловича Карамзина, посетившего Кёнигсберг в 1789 году. Описывая город, он не мог обойти вниманием Королевский замок с его диковинной «Московской залой», цейхгаузом и богатой библиотекой.

В замке короновались и венчались прусские монархи, там происходили празднества и торжественные приемы, концерты и рыцарские

турниры, принимались присяги на верность королю и проводились показательные казни... Словом, замок имел богатую и весьма противоречивую историю, которая наложила свой отпечаток на все последующие события, в том числе и те, которые связаны с исчезновением Янтарной комнаты.

Теперь, когда я кратко коснулся истории Королевского замка, расскажу подробнее о северном его крыле, поскольку все дальнейшие события будут в той или иной степени касаться именно этой его части.

Замок имел в плане прямоугольную, слегка вытянутую форму. В трех углах стояли высокие башни, а четвертый был занят четырехэтажной постройкой Унфрида в классическом стиле^[117]. Широкий двор замка и выразительная стометровая готическая колокольня-башня подчеркивали громадные размеры этого сооружения.

Северное крыло представляло собой самую древнюю часть. Оно имело высокие серые стены с небольшими прямоугольными и стрельчатыми окнами, округлыми арками входов, с резной деревянной турнирной галереей на уровне второго этажа и живописными лестницами, украшенными изящными балюстрадами^[118]. Над всем северным крылом возвышалась остроугольная двускатная крыша.

С древних времен эта часть замка служила местом проживания сначала верховного маршала, а затем и магистра Тевтонского ордена. Здесь находились большие залы, в которых собирались рыцари на свои трапезы и сборы, имелись многочисленные хозяйственные помещения, богадельня и небольшая часовня. В казематах массивной прямоугольной башни фогта^[119] Лиделау помещались камеры пыток, а башня Хабертурм использовалась в качестве наблюдательного пункта на самом уязвимом с военной точки зрения направлении.

Спустя века, когда не только от рыцарей, но и от прусских королей осталось одно воспоминание, в этой части замка уже размещались Кёнигсбергская коллегия адвокатов при Верховном земельном суде, залы с коллекциями отдела религии Прусского музея, хранилища одного из отделений Государственного архива Пруссии и выставочные помещения Государственной и Университетской библиотек с книгами знаменитой Серебряной библиотеки Герцога Альбрехта. Бывшие рыцарские комнаты и залы занял винный погребок «Блютгерихт»^[120] — его наименование напоминает о вершившемся когда-то в этих подземельях жестоком средневековом суде. Именно помещения этого ресторанчика и станут предметом нашего повышенного интереса, так как здесь сходится целый

ряд версий таинственного исчезновения Янтарной комнаты.

О «Блютгерихте» читатели, наверное, еще помнят по давним животрепещущим описаниям Кролевского и Ерашова. Упоминания о нем стали признаком хорошего тона даже в самых поверхностных рассказах о поисках Янтарной комнаты. Уж очень много зловещего и таинственного скрыто в этом будоражащем фантазию названии. И вправду, «Блютгерихт» как возможный объект укрытия ценностей заслуживает того, чтобы о нем рассказать поподробнее, без наведения мистического тумана и с максимальным сохранением фактической достоверности. Хотя не исключено, что мои описания и исторические реконструкции покажутся кому-то неправдоподобными и вызовут серьезные сомнения. Но я буду стараться придерживаться известных мне фактов и основываться исключительно на документальных материалах и свидетельствах очевидцев.

Итак, «Блютгерихт».

**Из книги Вальтера Франца
«О Блютгерихте в Кёнигсберге».
Лейпциг — Кёнигсберг, 1938 год**

«У нас есть афоризм: „Если житель Восточной Пруссии пропал в Кёнигсберге, то искать его, скорее всего, надо в „Блютгерихте““. В этом есть большая доля правды. Какой кёнигсбержец упустит возможность показать приезжему „Блютгерихт“? Как правило, его посещают в конце любой обзорной экскурсии по городу. Там можно после этого отдохнуть и, не наедаясь, отведать освежающие напитки... На большинство приезжих впечатление производит не гробница Канта, не прекрасный уголок шпайхеров^[121], не громадный замок или собор из обожженного кирпича, нет, — такое впечатление прежде всего оставляет именно „Блютгерихт“».

**Из книги Герберта Мюльпфорта
«Кёнигсберг от А до Я. Городской словарь».
Мюнхен, 1970 год**

«Вход в этот известный всей Германии винный погребок с жутким названием находится в маленькой пристройке, сооруженной под турнирной галереей... Вино там подносили виночерпии в кожаных фартуках... Рейнское, мозельское и бургонское, бордо и, конечно, „Блютгерихт 7“ — густой красный

напиток...»

**Из книги Альфреда Роде
«Замок в Кёнигсберге и его коллекции».
Берлин, 1937 год**

«Под историческими залами северного крыла в просторных подвалах находится известный далеко за пределами Восточной Пруссии „Блютгерихт“, — дитя романтики...

Основателем винного гешефта и первым его арендатором был Вильгельм Балтазар Шиндельмайссер, приехавший из Зальцбурга. С тех пор витают предания и легенды в этих таинственных, лишенных дневного света подземных пространствах времен Тевтонского ордена, а историки не рискуют попытаться отделить вымысел от правды...»

Действительно, этот винный погребок, располагавшийся в самом сердце Кёнигсберга, был очень популярен среди жителей города благодаря его самобытности и экзотической обстановке. Как уже рассказывалось, он занимал целый ряд помещений, использовавшихся ранее для нужд рыцарского ордена и получивших в наследство самые невообразимые названия типа «Камеры пыток» или «Перечной комнаты», «Карцера», «Большого и малого ремтера»^[122], «Конвента»^[123] и другие. Там, где раньше при свете факелов проходили шумные сборища тевтонов, одетых в белые плащи с черными крестами, стояли массивные дубовые столы и простые деревянные скамьи и стулья. Вдоль стен возвышались громадные винные бочки, повернутые резными крышками в сторону посетителей. Тяжелые медные светильники, подвешенные на цепях к торчащим из сводчатых потолков крюкам, голые каменные стены, покрытые влагой даже в самый знойный летний день, рога оленей и муфлонов, стеклянные фигурки сов с таинственно блестящими глазами — таким был интерьер подвального и первого этажей «Блютгерихта». К описанию можно лишь добавить, что в низкой пристройке под турнирной галереей, где находился вход в винный погребок, размещались так называемые гражданский и военный кабинеты, где собирались, как правило, завсегдатаи «Блютгерихта» — кёнигсбергские торговцы, адвокаты и судьи.

Я сообщаю эти подробности только для того, чтобы читатель мог представить, как выглядел винный погребок «Блютгерихт» — место, где в конце войны произошли события, по своей загадочности не уступающие таинственным преданиям времен Средневековья...

Глава девятая

Подземные лабиринты

Мой интерес к «Блуттерихту» объясняется наличием, по крайней мере, трех свидетельств в пользу того, что сокровища Королевского замка (в том числе Янтарная комната) нашли свое последнее пристанище где-то в подземных лабиринтах и каменных склепах этой части сооружения, сохранившейся еще со времен Тевтонского ордена.

Сначала напомним читателю историю, рассказанную Паулем Зонненшайном, о том, как в конце мая 1944 года он участвовал в укрытии деревянных ящиков с экспонатами музеев Королевского замка в подземном бункере под универмагом «КЕПА». Еще в первой части этого повествования Вы наверняка обратили внимание на одну существенную деталь: четыре ящика, которые непосредственно упаковывал сам Зонненшайн, были отнесены в одно из помещений северного крыла замка. Плохо ориентировавшийся в хитросплетении коридоров тевтонской громады, он не запомнил точного места, куда были уложены эти ящики, но тем не менее сообщил некоторые ценные сведения на этот счет.

Во-первых, Пауль Зонненшайн обратил внимание на то, что ящики заносились через вход в «Блутгерихт», и тем самым очерчивал территорию их возможного дальнейшего перемещения и местонахождения.

Во-вторых, он вспомнил, что ящики были доставлены в один из залов подвального этажа винного погребка, а таких там было всего четыре — «Большой ремтер», «Малый ремтер», «Конвент» и «Камера пыток». Все они располагались рядом и соединялись друг с другом непосредственно или через проходные коридоры.

В-третьих, Зонненшайн утверждал, что ящики были опущены вниз через специально сделанное в полу отверстие, за которым угадывался следующий ярус подвалов. А это уже почти точный адрес! Ведь таковые имелись только под «Конвентом» и «Малым ремтером», что подтверждается результатами исследований известного немецкого ученого Фридриха Ларса — непререкаемого авторитета в области замковой архитектуры и большого знатока кёнигсбергского замка.

Таким образом, скудные сведения, сохранившиеся в памяти Пауля Зонненшайна, позволяют нам почти с документальной точностью определить местонахождение четырех из шестнадцати ящиков, которые упаковывала специальная группа, сформированная из солдат различных

частей вермахта, дислоцировавшихся в районе Кёнигсберга.

Замурованный свод нижнего яруса подземелий «Блютгерихта», наверное, навсегда укрыл от нас три резных шкафчика, инкрустированных янтарем, и громадное толстое зеркало в раме с золоченым орнаментом. Конечно, эти предметы не имели никакого отношения к Янтарной комнате, да и вообще художественная ценность их для человечества довольно сомнительна. Но дело в том, что четыре ящика Зонненшайна — это всего лишь незначительная часть громадного достояния, хранившегося в многочисленных помещениях Королевского замка, где было сконцентрировано немало сокровищ, вывезенных гитлеровцами из стран охваченной войной Европы.

Массированный налет на Кёнигсберг, совершенный британской бомбардировочной авиацией в ночь на 30 августа 1944 года, превратил центр города в руины. Десятки фосфорных бомб упали на Королевский замок, отчего мгновенно сразу в нескольких местах вспыхнула его крыша. Через считанные минуты, когда огонь охватил деревянные стропила и прорвался внутрь помещений, замок уже представлял собой гигантский костер, рассыпающий вокруг мириады искр.

От жара с треском лопались куски старинного шифера и толстые узорчатые стекла, изготовленные столетия назад. Горели великолепные интерьеры бывших королевских покоев, поражавшие воображение современников, изумительное убранство замковой кирхи, старинная мебель и музейные экспонаты, аккуратно расставленные папки-скоросшиватели Государственного архива Пруссии и Верховного земельного суда провинции, древние манускрипты и научные монографии... Обращалось в прах то, что создавалось веками и составляло историческое и культурное наследие Кёнигсберга. Но не отражались ли в пляске этого пламени отблески пожаров Ковентри и Орадура, Лондона и Роттердама, Смоленска и Сталинграда, Петродворца и Пушкина? Всепожирающий огонь войны откатывался туда, откуда политические преступники XX века, возомнившие себя хозяевами Европы, несли смерть и разрушение другим народам.

Из воспоминаний Ганса Гербаха.

Газета «Остпрройссенблатт».

7 июня 1969 года

«К утру 30 августа выгорели все этажи в четырех крыльях замка и в колокольне, обвалились своды замковой кирхи и часть других перекрытий... Огонь не пощадил и подвальные

помещения, за исключением бомбоубежища под зданием Унфрида. Только массивные своды подвалов восточной части южного крыла, в которых были сложены ящики с размонтированными панелями Янтарной комнаты, не пострадали. Как ни странно, использовались лишь подвальные помещения упомянутого бомбоубежища, подземелья замковой кирхи и западной части северного крыла.... занимаемые известным винным погребком „Блютгерихт“»

И все-таки, несмотря на серьезные разрушения, большинство подвальных помещений Королевского замка сохранилось. Своды бывших рыцарских залов выдержали высокую температуру и тяжесть рухнувших перекрытий. Под закопченными стенами «Малого ремтера» и складскими помещениями «Блютгерихта» сохранились неповрежденными глубокие подземелья. От низкой пристройки винного погребка, выходящей во двор, остался лишь остов, а некогда великолепная турнирная галерея превратилась в кучи золы и обугленной древесины.

Интересно, что именно в это время известный уже читателю доктор Альфред Роде, под началом которого находились коллекции Королевского замка, сообщил своим адресатам — тайному советнику доктору Циммерману, работающему в Музее Кайзера Фридриха в Берлине, и князю цу Дона-Шлобиттену, имевшему обширные владения и замок в Восточной Пруссии, что заранее принятые «меры противовоздушной обороны оправдали себя» и «большая часть художественных произведений была укрыта». Это означает, что тотального уничтожения художественных ценностей в замке все-таки не произошло и многое удалось сохранить.

На повестку дня ставился вопрос о том, куда можно было перебазировать уцелевшие сокровища, обеспечив не меньшую, чем в подвалах замка, надежность их укрытия. Я не стану вдаваться в подробности, анализируя тот обширный документальный материал, который в течение десятков лет попадал в руки исследователей, занимающихся поисками Янтарной комнаты. Как уже упоминалось, право на существование имеют очень многие, зачастую даже взаимоисключающие версии, в том числе те, которые уводят далеко за пределы Кёнигсберга. Об этом с подкупающей обстоятельностью повествуется в книге Пауля Энке «Репортаж о Янтарной комнате», сообщается в ряде художественно-публицистических работ Юрия Иванова и Валерия Бирюкова. Я же, дорогой читатель, как и обещал, остановлюсь лишь на нескольких конкретных объектах, которые мне кажутся наиболее

интересными, в данном случае — на северном крыле Королевского замка, значительную часть которого составляли помещения винного погребка.

Второе после Зонненшайна свидетельство, подтверждающее, что Янтарная комната могла быть укрыта в тайниках «Блютгерихта», основывается на воспоминаниях некой Магды Путтерс, поселившейся после войны в маленьком западногерманском городке на территории земли Рейнланд-Пфальц. Она, бывшая коренная жительница Кёнигсберга, во время одной из встреч со своим восточногерманским родственником рассказала о том, что ей довелось услышать и увидеть в Королевском замке в мартовские дни 1945 года.

Магда Путтерс долго работала в известной кёнигсбергской кондитерской Хуго Мотцки на углу улиц Форштедтише-Ланггассе и Кайзерштрассе, но после налета в августе 1944 года, оставившего на месте этого заведения огромную воронку от фугасной бомбы, вынуждена была устроиться сменным поваром в одну из частей фольксштурма, дислоцировавшуюся в районе главного вокзала.

В начале марта часть перевели в самый центр города и разместили в сохранившихся помещениях Королевского замка. В северо-западной башне, именовавшейся «башней Луизы», была оборудована временная кухня. В выгоревшее помещение затащили несколько пищеварочных котлов, плит, ящичков с посудой и продуктами, установили электрический движок, навесили лампы-временки, и буквально через пару дней импровизированный «питательный пункт» начал обеспечивать горячей пищей фольксштурмистов четвертого призыва^[124].

Похлебку из бобов и мутный суррогатный кофе дежурные выносили в больших алюминиевых термосах во двор, где тут же выстраивались в очередь, громыхая котелками, новоиспеченные «спасители Третьего рейха». Для офицеров был поставлен стол в смежном с кухней помещении башни, и Магда Путтерс вместе с девушкой из «НСФ»^[125] занималась раздачей пищи.

Однажды (это было в конце марта 1945 года) в питательном пункте на временное довольствие была поставлена группа военнослужащих, по-видимому, прикомандированных к воинскому подразделению, разместившемуся в замке. Поздно вечером, когда Магда уже собиралась уходить домой, оставив дежурных фольксштурмистов мыть котлы, заявили двое эсэсовских офицеров. Она поставила перед ними по миске бобового супа, а сама стала просматривать раскладку продуктов на следующий день. Через некоторое время ее внимание привлек негромкий

разговор офицеров, в ходе которого несколько раз прозвучало слово «бернштайнциммер»^[126]. Магда Путтерс когда-то читала о Янтарной комнате и ее «спасении немецкими солдатами с линии огня» в одной из статей, опубликованных в газете «Кёнигсбергер Тагеблатт», и с тех пор мечтала увидеть это чудо света, вернувшееся на свою «историческую родину». Поэтому невольно она начала прислушиваться.

До нее долетали только обрывки фраз, но и того было достаточно, чтобы понять: офицеры участвуют в укрытии ценностей, находившихся раньше в музейных помещениях теперь уже полуразрушенного Королевского замка. Говорили о каких-то картинах, которые нужно немедленно перенести в то место, где уже находится Янтарная комната. Несколько раз упоминался алтарь в церкви, куда можно проникнуть через подвальные помещения бывшего ресторана «Эрбгерихт» и под которым, по-видимому, находится сам тайник.

На Магду случайно услышанный разговор произвел очень сильное впечатление, и она всякий раз, когда приходили эти двое, не упускала возможности оказаться поблизости. Но о Янтарной комнате речь больше не шла. Эсэсовцы говорили об объявлении Аргентиной войны державам оси, о занятии русскими венгерского города Секешфехервара, о лазутчиках в немецкой форме, проникших на позиции 561-й гренадерской дивизии в районе канала Ландграбен. Впрочем, однажды она услышала громкий смех одного из них, довольного шуткой соседа по столу, заявившего, что теперь и сама дева Мария не сможет отыскать тайник, который так надежно замаскировали. А через пару дней эсэсовцы и прикомандированная команда куда-то пропали, и больше фрау Путтерс ничего не слышала о Янтарной комнате и ее таинственном исчезновении в недрах Королевского замка.

Потом был шквал артиллерийского огня и ожесточенные уличные бои, вынудившие городское население прятаться в подвалах зданий и бомбоубежищах. Как известно, Кёнигсберг не продержался и пяти дней, капитулировав перед советскими войсками. Через несколько лет Магда Путтерс оказалась во французской зоне оккупации Германии, где встретилась со своими родственниками, начинающими, как и она, трудную послевоенную жизнь на новом месте.

Информация Магды Путтерс представляла определенный интерес с точки зрения восстановления последовательности событий, происходивших в замке в последние месяцы перед штурмом Кёнигсберга. Вместе с тем в ней содержались неясности, без устранения которых трудно давать какую-либо интерпретацию происходившего. Так, в воспоминаниях

Путтерс «Блютгерихт» почему-то назван «Эрбгерихтом», что, конечно, близко по звучанию, но все-таки не одно и то же. Думается, что здесь имела место произвольная подмена наименования либо со стороны самой немки, либо со стороны беседовавших между собой эсэсовских офицеров. Дело в том, что такое понятие, как «эрбгерихт», существовало в гитлеровской Германии и обозначало «суды здоровой наследственности», занимавшиеся в соответствии с нацистской расовой теорией рассмотрением вопросов культивирования «арийской расы». Такой «судебный» орган имелся и в Кёнигсберге в составе Верховного земельного суда. Можно допустить, что ни Магда Путтерс, ни оба офицера не бывали раньше в «Блютгерихте», более того — ничего не знали о его существовании и поэтому именовали его иначе, не запомнив когда-то услышанного ими настоящего названия. Во всяком случае, в замке никогда не было другого винного погребка, кроме «Блютгерихта».

Другой сомнительной деталью в информации Путтерс является упоминание о том, что ценности были доставлены через подвалы «Блютгерихта» в помещение церкви, где были спрятаны в тайнике под алтарем. Но известно, что в замке имелась одна-единственная церковь — замковая кирха в западном крыле, полностью разрушенная во время авианалета в августе 1944 года. Все ее великолепное убранство, включая орган работы мастера Георга Каспари и алтарь, изготовленный в 1706 году, выгорело полностью, и сделать тайник под алтарем было уже просто физически невозможно. Думается, что и здесь возникло небольшое недоразумение. По-видимому, офицеры, участвовавшие в захоронении ценностей, имели в виду... другую церковь — капеллу Святой Анны, размещавшуюся как раз на первом этаже северного крыла замка рядом с помещениями «Блютгерихта». Она действовала как церковь только в давние рыцарские времена и являлась так называемой Орденской капеллой тевтонов. В XX веке — это было уже одно из музейных помещений Королевского замка.

**Из книги Альфреда Роде
«Замок в Кёнигсберге и его коллекции».
Берлин, 1937 год**

«...Бывшая орденская капелла, позднее Летний зал Великого магистра, а затем герцогская канцелярия. На восточной стене — следы фресок: слева — Христос, справа — Мария и Иоанн. Между ними на стене, вероятно, раньше висело рельефное распятие, перед которым стоял алтарь... Стеклянная витрина у

северной стены: лохштедтская библия, миниатюры XII–XV веков...»

Если сведения Магды Путтерс считать достоверными, то «тайник под алтарем церкви» мог быть оборудован либо в подвальных помещениях, принадлежавших «Блютгерихту» и расположенных под капеллой Святой Анны, либо в толще стены башни фогта Лиделау, которая непосредственно примыкала к этой части здания и соединялась с ним рядом узких проходов на каждом этаже северного крыла, включая подвалы.

Самое интересное заключается в том, что в трехметровой толще стены капеллы Святой Анны была проложена узкая лестница, пронизывавшая все сооружение от подвала до второго этажа. В пустом пространстве внутри стены можно было разместить значительное количество ящиков, размеры которых ограничивались только шириной метрового прохода. Удобнее места для укрытия ценностей найти трудно, а замуровать входные двери, ведущие к потайной лестнице, было элементарным делом. Кто знает, может быть, именно в этом месте или в подвале под бывшей капеллой Святой Анны и нашли свое последнее пристанище произведения искусства, числящиеся с тех пор пропавшими.

Сведения о захоронении сокровищ в недрах северного крыла Королевского замка не исчерпываются свидетельствами Пауля Зонненшайна и Магды Путтерс. Поэтому я перехожу к еще одной животрепещущей истории, не имеющей, к сожалению, как и все предшествующие, своего логического завершения.

* * *

6 июля 1944 года гаулейтер Вартегау^{[\[127\]](#)} Артур Грайсер издал распоряжение, согласно которому все поляки в возрасте от четырнадцати до семидесяти лет должны были отработать по меньшей мере сорок восемь часов в неделю на окопных работах. Условия, в которых мобилизованные на работы люди строили оборонительные сооружения, были достаточно тяжелыми, но после поражения Варшавского восстания в августе 1944 года они стали невыносимыми, все более напоминающими каторжные. С приближением Красной Армии к границам Германии гитлеровская администрация стала перебрасывать значительные массы польских рабочих на строительство оборонительных сооружений в Восточной Пруссии. В сельской местности нередко мужчин «мобилизовывали» вместе с

принадлежащими им инвентарем и лошадьми с повозками. Попали под действие распоряжения Грайсера и жители небольшой польской деревеньки под Позеном^[128], среди которых был и Вацлав Флерковский.

Времени на сборы было отведено очень немного, и спустя некоторое время они влились в бесконечный поток повозок, передвигавшихся по усаженным липами заснеженным дорогам. Через три недели они добрались до Кёнигсберга, где вынуждены были лишиться своих повозок и лошадей, которые были «направлены на нужды фронтовых частей». А сами поляки пополнили громадный лагерь военнопленных и восточных рабочих, расположенный в районе судоверфи «Шихау». Если точнее сказать, то это был конгломерат лагерей, где фашистами использовался подневольный труд французских, итальянских и бельгийских военнопленных, а также гражданских рабочих из Советского Союза и Польши. Среди молотков и заводских корпусов стояли лагерные бараки, огороженные колючей проволокой, а их обитатели ежедневно направлялись на самые трудоемкие работы в разные части города и его окрестности — на разборку развалин, строительство всевозможных заграждений и укрытий, рытье траншей и противотанковых рвов.

Однажды Флерковского и пятерых других поляков из рабочей команды, уже долго работавшей на расчистке цехов артиллерийского завода «Остверке», вызвали прямо с утренней переключки к конторе, именуемой «Бюро главного инженера». Там хмурый офицер в серой шинели и надвинутой на лоб шапке с козырьком и наушниками объявил, что они несколько дней поработают на другом объекте, куда их будет доставлять лагерная охрана.

В сопровождении двух пожилых фольксштурмистов, вооруженных старыми французскими карабинами, и неизвестно откуда взявшегося солдата-эсэсовца с автоматом поляки вышли за пределы лагеря. Все вокруг казалось заброшенным: пустыми глазницами окон смотрели покинутые жителями дома, полуразрушенные сараи. У занесенных поземкой железнодорожных подъездных путей лежали опрокинутые вагоны и покрытый ржавчиной паровоз. Поваленные телеграфные столбы, кучи мусора и горы пустых металлических бочек делали пейзаж мрачным и безрадостным.

Когда группа вышла на улицу Хафенштрассе^[129], им стали все чаще попадаться жители, одетые в самые невообразимые одежды и уныло бредущие в сторону центра города. Со дня на день ждали наступления русских, и население в панике покидало дома на окраинах, рассчитывая

укрыться в глубоких бомбоубежищах или вырваться из западни, добравшись до порта Пиллау, еще продолжавшего эвакуацию. Буквально на всех перекрестках были сооружены баррикады, установлены бронеколпаки, оборудованы огневые точки в первых этажах зданий. И везде — на стенах домов и заборах — одни и те же надписи: «Кёнигсберг останется немецким!», «Мы победим, несмотря ни на что!» Агонизировавший гитлеровский режим все еще жил иллюзиями, отказываясь воспринимать реалии дня. До падения древней столицы тевтонов оставалось несколько недель.

Дальше Главного вокзала Флерковский никогда не был, поэтому он с угрюмым любопытством поглядывал на уже ставший ему ненавистным город. К своему вполне объяснимому удовлетворению он увидел, что вокруг лежали сплошные развалины, даже отдаленно не соответствующие его представлению о восточнопрусской столице.

На всем протяжении пути по длинной улице, начавшейся сразу за высокой кирхой у вокзала, по обе стороны были видны только обгоревшие коробки зданий, иногда довольно высокие. Жалко выглядели вывески на стенах: «Кинотеатр „Виктория“», «Кафе „Эсти“», «Меха», «Зоомагазин», «Отель „Континенталь“»... Здесь уже наблюдалось довольно интенсивное движение: военные автомашины, мотоциклы, повозки, нестройные колонны фольксштурмистов, группы солдат в масках. Напротив почти неповрежденного красивого здания со львами по обеим сторонам широкой лестницы лежал на боку трамвайный вагон с разбитыми стеклами и беспомощно опущенной дугой.

Перейдя по железному разводному мосту на другую сторону реки, группа оказалась в настоящем ущелье из остовов сгоревших домов, когда-то, по-видимому, плотно стоявших друг к другу. Кое-где на выпавшем ночью снегу виднелись тропинки, ведущие в глубину развалин. От обломков была расчищена только середина улицы, по которой и двигались навстречу друг другу группы людей и транспорт. Через несколько минут, миновав еще один мост, они оказались на большой площади, с одной стороны которой высилась громада Королевского замка. Несмотря на то что стены его были в копоты, крыши над круглыми башнями отсутствовали, а сквозь окна виднелись выгоревшие и обрушившиеся внутренности, он производил грандиозное впечатление. Особенно величественной выглядела остроконечная колокольня, которая, казалось, вздымалась до облаков и снисходительно посматривала оттуда на хаос разрушения.

Они прошли вдоль стен замка, заметно поднимаясь в гору, затем повернули на узкую улицу. Как и везде в центре Кёнигсберга, здесь тоже

были сплошные развалины. Однако улицы выглядели опрятнее — были очищены от обломков и мусора, большие воронки засыпаны, а некоторые руины отгорожены от проезжей части деревянными заборами или щитами. Повсюду виднелись аккуратно написанные указатели с наименованиями улиц, направлением движения транспорта, доски с какими-то объявлениями и списками.

Уже через несколько минут шестеро польских рабочих из лагеря «Шихау» и трое охранников входили через въездные ворота во двор Королевского замка. Здесь царила заметная суета: по двору, окруженному обгоревшими стенами, сновали фольксштурмисты, перетаскивая и складывая в дальнем углу какие-то мешки и ящики, из кузова грузовой автомашины два солдата сбрасывали доски и длинные деревянные брусья, слышался звук работающего электродвижка. Всем, что происходило, командовал высокий пожилой господин в синем плаще, который тут же по прибытии поляков отдал необходимые распоряжения сопровождающему их эсэсовцу. Получив ломы, кирки и лопаты, они снова вышли из замка и под охраной двух скучающих фольксштурмистов приступили к необычной работе. Им предстояло разобрать брусчатку и поднять плиты тротуара, постепенно удаляясь от внешней стены замка к середине улицы под определенным углом. Место было уже размечено вбитыми кое-где деревянными колышками. Траншея должна была протянуться от стены замка до рельсов трамвайной линии, проходившей по этой улице.

Копать мерзлый грунт было довольно тяжело, и очень скоро стало понятно, что шестерым полякам выполнить намеченную работу не под силу. К вечеру яма достигала в глубину чуть более полутора метров, а эсэсовец все понукал, все требовал копать глубже. Скоро к рабочим лагеря «Шихау» присоединились еще человек десять немцев в защитного цвета комбинезонах, — по-видимому, это были солдаты одной из саперных частей. Ими командовал унтер-офицер в длинной шинели со странным нарукавным знаком, изображающим готическую букву «W» в круге^[130]. Дело пошло заметно быстрее, и к полуночи, когда приходилось работать уже при тусклом свете аккумуляторных ламп, глубина траншеи почти в два раза превысила человеческий рост. Выбрасывать землю на поверхность со дна ямы было уже невозможно, поэтому из досок соорудили промежуточную площадку, куда работавшие внизу кидали землю, а оттуда она уже вынималась наружу, образуя целые насыпи по обеим сторонам траншеи.

Вацлав Флерковский и его земляк Станислав, трудившийся рядом, испуганно переглянулись, когда в глубине торцевой траншеи,

примыкавшей к каменному фундаменту стены замка, вдруг увидели отверстие, достаточное для того, чтобы в него мог свободно пройти человек. Оттуда, из подземного мрака веяло сыростью и холодом, и им обоим захотелось побыстрее выбраться из этого ужасного места, напоминающего могильный склеп. Еще более неуютно они почувствовали себя, когда в темноте пролома раздался какой-то скрежет, а затем послышались голоса людей. Не сразу стало ясно, что там тоже шла изнурительная работа — появились отблески света карманных фонариков, заплясали тени людей, что-то усердно передвигающих в глубине этой преисподней.

Под утро, когда поляки уже не держались на ногах от усталости, работа подошла к концу. На дно траншеи были уложены ровные квадраты деревянных щитов, земляные стенки выровнены и укреплены досками наподобие того, как укрепляются крутости окопов в слабом грунте. Продрогших до костей и качающихся от непосильного труда польских рабочих привели в одно из помещений замка. Станислав в сопровождении охранника принес с кухни, оборудованной в полуразрушенной угловой башне, котелок кипятка, который они, обжигаясь, пустили по кругу. Спать пришлось на холодном каменном полу, подстелив ворох грязной соломы, сваленной у входа, и какое-то дурно пахнущее тряпье. Собственно, на сон им было отведено не более четырех часов, и очень скоро охранник, покрикивая, уже расталкивал спящих людей.

До полудня поляки опять трудились в траншее, теперь уже делая на глубине прочные перекрытия из толстых деревянных брусьев и широких досок с неочищенными от коры краями. Было видно, что кое-где на дне траншеи стояли металлические емкости и большие деревянные ящики. Все это было наглухо закрыто и засыпано землей. Брусчатка в этом месте перекладывалась, видимо, не раз и уже давно потеряла свой фигурный веерный рисунок. Поэтому поляки довольно быстро восстановили поверхность мостовой, а также нарушенный участок тротуара вдоль стены замка. Пришедший проверить работу высокий немец в синем плаще, казалось, был доволен. Они отнесли шанцевый инструмент во двор замка, снова отведали кипятку с кухни фольксштурма и двинулись в обратный путь. Однако странным показалось, что вместо двух пожилых охранников их сопровождали теперь автоматчик-эсэсовец и совсем молодой парень в теплой куртке армейского образца, прихрамывающий на одну ногу. Все время, пока они шли, он держал автомат в руках. С его землистого цвета лица не сходила какая-то дьявольская улыбка, отчего у Флерковского во всем теле началась внутренняя дрожь.

Где-то в районе разбитых сооружений товарной станции, подъездные пути которой были забиты сгоревшими вагонами, смятыми, деформированными цистернами, их застал авианалет. Самолеты шли низко, и рев их моторов стелился над самой землей, заглушая выстрелы зенитных орудий. Вдалеке завывали сирены воздушной тревоги. Было видно, что охранники забеспокоились, стали подгонять поляков, все больше углубляясь в дебри разрушенных путей, пакгаузов и завалов металлолома. Стали попадаться бегущие навстречу люди — с той стороны, откуда поднимались клубы густого черного дыма. Еще немного, и вся группа оказалась в водовороте обезумевшей от страха толпы, которая буквально смяла со своего пути и охранников и рабочих из лагеря «Шихау», закружила их в необузданной стихии. Воспользовавшись паникой, Вацлав Флерковский, не имеющий никаких сомнений относительно своей дальнейшей участи, отдался во власть людского потока и очень скоро увидел, что поблизости уже нет ни охранников, ни товарищей по несчастью. Отсиживаясь в подвалах разрушенных зданий, не раз теряя сознание от голода и изнывая от жажды, он все-таки дождался освобождения. В начале апреля в Кёнигсберге начались бои, а когда взрывы и выстрелы передвинулись ближе к центру города, Флерковский вылез из своего очередного убежища, горячо благодаря советских солдат за спасение.

Как впоследствии выяснилось, в тот день, когда они попали в охваченную паникой толпу, спасся не только Вацлав Флерковский. Спустя несколько месяцев он встретил в своей деревне Станислава Гуру, вместе с которым копал таинственную траншею у стен Королевского замка в Кёнигсберге, и они крепко обнялись, снова радуясь своему чудесному избавлению.

Когда спустя много лет Вацлаву Флерковскому попалась на глаза заметка в газете «Глас Ольштынский», в которой граждан Польши призывали помочь в поиске похищенных гитлеровцами в годы войны культурных ценностей и сообщить об известных им случаях укрытия немцами каких-либо предметов на территории бывшего Кёнигсберга, он обратился в местный совет. Так по цепочке различных инстанций информация достигла Калининградской экспедиции и послужила основанием для проведения целой серии поисковых мероприятий.

Вникнув в содержание воспоминаний Флерковского и Гуры, Вы не можете не обратить внимания на тот факт, что в них опять фигурирует северное крыло замка, но теперь в несколько ином аспекте — как исходная точка для подземного сооружения, в котором были спрятаны предметы

неизвестного назначения. Причем сделано это было очень своеобразно: через пробитое отверстие в подвальном помещении, на глубине, достигающей по меньшей мере трех-четырёх метров (помните, рабочие не могли выбрасывать лопатами землю на поверхность, в связи с чем была сооружена специальная площадка, служившая промежуточным звеном для выемки грунта!).

Если принять воспоминания Вацлава Флерковского и Станислава Гуры за основу, то необходимо прежде всего определить, из какой же части северного крыла Королевского замка мог сооружаться такой подземный ход. Как я уже рассказывал, глубокие подвальные помещения в этом крыле размещались только в двух местах: под некоторыми залами «Блютгерихта» восточнее башни фогта Лиделау, и в той части, примыкающей к западному крылу, где под складскими помещениями винного погребка были оборудованы столярные и слесарные мастерские. Судя по описаниям Флерковского, отверстие в фундаменте могло быть проделано с внешней стороны подвалов нижнего яруса под упоминавшимися уже залами «Малый ремтер» и «Конвент». Таким образом, воспоминания поляков приводят в ту же точку Королевского замка, что и свидетельства Пауля Зонненшайна. Думается, это далеко не случайно, хотя и расходится с данными, сообщенными Магдой Путтерс, согласно которым место захоронения ценностей в нашей интерпретации находилось метрах в пятнадцати от «Малого ремтера» — под капеллой Святой Анны.

Я поведал читателям пока только о трех свидетельствах, указывающих на то, что в северном крыле Королевского замка, а точнее — в месте расположения винного погребка «Блютгерихт» — в 1944 и 1945 годах были проведены тайные работы по укрытию экспонатов и других ценностей, ранее находившихся в музейных и складских помещениях бывшей королевской резиденции. В двух случаях (Зонненшайн и Путтерс) речь однозначно шла о Янтарной комнате или ее отдельных элементах, в воспоминаниях же Флерковского и Гуры фигурировали только какие-то большие ящики, укрывавшиеся с чрезвычайной тщательностью и осторожностью. Для того чтобы нам, не впадая в фантазии, более реально оценить изложенные факты, настало время рассказать о событиях, которые происходили в замке в последние недели перед падением Кёнигсберга под сокрушительными ударами советских войск.

Глава десятая

Нацистский «алькасар»

*...Мы идем на тебя непреклонно,
Город-крепость, город-склеп.
Громовой пальбой потрясенный,
Кёнигсберг от огня ослеп...*

*Из советской фронтовой песни, 1945
год*

*...Мы на веки вечные связаны с судьбой крепости
Кёнигсберг. Или мы дадим перебить себя как бешеных
собак, или мы сами перебьем большевиков у ворот
нашего города...*

*Из обращения крайслейтера Вагнера к
кёнигсбергскому фольксштурму 5 февраля
1945 года*

После того как в январе 1945 года Кёнигсберг был прочно блокирован советскими войсками, а единственной ниточкой, связывающей его с портом Пиллау, стала трехкилометровая полоска суши вдоль залива Фришес Хафф, всем стало ясно, что дни немецко-фашистских войск, дислоцированных в городе-крепости, сочтены.

Это понимали не только опытные военные, но и руководящие функционеры НСДАП, опиравшиеся на безликую массу фанатически преданных «фюреру» номинальных руководителей фашистской партии. Абсолютное же большинство гражданского населения уже не сомневалось в близком крахе гитлеровской Германии и надеялось только на благосклонность судьбы и милость победителей. Общая деморализация достигла апогея, когда один за другим стали тонуть транспорты, пытавшиеся выбраться из находящегося под постоянным огнем Пиллау. Ведь наша авиация и флот к этому времени уже господствовали на Балтике, подавляя ожесточенное сопротивление частей люфтваффе и военно-морских сил Германии.

У сотрудников реферата 4-А Главного управления гестапо, размещавшегося в здании кёнигсбергского полицей-президиума, было много работы: разлагающие «боевой дух нации» анекдоты и «панические слухи» охватили город. Тюремные камеры, и без того не пустовавшие в течение всего периода господства гитлеровской диктатуры, сейчас были забиты дезертирами, семьями перебежчиков и сдавшихся в плен, «саботажниками», лицами, уклоняющимися от окопных работ, разными «подозрительными элементами».

5 февраля крайслейтер Эрнст Вагнер, возглавлявший организацию фашистской партии в Кёнигсберге, обратился с воззванием к фольксштурму, в котором призвал оболваненных нацистской пропагандой юнцов и немощных старцев, поставленных под ружье, «мобилизовать все свои силы, верить в фюрера, быть твердыми и стойкими». Вагнер заявлял, что Советская Армия будет разбита у ворот Кёнигсберга, поскольку «большевистский солдат гораздо хуже немецкого».

Но истерические вопли руководящих функционеров НСДАП уже не могли повлиять на настроение жителей и поднять боевой дух войск. В городе царил атмосфера всеобщего уныния и ожидания полного краха. Участились случаи бегства крупных гитлеровских чиновников и специалистов. Бежал президент Верховного земельного суда Дрегер, приговоренный впоследствии к смерти и казненный 20 апреля в брандербургской тюрьме. Сбежал генеральный прокурор Желинский, после ареста повесившийся в своей камере в печально известном берлинском застенке Моабит. Еще в начале февраля неожиданно исчезло несколько старших офицеров с тыловой базы снабжения боеприпасами. Когда сотрудники гестапо прибыли в расположение части, они обнаружили гору сожженных документов и брошенное оружие. Спустя пару недель во время бомбежки бежал с места службы главный врач сразу двух военных лазаретов: основного в Марауненхофе^[131] и резервного — на улице Каноненвег^[132], а вместе с ним и весь медицинский персонал. Бегство было настолько поспешным, что в операционном зале одного из отделений лазарета охваченные паникой медики оставили лежать под наркозом не до конца прооперированного тяжелораненого.

Приводя подобные факты, я стремлюсь сформировать у читателей хотя бы отдаленное представление о том хаосе, который царил в Кёнигсберге в февральские и мартовские дни 1945 года. Это крайне важно, чтобы не оставалось иллюзий относительно масштабов и характера мероприятий гитлеровцев по укрытию культурных ценностей. Безусловно, в этот период

фашисты уже не располагали ни силами, ни временем для возведения каких-либо фундаментальных укрытий, а могли только приспособливать имеющиеся подземные сооружения для размещения в них тех предметов, которые ни в коем случае не должны были попасть в руки русским. В последние недели перед падением Кёнигсберга гитлеровское руководство в Восточной Пруссии уже не имело возможности использовать созданные в 1942 году по приказу Гиммлера строительные бригады, подчинявшиеся Главному административно-хозяйственному управлению СС. Несмотря на то что рейхсфюрер уделял их деятельности, особенно в заключительный период войны, очень большое внимание, щедро субсидируя все виды работ, связанные с уже упоминавшейся «Егер-программой», в Кёнигсберге деятельность этих подразделений была скована громадным объемом строительства оборонительных укреплений. Во всяком случае, эти обстоятельства следует иметь в виду, если мы хотим воссоздать объективную картину происходившего.

Как уже сообщалось, доктор Альфред Роде сумел принять необходимые меры предосторожности и спасти многочисленные коллекции и экспонаты Королевского замка от неминуемой гибели во время бомбардировки в августе 1944 года. По некоторым данным, демонтированная и уложенная в ящики Янтарная комната также избежала уничтожения, поскольку находилась в глубоких подвалах южного крыла замка под помещениями Прусского музея. Однако усиливающиеся бомбардировки города и приближающийся час решительных боев за него, видимо, вынуждали ответственного секретаря Общества искусств подыскивать более надежное помещение для укрытия ценностей. Таким местом стали подвалы «Блютгерихта». В пользу этого говорят самые различные обстоятельства, но основные аргументы базируются на показаниях Пауля Файерабенда.

В 1945 году кёнигсбергская фирма «Давид Шиндельмайссер», занимавшаяся продажей марочных вин, должна была отметить свое 207-летие. Основными ее владениями были винный погребок «Блютгерихт» и громадные хранилища вин в северном и западном крыльях Королевского замка. Всеми делами фирмы распоряжался, начиная с 1921 года, некий Карл Матцдорф. Тяжело заболев в последние месяцы войны, он временно передал бразды правления старейшему завсегдатаю ресторанчика Паулю Файерабенду, который почему-то во многих заявлениях назывался директором этого заведения. Он был свидетелем событий, происходивших в замке накануне штурма Кёнигсберга, хорошо знал доктора Роде и, как выяснилось впоследствии, оказался в курсе некоторых обстоятельств,

связанных с укрытием ценностей. Анализ немногочисленных документальных свидетельств и изучение других материалов позволяют достаточно подробно воссоздать события и атмосферу, царившую в замке в феврале — марте и начале апреля 1945 года.

В конце января после резкого обострения обстановки для гитлеровцев, вызванного глубоким прорывом наших войск к заливу Фришес Хафф и фактическим блокированием Земландского полуострова, руководство НСДАП в Восточной Пруссии и Кёнигсберге приняло решение оборудовать в замке командный пункт фольксштурма. С 25 января командующим военным округом генералом Ляшем была объявлена повышенная степень готовности. По терминологии гитлеровского Генштаба — «алармштупе-1».

Руководство подготовкой Королевского замка к обороне взял на себя крайслейтер Эрнст Вагнер, резиденция которого находилась в бункере так называемого «Дома труда» на улице Фордеррозгартен^[133], частично сохранившегося среди скопища развалин, окружавших Замковый пруд. Вагнер поставил перед соответствующими гражданскими властями, прежде всего перед Управлением высотного строительства, а также перед приданными коменданту города-крепости 5-м саперным батальоном и саперным штабом специального назначения, задачи сооружения долговременных укреплений в полуразрушенном замке. Для этого намечалось привлечь значительное количество рабочей силы, в основном из числа «восточных рабочих» и военнопленных, используемых акционерными обществами «Дойче Бау АГ», «Хохтиф», фирмами «Рунау & Лебрехт», «Курт Брёдель» и «Шнелль».

Срочно по указанию крайсляйтунга^[134] разыскивали бывшего старшего советника по строительству Ганса Гербаха, который долгое время возглавлял Управление высотного строительства, до августа 1944 года располагавшееся в восточном крыле Королевского замка. Капитан запаса Гербах уже три месяца находился в боевых порядках батальона фольксштурма, который дислоцировался в районе военных складов у Шёнбуша^[135]. Он был высококвалифицированным специалистом, досконально знающим особенности объемно-пространственной планировки Королевского замка, в том числе его многочисленных подземных лабиринтов и сооружений. Без такого специалиста, даже при наличии опытных фортификаторов, трудно было переоборудовать замок для нужд обороны. Для начала старшего советника Гербаха пригласили в крайсляйтунг, где у него состоялась краткая беседа с крайслейтером

Вагнером. Тот располагался уже не в своем шикарном кабинете в «Доме труда», а в одной из комнат громадного железобетонного бункера. Даже на искушенного в вопросах подземного строительства Гербаха внутреннее устройство бункера произвело чрезвычайно сильное впечатление. Пройдя вслед за встретившим его фольксштурмистом вдоль стен «Дома труда» в сторону пруда, Гербах очутился перед массивной металлической дверью со скобами. Рядом под высоко натянутой маскировочной сетью стояло несколько легковых автомобилей, около которых, сбившись в кучу, курили шоферы. Предъявив офицеру ГФП документы, он зашел вместе с сопровождающим внутрь бункера. Вниз вела довольно крутая лестница, на ступени которой падал тусклый свет матовых светильников, забранных в металлическую сетку.

Спустившись на изрядную глубину, они оказались в начале широкого коридора, по обеим сторонам которого размещалось множество дверей. Часть их была раскрыта настежь. Слышались громкие голоса, стрекот пишущих машинок, телефонные звонки и монотонный шум работы приточной вентиляционной системы. Кругом царила невообразимая суета: из кабинета в кабинет с папками и кипами бумаг сновали люди в униформе различных нацистских формирований, офицеры вермахта, штатские чиновники, гражданские лица с повязками фольксштурма. Попадались много женщин в форменной одежде — телефонистки или машинистки отделов крайсляйтунга.

Гербаха пропустили в кабинет без очереди — сидевший в приемной секретарь с золотым значком НСДАП на лацкане френча сразу сказал посетителям, что крайслейтер сам вызвал инженера на беседу и просит других подождать. Подземный кабинет руководителя кёнигсбергских нацистов резко контрастировал со всем тем, что Ганс Гербах видел последние месяцы в Кёнигсберге. Трудно даже было поверить, что здесь, среди развалин Росгартена, где-то глубоко внизу может быть давно забытое великолепие, сопоставимое разве что с королевскими покоями еще не сгоревшего замка. Кабинет, находившийся в чреве подземного бункера, был оформлен в помпезном духе, как бы убеждая наперекор надвигающемуся краху, что власть Гитлера и его приспешников остается незыблемой. Пол устилал мягкий ковер, на стенах висели чудесные гобелены и несколько картин, интерьер дополнял старинный резной книжный шкаф и под стать ему массивный письменный стол на «львиных лапах». И, конечно же, большой портрет самодовольного человека с усиками и спадающей на лоб челкой, да два громадных флага со свастикой — кёнигсбергских организаций НСДАП и Германского трудового фронта.

Отвлекаясь от повествования, расскажу, как в 1969 году мы вместе с Анатолием Михайловичем Кучумовым, приехавшим на две недели из Павловска для участия в работе Калининградской экспедиции, осматривали этот самый бункер, или вернее то, что сохранилось от него на поверхности земли, поросшей густым бурьяном.

Из дневниковых записей А. С. Пржедомского.

18 июля 1969 года

«...Здание на берегу Schloßteich^[136] — Stadthalle^[137] — не представляет, по мнению Анатолия Михайловича, никакого арх. интереса. Рядом, дальше располагаются развалины General-Kommando^[138] или в период фашизма — „Дома NSDAP“. Мы зашли с задней части дома. Нас поразило обилие бетонных плит, густо заросших бурьяном и кустами. Анатолий Михайлович обратил наше внимание на тот факт, что перекрытия здания сделаны маленькие, но усилены более чем полуметровой железобетонной подушкой. В некоторых местах среди нагромождения плит видны проломы в подвал.

Анат. Мих. сказал, что вряд ли подвалы были такие мелкие, какие они сейчас — вернее всего ниже есть еще подвалы, и зачитал нам некоторые места из кн. Ляша, который указывал, что работы по переоборудованию этого здания велись еще в феврале 1945 года.

Мы спустились в одно из подземелий, но, не имея фонаря, не рискнули продвигаться дальше...»

Удивительно, но экспедиции не хватило времени на тщательное обследование этого зловещего сооружения. Понятно, что вести непосредственные раскопки на месте бункера было невозможно — уж слишком громадными были глыбы железобетона, вздыбившиеся позади арки с колоннами, еще долго стоявшей на изгибе Клинической улицы. Безусловно, при том ограниченном размере финансовых средств нечего было и думать о крупномасштабных поисковых работах у Замкового пруда, и обследование бункера откладывалось до лучших времен. Правда, в октябре 1970 года было пробурено несколько скважин, да сделаны раскопы на свободных от завалов участках. Ничего, кроме спекшихся стеклянных пластин фотонегативов, обнаружить не удалось, и экспедиция сделала, как всегда, однозначно безнадежное и, на мой взгляд, поспешное заключение: «можно утверждать, что... подвалов или других тайников, которые могли

бы использоваться для захоронения ценностей, нет». А ведь уже тогда было известно из архивных материалов Министерства обороны СССР о том, что в самый разгар войны под домом «Трудового фронта» строились разветвленные подземные сооружения!

Но продолжу рассказ о том мартовском дне 1945 года, когда советник Гербах посетил подземный бункер крайслейтера Вагнера.

Оказалось, что у крайслейтера уже находились несколько человек — хороший знакомый Гербаха, советник Эрнст Мунир из кёнигсбергского Управления подземного строительства, генерал-лейтенант Микош, возглавлявший с конца января специально сформированную для обороны города дивизию, и два майора с черными петлицами саперных частей. Гербах приготовился к важному разговору, связанному, судя по составу приглашенных лиц, с проведением каких-то важных фортификационных работ. Но то, что он увидел на столе Вагнера, превзошло все ожидания. Перед крайслейтером лежал большой лист светокопии плана Королевского замка с подробными разрезами всех крыльев здания и подвалов, сетью коммуникаций и пометками, характеризующими степень разрушения тех или иных его частей.

Из краткого вступления, которое сделал Вагнер, следовало, что в самое ближайшее время в городе начнутся уличные бои, и Королевский замок, этот «алькасар^[139] Восточной Пруссии», «форпост германского духа на Востоке», превратится в неприступную крепость. Крайслейтер якобы уже решил разместить в замке командный пункт и взять на себя все руководство обороной города. Перед строителями, фортификаторами и саперами, дескать, стоит теперь задача в кратчайшие сроки привести полуразрушенное сооружение в боеспособное состояние.

Особое внимание Вагнер обратил на тщательное переоборудование всех подземных помещений, чтобы они могли стать надежными укрытиями в ходе длительной обороны. В связи с этим он даже зачитал выдержки из совершенно секретного доклада, подготовленного рефератом IV-D-2 четвертого управления РСХА и процитировал докладную записку обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Бах-Залевски^[140], в которой обстоятельно разбирались итоги варшавского восстания 1944 года. Эсэсовские аналитики и хладнокровный убийца тысяч поляков обращали особое внимание на использование восставшими подземных сооружений польской столицы, что делало их отряды мобильными, способными перемещаться из одной части города в другую и наносить неожиданные удары по войскам вермахта и полиции.

Крайслейтер Вагнер потребовал от Гербаха и Мунира в течение нескольких дней изучить вопрос о возможностях постройки двух подземных туннелей для организованного и скрытого оставления в случае необходимости занимаемых в замке позиций. Причем, по его мнению, следовало максимально использовать уже имеющуюся сеть подземных ходов к северу и к югу от замка с обязательным выходом в систему коллектора городской канализации. «Мы станем неуловимыми, измотаем противника неожиданными ударами, деморализуем его и вынудим к отступлению. Дух тевтонов поможет нам» — таково было резюме крайслейтера.

Ганс Гербах, старший советник Управления высотного строительства в Кёнигсберге, «замковый архитектор» со стажем, кавалер Железного креста второй степени, полученного за участие в кровопролитных боях на Марне в 1914 году, смотрел на нацистского руководителя, а сам думал: «До какой же степени авантюризма и тупости могут дойти эти „золотые фазаны“^[141]», если перед лицом неминуемой катастрофы выдвигают столь фантастические проекты обороны города. Уже всем было известно, что Кёнигсберг прочно блокирован, бои шли на Одере и под Братиславой, а на Западе части союзников стремительно наступали в районе Дюссельдорфа и Маннгейма. Дни Третьего рейха были сочтены. А здесь, в недрах нацистского «Дома труда», разрабатывались планы оборудования долговременного опорного пункта в полуразрушенном орденском замке.

В заключение крайслейтер предупредил всех присутствовавших, что содержание беседы должно сохраняться в строжайшей тайне, а привлекаемые контингенты рабочих не должны распознать истинного назначения подготовительных мероприятий. Поэтому лучше всего, как это делалось и раньше в таких случаях, использовать краткосрочное привлечение военнослужащих и специалистов вспомогательных частей вермахта, а для проведения тяжелых строительных и подземных работ — военнопленных и «восточных рабочих». Соответствующие указания якобы уже даны четвертому отделу Главного управления гестапо, который предпримет ряд мер, не допускающих утечки секретной информации к противнику. Что же касается других практических вопросов, то советники Гербах и Мунир могут полностью рассчитывать на содействие временного распорядителя винного ресторана «Блютгерихт», старого члена НСДАП Пауля Файерабенда, который уже в курсе планов крайсляйтунга. Вагнер предупредил также, что никаких тайн в этом смысле не должно быть и от господина профессора Роде, директора замкового музейного комплекса, которому персонально поручено имперским комиссаром обороны принять

необходимые меры по обеспечению сохранности больших художественных ценностей, сосредоточенных в подвалах Королевского замка.

Слабая попытка советника Мунира возразить крайслейтеру в том плане, что вряд ли удастся укрепить замок настолько, чтобы он стал серьезным опорным пунктом во время предстоящих боев в городе, натолкнулась на едва уловимую иронию генерала и суровый взгляд нацистского бонзы. Спорить было бессмысленно. Скудные познания лейтенанта резерва Эрнста Вагнера в области тактики не позволяли рассчитывать на понимание с его стороны. Аудиенция закончилась. Теперь надо было приступить к инженерной подготовке замка.

Через пару дней среди закопченных стен Королевского замка уже кипела работа: толстыми неотесанными бревнами укреплялись давшие трещины перекрытия, выгоревшие помещения обшивались досками, проводились большие бетонные работы по заделыванию окон и устройству амбразур. В большой круглой башне разместилась кухня, обеспечивающая горячей пищей батальон фольксштурма; бывшие рыцарские залы, в том числе занятые «Блютгерихтом», срочно оборудовались нарами — там должен был разместиться личный состав «центрального ядра обороны».

Нас же с вами, читатель, интересуют, конечно, в первую очередь подземные работы, которые были проведены в замке, потому что именно они прямо или косвенно могли быть связаны с укрытием бесценных замковых коллекций, а значит и Янтарный кабинет. Что же известно из дошедших до нас источников?

Советники Гербах и Мунир совместно с военными специалистами из саперного батальона дивизии генерала Микоша и инженером Байзером, присланным бургомистром, тщательнейшим образом обследовали подземные этажи замка и установили, что состояние их в основном вполне приемлемо. Лишь огромный подвал с запасами бутылочного вина представлял собой плачевное зрелище — десятки тысяч бутылок под воздействием высокой температуры, вызванной пожаром, взорвались, образовав завалы битого стекла и тягучего, чавкающего под ногами и дурманящего голову сиропа.

Выполняя задание крайслейтера, оба советника пришли к выводу, что подземный туннель к северу от замка построить можно, только взяв за исходную точку глубокий подвал под «Малым ремтером». Дело в том, что это подземное помещение «Блютгерихта», расположенное на глубине пяти метров от поверхности земли, имело очень удобную конфигурацию, несколько довольно просторных и глубоких ниш, направленных в сторону замкового двора, узкую винтовую лестницу в толще стены,

поднимающуюся до самой крыши здания, очень прочные каменные своды и трехметровые стены из громадных булыжников, заложенных в основание замка еще тевтонами. Подвал соединялся проходами с другими подземными сооружениями, примыкающими к нему, а также с «Большим ремтером», куда вела чрезвычайно крутая лестница-щель.

Правда, существовал и другой вариант строительства подземного туннеля — от четырехугольной башни северного крыла, где размещался государственный архив Пруссии. Там, глубоко под землей, еще в Средние века был прорыт тридцатиметровый подземный ход в сторону орденой мельницы, впоследствии засыпанный песком. Восстановить его не составляло особого труда, но он упирался в глубокий фундамент одного из полностью разрушенных домов неподалеку от Юнкерштрассе^[142]. Задача же, поставленная крайслейтером, заключалась в том, чтобы подземный туннель обязательно выводил достаточно далеко за пределы замка и соединялся с городским коллектором. Кроме того, Ганс Гербах обратил внимание на то, что доктор Роде проявляет какой-то особый интерес к этому подземному ходу, видимо, рассчитывая использовать его для своих нужд.

Так или иначе, но решение о сооружении туннеля из подвала под «Малым ремтером» было принято и согласовано с крайсляйтунгом. В течение недели около трех десятков человек трудились в немыслимых условиях, продавливая отверстия в глубоких фундаментах и толстых подвальных стенах зданий старого города, вгрызаясь в грунт, как при проходке горных выработок, возводя деревянные, а кое-где и бетонные крепи, пробивая резервные выходы в горловины канализационных и водоотводных колодцев. Так возник туннель, выходящий под прямым углом из подвала под «Малым ремтером», а потом круто поворачивающий на северо-восток вдоль разрушенной улицы Юнкерштрассе. Он получился узким и низким, передвигаться по нему можно было только согнувшись в три погибели. Коридор делал крутые повороты, огибая подземные препятствия, пересекал глухие, заваленные старой рухлядью, подвальные помещения под расположенными наверху домами. Кое-где приходилось идти по колено в шумящем потоке зловонных сточных вод. Естественный свет не проникал в этот зловещий лабиринт, и без автономного освещения передвигаться по нему было невозможно. Извиваясь под развалинами Алтштадта^[143], туннель доходил до глубоких подвалов Альтштадтской кирхи, расположенной у перекрестка Юнкерштрассе и Постштрассе^[144], в двухстах метрах от замка.

Если читателям удалось в свое время познакомиться с остросюжетной повестью писателя Станислава Гагарина «Три лица Януса», в которой рассказывается о советском разведчике Ахмедове-Вилксе, действовавшем в Кёнигсберге, они, конечно, вспомнят финальные сцены повести, происходившие в подземном бункере под кирхой. Там немало захватывающих эпизодов, увлекательных приключений, неожиданных поворотов сюжета. Правдоподобность описываемых событий, изображение целого ряда реальных персонажей и использование местного колорита — все это придает убедительность повествованию. Несмотря на то что в повести очень много вымышленных обстоятельств, как и должно быть в приключенческой литературе, автор весьма точно указал место, где у гитлеровцев был оборудован бункер с подземным ходом. Что это — писательская интуиция или наличие конкретных документальных свидетельств? Может быть, когда-нибудь мы это узнаем. Но главное, что удостоенный за эту повесть Почетного диплома Союза писателей СССР и Союза кинематографистов СССР, Станислав Гагарин добавил нам еще одну крупницу уверенности в достоверности происходивших событий.

К середине марта 1945 года подземный туннель из северного крыла Королевского замка до Альштадтской кирхи был почти готов. Оставалось оснастить вход в него со стороны подвалов «Блютгерихта» массивной герметически закрывающейся бронированной дверью, да укрепить своды некоторых подвалов, которые пересекал туннель. Одновременно с этим был оборудован и другой подземный ход — в юго-восточном направлении от замка.

Теперь следовало только доложить крайслейтеру о завершении основных работ и заняться внутренним обустройством туннеля. Генерал Микош, осмотрев оба входа в туннели и укрепленные части крепостного оборонительного рубежа, дал указания оборудовать командно-наблюдательный пункт и площадки для огневых средств. А на следующий день в замок прибыл на бронетранспортере сам крайслейтер Эрнст Вагнер.

Из воспоминаний Ганса Гербаха.

Газета «Остпрройссенблатт». 7 июля 1969 года

«...Работы оказались очень трудоемкими, но несмотря на то, что сам крайслейтер Вагнер уже стал сомневаться в их целесообразности, должны были продолжаться. Надев прорезиненный защитный костюм инженера Управления подземного строительства, он сам прошел по подземному коллектору, расположенному под Юнкерштрассе, почти достиг

Альтштадтской кирхи и заявил впоследствии, что никакая сила не заставит его еще раз туда спуститься...»

Итак, указание крайслейтера было выполнено, но у советника Гербаха возникло ощущение, что Вагнер всерьез засомневался в целесообразности переноса командного пункта фольксштурма в Королевский замок. Тем более что имелся хорошо оборудованный бункер крайсляйтунга в районе Театерштрассе в двух шагах от площади Парадеплац, где размещался командный пункт генерала Ляша. По всему было видно, что для нацистских руководителей Королевский замок оставался очень удобным элементом пропагандистской кампании, своего рода символом, обозначающим «борьбу до победного конца», но уже не принимался всерьез как опорный пункт, способный противостоять длительной осаде. Именно поэтому, когда дело дошло до практического перенесения командного пункта в одно из уцелевших помещений замка, крайслейтер наотрез отказался это сделать, сославшись на неудовлетворительность проведенных фортификационных работ. Он обошел вместе с генералом Микошем все подготовленные к обороне участки и, выразив свое недовольство их состоянием, распорядился о размещении в замке лишь штаба и одного из батальонов фольксштурма, оставив свой командный пункт в глубоком бункере у «Дома труда».

Наступил заключительный этап подготовки замка к началу боевых действий в городе. В уцелевшей семиугольной башне Хабертурм, возвышавшейся над северо-восточной оконечностью замка, расположился штаб капитана резерва Ваххольца — бывшего главного лесничего Оберланда^[145], а с конца марта 1945 года — командира так называемого боевого участка «Зюйд». А все уцелевшие помещения замка, включая подвалы «Блутгерихта», заняли около двухсот новоиспеченных спасителей Третьего рейха — четырнадцати-пятнадцатилетних школьников, воспитанных в духе слепого подчинения фюреру, и немощных, а зачастую просто больных стариков — бывших бакалейщиков, аптекарей, трамвайных кондукторов и пенсионеров.

Паулю Файерабенду пришлось свернуть работу по восстановлению винного погребка, так как решением крайсляйтунга все запасы вина, сохранившиеся в замке, неожиданно были объявлены «собственностью нации». У двери, ведущей со двора в складские помещения ресторана, был поставлен пост охраны. Фольксштурмистам, разместившимся на первом этаже северного крыла замка, пришлось довольствоваться самыми примитивными бытовыми условиями: в орденских помещениях были

наспех сколочены деревянные нары, установлены большие столы и скамейки. Однако почти каждое помещение, кроме того, было загромождено какими-то ящиками, коробками, металлическими бочками, мешками, туго обвязанными веревками. Когда батальон занимал эти помещения, адъютант командира обер-лейтенант фон Минквитц, ранее бывший лесничим в одном из угодий Восточной Пруссии, строго предупредил всех, что трогать хранящееся в замке имущество категорически запрещается, так как оно является «достоянием рейха» и должно быть непременно сохранено.

Именно здесь, среди нагромождения ящиков и коробок в рыцарском зале под названием «Большой ремтер», и разместил доктор Роде упакованную в ящики Янтарную комнату, остававшуюся до тех пор невредимой в глубоких подвалах южного крыла замка. Учитывая приближение развязки, когда Королевский замок должен был неминуемо стать объектом ожесточенных обстрелов и бомбардировок, Роде, видимо, решил выяснить у специалистов-фортификаторов, насколько надежны в этом плане подвалы южного крыла. И, безусловно, получил рекомендацию перенести особо ценные предметы в подвалы «Блютгерихта», которые были практически неуязвимы даже в случае прямого попадания авиабомбы или тяжелого артиллерийского снаряда с близкого расстояния. Каким образом ящики были перенесены в северное крыло Королевского замка, мы не знаем. Известно лишь, что это произошло вскоре после массированного бомбардировочного налета на город в августе 1944 года, и, по-видимому, в то время, когда шло переоборудование помещений замка в целях обороны и размещения в них командного пункта фольксштурма, ящики с демонтированными панелями Янтарной комнаты находились уже в «Большом ремтере».

Что же представляло собой это помещение, размещавшееся на первом (скорее полуподвальном) этаже северного крыла, среди мрачных казематов «Блютгерихта»?

Из книги Вальтера Франца

«О Блютгерихте в Кёнигсберге». Кёнигсберг, 1938 год

«...В „Ремтере“ старые готические своды периода Тевтонского ордена достигают полного совершенства. Стены и колонны, располагающиеся в мудрой последовательности, кажутся массивными и одновременно легкими. Здесь, в „Ремтере“, совсем мало небольших столиков, здесь господствует Его Величество Стол. Поэтому вечерами тут бывает обычно

очень шумно. Здесь пьянствуют компании студентов, сюда с удовольствием „заваливаются“ группы путешественников, здесь слышатся споры за каждым столом, все диалекты нашего фатерлянда, здесь дрожат стены от громких песен, а солдаты наслаждаются увольнением и возможностью покомандовать кельнером... Места здесь не пустуют до самого полицейского часа...»

Но в марте сорок пятого «Большой ремтер» был совершенно другим. Его зал площадью более девяноста квадратных метров был буквально заставлен ящиками самых различных размеров и мебелью, собранной из королевских покоев. Громадные, с тончайшей резьбой шкафы и бюро в стиле рококо, великолепные зеркала в толстых золоченых рамах, стулья и кресла с шелковой обивочной тканью всевозможных расцветок и рисунков... Все это лежало, можно сказать, навалом и кое-где было лишь прикрыто грубой мешковиной или кусками армейского брезента.

Из «Большого ремтера», считавшегося главным залом «Блютгерихта», узкая каменная лестница вела в соседнее помещение — уже упоминавшийся мной «Малый ремтер», вопреки своему названию значительно превышавший площадь большого. Крестовый свод из серого шершавого камня, пол из широченных досок, громадные бочки с барельефами, вытянутые овальные столы с висящими над ними макетами парусников, рога оленей и муфлонов, медные светильники, подвешенные на цепях к металлическим крюкам, торчащим из потолка... Здесь, в «Малом ремтере», практически ничего не изменилось — благодаря стараниям Пауля Файерабенда этот уголок «Блютгерихта» продолжал функционировать как винный погребок. Правда, основными его посетителями были уже не жители города, а офицеры размещавшихся в округе частей да фольксштурмисты, расположившиеся в замке. Только после того как по приказу крайсляйтунга были конфискованы запасы марочных вин, «клиентов» здесь не стало.

В один из последних дней марта, когда в замке уже завершались работы по подготовке его к длительной обороне, Пауль Файерабенд, который вместе с двумя работниками «Блютгерихта» занимался поиском остатков столовых приборов, пивных кружек и посуды среди обломков полностью выгоревшего «военного кабинета», увидел, как во двор замка въехал бронетранспортер, сопровождаемый двумя мотоциклами с колясками.

Через несколько минут к входу в «Блютгерихт» подошла группа

военных, среди которых Файерабенд узнал гаулейтера. Эрих Кох был одет в теплую пятнистую куртку, какие обычно носили егеря горнострелковых частей, такие же пятнистые брюки и тяжелые горные ботинки. Рядом с ним Файерабенд увидел несколько незнакомых офицеров, среди которых выделялся один в безукоризненно сидящей шинели с большими отворотами и фуражке с высокой тульей. В его петлицах Файерабенд разглядел по одному дубовому листку, а это означало, что вместе с рейхскомиссаром обороны прибыл кто-то из руководителей службы безопасности. За Кохом следовали его адъютант гауптштурмфюрер СС Гюнтер Ленц и, что было большой неожиданностью для временно исполняющего обязанности управляющего винным погребком, доктор Альфред Роде, который не показывался в замке уже несколько дней. Последний раз при его активном участии и под его строгим контролем переносились в зал «Конвента» какие-то продолговатые ящики, до того хранившиеся в подвалах Прусского музея.

Кох хмуро кивнул Файерабенду и часовому фольксштурма, стоявшему у входа, и, пропустив Роде вперед, стал спускаться вслед за ним по ступенькам «Блютгерихта». Узкая, почти шестиметровой длины, лестница вела непосредственно в «Большой ремтер». Адъютант Ленц освещал дорогу большим аккумуляторным фонарем.

Файерабенд не стал спускаться в зал вслед за свитой гаулейтера, понимая, что, будь он нужен, его пригласили бы туда. Он остался стоять около лестницы, с напряжением прислушиваясь к голосам, доносившимся снизу. Но разобрать ничего не мог — звук, гулким эхом перекатываясь по высоким сводам «Большого ремтера», превращался в сплошной гул: кто говорил, о чем — понять было невозможно. Только когда раздались шаги на лестнице, ведущей к выходу из подвала, Файерабенд услышал голос Коха. Обращаясь, по-видимому, к Альфреду Роде, он сказал: «А Вас, доктор, я попрошу оказать всяческое содействие зондергруппе и делать это поактивнее. Культурное достояние рейха ни в коем случае не должно попасть в руки русских. И в первую очередь я имею в виду Янтарный кабинет». Это — единственное, что уловил Пауль Файерабенд, потому у него создалось впечатление (и надо сказать, не безосновательное), будто Кох приезжал в замок исключительно для того, чтобы на месте определить возможности эвакуации ценностей или их более надежного укрытия.

По обрывку фразы, услышанной Файерабендом, можно предположить, что Кох оказался крайне недоволен условиями хранения ценностей. Ведь он-то знал наверняка, что не сегодня завтра в Кёнигсберг вступит Красная Армия, и замок вряд ли будет надежным укрытием для сокровищ. Но что

можно было сделать в эти последние дни перед штурмом? Судя по всему, Кох отдал распоряжение вывезти ценности из замка, поручив это сотрудникам оперативной группы или особой команды полиции безопасности и СД. Это могло быть одно из спецподразделений Главного сектора СД в Кёнигсберге, так называемого «ляйтабшнитта-VII», или группа, подчиненная непосредственно какому-либо из отделов III управления РСХА, которое возглавлял бригадефюрер Отто Олендорф, палач десятков тысяч мирных граждан из оккупированных гитлеровцами «восточных областей», спустя шесть лет после описываемых событий казненный в западногерманской тюрьме как нацистский военный преступник. Во всяком случае, ясно одно: Эрих Кох дал указание принять незамедлительные меры для более надежного укрытия Янтарной комнаты и других ценностей, сосредоточенных в орденских залах Королевского замка.

К сожалению, мы не располагаем никакой информацией о том, что произошло дальше. Были ли ценности вывезены из замка или спрятаны в каком-либо другом месте на его территории? Что делал доктор Роде в это время; как выполняла задачу, поставленную Кохом, зондергруппа, руководимая неизвестными лицами; и вообще, что творилось в замке после неожиданного визита Коха в «Блютгерихт» — всего этого в подробностях мы не знаем. Поэтому в дальнейшем мне придется «вплетать» в ткань повествования вероятностные схемы развития событий, которые помогут реконструировать обстоятельства «исчезновения» Янтарной комнаты, а с нею и очень многих других произведений искусства, следы которых необъяснимым образом затерялись в апрельские дни 1945 года. При этом я и впредь буду придерживаться строгой документальности, не допуская искажения уже установленных фактов.

Старший советник Ганс Гербах, участвовавший в инженерной подготовке замка к обороне, впоследствии бегло описал события, которые произошли здесь накануне начала решительного разгрома кёнигсбергской группировки.

Из воспоминаний Ганса Гербаха.

Газета «Остпрройссенблатт». 7 июня 1969 года

«...Пасхальное воскресенье (1 апреля) было исключительно теплым и солнечным весенним днем. Оставшееся в городе население могло спокойно наслаждаться чудесной погодой и выйти из подвалов. Но все больше признаков указывало на предстоящее большое наступление, спокойствие было обманчивым. Во второй половине дня 5 апреля в сопровождении

большой свиты появился гаулейтер Кох, стремящийся выяснить состояние работ в замке. Его сопровождали оставшиеся в Кёнигсберге заместитель гаулейтера Гроссхерр, „пожарный“ генерал Фидлер из Метгетена, представитель коменданта генерал инженерных войск Микош и др. Сам Кох постоянно находился в Нойтифе под Пиллау и в период осады, по-моему, только два или три раза прилетал в Кёнигсберг на вертолете с тем, чтобы своими декларациями создать впечатление, будто он лично на месте руководит обороной Кёнигсберга...»

Указанное наблюдение советника Гербаха очень существенно для нас с точки зрения самого факта посещения Кохом замка. При безусловном дефиците времени гаулейтер и рейхскомиссар обороны нашел возможность специально посетить замок и осмотреть подвалы «Блутгерихта», где хранились ценности. Значит, этот вопрос был одним из самых важных для него, а может быть, даже приоритетным по отношению к другим. Ведь по свидетельствам очевидцев и многих людей, близко знавших Коха, это был алчный, завистливый и жадный сверх всякой меры человек. Он не только бессовестно присваивал попадавшие ему в руки ценности, но и не гнушался прямым расхищением государственных средств, нередко запуская руку в кассу гитлеровской партии. Однажды это стало даже предметом разбирательства РСХА, в результате чего Гиммлер представил Гитлеру доклад о злоупотреблениях восточнопрусского гаулейтера, оставленный, впрочем, без внимания фюрером. Поэтому ценности, хранившиеся в помещениях «Блутгерихта», вполне могли явиться предметом особой заботы рейхскомиссара обороны, реально сознающего сложность складывающейся ситуации и больше помышляющего о перспективе своей личной адаптации в послевоенной жизни, нежели о нуждах безнадежной обороны.

Во время апрельского визита в замок Кох со своей свитой опять крутился все время где-то вокруг «Блутгерихта». Правда, вначале он в сопровождении упомянутых военных и нацистских руководителей обошел основные рубежи обороны, осмотрел огневые позиции, оборудованные во всех четырех крыльях замка, и принял рапорт капитана Ваххольца, построившего прямо во дворе размещенный в замке батальон фольксштурма боевого участка «Зюйд».

Невежественный не только в теории военного искусства, но вообще в элементарных вопросах военного дела, Кох тем не менее направо и налево давал советы, как следует организовывать оборону и обеспечивать четкое

взаимодействие между частями, где оборудовать наблюдательный пункт или установить огневые средства. Он предложил, например, затащить на почти стометровую высоту замковой колокольни две 105-мм полевых гаубицы и 76-мм противотанковую пушку, которые, по его мнению, позволили бы контролировать подступы к центру города и эффективно поражать живую силу и танки наступающих. Даже генерал Микош, по специальности являющийся военным сапером, не ожидал столь «глубокого» пассажи со стороны главного руководителя обороны и промямлил что-то невразумительное в ответ на абсурдное предложение гаулейтера. Именно в тот момент старший советник Гербах окончательно понял, что дело проиграно полностью, а с такими руководителями, как Эрих Кох и крайслейтер Эрнст Вагнер, невозможно даже говорить сколь-либо серьезно об организации эффективной обороны.

После осмотра позиций вся компания спустилась в подвалы «Блютгерихта», где предупрежденный о визите Пауль Файерабенд уже накрыл стол в «Малом ремтере», сохранившем свой интерьер, несмотря на все пожары и разрушения. Для высоких визитеров крайсляйтунг сделал исключение, и Файерабенд поставил на середину вытянутого овального стола четыре пузатых бутылки со старинными этикетками. Адъютант гаулейтера Ленц еще по прибытии в замок передал Файерабенду большую банку трофейного английского бекона из запасов продовольствия, хранившихся в одном из бункеров Нойтифа, отчего распорядителю винного погребка стало даже немного дурно — в последнее время в Кёнигсберге несколько раз снижались нормы выдачи продуктов по карточкам и, естественно, уже давно никто из жителей города не только не пробовал, но и не видел никакого мяса.

Кох собственноручно налил в большой кубок с фирменным вензелем и надписью «Исторический винный погребок „Блютгерихт“» терпкое рейнское вино и, отпив несколько глотков, передал его стоящему рядом своему заместителю Фердинанду Гроссхерру.

Принятая в кругу старопруссских вояк и студенческих корпораций традиция «круговой чарки» должна была, вероятно, символизировать неразрывную общность судеб участников мрачного подземного застолья. Но судьбы, как известно, сложились по-разному: гаулейтер через несколько дней бежал на ледоколе «Остпрройссен» на остров Рюген, а затем на датский остров Борнхольм; Гроссхерр исчез во время попытки прорыва из окружения где-то в районе Хуфена; генерал-лейтенант Микош оказался в нашем плену вместе со штабом генерала Ляша, а «пожарный» генерал Фидлер захлебнулся в зловонных сточных водах подземного коллектора в

районе Альтштадской кирхи при попытке выбраться на окраину города.

На следующий день после массированной артиллерийской подготовки штурмовые отряды советских стрелковых дивизий, подразделения танков и самоходно-артиллерийских установок, сопровождаемые огнем валом артиллерии и минометов, обрушили на Кёнигсберг всю мощь своего удара. К утру же 9 апреля части кёнигсбергского гарнизона удерживали только центральную, наиболее старую часть города. Остатки 367-й немецкой пехотной дивизии, укрепившиеся в районе бастиона «Грольманн» на Литовском вале, пытались не допустить прорыва гвардейцев 8-го стрелкового корпуса в центр города. Но, как известно, еще накануне наши войска завершили полное окружение кёнигсбергского гарнизона — в районе Амалиенау встретились части 18-й и 87-й гвардейских дивизий. В состоянии фатальной безысходности, с остервенением обреченных, яростно сопротивлялись части вермахта и фольксштурма на все сужающемся участке обороны.

Стремительное наступление наших частей в кварталах центра города поддерживалось бомбардировочными ударами советской авиации, интенсивным действием гвардейских реактивных минометов — прославленных «катюш», которых гитлеровцы в ужасе называли «сталинскими органами». Досталось и замку, ставшему одним из опорных пунктов обороны фашистов. Десятки прямых попаданий мощных авиационных бомб до основания разрушили целый ряд помещений северного и южного крыльев замка, буквально стерли с лица земли остатки пристройки «Блютгерихта», вызвали обрушения сводов в некоторых орденских залах. Поправившиеся в глубокие подвалы винного погребка фольксштурмисты, наверное, прощались с жизнью, когда северное крыло замка вздрогнуло от страшного взрыва. Земля заходила ходуном, погас и без того бледный свет времянок. Раздался грохот падающих стен и сдавленные крики не успевших укрыться жертв.

От прямого попадания авиабомбы завалило вход в бывшую «Камеру пыток» — один из наиболее популярных залов «Блютгерихта». Помещение площадью около пятидесяти квадратных метров, имеющее трехметровую толщину стен, оказалось полностью замурованным рухнувшими сводчатыми перекрытиями капеллы Святой Анны.

Впрочем, полной уверенности в том, что причиной обрушения было попадание советской авиабомбы, нет. Завал мог быть вызван и другими обстоятельствами, — например, преднамеренным подрывом заранее установленного фугаса в узком помещении уже давно бездействовавшего ватерклозета, примыкавшего к башне фогта Лиделау, где находилась

«Камера пыток». Для такого взрыва хватило бы десятка стандартных трехкилограммовых зарядов тротила, использовавшихся в гитлеровской армии. Бомбардировка и обстрел замка, от которых все вокруг дрожало, были вполне удобным естественным фоном для целенаправленного взрыва, производимого с помощью подрывной машинки и электродетонаторов. Если кому-то пришло в голову воспользоваться таким способом для укрытия тайных хранилищ замка, то лучшее время (8–9 апреля 1945 года) найти было трудно.

Любой взрыв или разрушение воспринимались спрятавшимися в подземельях людьми как очередное попадание советских бомб или снарядов, и никаких других предположений относительно их причин возникнуть не могло. А значит, советскому командованию, когда оно начнет поиски ценностей, никто не сможет сообщить о каких-либо подозрительных моментах, связанных с их укрытием.

Не исключено, что сделанное мной отступление вызовет скептическую усмешку у некоторых читателей: не слишком ли в данном случае фантазирует автор, постоянно подчеркивающий документальность своего повествования? Ведь для подобных допущений о преднамеренном взрыве вроде бы нет никаких оснований. Прямых, конечно, нет. А косвенных — сколько угодно. И в этом вы сможете еще раз убедиться в процессе дальнейшего знакомства с фактами. Делая отступления, я приглашаю вас к совместному осмыслению минувших событий, к творческой, аналитической работе. А в ней, как известно, не должно быть места догматизму, упрощенному, схематическому пониманию исторических ситуаций. Некоторая доля фантазии, разумеется, стоящей на почве реальности, — только поможет нам разобраться в этой крайне запутанной истории. Но продолжу свой рассказ.

После неудачного прорыва остатков частей кёнигсбергского гарнизона в сторону городского района Ратсхоф^[146] вдоль улицы Альте-Пиллауер-Ландштрассе^[147], когда они были буквально накрыты огнем «катюш», генерал Ляш, размещавшийся со своим штабом в бункере на площади Парадеплатц, принял решение о капитуляции и послал парламентариев к советскому командованию.

Не буду описывать подробности этого драматического эпизода Великой Отечественной войны, поскольку они обстоятельно освещены в многочисленных мемуарах и статьях, посвященных штурму Кёнигсберга, а остановлюсь лишь на тех моментах, которые непосредственно связаны с Королевским замком и событиями последних часов перед тем, как в него

ворвались советские солдаты.

В заключительные сутки боев в Кёнигсберге действовали лишь разрозненные очаги сопротивления гитлеровцев, не имевшие между собой никакой связи и по большому счету не способные к серьезному противодействию нашим войскам. Еще удерживались бастионы «Грольманн» и «Штернварте», казармы «Кронпринц» и «Троммельплатц», башни «Дер Дона» и «Дер Врангель», здания Правительства, «Штадтхауза», Городского театра, Университетской библиотеки, Кёнигсбергского университета и, наконец, Королевского замка. Яростно сопротивляясь, немцы не могли уже не понимать, что это абсолютно бессмысленно, и поодиночке, а иногда и группами пытались выбраться из окутанных дымом развалин, чтобы отсидеться где-нибудь в подвале или канализационном колодце.

Иначе вели себя нацистские руководители и фанатичные приверженцы режима из государственного аппарата. С одной стороны, они всеми средствами старались активизировать сопротивление, а с другой — стали предпринимать попытки спасения собственной жизни, используя для этого заранее подготовленные варианты бегства. Особенно активными в этом отношении оказались офицеры полицейских и эсэсовских частей, руководители подразделений НСДАП, Германского трудового фронта, группы СА «Остланд», Национал-социалистского автомобильного корпуса и других гитлеровских организаций.

Когда руководитель Восточнопрусской полиции безопасности и СД оберфюрер СС Бёме узнал о том, что генерал Ляш начал переговоры с представителями советского командования, он объявил «от имени фюрера» о смещении коменданта крепости и заочном смертном приговоре ему, вынесенном судом военного трибунала. С командного пункта боевой группы «Шуберт», который находился в подвале разрушенного дома где-то в районе Ангера^[148], на площадь Парадеплатц было направлено несколько эсэсовцев, которые вместе с генералом Фидлером должны были арестовать Ляша, привести приговор в исполнение, а заодно и расстрелять русских парламентариев, если они еще не покинули бункер коменданта крепости. Оберфюрер Бёме, возглавлявший эсэсовский полк, или точнее то, что осталось от него, назначил руководителем обороны города генерал-майора ОРПО^[149] Шуберта, а тот, хорошенько подумав о дальнейших перспективах, передал эту должность майору охранной полиции Фойгту, командовавшему остатками 31-го полицейского полка. На заключительном этапе развернувшейся драмы никто не рассчитывал снискать себе славу

военачальника. Фойгт принял решение прорываться к Королевскому замку, где, объединившись с батальоном фолькештурма, попытаться осуществить хоть какое-нибудь организованное сопротивление.

**Из книги Отто Ляша
«Так пал Кёнигсберг».
Штуттгарт, 1976 год**

«...Майор Фойгт приказал стянуть все оставшиеся силы в замок, чтобы превратить его в последнюю цитадель обороны. Разбившись на группы, остатки соединения под командованием Фойгта общей численностью около 120–150 эсэсовцев и полицейских преодолели сопротивление противника, достигшего уже улицы Францёзисштрассе^[150], и прорвались в замок...»

В замке же в это время творилось что-то невообразимое. Находившийся под сильнейшим артиллерийским обстрелом, он был окутан облаками дыма и кирпичной пыли. Стены его зияли пробоинами, были изъедены как оспой следами тысяч прямых попаданий снарядов, осколков, пуль. Колокольня, ставшая предметом особой «заботы» наступающих, казалось, еле держится и готова рухнуть вниз. Множество пробоин в ее восточной стороне образовали гигантский пролом во всю высоту сооружения, обнажив этажи, полуобвалившиеся лестницы, скрюченную металлическую арматуру.

Батальон фольксштурма еще пытался огрызаться огнем из амбразур — удобное расположение замка все-таки позволяло держать под обстрелом все прилегающие к нему улицы. Но решительный напор наступающих, подавивших уже многие очаги сопротивления в этом агонизировавшем городе-склепе, заставлял полностью деморализованных «защитников алькасара Восточной Пруссии» бросать оружие и искать спасение в подземельях замка.

**Из воспоминаний Ганса Гербаха.
Газета «Остпрройссенблатт». 7 июня 1969 года**

«...В бомбоубежище здания Унфрида был оборудован батальонный медпункт... В глубоких подвалах „Блютгерихта“, где еще сохранялись неприкосновенные запасы вин, создалось совершенно нетерпимое положение. Пытавшиеся найти спасение от обстрела солдаты и гражданские лица проникали в подземелья, стаскивали с полок бутылки с вином... и напивались

до потери чувств... Чтобы пресечь всеобщий хаос, командир фольксштурма приказал поставить вооруженного автоматом охранника у входа в глубокие подвалы. Но толпа смяла и его...»

Когда в замок прорвались группы майора Фойгта, там царил полный хаос — по двору бродили пьяные, кругом валялось брошенное оружие, из подвалов восточного крыла раздавались беспомощные крики оставленных медперсоналом раненых. Солдаты и офицеры в оборванных мундирах, в которых еще угадывались черты эсэсовской и полицейской униформ, заняли наиболее сохранившуюся часть помещений северного крыла замка. Буквально вышвырнув забившихся туда в животном страхе фольксштурмистов, головорезы бывшей боевой группы «Шуберт» стали готовиться к отражению решающей атаки. Но среди обороняющихся оказалось не так уж много фанатиков, готовых положить свои жизни «за фюрера и фатерлянд». То тут, то там в подземных казематах замка разыгрывались финальные сцены «героической обороны», как о том сообщалось в сводках Верховного командования вермахта. Десятки людей вдруг стали срывать с себя офицерскую униформу и облачаться в грязные солдатские мундиры или брошенное повсюду гражданское тряпье. На пол летело то, что когда-то было предметом их особой гордости, — черные френчи эсэсовцев и серые шинели политических руководителей всех рангов с замысловатыми нашивками и петлицами, кожаные куртки НСКК и мундиры многочисленных полицейских формирований, начиная с полиции безопасности и кончая так называемой водной полицией. В кучи мусора сыпались железные кресты и почетные знаки НСДАП, Германского трудового фронта, Имперского союза германских чиновников, удостоверения сотрудников СД и полиции. Подвалы наполнялись удушливым дымом от импровизированных костров, в которых, корчась, смрадно сгорала нацистская атрибутика, когда-то свидетельствовавшая о высоком общественном положении их владельцев. К слову сказать, не поэтому ли калининградские мальчишки еще долго находили в развалинах замка обгорелые фашистские ордена, медали и знаки отличия.

Среди тех, кто прибыл под командованием майора Фойгта в замок, было немало лиц, не без основания опасавшихся за свою судьбу, попади они в руки наших солдат: крайслейтер Кёнигсберга Эрнст Вагнер и целый ряд нацистских бонз из других районов Восточной Пруссии, руководитель полиции безопасности и СД оберфюрер СС Бёме и полицей-президент Кёнигсберга обергруппенфюрер СА Шёне, начальник полиции порядка генерал-майор Шуберт и сотрудники его штаба, штандартенфюрер Ланге и

многие, многие другие. У нас нет точных данных о том, удалось ли этим лицам спастись из уже захлопнувшейся ловушки — руин Королевского замка. Известно лишь, что некоторые из них оказались к исходу дня, когда замок был уже в наших руках, далеко на окраине Кёнигсберга. В частности, генерал-майор Шуберт и двое офицеров его штаба были обнаружены нашими солдатами в одном из бункеров южнее Йудиттена^[151], где они, не пожелав сдаться, застрелились. Куда исчезли крайслейтеры и сотрудники СД, до сих пор остается неизвестным. Во всяком случае, установленный факт бегства из заблокированного замка генерал-майора Шуберта свидетельствует о том, что нацистские и эсэсовские руководители могли воспользоваться подземными туннелями, сооруженными накануне под руководством советников Гербха и Мунира. Теми самыми туннелями, которые сообщались с городской гидротехнической системой и имели прямой выход в канализационный коллектор.

Пока нацистские функционеры и сотрудники специальных служб, замечая следы, выбирались из замка, фанатики вроде полицейского майора Фойгта продолжали ожесточенное сопротивление, прикрывая своими жизнями трусливое бегство бывших главарей. Но развязка приближалась, и скоро уже руководитель одного из последних опорных пунктов обороны гитлеровцев в Кёнигсберге стал тоже подумывать о прекращении сопротивления и попытке вырваться из окружения.

Однако в отличие от своих бывших начальников майор Фойгт, видимо, не знал о тайных подземных ходах, а если и знал, то не смог ими воспользоваться. Убегающие, как правило, стараются не оставлять за собой следов, и, думается, для того, чтобы привести в действие заранее заложенные заряды, им не потребовалось много времени.

Так или иначе, к исходу 9 апреля 1945 года замок как опорный пункт обороны Кёнигсберга перестал существовать. Об этом достаточно красноречиво рассказывается в мемуарах советских военачальников, воспоминаниях непосредственных участников боев, художественной литературе.

Из книги В. В. Карпова «Взять живым».

Москва, 1975 год

«...На третий день полк, пробиваясь через завалы и пожары, вышел к маленькой тесной площади. За ней бойцы увидели высоченные круглые башни с зубчатым верхом — замок прусских королей...

Над разведчиками волна за волной прошли самолеты и

сбросили бомбы на замок. Красная кирпичная пыль и черный дым поднялись выше зубчатых башен. Взвод самоходных пушек бил в одно и то же место, чтобы сделать проломы. Но стены были четырехметровой толщины, а попасть „снарядом в снаряд“ было не так-то просто... Кто мог уцелеть там после такого ужасного обстрела и непрерывной бомбежки? Был дан сигнал атаки, и полки пошли на последний штурм...»

Из книги В. Н. Балязина «Штурм Кёнигсберга».

Москва, 1964 год

«...И когда стало ясно, что ничего живого не осталось, поднялась в атаку пехота. Но крепки оказались немецкие стены, глубоки погреба, живучи... засевшие в замке... Из-под земли и развалин, захлебываясь, залаяли пулеметы — первая волна атакующих залегла...»

Из книги К. Н. Галицкого

«В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией».

Москва, 1970 год

«...Первыми ворвались в замок подразделения 169-го гвардейского стрелкового полка под командованием подполковника А. М. Иванникова.

Штурмовые отряды дивизии при поддержке орудий, поставленных на прямую наводку, и танков с саперами, прикрываясь дымами, прорвались через проломы в стенах во внутренние помещения замка. Более трех часов длился бой в помещениях, на этажах и в отдельных строениях. К 19 часам гвардейцы полностью овладели замком...»

Сейчас, спустя шестьдесят пять лет после штурма Королевского замка нашими солдатами, трудно восстановить картину последнего боя в его уцелевших помещениях и подвалах. Известно одно — бой был ожесточенный и беспощадный с обеих сторон. Немало наших солдат сложили головы на подступах к тевтонской руине и в ее мрачных казематах. Но и среди оборонявшихся потери были внушительными — на сборный пункт военнопленных, расположенный в громадном монтажном зале ремонтных мастерских Рейхсбанка, из замка направились лишь горстка понурых людей в изодранной униформе мышиного цвета.

Во дворе замка, загроможденном обломками, усеянном стреляными гильзами и трупами вражеских солдат и офицеров, расположились гвардейцы Иванникова, с боем продвигавшиеся в центр города с юга. Их стрелковый полк уже имел на своем боевом счету прорыв обороны гитлеровцев в районе Понарт, взятие главного железнодорожного вокзала и форсирование Прегеля. Теперь, когда спало напряжение боя, смертельно уставшие бойцы думали только об отдыхе и еде, которую еще не успели подвезти застрявшие где-то среди руин и завалов тыловые службы.

Над входом во внутренние помещения «Блютгерихта» и у внешней стены южного крыла замка предусмотрительный Пауль Файерабенд, во время штурма прятавшийся в одном из подвалов, вывесил белые флаги. А заметив во дворе замка фигуру старшего начальника, как показалось ему, — полковника, Файерабенд тут же предложил ему послать солдат в подземелье «Блютгерихта» и воспользоваться богатейшими запасами марочных вин. Старый член нацистской партии, хороший знакомый гаулейтера и известный завсегдатай полуночных застолий «Большого ремтера», теперь заискивал перед победителями, стараясь расположить к себе хмурых и усталых людей в выгоревших ватниках и плащ-палатках. Полковник же, презрительно посмотрев на жалкую согнувшуюся фигуру Файерабенда, просто прогнал его, что-то беззлобно сказав вдогонку. В холодных рыцарских залах, из которых еще не выветрился запах пороховой гари, среди разного хлама и обломков размещались на ночлег советские солдаты, может быть, впервые за последние дни имевшие шанс выспаться.

Теперь, читатель, в самый раз нам остановиться в столь долгом и пространном повествовании о последних днях боев в Кёнигсберге и событиях, происходивших на территории интересующего нас объекта. Считаю, что обстоятельный рассказ обо всем этом был просто необходим для того, чтобы прийти к очень важному, на мой взгляд, выводу. Выводу, который имеет принципиальное значение для поиска Янтарной комнаты и других художественных ценностей, находившихся в Королевском замке: **во время стремительного наступления наших войск 6–9 апреля 1945 года ни один мало-мальски значительный груз не мог быть вывезен с его территории.**

Это невозможно было сделать по целому ряду причин.

Во-первых, с десяти утра 6 апреля Кёнигсберг находился практически под постоянным артиллерийским обстрелом, советская авиация осуществляла массированные налеты на город, подавляя живую силу и технику, активно действовали подразделения гвардейских реактивных минометов, наносящих колоссальный урон врагу. Вполне понятно, что в

таких условиях не могло быть никакой речи ни о перевозке каких-либо ящиков или других крупногабаритных предметов, ни о попытке проведения погрузочно-разгрузочных работ в районе замка.

Во-вторых, противник в течение всего четырехдневного штурма города испытывал острый дефицит в личном составе, поскольку с самого начала в бой были введены практически все соединения и части кёнигсбергского гарнизона. А для серьезных работ по транспортировке ценных грузов требовалось не менее полусотни физически крепких солдат. Говорить о возможности использования рабочей силы военнопленных или «восточных рабочих» также не приходится, поскольку для их охраны и сопровождения у фашистов уже не было сил.

В-третьих, вывозить груз было практически некуда: в руках оборонявшихся оставалась территория, ограниченная фортами внешнего оборонительного обвода и окружной дорогой. К исходу же 7 апреля враг удерживал лишь центральную часть города, да пригороды на севере и востоке. С Пиллау связь уже была безнадежно потеряна.

Таким образом, если ценности не были вывезены из замка до начала нашего наступления, то они, скорее всего, остались в его подземельях. В лучшем случае они могли быть перенесены в какие-то более надежные помещения, — например, в подвалы под «Малым ремтером» или «Конвентом», в относительно надежные помещения башни фогта Лиделау или подземные туннели, подготовленные для скрытого оставления позиций опорного пункта. Ознакомление в последующем с архивами спецслужб, где содержится немало немецких трофейных документов, в том числе СД и гестапо, подтвердило предположение о том, что при сооружении тайных бункеров для боевых групп «Вервольфа» преследовалась двойная цель: ведь они могли служить не только средством эвакуации и базирования, но и надежным укрытием для художественных ценностей, тем более что туннели пересекали целый ряд просторных подвалов с массивными и прочными сводами.

Знакомясь с версиями укрытия Янтарной комнаты на территории района Штайндамм, вы, конечно, запомнили, что все они так или иначе были связаны с вывозом ценностей из Королевского замка и захоронением их в различных местах: в бункере у Штайндаммской кирхи (Бильке и Ращеп), в неустановленном объекте «Б-III» (Вист), в районе гаража на Хоймаркт (Яблонский) и глубокой штольне под универмагом «КЕПА» (Зонненшайн).

Временной диапазон событий, о которых сообщалось в воспоминаниях участников и свидетелей укрытия ценностей, достаточно

широк — от мая 1944 года до марта 1945 года. Все они приходится на период, предшествовавший штурму города нашими войсками. Поэтому каждая из этих версий имеет право на существование. Вместе с тем, имеется немало признаков того, что ценности не были (или были, но не все) вывезены из замка до 5 апреля 1945 года, когда там последний раз побывал Эрих Кох. В предшествующей главе я рассказал о некоторых из «замковых» версий исчезновения Янтарной комнаты, основывающихся на заявлениях Зонненшайна, Путтерс, Флерковского и Гуры. Они также могут быть приняты во внимание, если допустить, что гитлеровцы не успели до начала штурма Кёнигсберга вывезти ценности из замка, а смогли только перепрятать их «поглубже». Да и речь в заявлениях может идти о разных предметах, хотя большинство заявителей «утверждают», что это была Янтарная комната.

Итак, кардинальным вопросом остается определение крайнего срока нахождения Янтарной комнаты и других произведений искусства в замке. Ответив на этот вопрос, можно было бы с большей степенью вероятности уточнить дальнейшее направление поиска, избежать нерациональной траты времени и сил. Но, к сожалению, все поисковые работы, осуществлявшиеся нередко по наитию, так и не дали однозначного ответа на этот вопрос. И по сей день остается загадкой, стал ли замок местом укрытия ценнейших кладов и имеет ли смысл еще раз беречь его жалкие остатки, покрытые бетонными плитами, газонами и фонтанами. Впрочем, пусть читатель сам сделает вывод об этом, а я продолжу рассказ о новом витке событий уже послевоенной истории.

Глава одиннадцатая

Коварство «Маршальского ремтера»

*Тысячи путей ведут к заблуждению и только один
— к истине.*

*Жан Жак Руссо, французский писатель (1712–
1778)*

Первые организованные поиски культурных ценностей в Королевском замке начались практически сразу после взятия Кёнигсберга нашими войсками и проводились преимущественно трофейными частями 11-й гвардейской и 50-й армий. Известно, что еще задолго до штурма был составлен детальный план города с нанесенной на него «трофейной обстановкой», базировавшейся на данных разведки и показаниях пленных.

Буквально с середины апреля 1945 года в развалинах замка стала работать группа военных, среди которых выделялся невысокий полковник, прибывший специально из Москвы для поиска предметов, представляющих научную ценность. И хотя это был еще довольно молодой человек, его заслуги перед наукой были достаточно широко известны среди специалистов. Правда, прикладные аспекты его научной работы были тогда, что называется, за семью печатями, и о том, что приехавший в Кёнигсберг представитель Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева полковник Иваненко является крупным физиком-теоретиком, пожалуй, никто не знал.

Из Советского энциклопедического словаря.

Москва, 1989 год

«Иваненко Дмитрий Дмитриевич (р. 1904), советский физик. Профессор МГУ (с 1943). Выдвинул гипотезу строения атомного ядра из протонов и нейтронов (1932). Труды по теории ядерных сил, синхротронному излучению. Государственная премия (1950)».

Сделав совместно с физиком И. Е. Таммом еще за семь лет до начала Второй мировой войны открытие в области атомной физики, Дмитрий Дмитриевич вошел в историю мировой науки как ученый, заложивший

наряду с Гейзенбергом, будущим «мозгом» германского уранового проекта, основы понимания строения атомного ядра. В апрельские же дни 1945 года задача, стоящая перед ним, была довольно проста, хотя и связана с научными изысканиями, — ему предстояло осмотреть различные научно-исследовательские объекты Кёнигсберга и определить, не сохранились ли среди обломков, пепла, груд кирпича и искореженного металла какие-либо остатки лабораторного оборудования и научная документация, спасти которые было просто необходимо.

В Кёнигсберге располагалось около сорока научно-исследовательских институтов, в том числе немало естественно-научных, имевших мировую известность, — институты теоретической и экспериментальной физики на улице Штайндамм, десяток институтов сельскохозяйственного профиля в районе улицы Трагхаймер Кирхенштрассе ^[152], а также минералогический, фармакологический, физиологический и многие другие. В городе имелась обсерватория, геофизическая станция и химическая лаборатория, множество научных обществ, — например, известное Физико-экономическое общество, размещавшееся на площади Парадеплатц.

Замок не был объектом особого интереса ученого, и участие профессора Иваненко в обследовании развалин объяснялось, видимо, тем, что в это время в Кёнигсберге было не так уж много высококвалифицированных специалистов, способных по достоинству оценить значимость тех или иных находок — будь то лабораторное оборудование или музейные экспонаты. Во всяком случае, Дмитрий Дмитриевич активно включился в осмотр отдельных сохранившихся помещений, вместе с солдатами облазил доступные подвалы, поднимался по грозящим рухнуть лестницам... И находки не заставили себя долго ждать.

Из «Акта об обнаружении ценных предметов в помещениях замка».

Кёнигсберг, 25 апреля 1945 года

«Мы, нижеподписавшиеся, Представитель Московского Ордена Ленина Госуниверситета им. Ломоносова и Московской Сельскохозяйственной Академии им. Тимирязева Полковник Профессор Иваненко Д. Д., Старший инструктор политотдела 50 армии Майор Кролик И. Д., Военный переводчик РО 69 ск Лейтенант Махалов В. И. составили настоящий акт в нижеследующем:

25 апреля 1945 года при осмотре помещений

Кёнигсбергского замка-музея (Schloss — шлосс) обнаружены следующие предметы:

20 кресел из Царскосельских дворцов, имеющих на внутренней стороне старые русские наклейки со штампом... и инвентаризационным номером. Рядом с ярлыками... наклеены инвентаризационные номера Кёнигсбергского замка...

В этой же комнате обнаружено 12 рам картинной галереи Киевского музея... одна из рам принадлежит полотну Айвазовского „У Константинополя“.

Всё помещение, в котором найдены вышеуказанные предметы... засыпано щебнем и битым кирпичом, что не дает возможности точно установить наличие имущества.

В одной из сравнительно сохранившихся комнат первого этажа в южной части замка обнаружена Дарственная книга (Donatoren-Buch — Донаторен-Бух) художественного отдела замка-музея, содержащая инвентарную опись различных предметов, принадлежащих к собраниям музея.

На стр. 141 под номером 200 от 5 декабря 1941 года в дарственную книгу занесена янтарная комната из Царского Села... насчитывающая 143 предмета. Зеркала, консольные столики, стенные панели, а также 3 ящика с янтарем...

Кроме того, в книге имеется специальный вкладыш, отпечатанный на пишущей машинке и представляющий из себя акт на прием янтарной комнаты от государственного управления по делам музеев... Подпись принявшего сделана чернилами и неразборчива.

Другие следы похищенной немцами янтарной комнаты установить не удалось...»

Кто оставил в найденной профессором Иваненко книге неразборчивую подпись, думается, сейчас ясно каждому, кто мало-мальски знаком с историей поисков Янтарной комнаты. Конечно же, это был доктор Альфред Роде — выдающийся ученый, знаток янтаря, автор многочисленных специальных и научно-популярных работ об этом удивительном самоцвете. Поскольку его фигура уже мелькала в моем повествовании, да и в дальнейшем мы еще не раз встретимся с доктором Роде при рассмотрении тех или иных версий, по-видимому, стоит поближе познакомить читателей с этой противоречивой и даже несколько загадочной личностью. При этом, конечно, трудно не повториться, так как любой уважающий себя

публицист, пишущий о Янтарной комнате, считает своим долгом рассказать и о докторе Роде. Однако, попросив у читателя извинения за возможные повторы, я все-таки постараюсь сообщить кое-что малоизвестное широкому кругу людей, интересующихся этой темой.

Альфред Роде родился 24 января 1892 года в Гамбурге. Изучал историю искусства в Марбурге, Мюнхене и Париже, а в середине двадцатых годов оказался в Кёнигсберге. Здесь он сразу стал работать в замковом музее, изучая и систематизируя многочисленные коллекции. В этот период появляется множество публикаций молодого ученого, касающихся вопросов искусствоведения: в 1928 году он издал книгу под названием «Кёнигсберг», в которой сделал оригинальный обзор наиболее выдающихся архитектурных памятников города, а через год опубликовал интересное описание знаменитой Серебряной библиотеки герцога Альбрехта.

Со временем Альфред Роде стал приобретать известность как специалист по янтарю и изделиям из него. Его книга «Янтарь — германский материал» стала популярной среди специалистов и до сих пор является одним из обстоятельных исследований по истории художественных изделий из этого замечательного дара природы, который древние греки называли «электроном», а славяне «латырь-камнем». Доктор Роде принимал активное участие в деятельности Кёнигсбергского художественного общества, в котором выполнял роль ответственного секретаря. Ему приходилось организовывать ежегодные вернисажи восточнопрусских художников в Выставочном зале^[153], расположенном около башни Врангеля, организовывать передвижные выставки экспонатов из замкового музея в Инстербурге, Данциге, Алленштайне.

В пригороде Берлина жила некая Лизель Амм, бывшая жительница Кёнигсберга, в годы войны учившаяся с дочерью Альфреда Роде в школе Германа Ленса на Херманналлее^[154]. Лизель рассказывала Елене Евгеньевне Стороженко, что она была частым гостем в семье Роде, тем более что квартира ученого располагалась в большом угловом четырехэтажном доме в двух шагах от школы. Здесь, на Беекштрассе, 1^[155], и проживал директор музея с женой и двумя детьми — вполне добропорядочная немецкая семья, ведущая размеренный образ жизни, годами придерживающаяся установленного порядка и привычек.

По словам бывшего референта Министерства просвещения ГДР доктора Герхарда Штрауса, хорошо знавшего Альфреда Роде, это был очень замкнутый и скромный человек, пользовавшийся исключительным

уважением и большим авторитетом у сотрудников Прусского музея, Общества древностей и многих других знавших его музейных работников. Доктор Роде являлся членом нацистской партии, что безусловно способствовало его блестящей карьере ученого в годы фашистского режима. Но, как утверждал Штраус, он никогда не симпатизировал национал-социализму и сохранял добрые отношения с людьми, придерживающихся либеральных, а зачастую и левых взглядов.

Из письма Герхарда Штрауса

«...Я точно припоминаю, как А. Роде с большим негодованием относился к нацистам — грабителям произведений искусства во время показа мне в замке картин из Киева».

Вместе с тем, давая такие лестные отзывы, Герхард Штраус вспоминал, что Роде нередко буквально пресмыкался перед высоким начальством, угодливо выполняя отдельные сомнительные с нравственной точки зрения поручения. Это происходило и в ходе многочисленных встреч с обербургомистром Кёнигсберга доктором Гельмутом Биллом, являвшимся одновременно председателем Кёнигсбергского художественного общества, и, конечно же, в тех нередких случаях, когда судьба сводила доктора Роде с самым могущественным человеком в Восточной Пруссии — Эрихом Кохом, который, как мы знаем, был «высоким ценителем» искусства и выдающимся грабителем художественных ценностей Восточной Европы. К слову говоря, о лизоблюдстве Альфреда Роде перед гаулейтером впоследствии упоминали и другие знавшие его немцы...

Итак, профессор Иваненко, найдя «Дарственную книгу» в руинах замка, был первым, кто обнаружил хоть какое-то упоминание о Янтарной комнате. Во всяком случае, в руках наших исследователей оказался документ, удостоверяющий, что это великое творение старинных мастеров с декабря 1941 года находилось в Королевском замке и было принято на хранение доктором Роде. Спустя две с половиной недели о находках в Кёнигсберге поведала газета «Ленинградская правда», опубликовавшая в номере от 13 мая 1945 года статью под названием «Найдены ценности, украденные гитлеровцами».

Когда я только начинал работать над рукописью этой книги, мне довелось встретиться с Дмитрием Дмитриевичем Иваненко в его уютной квартире в одном из корпусов главного здания МГУ на Ленинских горах. Мы заранее договорились о встрече. Дмитрий Дмитриевич, несмотря на немолодость, охотно согласился поделиться своими воспоминаниями, тем

более что он знал меня еще по моей прежней работе в ректорате Московского университета.

Мы говорили более полутора часов, неоднократно возвращаясь к тем дням, когда он, участвуя в поисковых работах в замке, обнаружил «Дарственную книгу». Конечно же, тогда, в сорок пятом, он не представлял себе всего значения своей находки. Ведь о Янтарной комнате ему даже слышать не приходилось, хотя он неоднократно до войны бывал в Ленинграде. Только в разрушенном Кёнигсберге он узнал об этом чуде света, но в суете трофейных поисков и на фоне всеобщего победного ликования не воспринял информацию о Янтарной комнате как экстраординарную. Мало ли было в истории «комнат», которые исчезли, сгорели в пожаре войн и других катаклизмов. Иваненко подробно рассказывал о том, как он вместе с офицерами комендатуры осматривал развалины кёнигсбергских научно-исследовательских институтов и лабораторий, собирая среди хаоса опустошения то, что осталось от уникальных физических приборов и научного оборудования. Он вспоминал, как, рискуя сорваться вниз, поднимался на второй этаж по едва уцелевшим лестничным пролетам Института экспериментальной физики, чтобы удостовериться в том, что в сожженных кабинетах не сохранилось чего-либо ценного для науки. К сожалению, смерч ожесточенных уличных боев, когда каждый дом превращался в крепость, которую приходилось брать штурмом, уничтожил в здании института все: и ценнейший спектрограф, от которого остались жалкие обгоревшие обломки, и экспериментальную вакуумную камеру, и множество других приборов, превратившихся в бесформенное нагромождение спекшегося от высокой температуры металла и обуглившейся пластмассы.

С Дмитрием Дмитриевичем мы расстались в надежде еще не раз встретиться и поговорить о прошлом. Но сбыться нашим надеждам было не суждено — спустя полтора года после нашей встречи Дмитрий Дмитриевич умер, оставив о себе добрую память и яркий след в науке.

В мае в Кёнигсберг один за другим стали прибывать представители различных учреждений, в задачу которых входил розыск похищенных гитлеровцами культурных ценностей. По линии Комитета по делам искусств Совета Народных Комиссаров РСФСР в разрушенный до основания город прибыли сотрудник Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина майор Я. И. Цырлин и секретарь комиссии майор Н. Ю. Сергиевская.

Из Института истории Академии наук СССР приехали несколько сотрудников во главе с профессором С. Д. Сказкиным, известным ученым-

историком, специализировавшимся по проблемам западноевропейского Средневековья. Воронежский музей изобразительных искусств также направил своих сотрудников для осуществления поисковой работы.

Об их деятельности сохранилось очень мало документальных свидетельств. Поэтому сейчас нелегко судить о том, каковы были реальные результаты работы этих первых исследователей послевоенного Кёнигсберга. Гораздо больше нам повезло с группой, работавшей в городе по линии Комитета по делам культпросветучреждений при Правительстве РСФСР, в которую входил профессор А. Я. Брюсов, оставивший достаточно подробные описания поисков культурных ценностей в те далекие послевоенные годы.

Я не буду подробно рассказывать о работе группы Брюсова, тем более что читатель уже ознакомился с версией Александра Яковлевича о захоронении Янтарной комнаты в бункере на Штайндамм, — речь об этом шла в начальных главах моего повествования. К тому же значительные фрагменты из материалов Брюсова привел писатель Юрий Иванов в своей повести «Кёнигсбергская версия», где со свойственной ему обстоятельностью поведал о трехъярусном бункере, имени Вильденхоф, Королевском замке, докторе Роде... Я же, чтобы не повторяться и не распыляться (пусть читатель простит этот каламбур), попытаюсь продолжить повествование о поисках Янтарной комнаты в конкретном направлении, с привязкой к рассматриваемому объекту — северному крылу Королевского замка. А работа Александра Яковлевича Брюсова в июньские дни 1945 года в Кёнигсберге давала серьезную пищу для размышлений. Причем многие наблюдения, сделанные профессором более шестидесяти лет назад, важны и для сегодняшних исследователей этого крайне запутанного и таинственного дела.

Профессор Брюсов стал заниматься поисками на территории замка (или как он его иногда называл на немецкий лад — в «шлоссе»^[156]) с первого дня своего прибытия в Кёнигсберге. Сначала проводились внешние осмотры отдельных сохранившихся помещений, а затем началась разборка развалин в тех местах, где вероятность обнаружения ценностей казалась наибольшей.

Из дневника А. Я. Брюсова. Май — июль 1945 года

«Со 2 по 15.VI мы с Чернышевым осмотрели в замке все, что могли. Замок разрушен целиком. Сохранилось только несколько зал в северном крыле (старая часть замка), где наверху мы устроили склад извлекаемых вещей, а внутри разместился с 10.VI

караул. В работах по раскопкам принимает участие бывший директор Кёнигсбергского музея Роде и сотрудник этого музея Файерабенд; иногда заходит зав. отделом древностей Фридрих...»

Как видим, в компанию по розыску ценностей включились наши знакомые — доктор Роде и Файерабенд, почему-то представленный Брюсовым как «сотрудник музея».

Эти немцы, конечно же, не по своей инициативе начали помогать нам в поиске. Сразу же после штурма их разыскивали сотрудники городской комендатуры и после обстоятельного опроса привлекли к работам, проводимым в развалинах Королевского замка под руководством гвардии капитана Чернышева. Профессор Брюсов, много общавшийся с Роде и Файерабендом, дает в своем дневнике лаконичные, но меткие характеристики этим людям, чем существенно помогает нам выработать более объективное представление о них. Это очень важно, если учесть, что фигуры крупнейшего ученого-искусствоведа и завсегда винного погребка «Блютгерихт» еще не раз будут предметом нашего пристального внимания на страницах данного повествования.

Из дневника А. Я. Брюсова. Май — июль 1945 года

«...2. Роде — старик на вид, с трясущейся правой рукой. Одет неряшливо (нарочно?). Искусствовед. Имеет ряд научных трудов. Алкоголик. Доверия не внушает.

Мне все сдается, что он знает больше, чем говорит, а когда говорит, то нередко лжет. Если на него не смотреть, но следить издали или исподтишка, то его рука перестает дрожать. Уверяет, что лучшие коллекции были эвакуированы, но он не знает, куда; когда я его спросил, не в Растенбург ли, то он тотчас воскликнул: „Так вы их нашли?..“

3. Файерабенд — пройдоха, враль, но полезный человек. Выдает себя за бывшего члена компартии, но был в замке до момента сдачи, и комендант замка перед сдачей передал якобы ему весь замок. Имел имение, автомобиль и проч. (показывает фотографии), но не мог получить даже среднего образования якобы из-за недостатка средств...»

Из приведенных здесь характеристик следует, что профессор, как тонко чувствующая художественная натура (ведь он был не только ученым-археологом, но и поэтом, — конечно, не таким известным, как его брат —

В. Я. Брюсов, однако весьма талантливым), легко распознал неискренность своих «коллег» по поискам, интуитивно почувствовал, что эти люди знают гораздо больше, чем пытаются показать, и, возможно, сознательно уводят в сторону от цели. Потом Брюсов не раз в своих записях возвращался к этой мысли и уехал из Кёнигсберга, убежденный в том, что Альфред Роде делал все, чтобы «запутать розыски, навести на ложный след», а Файерабенд был совершенно не в курсе дела, ничего не знал о Янтарной комнате и своими выдумками также старался помешать поискам.

Справедливости ради надо сказать, что у Александра Яковлевича Брюсова было вполне достаточно оснований для таких нелицеприятных выводов в отношении указанных лиц. Взять хотя бы самое начало поисков. Еще до приезда Брюсова в Кёнигсберг Альфред Роде уверял капитана Чернышева, что Янтарная комната находится в одной из подвальных комнат южного крыла замка. Поэтому именно отсюда началось пристальное изучение развалин. Правда, «изучение» — это слишком громко сказано для поисковых работ того времени. Пришли солдаты с кирками, ломami и лопатами и на указанном доктором Роде месте среди обгоревших стен и ужасающе нависавших перекрытий приступили к «раскопкам». Конечно же, перед этим пришлось изрядно поработать саперам: к началу работ из-под каменного крошева были извлечены чудом не взорвавшаяся немецкая противопехотная шрапнельная мина «S», искореженный ручной пулемет МГ-34 с расплюснутым магазином и несколько яйцевидных гранат с невывинченными запалами и предохранительными колпачками. Опасности такого рода подстерегали все поколения поисковиков, и теперь даже трудно сказать, сколько людей, молодых и старых, бесшабашных и осторожных, сложило голову от этих притаившихся под камнями и щебнем убийственных сюрпризов.

И мой опыт поисковой работы богат был подобными подарками. Когда-то на берегу Преголи, неподалеку от большого моста, часть которого до сих пор не восстановлена после подрыва в 1945 году, я со своими товарищами наткнулся на целый склад боеприпасов — бомбы, мины, гранаты лежали навалом в кустах среди каких-то емкостей, похожих на большие канистры. Потом, в 1969 году, при обследовании подземелий южного крыла замка, когда взрыв тротиловой шашки разметал кирпичи и осела каменная пыль, я чуть было не наступил на мерзкую немецкую противотанковую мину «Т-35», на ржавой крышке которой поблескивала пробка взрывателя нажимного действия. Саперы, прикрепленные к экспедиции, долго не решались ее тронуть, а потом, осторожно перенеся в укромное место под южной стеной замкового променада, что-то долго

мараковали, прежде чем погрузить мину на БТР и увезти за город в карьер.

В ноябре 1981 года произошел роковой взрыв на замке Бальга, где сотрудники Калининградской экспедиции проводили буровые работы. При этом погиб солдат, оказались ранеными несколько человек — молодой лейтенант, прапорщик, водитель экспедиционного автобуса и фотограф. Как выяснилось в процессе расследования обстоятельств взрыва, причиной его явились какие-то боеприпасы, оказавшиеся в земле рядом с костром, который развели поисковики для обогрева. Замок Нойхаузен, имение Коха, развалины Имперского банка — где только не наталкивались на смертельно опасные находки!

Когда профессор Брюсов, сопровождаемый капитаном Чернышевым, прибыл в Королевский замок, раскопки были в самом разгаре. Тут же присутствовал и доктор Роде, одетый в грязный, покрытый кирпичной пылью костюм. Солдаты, подставляя ломы под каменную глыбу, отколовшуюся, по-видимому, от стены здания, пытались сдвинуть ее в сторону, чтобы продолжить очистку уже наполовину освобожденного от обломков и кирпичей помещения. Повсюду валялись куски искореженного железа, колотого шифера, под ногами хрустели осколки стекла, все сплошь было усеяно истлевшим тряпьем, головешками самых причудливых форм, хлопьями пепла. И над этим опустошением витал тошнотворный запах разложения...

Капитан Чернышев пояснил профессору, что доктор Роде указал на эту часть руин, как на точное место, где находились ящики с упакованной в них Янтарной комнатой. Александр Яковлевич, неплохо владевший немецким, переспросил почтенно слушавшего их разговор Роде — действительно ли здесь хранилась «бернштайнциммер»^[157]. Немецкий ученый закивал головой, повторяя, что лично сам участвовал в размещении ящиков именно в этой комнате. Брюсов, который не только не был специалистом-искусствоведом, но до приезда в Кёнигсберг, как и Иваненко, вообще ничего не слышал о Янтарной комнате, все же заподозрил неладное. Дело в том, что солдаты, расчищая указанное доктором Роде помещение от завалов, освободили от кирпичей и щебня уже большую часть комнаты. До пола оставалось каких-нибудь полметра — метр, и предположить, что все это пространство заставлено ящиками, было невозможно. К тому же по рассказам профессор Брюсов уже знал, что ящики, в которые упаковывалась Янтарная комната, были различных размеров, в том числе очень большими, достигающими трех метров длины. Как ни ряди, но под оставшимися обломками они поместиться никак не могли.

Александр Яковлевич поделился этим соображением с капитаном, а

затем без обиняков сообщил свои подозрения доктору Роде. Тот, резко повернувшись, пролепетал что-то нечленораздельное и вдруг засуетился, стал оживленно и очень быстро говорить, размахивая руками, о том, что ужасные дни штурма города, которые они с женой и дочерью пережили в полузасыпанном подвале, отшибли ему всю память. Что русские офицеры не должны сердиться на его забывчивость и он готов показать другое (опять совершенно точное) место укрытия Янтарной комнаты.

Невероятно! Выдающийся знаток янтаря, ученый, прошедший более двадцати лет своей жизни в стенах Королевского замка, человек, неотступно «опекавший» Янтарный кабинет в кёнигсбергский период его существования, вдруг «забыл», где было спрятано самое ценное его сокровище! Пробиваясь через завалы, доктор Роде увлек за собой профессора Брюсова и капитана Чернышева. К ним присоединился неожиданно появившийся среди развалин Пауль Файерабенд. Он сразу же согласился с немецким ученым, что ящики с Янтарной комнатой перед самым штурмом города были перенесены в другое место, которое он с готовностью покажет. Это, естественно, вызвало недоумение капитана Чернышева, который вот уже несколько дней занимался безуспешными раскопками в южном крыле замка, основываясь на показаниях того же Файерабенда.

Северное крыло замка, самая древняя его часть, представляла собой обгоревший остов когда-то величественного сооружения с провалами стрельчатых окон, грудами кирпича и щебня, нагромождением обломков. После многодневных обстрелов и бомбардировок, после уже упоминавшегося разрушительного взрыва в районе башни фогта Лиделау, от когда-то поражающих воображение рыцарских залов и курфюршеских покоев остались жалкие развалины. Наши солдаты, да и время от времени забредающие сюда жители города нередко находили среди мусора и пепла бутылки с вином, остатки некогда великолепных сервизов, какие-то диковинные штучки вроде бронзовых подсвечников или медных блях с затейливыми гербами и готической вязью надписей. Сюда, под рухнувшие своды одного из обширных помещений, и привел профессора Брюсова и капитана Чернышева человек, считавшийся одним из лучших знатоков Королевского замка.

«Здесь, в этом зале, стояли ящики с упакованной Янтарной комнатой, а также коллекцией мебели Кайзерлинга», — сообщил доктор Роде, указывая на кучи пепла и нагромождение головешек, покрывавших пол помещения. Сводчатый потолок и стены были в трещинах. Несмотря на мрачную обстановку, в рыцарском зале, имевшем три больших окна со стороны

двора, было достаточно светло. Ни Брюсов, ни Чернышев тогда, конечно, не знали, что Роде привел их в гостиную так называемых «Маршальских покоев», бывших в Средневековье местом проживания великих магистров Тевтонского ордена, а затем небезызвестного Альбрехта Бранденбургского — последнего рыцарского гроссмейстера и первого герцога Пруссии. Это был зал, площадь которого достигала не менее ста двадцати квадратных метров, с высокими сводами, большими стрельчатыми окнами — приметами ранней готики, несколькими проемами-арками, ведущими в соседние помещения. В восточной стене просматривалась полутемная ниша непонятного назначения. Штукатурка обвалилась во многих местах, обнажив старинную кладку, и только фигурные кирпичи гуртов ^[158] сохраняли свое почти первозданное великолепие.

Итак, это старейшее помещение замка стало, согласно новым свидетельствам Роде и Файерабенда, последним прибежищем Янтарной комнаты.

Из дневника А. Я. Брюсова. Май — июль 1945 года

«.. Осмотр большой залы показал, что, к сожалению, и Янтарная комната, и мебель Кайзерлинга сгорели. Были найдены навески от царскосельских дверей (медные), обгорелая резная лепка Янтарной комнаты, железные пластинки с винтами, которыми части комнаты были прикреплены к стенкам ящиков, кусок ящика с прикрепленными к нему ключами от мебели Кайзерлинга...»

Воспользовавшись пребыванием в Кёнигсберге сотрудника Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина Цырлина, занимавшегося розысками культурных ценностей по поручению Комитета по делам искусств СНК РСФСР, ранее работавшего в Царскосельском музее и неоднократно видевшего Янтарную комнату, Александр Яковлевич привлек его к осмотру «Маршальских покоев». Почувствовав драматизм ситуации, к работе по отысканию следов Янтарной комнаты подключились прибывшие с профессором Брюсовым майор Пожарский и майор Беляева. Они буквально перевернули пепел и обугленные остатки дерева в орденом зале. Доктор Роде безучастно следил за этой суетой, не проявляя заметного интереса к находкам. Время от времени он как бы разговаривал сам с собой, повторяя: «Фербраннт, фербраннт ^[159]...»

Записка А. Я. Брюсова

«О судьбе Янтарной комнаты». 1961 год

«...Ближе к выходу во двор мы нашли металлические части от мебели Кайзерлинга и остатки обгорелых досок от ящиков, в которые эта мебель была упакована. А в глубине зала у окон, выходящих на площадь, в пепле оказались медные навески и обгорелые позолоченные гипсовые украшения, которые Цырлин признал за части от Янтарной комнаты. Так как никто из присутствовавших, кроме Цырлина, не видел в своей жизни Янтарной комнаты, то мы не имели никаких оснований подвергать это утверждение сомнению, тем более что это соответствовало показаниям А. Роде, что ящики с мебелью Кайзерлинга стояли в той части зала, которая выходила во двор, а Янтарная комната помещалась в глубине зала...»

Проведя беглую экспертизу обнаруженных остатков, все участники обследования гостиной Маршальских покоев пришли к единодушному выводу: Янтарная комната погибла. Для юридического закрепления этого вывода был составлен документ, который еще шестьдесят с лишним лет назад должен был положить конец надеждам найти это выдающееся творение человечества.

Акт о гибели Янтарной комнаты. 12 июня 1945 года

«Акт № 1

Гор. Кёнигсберг, 12/VI. 1945 г.

Составлен настоящий акт бригадой Комитета по делам культпросветучреждений майором Беляевой, подполковником Брюсовым и майором Пожарским, бригадой Комитета по делам искусства, майором Цырлиным и майором Сергиевской, и представителем политуправления фронта гвардии капитаном Чернышевым в том, что при обследовании старого замка в целях отыскания „янтарной комнаты“, вывезенной немцами из гор. Пушкина Ленинградской обл., было установлено, что:

1. Янтарная комната находилась в старом замке в упакованном виде и стояла вместе с мебелью Кайзерлинга в северном крыле здания во втором этаже...

2. В указанном помещении при обследовании были обнаружены следы пожара в виде большого количества пепла и кусков обгорелых досок, бронзовые панели дверей и небольшое

количество обгорелого левкола^[160] от резных украшений (частью сохранившего форму) янтарной комнаты. Кроме того, тут же лежала масса железных пластинок с винтами, которыми, по словам Роде, были прикреплены части янтарной комнаты к стенам упаковочных ящиков.

Вывод: по всем вероятностям янтарная комната сгорела в старом замке Кёнигсберга во время пожара...»

После того как был составлен указанный акт, удостоверяющий гибель Янтарной комнаты, Брюсов и его коллеги сочли целесообразным сконцентрировать свое внимание на поисках музейных экспонатов, сохранившихся под обломками в других помещениях замка. Вместе с солдатами, приданными комендатурой, они обшаривали все уцелевшие комнаты, подвалы, галереи, с риском для жизни забирались на грозившие рухнуть перекрытия второго и третьего этажей, спускались в глубокие подземные склепы. Конечно, группа Брюсова смогла обследовать лишь те помещения, которые были относительно доступны. Там же, где завалы преграждали путь и требовались большие работы по разминированию и расчистке руин, делать было нечего: у Брюсова не было ни достаточной рабочей силы, ни требуемых технических средств. Так что найденные в эти летние дни 1945 года ценные предметы представляли собой не столько плод интенсивных и скрупулезных поисков, сколько результат поверхностного осмотра сохранившихся помещений и сбора того, что фактически лежало на поверхности. Но при этих условиях перечень найденного составил более тысячи позиций, что свидетельствовало о чрезвычайной плодотворности поисковых работ, организованных профессором Брюсовым и представителями Комитета по делам искусства.

С присущим первым поисковикам чувством ответственности, каждая найденная в развалинах замка вещь фиксировалась в специальной описи, что позволяет нам сейчас реально оценить результаты их работы. В архивных фондах сохранился этот любопытный документ, исполненный фиолетовыми чернилами на бланках расшитой приходной книги Прусского музея.

**Из «Описи вещей, найденных при раскопках
в Королевском замке в гор. Кёнигсберге
в июне — июле 1945 года»**

«1. Картина (на дереве) Циганелли. Богоматерь на троне, нач.
XVI в.

2. (на холсте). Колесников. Пейзаж, 1912 г.
3. Демьянов. Сад, 1910 г.
4. Филиппов. Пейзаж, 1902 г.
5. Неизв. худ. Марина.
6. Гагарин. Старуха, 1882 г.
7. Виллевальде. Горный пейзаж, 1871 г.
8. Русск. худ. серед. XIX в. Сцена в окрестностях Рима.
9. Неизв. худ. Вечер в Милане.
10. Неизв. русск. худ. Монастырь.
11. Люлен Лантье. Слепая турчанка с мальчиком.
12. Неизв. худ. Жанровая сцена.
13. XVII в. Вакханалия.
14. XIX в. Натюрморт...»

Помимо десятков картин в развалинах замка были найдены многочисленные предметы из стекла и бронзы, фарфора и цветного камня, ювелирные изделия и старинные монеты. Многие из них были разбиты, раздавлены, обожжены. Работавшие в замке осторожно очищали находки от грязи и копоти, складывали их сначала на куски брезента, расстеленные в комнатах, а потом тщательно упаковывали в деревянные ящики, в которых лиможские эмали XVI–XVII веков соседствовали с серебряными и фарфоровыми сосудами, древности бронзового века — с коврами мазурской работы и мундирами 1813 года, карандашные рисунки и акварели — с неолитической керамикой, китайские боксерские шлемы — с коллекцией фарфоровых слепков гитлеровских медалей. Среди развалин было найдено две небольших скульптуры: мраморный торс юноши со щитом и фигурка женщины, работа итальянского художника Вильде, — подарок фашистского диктатора Муссолини кёнигсбергскому замковому музею. Попадались предметы, явно похищенные гитлеровцами из советских музеев. Например, в одном из подвальных помещений среди хлама и мусора, под грудой разбитых ящиков, в луже солярки, вытекшей из опрокинутой металлической бочки, был обнаружен то ли разломанный шкафчик, то ли стол начала XIX века с бронзовым литьем и перламутровой инкрустацией, имеющий инвентарный номер Гатчинского дворца-музея. В другом месте из-под обломков была извлечена большая фарфоровая ваза с изображением сцены «урока музыки» и фирменным знаком Российского Императорского фарфорового завода, вывезенная фашистами из Киева. Под лестницей, ведущей на второй этаж, варварски смятые и завернутые в мешковину, лежали три живописных полотна из Днепропетровского

художественного музея...

Из записки А. Я. Брюсова

«О судьбе Янтарной комнаты». 1961 год

«...После составления акта о гибели Янтарной комнаты мы, естественно, перестали думать о ее поисках и сосредоточили свое внимание на извлечении из-под обвалов других памятников древности и искусства...

При этих розысках вполне определенно выяснилось, что накануне падения Кёнигсберга в музей спешно готовились к эвакуации музейных коллекций и что многое уже было вывезено... в другое место. Кое-где под обвалами обрушившихся стен и перекрытий рядом с разбросанными музейными вещами оказывались пустые ящики, корзины, упаковочный материал в виде бумаги, ваты и т. д.»

Удовлетворившись «экспертной оценкой» Цырлина, профессор Брюсов совершил очень серьезную ошибку: он без наличия должных оснований поверил в то, что Янтарная комната сгорела, и прекратил всяческие ее поиски. Теперь, в суете выискивания среди развалин и обломков еще сохранившихся культурных ценностей, никто уже не думал о ней, считая этот шедевр окончательно потерянным для человечества. Уверовав в это обстоятельство, подтверждаемое демонстративно сокрушавшимся доктором Роде, Брюсов и его коллеги уже не обращали никакого внимания на возможные признаки умышленного сокрытия сведений о местонахождении Янтарной комнаты. Более того, они не сочли нужным внимательно осмотреть помещения, прилегающие к орденовому залу, на предмет наличия каких-либо замуровок или других признаков тайников. Возможно, тогда было не до скрупулезного анализа, и сил профессора Брюсова едва хватало на то, чтобы вести самые поверхностные, но тем не менее довольно результативные работы. К тому же их уверенность в том, что Янтарная комната погибла, вдруг получила дополнительное подтверждение.

В самый разгар работ в северном крыле замка неожиданно появился моложавый полковник с целым иконостасом боевых наград на груди. Без особого любопытства осмотрев сложенные на брезенте находки, он рассказал Брюсову и Чернышеву о том, что принимал участие в штурме Королевского замка и в числе первых ворвался в его помещения. Вспоминая детали недавних событий, полковник упомянул, что именно в

этом громадном зале видел большие ящики, часть которых была безжалостно разломана. Судя по всему (так показалось полковнику), в них была какая-то старинная мебель. Что стало с ящиками потом, ему неизвестно, — скорее всего, они сгорели от возникшего вскоре пожара.

Кстати сказать, версия о гибели Янтарной комнаты от пожара, возникшего в северном крыле Королевского замка уже после 10 апреля, неоднократно муссировалась на Западе. Достаточно обратиться к воспоминаниям того же инженера Ганса Гербаха, опубликованным в газете «Остпрройссенблатт», где он вину за гибель Янтарной комнаты и других произведений искусства возлагает исключительно на «опьяненных победой русских», которые якобы «взрывали подряд все уцелевшие части зданий» в поверженном Кёнигсберге. Конечно, мы не будем идеализировать ситуацию апреля 1945 года. У большинства наших воинов, прошедших с боями по опустошенной, разграбленной земле России, Белоруссии, Украины и Прибалтики, не было никаких оснований с благоговением относиться к достопримечательностям первых немецких городов, которые приходилось брать в ожесточенных и кровавых боях. И думается, тем более нельзя теперь судить их слишком строго за ненависть, выплескивавшуюся ко всему немецкому, даже если это были незаурядные творения архитекторов, скульпторов, художников. Такова жестокая логика войны. Обесценивая человеческую жизнь, она одновременно заставляет пренебрегать духовным наследием человечества, сеет варварство и разрушение.

Но в данном случае все было гораздо сложнее. И хотя тогда, в сорок пятом, Александр Яковлевич Брюсов, недолго думая, записал в своем дневнике, что «Янтарная комната погибла, по-видимому, от пожара, устроенного нашими солдатами», на проверку вышло все по-другому. Спустя много лет он признался, что решение прекратить поиски было скоропалительным, безосновательным, продиктованным сиюминутными соображениями. Постоянные причитания Роде и намеки Файерабенда сделали свое дело: они как будто преднамеренно и целенаправленно стремились уверить профессора в бесперспективности розыска «бернштайнциммер».

Уже потом, ретроспективно оценивая поведение доктора Роде в ходе поисков, профессор Брюсов разгадал тактику немецкого ученого и искренне сожалел о том, что в свое время не понял мотивов его поведения. В результате был упущен самый важный фактор в розыске ценностей — фактор времени. Ведь то, что можно было сделать летом 1945 года, через несколько месяцев представлялось уже гораздо более сложным или вовсе

безнадежным делом, а с каждым годом шансы на успех уменьшались катастрофически. Сейчас мы можем уповать лишь на педантичный анализ подробностей всех предшествующих поисков и вновь открывшиеся обстоятельства.

**Из справки А. Я. Брюсова
«Янтарная комната». 1961 год**

«...Действительно ли Янтарная комната находилась в Кёнигсберге до самого конца, до падения этого города? А. Роде, как бывший директор музея, должен был, конечно, прекрасно знать об этом. Но добиться от него ясного ответа было невозможно. Сколько я с ним ни говорил на эту тему, я все больше и больше убеждался, что этот заядлый фашист, отнюдь не скрывавший этого, всячески старается запутать все дело.

Надо сказать, что Роде, как и все немецкое население города... горячо надеялся, почти был уверен, что скоро произойдет разрыв между США и СССР, что США начнут войну с СССР и тогда все вернется к прежнему, надо только выждать. Слухи об этом ходили по всему городу. Поэтому тактикой Роде... было тянуть все дело и тянуть до ожидаемой ими несбыточной мечты. Роде готов был, сказав одно, через час уже утверждать противоположное, плести всякие небылицы, стараясь направить нас по неверному пути...»

Но запоздалые прозрения, к сожалению, не могли восстановить прерванную нить поисков, и спустя некоторое время их пришлось начинать практически заново, тем более что главного и наиболее вероятного участника тайного захоронения Янтарной комнаты уже не было в живых. Доктор Альфред Роде умер в декабре 1945 года в тифозном бараке бывшего гарнизонного лазарета на улице Йоркштрассе^[161]. Учитывая, что трагическому концу немецкого ученого неоднократно уделялось внимание в целом ряде публицистических работ, я решил не поддаваться искушению и не высказывать свою версию преждевременной кончины Альфреда Роде, ограничившись лишь констатацией самого этого печального факта.

Справка с выводами группы профессора Брюсова вместе с прилагаемым актом о гибели Янтарной комнаты была передана руководству Комитета по делам искусств и культурно-просветительских учреждений, после чего вопрос о дальнейших розысках Янтарной комнаты, казалось, отпал сам собой.

Возможно, на этом еще в 1945 году была бы и поставлена точка. И не ломали бы голову несколько поколений над разгадками тайны исчезновения Янтарной комнаты, не возникали бы все новые и новые версии о местах ее захоронения. Всего этого могло и не быть, если бы итоги работы профессора Брюсова в Кёнигсберге не стали известны Анатолию Михайловичу Кучумову.

Из статьи А. Казакова «Красота возрождает человека».

Газета «Литературная Россия». 11 ноября 1989 года

«Искусствовед Анатолий Михайлович Кучумов начинал свой путь музейного работника в начале тридцатых годов, когда его, рабочего-комсомольца, участника „рабочего кружка“ Эрмитажа, рекомендовали в экспозиционный отдел знаменитого Павловского дворца-музея.

Когда началась Великая Отечественная война, он работал хранителем Александровского дворца в городе Пушкине (бывшее Царское Село). С первых же дней войны двадцатидевятилетнему Анатолию Кучумову было доверено ответственное государственное дело — эвакуация художественных ценностей из всех пригородных дворцов Ленинграда...

В 1944 году Кучумов был вызван из Новосибирска в Ленинград и отправлен на Западный фронт с поручением вести розыски похищенного фашистами имущества дворцов-музеев. За три года Кучумов сумел отыскать и вернуть на Родину сотни тысяч всевозможных экспонатов, вывезенных врагами из ленинградских пригородов (Гатчина, Пушкин, Павловск, Петергоф), Киева, Минска, Керчи, Новгорода, Пскова...»

Именно этому человеку совершенно случайно в начале 1946 года стало известно содержание разговора двух приехавших в Пушкин из столицы работников московских музеев, будто профессор Брюсов, работая в Кёнигсберге, доподлинно установил, что Янтарная комната полностью сгорела, и теперь можно только сожалеть об утрате этого гениального творения великих мастеров. У Анатолия Михайловича Кучумова, имевшего самое непосредственное отношение к поискам похищенных ценностей, не было оснований сомневаться в обоснованности столь плачевного вывода Брюсова. Но он все-таки решил на месте перепроверить результаты предшествовавших поисков и обратился в связи с этим в Комитет по делам культпросветучреждений.

В здании на Софийской набережной к намерению Анатолия Михайловича отнеслись благожелательно. Но после обсуждения проблемы решили, что одному ему ехать в Кёнигсберг не стоит. Обстановка там оставалась тревожной, и лучше всего было бы подыскать себе напарника. Им стал после недолгих уговоров заведующий сектором музеев отдела культуры Ленгорсовета большой знаток искусства Станислав Валерианович Трончинский. Перед поездкой в Кёнигсберг у них состоялась встреча с профессором Брюсовым, который проживал в Москве. Тот буквально огорошил Кучумова, сообщив подробности «поисков» Янтарной комнаты в развалинах Королевского замка. «Незачем вам туда ехать. Кроме ломаной мебели в этих развалинах ничего нет. То, что нам удалось найти, хранится временно в здании бывшего Государственного архива...» — так отговаривал Кучумова и Трончинского от поездки Брюсов.

Но намерения у Анатолия Михайловича были самые серьезные, и 4 марта 1946 года он вместе с Трончинским выехал в Кёнигсберг. Время, проведенное в дороге, показалась вечностью. До Луги доехали еще довольно быстро, а потом поезд подолгу останавливался на полустанках, пропуская литерные составы. За окном мелькали опустошенные земли Псковщины, полуразрушенные городки Латвии, разоренные хутора Литвы... Только через трое суток поезд подошел к бывшей германской границе, пересек ее, и за окном стали проплывать аккуратные кирпичные фольварки^[162] с пробитыми черепичными крышами, остовы сгоревших станционных построек, обсаженные деревьями дороги, голые, заснеженные поля с черными проплешинами оттаявшей земли. Шталлупёнен, Гумбинен, Инстербург, Норкиттен, Велау, Тапиау, Леванхаген, Гутенфельд^[163]... — мелькали освещенные одинокими фонарями таблички с непривычными немецкими названиями городов, еще не получивших свои новые имена. Больше часа поезд простоял на каком-то совершенно голом полустанке, где в темноте угадывались очертания сараев и разрушенных домов. Знающие люди говорили, что Кёнигсберг совсем рядом, а поезд все никак не мог доехать до места назначения.

Около двух часов ночи еле передвигающийся состав резко затормозил, вагоны сильно дернулись, и поезд стал. За окном послышалась суэта, голоса людей, хлопанье дверей в громадном бараке, на стене которого в отсвете раскачивавшегося фонаря легко можно было прочитать надпись, нарисованную, по-видимому, масляной краской, — «КЁНИГСБЕРГ». Приехали!

Оказывается, вокзал, сильно разрушенный во время апрельских боев,

до сих пор не был восстановлен, и пассажиров высаживали, не доезжая до него несколько километров. Станислав Валерианович спросил у железнодорожника, как добраться до центра города. Тот посоветовал идти вслед за другими вновь прибывшими прямо по путям в сторону вокзала. Дорога по шоссе была немного длиннее, но вела через пригород и вливалась в одну из главных улиц Кёнигсберга.

В августе 1990 года мы всей семьей гостили несколько дней у родственников в Ленинграде. Эрмитаж, Исаакий, Морской музей, Петропавловка, Петродворец — калейдоскоп впечатлений и удивительных встреч с прекрасным. Мои дети, десятилетняя дочь Нина и шестилетний Сережа, открывали для себя город Петра, восхищаясь старинными памятниками и разводными мостами, фонтанами и каналами. Смертельно усталые после прогулок по городу и посещения музеев, мы возвращались в квартиру наших родственников на Ленинском проспекте, где за чашкой вечернего чая рассказывали дорогим ленинградцам о полученных за день впечатлениях.

Конечно же, из пяти дней, проведенных в Ленинграде, один был запланирован для посещения города Пушкина, где в доме ветеранов архитектуры проживал со своей женой Анатолий Михайлович Кучумов, тяжелобольной, частично парализованный после случившегося несколько лет назад инсульта. С Кучумовым мы постоянно перезванивались по телефону, я неоднократно бывал у него в Павловске, где он проживал не один десяток лет. Навестить Анатолия Михайловича, вспомнить с ним о том времени, когда мы вместе работали в Калининградской экспедиции, совместно обсудить некоторые детали готовящейся к изданию рукописи — все это я намеревался сделать, посетив город Пушкин.

Несмотря на то что Анатолий Михайлович чувствовал себя неважно, встреча все-таки удалась на славу: мы поговорили о многом из того, что интересовало нас обоих, — о Янтарной комнате, о возможностях, которые не были реализованы во время работы экспедиции, о путях продолжения поисков утраченных сокровищ.

По моей просьбе Анатолий Михайлович под диктофон рассказал о событиях 1946 года, когда он впервые побывал в Кёнигсберге и принял участие в розыске Янтарной комнаты. Именно таким образом появились «диктофонные записи», которые я воспроизвожу в этой повести.

Из воспоминаний А. М. Кучумова.

Диктофонная запись. Август 1990 года

«...Трончинский сказал, что идти в темноте по путям он не

хочет. Пойдем лучше по мостовой. Мы пошли. А было раннее утро, очень холодно, мы совершенно продрогли...

...Навстречу нам попалась колонна немцев — жителей города. Все — с противогазными сумками, идут на расчистку вокзала и подъездных путей...

Шли очень долго, буквально выбились из сил. Трончинский даже в сердцах бросил свой чемодан в придорожную канаву... „На кой он мне, черт!“ — говорит. Делать нечего. Я спустился вниз, чемодан Трончинского достал и крепко-накрепко привязал его брючным ремнем к своему чемодану. Так мы и дотащились до городской комендатуры, которая располагалась в большом сером здании на Хаммервег^[164]...»

Несмотря на то что было раннее утро, комендант — молодой боевой генерал, недавно оказавшийся в роли «хозяина города», — был на месте. Он приветливо встретил прибывших, напоил их чаем, даже рассказал о том, что в этом самом кабинете весной 1945 года допрашивали командующего немецкой группировкой в Кёнигсберге генерала Ляша. Комендант распорядился через своего адъютанта о предоставлении гостям комнаты в офицерской гостинице на улице Гарденбергштрассе^[165], совсем недалеко от комендатуры.

В сопровождении капитана-артиллериста, которому генерал поручил опекать «представителей искусства», Кучумов с Трончинским быстро добрались до гостиницы. Этот район города казался не столь разрушенным. Здесь в Амалиенау^[166] было много больших домов, роскошных вилл, сохранились даже вывески магазинов и афишные тумбы. Волна переименований только еще поднималась, так что кое-где можно было увидеть курьезные названия типа «Пищепромовская улица», что тут же обратно переводилось на немецкий как «Продуктенштрассе».

Первый день прошел в хлопотах, связанных с размещением, оформлением необходимых документов в разных учреждениях города. А на следующее утро Анатолий Михайлович и Станислав Валерианович в сопровождении офицера из комендатуры отправились в замок. Путь их лежал через центр города, представлявший собой сплошные развалины.

Из воспоминаний А. М. Кучумова.

Диктофонная запись. Август 1990 года

«...Мы шли к замку. Был очень сильный ветер, особенно почему-то на Штайндамме. С изуродованных крыш домов летела

черепица и поэтому нам приходилось идти по середине улицы. А там — машины, одна за другой. Вот так, шарахаясь, и шли...

Штайндаммская кирха была полуразрушена, колокольня отсутствовала... На тротуаре лежал громадный слегка покореженный циферблат башенных часов с золочеными цифрами... Около кирхи — какой-то бетонированный водоем и памятник из серого камня: солдат, обнимающий плачущую женщину...»

Скелеты зданий на бывшей Кантштрассе^[167] сохраняли призрачное величие своих фасадов, как будто это были декорации гигантского театра абсурда. Живописные развалины почтамта, покрытые копотью готические формы Альтштадтской кирхи, руины Росгартенской кирхи, классическая архитектура двух некогда величественных зданий на Мюнцплатц. И над всем этим возвышалась громада Королевского замка.

Конечно, первое, что намеревались осмотреть Кучумов и Трончинский — это Большой орденский зал, где в 1945 году Брюсов обнаружил остатки сгоревшей Янтарной комнаты. Обогнув нагромождение развалин, они прошли вдоль северной части замка по улице, еще не очищенной от громадных куч щебня и перегороженной в самом начале высокой баррикадой. Поваленные и искореженные фонарные столбы, сгоревший остов трамвая с чудом сохранившейся на боку рекламой яблочного сока, ржавая афишная тумба с раскисшими обрывками каких-то объявлений... За углом, там, где высилась семиугольная башня Хабертурм, открылась площадь, с одной стороны которой находилось здание Имперского банка, сильно пострадавшее во время штурма, а с другой — восточное крыло Королевского замка со старинными въездными воротами посередине. Анатолий Михайлович разглядел прямо над аркой дату постройки, изображенную римскими цифрами — MDXXXII^[168], и лаконичную надпись по-латыни: «Turns fortissima nomen domini», что Станислав Валерианович перевел как «Имя Господа — сильнейшее оружие».

Двор был пустынен. Все сооружения замка по его периметру казались вымершими. Черные глазницы окон и арок, проломов и пробоин в сочетании с кое-где сохранившимися сугробами снега производили жуткое впечатление. И только стоявший около одного из подъездов «студебеккер» свидетельствовал о том, что среди зловещих развалин присутствует жизнь и какое-то движение: по-видимому, хозяйственники одной из воинских частей собирали среди хлама остатки того, что могло еще послужить, — посуду, столовые приборы, бутылки из толстого зеленого стекла... Как

потом оказалось, замок не был столь уж необитаемым: одну из уцелевших комнат облюбовало себе подразделение дорожно-эксплуатационного батальона.

Поднявшись по ступенькам портала, некогда украшавшего северное крыло замка с внутренней стороны, Кучумов с Трончинским попали прямо на тот этаж, где находились основные орденские помещения — так называемые покои Великого магистра, Маршальские покои и ремтер, капелла Святой Анны и Фирмария^[169]. В залах с огромными стрельчатыми окнами был собачий холод. Ветер продувал насквозь, а пол, усеянный обломками и мусором, был покрыт, особенно в углах каменных стен, толстым слоем слежавшегося грязного снега. Стены и сводчатый потолок были в крупных трещинах и черной копоти. Под ногами хрустело стекло.

**Из книги А. М. Кучумова и М. Г. Воронова
«Янтарная комната». Москва, 1989 год**

«...При тщательном просмотре всего слоя гари и мусора на каменном полу Большого Орденского зала, где якобы сгорела Янтарная комната, были обнаружены кусочки золоченого левкаса^[170], большое количество мебельных пружин и железных оковок старых немецких шкафов, из чего можно было сделать вывод о том, что в этом зале находилась и сгорела мебель Кайзерлинга^[171].

Около входа в зал с наружной лестницы в слое гари были найдены три совершенно перегоревшие, обесцветившиеся мозаичные картины. По профилю бронзовых рам и чеканным виньеткам, украшенным камнями на углах, удалось установить, что это были флорентийские мозаики работы XVIII века из Янтарного зала...»

Многие годы спустя, вспоминая подробности того дня, Анатолий Михайлович рассказал мне, как бегло осмотрев зал, обратил внимание на слежавшуюся кучу золы справа от входной двери. Среди золы и пепла были отчетливо видны обуглившиеся доски, составлявшие, по-видимому, когда-то упаковочный ящик. Он стал осторожно очищать это место от грязи и увидел такое, от чего у него потемнело в глазах. Под трухой сгоревшей древесины лежало хрупкое панно флорентийской мозаики — элемента убранства Янтарной комнаты. Как известно, эти изящные инкрустации из цветных камней украшали ее центральные панели и представляли собой аллегорические картины, символизирующие пять чувств человека — вкус,

зрение, слух, осязание и обоняние. И вот сейчас творение художников Флоренции, некогда сверкавшее яркими красками, лежало в грудe мусора, обесцвеченное, деформированное, потускневшее. И хотя в потрескавшемся изображении на панно можно было узнать один из сюжетов, стало ясно, что это фактически только жалкий след прежнего великолепия. Едва Анатолий Михайлович попробовал приподнять панно, оно рассыпалось на мелкие кусочки, а шифер, служивший основой для мозаики, образовал кучки пепла, который сразу же стал разноситься сквозняком по всему залу. Под первым панно лежало второе, точно в таком же состоянии, затем третье, уже почти полурассыпавшееся. Чудесные флорентийские мозаики, исполненные по эскизам итальянского художника Джузеппе Дзокки в середине XVIII века, исчезли навсегда.

Разгребая золу, Анатолий Михайлович нашел несколько кусков бронзовых рамок, служивших оправой для мозаики. Все было каким-то скрюченным, обожженным, оплавленным. Чудом сохранились чеканные латунные виньетки с растительным орнаментом, располагавшиеся в углах рам. Но и они были покрыты копотью и совершенно потеряли свой прежний вид. Бережно завернув их вместе с россыпью потускневших осколков мозаики в кусок материи, Анатолий Михайлович положил находки в вещмешок. Похоже, что они были единственным материальным свидетельством гибели Янтарной комнаты. Кстати говоря, и эти находки ожидала печальная судьба.

Из воспоминаний А. М. Кучумова.

Диктофонная запись. Август 1990 года

«...Когда мы вернулись в Ленинград, Трончинский попросил меня привезти ему найденные в Кёнигсберге остатки флорентийских мозаик Янтарной комнаты для того, чтобы показать их своему начальству. Я привез ему жалкие остатки в небольшой картонной коробочке...

Спустя некоторое время Трончинский ушел в отпуск, оставив обгоревшие куски мозаичных панно в книжном шкафу. По-видимому, в его отсутствие уборщица, наводившая порядок в рабочем кабинете, посчитала кучку серых камешков и закопченных металлических предметов никому не нужным мусором и из благих побуждений, естественно, выбросила находки...»

Казалось бы, находки в гостиной «Маршальских покоев» должны

были убедить Кучумова в справедливости вывода Брюсова о гибели Янтарной комнаты. Превратившиеся в прах панно из цветных яшм — какие еще нужны доказательства того, что Янтарная комната сгорела в этом мрачном замковом помещении?

Вместе с тем, оказывается, то, что обнаружили Кучумов и Трончинский в марте 1946 года в северном крыле Королевского замка, ни в коей мере не подтверждает предположение о гибели Янтарной комнаты. К такому выводу они пришли еще тогда, внимательно осматривая рыцарские залы и подвалы «Блютгерихта». В своей книге о Янтарной комнате, написанной совместно с известным ленинградским искусствоведом Михаилом Григорьевичем Вороновым, Анатолий Михайлович приводит веские аргументы, которые убедительно доказывают, что находка мозаик в орденском зале вовсе не означала, что можно ставить точку на поисках похищенного сокровища.

Специалистам было совершенно ясно, что в этом зале сгорели только мозаики, по-видимому, упакованные и хранившиеся отдельно от демонтированной Янтарной комнаты. Нигде в кучах золы и мусора не попадались целые или расплавленные кусочки зеркальных стекол. Но ведь не могли же бесследно исчезнуть двадцать четыре зеркальных пилястры, обрамленные золоченой резьбой! Кроме того, на каждой пилястре имелось по одному бронзовому чеканному бра. Каков бы пожар ни был, испариться же они не могли!

Из записки А. М. Кучумова

«К вопросу о судьбе Янтарной комнаты Екатерининского дворца». 1950 год

«...Если допустить, что указанные зеркальные пилястры, деревянная резьба и бронзовые бра находились в другом месте замка, не будучи упакованными с Янтарной комнатой, наличие и гибель янтарных панелей в данном помещении отвергает другое обстоятельство.

В четырех больших янтарных панно боковых стен комнаты были вмонтированы четыре небольшие фигурные зеркала фацетного стекла, которое невозможно было изъять из панно, не разрушив художественно исполненные янтарные рамы-картуши^[172]. В гари даже малейших кусков стекла, какого бы ни было, не обнаружено.

Приведенные выше обстоятельства заставляют с полным основанием отвергнуть сообщение Роде, доверчиво принятое за

истину профессором Брюсовым, о гибели Янтарной комнаты в огне пожара в орденском зале замка...»

Если в гостиной «Маршальских покоев» остатков Янтарной комнаты обнаружить не удалось, то надо было искать в других местах. Поэтому Кучумов и Трончинский стали внимательно обследовать прилегающие помещения. В первую очередь их внимание привлек уже упоминавшийся «Маршальский ремтер», куда из гостиной вела стрельчатая готическая дверь-арка со сложным резным архивольтом^[173].

Это было одно из самых загадочных помещений Королевского замка, служившее когда-то главным залом военных предводителей Тевтонского ордена — орденских маршалов или великих магистров — и располагавшееся над помещениями «Блютгерихта». В XX веке в нем, как и в других залах северного крыла, размещались экспозиции Прусского музея.

**Из книги Альфреда Роде
«Замок в Кёнигсберге и его коллекции».
Берлин, 1937 год**

«...Большой ремтер Великого магистра, XV век. Вместе с примыкающим с запада помещением № 17 (Архив) первоначально представлял собой большой зал со сводами, включающий часть стены старой оборонительной башни... Витрина в центре зала: немецкие рукописи (кёнигсбергские миниатюры в рукописях Фомы Аквинского из управления Верховного маршала, мариенбургские миниатюры в рукописях Генриха фон Хеслера)... Картины: Мария и дитя из Ауловенена, округ Инстербург, XV век... Сидящая Мария и дитя из Шмодиттена, округ Прейссиш-Эйлау, XVI век...»

«Маршальский ремтер» был интересен тем, что имел в толще одной из стен узкую потайную лестницу, которая вела в «Камеру пыток» и Капеллу Святой Анны. Вход в нее был через незаметную дверь-нишу, рядом с которой, как и в Капелле Святой Анны, имелось маленькое стрельчатое слуховое окошко. История сооружения замка сложилась так, что этажи его более древней части, куда входила башня фогта Лиделау, оказались гораздо выше позднее пристроенных орденских залов. Поэтому вход из «Маршальского ремтера» располагался на высоте пяти метров от пола и, естественно, не использовался. В смежное же с ним помещение капеллы можно было попасть двумя путями — либо через потайную лестницу в

стене, либо по ступеням, ведущим к боковой двери самой капеллы непосредственно из «Маршальского ремтера». Это делало орденский зал крайне удобным для всякого рода неожиданностей, — например, для внезапных появлений каких-либо лиц, присутствие которых на рыцарском собрании не предполагалось заранее. Или давало возможность Великому магистру внезапно арестовать кого-либо из своих гостей и, при необходимости, препроводить прямо в «Камеру пыток», расположенную в подвале башни фогта Лиделау. По преданию, предводители рыцарского ордена неоднократно использовали эту особенность «Маршальского ремтера», из-за чего за ним закрепилась дурная слава.

Здесь царило то же опустошение, что и в соседнем зале, но у стены стояло несколько чудом сохранившихся каркасов от музейных витрин, конечно, обгоревших и немного деформированных, но вполне пригодных после небольшого ремонта для использования. Анатолий Михайлович, зная бедственное положение полностью разграбленных и разрушенных гитлеровцами дворцов-музеев пригородов Ленинграда и особенно Екатерининского дворца, решил отправить эти остатки в город на Неве.

Через пару дней вместе с солдатом-регулировщиком они отобрали наиболее пригодные витрины и стали упаковывать их в заранее сколоченные ящики, — благо, досок на территории замка было достаточно и одной деревянной перегородки хватило на несколько ящиков. Но «Маршальский ремтер» оказался верен своему зловещему предназначению и, может быть, последний раз в своей истории показал свой жестокий, тевтонский нрав.

Уложив несколько ящиков один на другой у стены зала рядом с дверью, ведущей в сторону капеллы Святой Анны, Кучумов и молодой парень с ефрейторскими погонами решили передохнуть. Солдат достал пачку трофейных немецких сигарет в яркой упаковке и с наслаждением затянулся. В холодном рыцарском зале запахло чем-то очень ароматным, совершенно не гармонирующим с обстановкой. Анатолий Михайлович хотел что-то сказать по этому поводу, но не успел... Раздался страшный грохот, на миг стало темно, поднялся столб пыли. Прижавшись к стене, они с ужасом увидели, что сводчатый потолок, рухнув вниз, обнажил высокие голые стены с торчащими из них металлическими балками. Сверху еще падали кирпичи и сыпался песок, но постепенно «камнепад» прекратился — и снова стало тихо. От великолепного стрельчатого готического свода с нервюрами^[174] не осталось и следа. Часть «Маршальского ремтера» лишилась перекрытия. Казалось, что другие два свода чудом удержались и не рухнули вниз. Многотонная бесформенная масса кирпича и щебня

буквально раздавила, расплющила ящики с упакованными в них витринами. Анатолию Михайловичу стало не по себе, когда, осознав все произошедшее, он представил, что было бы, задержись они хоть на несколько секунд дольше в том месте, где сейчас лежало нагромождение обломков. «Маршальский ремтер» мог стать могилой для тех, кто пытался вернуть людям утраченные культурные ценности.

Убедившись, что Янтарная комната не погибла в развалинах замка, как утверждал профессор Брюсов, ссылаясь на свидетельства Роде и Файерабенда, Анатолий Михайлович с утроенной энергией стал продолжать работу. И первое, что он счел необходимым предпринять, — это разыскать свидетелей ее укрытия. Нужно было во что бы то ни стало найти Файерабенда, этого пройдоху, убедившего Брюсова прекратить поиски. Искать же Роде было уже бесполезно: Кучумов знал от профессора о смерти немецкого ученого.

Но как найти Пауля Файерабенда в громадном городе, где старая жизнь была полностью разрушена, а новая только-только зарождалась? Ведь не было ни адресного стола, ни справочного бюро, ни каких-либо других учреждений, где можно получить точные сведения о месте жительства того или иного лица. Большая часть немецкого населения ютилось в развалинах, определить местонахождение которых было просто невозможно. Многие улицы уже не существовали, так как от них не осталось ни одного целого дома, да и немецкие названия стали потихоньку уступать место русским переименованиям. В общем, разыскать человека в Кёнигсберге 1946 года было делом не легким.

Помог случай. Среди вдрызг разбитых домов центральной части города уцелевшие жители втыкали дощечки с надписями или просто писали на стенах домов: «Семья Фогель. Все живы. Проживаем на Капорнерштрассе, 27» или «Тетя Марта, наш адрес — Байдриттер вег, дом № 18». Так немцы пытались сообщить своим родственникам и знакомым о новом месте жительства. В районе замка, особенно на Мюнцплатц, закопченные стены уцелевших коробок зданий были буквально испещрены такими посланиями. Стихийно образовались своего рода справочные бюро, где можно было попытаться найти друг друга тем, кто потерялся в последние дни войны и месяцы послевоенной разрухи. Кто-то из немецких жителей и сообщил здесь Кучумову, что видел Файерабенда в Больнице Милосердия на Хинтерросгартен^[175]. В 1946 году там размещалась центральная немецкая больница, где бок о бок трудились немецкие и советские врачи, пытаясь вырвать у смерти сотни человеческих жизней, к которым подбирались тиф и малярия — вечные спутники всех войн и

исторических катаклизмов.

Из воспоминаний А. М. Кучумова.

Диктофонная запись. Август 1990 года

«...Я пошел в немецкую клинику. Это там, где теперь городская больница, недалеко от пруда. Большое серое здание, расположенное как бы углом. Над входом — огромный католический крест. Внутри я увидел монахинь. Одеты они были во все черное, только поверх головы белые платки...

Я стал их спрашивать насчет Файерабенда, а они не понимают меня — я ведь без переводчика. Наконец сообразили — послали за врачом, знающим русский язык. С ним удалось кое-как объясниться, и немец, поняв, что я кого-то разыскиваю, вызвал главного врача клиники Штарлингера...»

Откуда было знать Анатолию Михайловичу, что вышедший к нему энергичный пятидесятилетний человек в белом халате был довольно известным немецким врачом, профессором медицины, заведующим отделением внутренних болезней. Он успевал руководить первым инфекционным лазаретом в здании Университетской клиники, бороться с вспышками эпидемий, организуя специальные отделения в бывшем гарнизонном лазарете на Йоркштрассе, практиковал в Больнице милосердия...

Разговор, состоявшийся между Кучумовым и Штарлингером, был непродолжительным. Профессор очень быстро установил через больничную картотеку, к счастью сохранившуюся, что недавно выписавшийся Пауль Файерабэнд работает в районе Йудитгена на лесопилке, которая раньше была мебельной фабрикой. В картотеке стоял ее адрес — «Вальдштрассе^[176], 19». А это, как узнал Анатолий Михайлович, находится где-то на западной окраине города.

Кучумов, отправившийся один на поиски Файерабенда, долго шел через мало пострадавший во время войны район Амалиенау^[177]. Потом за поворотом потянулись какие-то пустыри и развалины. По всему было видно, что здесь шли ожесточенные бои. Их следы обнаруживались во всем: в сгоревших коробках некогда шикарных вилл, в испещренных следами от пуль и осколков стенах домов, в ржавеющих остовах разбитых автомашин и автобусов, в поваленных или погнутых фонарных столбах. У одной закутанной в платок немки, которая переходила улицу около Йудиттенской кирхи^[178], Анатолий Михайлович спросил дорогу. Она

неопределенно махнула куда-то в сторону виднеющегося неподалеку леса, и Кучумову ничего не оставалось делать, как продолжить путь в надежде на то, что удастся встретить человека, который сможет членораздельно объяснить ему, где же начинается улица Вальдштрассе.

Вскоре на перекрестке он увидел покосившийся столбик-указатель с табличками — названиями улиц. Среди них Кучумов обнаружил ту, что была ему нужна. А через несколько минут он услышал вой циркулярной пилы, почувствовал запах опилок и свежей древесины. Около кирпичного дома за невысоким заборчиком ровными штабелями лежали распиленные доски, рядом — несколько деревянных ящиков, по-видимому, только что сколоченных. Это и была та самая лесопилка, куда пришлось так долго добираться. Но к глубокому разочарованию Анатолия Михайловича, Файерабенда здесь не оказалось. После сумбурных объяснений с немцами ему удалось только понять, что бывший распорядитель винного погребка «Блютгерихт» действительно здесь работает, но после выписки из больницы договорился с «майстером» и несколько дней побудет дома. Это показалось Кучумову странным, так как жизнь в городе в то время не была налажена и местные жители очень дорожили подвернувшейся работой, ведь это был единственный способ обеспечить себе пропитание. Весна 1946 года еще не сулила качественного улучшения в этом вопросе, и тяготы послевоенных месяцев создавали отнюдь не благодушную атмосферу в холодном, разрушенном городе. Человек, легко отказывавшийся, даже на непродолжительное время, от постоянной работы и гарантированного заработка, должен был либо иметь какой-нибудь дополнительный источник существования, или же обречь себя и свою семью на голодное прозябание и даже гибель.

Правда, Анатолию Михайловичу еще в комендатуре рассказали, что спустя некоторое время после окончания войны в городе стали появляться новоявленные дельцы, которые неизвестно из каких источников умудрялись доставать уникальные вещи — картины, скульптуры, книги, драгоценности, церковный инвентарь, посуду и столовые приборы. На черном рынке у Луизенкирхи^[179] в то время можно было купить или обменять на продукты не только просто дорогие вещи, но и настоящие шедевры искусства, и кто знает, какие ценности исчезли тогда в руках спекулянтов и перекупщиков. Известно, например, что один бывший скромный чиновник кёнигсбергского телеграфного ведомства Фридрих Роке сколотил даже целое состояние на торговле книгами. Сначала он распродал собственную библиотеку, которая перед штурмом города была

им спрятана в подвале своего дома на улице Канцлерштрассе^[180], а затем организовал настоящую фирму, занимавшуюся поисками ценных фолиантов. Привлекая мальчишек, прекрасно ориентировавшихся в руинах, он с их помощью обшарил все подвалы и чердаки в развалинах старого города и в полуразрушенных виллах пригородов. Ему удалось обнаружить уникальные книги и манускрипты в грудах хлама и мусора на месте бывшей университетской библиотеки на улице Миттельтрагхайм^[181], в развалинах громадного Дома техники^[182], в подвалах военной библиотеки на Фридрихштрассе^[183] и библиотеки на площади Фихтеплатц^[184] в Понарте. Предприимчивый делец, гревший руки на хаосе послевоенной жизни, приобрел среди немецкого населения кличку «Маленький Грефе унд Унцер»^[185]. Кто знает, может быть, сегодняшние спекулянты от искусства и представители, так сказать, «теневой культуры», о которых мы время от времени узнаем из прессы, что-то унаследовали и от проходимца Роке?

Итак, Кучумову не удалось встретиться с Файерабендом, но ему дали точный адрес, и теперь нужно было снова возвращаться в центр города и искать улицу с необычным наименованием — Кёнигсэкк^[186], что в переводе с немецкого означает «королевский угол».

Калининградцы хорошо знают эту улочку и дом, через овальную арку которого когда-то можно было пройти во двор. Собственно, на нынешней улице Фрунзе сохранилось не так уж много старых домов, поэтому красивое четырехэтажное здание с арками, строгим эркером и овальным окошком в верхней части фасада, обращало на себя внимание. В 1946 году, когда весь бывший район Нойе Зорге лежал в руинах, дом с аркой был чуть ли не единственным неразрушенным зданием в этом районе. Устоявший среди бомбежек и артобстрелов, переживший ожесточенные схватки уличных боев, сохранившийся в годы массовой застройки города типовыми и однообразными домами, он гибнет в наши дни, разрушаясь и превращаясь в настоящие руины, символизирующие алчность и тупость нашего цинично-меркантильного века. Сюда, в дом на нынешней Угловой с полустертой надписью на первом этаже «Kreuz-Apotheke»^[187], и отправился на следующий день вместе с переводчиком Анатолий Михайлович Кучумов.

Грязь, теснота, скученность — эти неотъемлемые атрибуты послевоенного быта сильно разрушенных городов — воочию предстали перед Кучумовым. Пауль Файерабенд оказался пожилым, сутулым человеком, облаченным в какой-то старый комбинезон. Он с явной опаской

смотрел на неожиданных гостей и долго не мог понять, что от него хочет «русский товарищ из Ленинграда». Или делал вид, что не понимает. Разговор состоялся в какой-то полутемной комнате, загроможденной старыми вещами и полуразвалившейся мебелью. Сначала Файерабенд говорил, что все известное ему о Янтарной комнате уже было сообщено профессору, который приезжал в Кёнигсберг сразу после окончания боев. Кучумов понял — речь шла о Брюсове. Затем, вопрос за вопросом, — и Файерабенд стал вспоминать какие-то дополнительные моменты и детали.

Я не буду заниматься вольным пересказом содержания той давней беседы, тем более что по просьбе Анатолия Михайловича Файерабенд в заключение разговора собственноручно записал свои «показания» на оборотной стороне какого-то старого банковского счета — бумага была дефицитом в послевоенном Кёнигсберге.

**Из «Показаний директора ресторана „Кровавый суд“
в Кёнигсбергском замке Пауля Файерабенда».
Кёнигсберг, 1 апреля 1946 года**

«...После того как Кёнигсберг в августе 1944 года был бомбардирован, Янтарную комнату тотчас запаковали и перенесли в Орденский зал... Упакованная в многочисленные ящики, комната оставалась там до начала штурма Кёнигсберга. Роде говорил мне много раз, что комната должна быть увезена в Саксонию, но вследствие многочисленных транспортных затруднений это не могло быть осуществлено.

В конце марта 1945 года замок посетил гаулейтер Кох. Кох сделал доктору Роде серьезный выговор за то, что он упакованную Янтарную комнату оставил в замке до сих пор. Кох хотел позаботиться о немедленном вывозе, но жестокая боевая обстановка уже не допустила вывоза. Упакованная комната осталась стоять в Орденском зале...

...Начиная со второй половины дня 9 апреля 1945 года в замке распоряжался комендант, назначенный гаулейтером, а начальник, назначенный военным порядком, неожиданно исчез. Я находился в винном погребе. По договоренности с некоторыми офицерами, я вывесил в северном и южном крыле замка белые флаги как знак капитуляции.

...Когда я покинул замок в 12 часов 30 минут ночи, ресторан был занят только одним артиллерийским подразделением. Подвал и Орденский зал были совершенно неповреждены. До

возвращения из Эльбинга, где я лежал в госпитале, я услышал от доктора Роде, что Орденский зал и ресторан полностью выгорели. Во время падения города, 9 апреля 1945 года, я слышал, как командир в форме СС дал приказ предать замок огню. Я до сих пор подозреваю, что Орденские покои, как и ресторан, были ограблены эсэсовцами и умышленно подожжены. То же самое подтверждал и доктор Роде предыдущей русской комиссии».

Вот так пространно рассказал Кучумову уже известную нам историю Пауль Файерабенд. Однако читатель, наверное, заметил новое обстоятельство, неожиданно появившееся в рассказе об апрельских днях 1945 года. Странно, что во время работ Брюсова в замке ни Роде, ни Файерабенд даже не обмолвились об эсэсовцах, ограбивших Орденский зал, где были сложены сокровища замка, а затем предавших его огню. Более того, Альфред Роде указал попеременно сразу два «точных места» захоронения Янтарной комнаты, а присутствовавший при этом Файерабенд, кстати, не отрицающий того, что на протяжении всего времени боев находился в Королевском замке, спокойно наблюдал за бессмысленной работой «русской комиссии». Это свидетельствует по меньшей мере о том, что Файерабенд, так же, как и доктор Роде, был неискренен. И более того — «вспомнив» о приказе эсэсовского командира, Пауль Файерабенд как бы предлагал окончательно поставить точку на поисках Янтарной комнаты и прекратить работу в развалинах замка. Но и этого ему, наверное, показалось мало. Поэтому на следующий день Анатолий Михайлович держал в руках новые «показания» бывшего распорядителя винного погребка «Блютгерихт».

Из «Показаний директора ресторана „Кровавый суд“ в Кёнигсбергском замке Пауля Файерабенда».

Кёнигсберг, 2 апреля 1946 года

«...В июле 1944 года во двор замка пришли две машины, высоко груженные ящиками. Некоторые маленькие ящики были сгружены в Прусском музее, остальные остались в машинах... Роде сказал мне, что это Янтарные стены из России. Сейчас же после прибытия машин доктор Роде имел совещание с обербургомистром доктором Биллом в Городском управлении. Машины оставались всю ночь нагруженные на дворе замка.

На следующий день машины с грузом ушли. Около полудня Роде пришел ко мне купить несколько бутылок вина в запас на

дорогу... Он действительно после этого отсутствовал три недели. По возвращении Роде сказал мне, что он был в каком-то большом имении и там много поработал...

Место и название имения доктор Роде мне не сказал. Впоследствии доктор Роде сказал мне, что дело шло о Янтарном зале из России, который находился упакованным на машинах...»

В этих воспоминаниях удивительны не сами факты, которые изложил Пауль Файерабенд, — хотя бы потому, что это перекликается со свидетельствами другого Пауля — Пауля Зонненшайна. Вызывает недоумение, мягко говоря, несколько запоздалое сообщение о том, что Янтарной комнаты (Янтарных стен, Янтарного зала!) вообще не должно быть в замке, так как ее, дескать, вывезли оттуда еще в июле 1944 года. Получается, что эту «подробность» Файерабенд «вспомнил» лишь тогда, когда Кучумов с уверенностью заявил об ошибке Брюсова, посчитавшего Янтарную комнату уничтоженной, и приступил к обстоятельным и энергичным поискам.

После бесед с Файерабендом Кучумов понял, что ключ к разгадке тайны лежит прежде всего в свидетельствах очевидцев, в сопоставлении противоречивых показаний и определении самой реальной версии. Поэтому следовало опросить как можно больше людей, причастных к этой запутанной истории. И когда появится более или менее стройное представление о последнем месте нахождения Янтарной комнаты и других произведений искусства, следует приступить к непосредственным поискам — раскопкам, разборам завалов, откачке воды из подвалов.

Большую помощь в поиске нужных людей оказал бургомистр Кёнигсберга, руководитель временной немецкой администрации, действовавшей в городе наряду с Управлением по гражданским делам при военном совете Кёнигсбергского особого военного округа и военными комендатурами. Именно он подсказал адрес некоего инженера Байзера, якобы имевшего отношение к работам, проводившимся на территории замка в последние месяцы войны. На сей раз военный комендант выделил Кучумову и Трончинскому автомашину, и они отправились на поиски.

От бывшего района Амалиенау до площади Трех маршалов^[188] доехать не составило труда. А вот затем водителю Иоганну пришлось изрядно покружить. Ориентировался он плохо, несмотря на то что был немцем и коренным жителем Кёнигсберга. Согласно имевшимся сведениям, Байзер жил в подвале где-то на бывшей улице Пассаж Трагхайм^[189], что неподалеку от развалин оперного театра. Сначала Иоганн

попытался попасть туда через площадь Парадеплатц. Они проехали по хорошо очищенной от обломков широкой проезжей части, но неожиданно наткнулись на громадный завал от рухнувшего дома около Парк-отеля. Пришлось объезжать сгоревшую коробку Кёнигсбергского университета со стоящим перед ней памятником — всадником.

С большим трудом петляя среди развалин, они наконец добрались до узкой щели между зловещими остовами высоких зданий, сохранивших на обезображенном фасаде куски лепнины и чудом уцелевший балкон с дверью, ведущей в черный провал. Узкая щель — это и была известная когда-то улица Пассаж Трагхайм, имевшая стеклянную крышу, — улица художников и торговцев. Здесь находился очень популярный в Кёнигсберге «Северогерманский книжный магазин» Юлиуса Штёра, в некотором роде даже конкурировавший с уже упоминавшимся фирменным магазином «Грефе унд Унцер».

Водитель Иоганн по только ему одному известным признакам отыскал среди голых стен с опасно нависающими перекрытиями железную дверь, ведущую в подвал, и, открыв ее, пригласил Анатолия Михайловича и Станислава Валериановича последовать за ним.

Из воспоминаний А. М. Кучумова.

Диктофонная запись. Август 1990 года

«Немец пригласил нас за собой. „Э-э, — думаю, — нет. Мало ли что. Ты иди вперед“. Говорю ему: „Ну, ведите, показывайте дорогу“. Он стал спускаться, мы — сзади. И все в абсолютной темноте. Я положил ему руку на плечо. Идем. Вдруг слышу какие-то звуки, а потом и бледный свет, падающий сверху из какого-то окошечка.

Подшли к двери, постучали. Помещение было небольшим, сырым, темным. У стен сделаны какие-то нары. На них сидели притихшие при нашем появлении люди, в основном женщины и дети. Грязь страшная. В углу на нарах как раз и лежал инженер Байзер...»

Конечно, обстановка не располагала к обстоятельной беседе. Но все же Байзер рассказал Кучумову кое-что интересное. Во-первых, инженер сообщил, что ему пришлось в марте 1945 года участвовать в инженерной подготовке замка к обороне. Эта работа проводилась под непосредственным руководством генерал-лейтенанта Микоша и советника Гербаха из Управления высотного строительства. Байзер занимался

сооружением амбразур по периметру замка и бетонированием оконных проемов на всех этажах здания. Разумеется, он имел возможность наблюдать, как складировались различные предметы в замковых помещениях, но не мог припомнить что-либо конкретное о судьбе музейных коллекций и Янтарной комнаты. Байзер подробно рассказывал о том, как выглядел замок перед штурмом, описал многие из его помещений, сохранившихся после пожара 1944 года, рассказал, как спускался в подземелья под «Блютгерихтом». Но при этом он молчал о главном. Или действительно ничего не знал, или не хотел говорить.

Единственное, чем встреча с Байзером оказалась полезной, так это тем, что он пообещал разыскать для Кучумова адрес некоего Эрнста Шаумана, якобы близкого друга Альфреда Роде, который должен быть в курсе всех дел, связанных с укрытием ценностей.

Эрнст Шауман был академиком живописи. Он преподавал не то в «Школе мастеров Германа Геринга» в Кроненбурге, не то еще в каком-то созданном уже в годы нацизма учебном заведении художественного направления, хотя был уроженцем Кёнигсберга.

Незаурядный портретист, он неоднократно выставлял свои картины на различных выставках и вернисажах, а в 1938 году его работы удостоились даже представления на Большой германской выставке искусств в Мюнхене. С началом войны Шауман, как многие немецкие художники, не упустил возможности снискать себе лавры баталиста и колесил по различным участкам Западного фронта, где его натурой стали пленные французские солдаты и, конечно же, вояки гитлеровских генералов Гёпнера, Клейста и Рейнгардта.

К середине 1944 года академик живописи Эрнст Шауман почувствовал, что скоро во Франции «запахнет жареным», и незадолго до высадки войск союзников в Нормандии покинул французскую столицу и решил направиться в самое, как ему казалось, безопасное место Германии — в Восточную Пруссию, тем более что давний знакомый Шаумана, доктор Роде, неоднократно приглашал его в Кёнигсберг. Это знакомство состоялось еще в 1931 году, когда известный искусствовед, специалист по янтарю доктор Роде только начинал свою карьеру в замковом музее. Бомбардировочные налеты на Кёнигсберг в августе 1944 года спутали все карты, и Шауман ни в коем случае не отправился бы в опустошенный город, если бы ему не пришлось сначала спешно бежать из Парижа в Саарбрюккен, а затем после массированного налета британской авиации на этот город в ночь с 5 на 6 октября в страхе перебираться в Кёнигсберг. Видимо, в расчете на то, что второй раз восточнопрусская столица вряд ли

подвергнется разрушению. Так академик живописи Эрнст Шауман оказался в Кёнигсберге.

Из воспоминаний А. М. Кучумова.

Диктофонная запись. Август 1990 года

«...Академик Шауман — интересный человек. Седовласый, с кудрями, он жил в однокомнатной квартире на улице Бетховенштрассе^[190]. Дом этот цел и сейчас на левой стороне, если идти от Генерал-Литцманн-штрассе^[191]... У него была очень молодая и симпатичная жена, двое чудесных детишек...

Я пришел к нему с переводчиком. Мы долго беседовали с академиком... Потом я его попросил записать все на бумаге. Но курьез, — ее не оказалось. Пришлось академику писать своим бисерным почерком на оборотной стороне старых немецких продуктовых карточек...»

Из «Показаний академика живописи

Эрнста Шаумана». Кёнигсберг, 5 апреля 1946 года

«...Во время войны в помещение рядом с Янтарным собранием была перевезена т. н. Янтарная комната. Эту Янтарную комнату, которая имела размер приблизительно 50 кв. м, я видел однажды мимоходом во время войны, когда в качестве военного художника посетил интересовавшие меня собрания картин в замке. Я припоминаю, что Янтарная комната была отделана янтарными инкрустациями, в особенности стены. У меня сохранилось в памяти 4–5 зеркал в роскошных янтарных рамах, а также 6–7 мозаичных картин...

Где находилась Янтарная комната и Янтарные собрания, я не знаю. После своего возвращения из Франции в октябре 1944 года я спрашивал доктора Роде о судьбе Янтарного и картинного собраний. Он ответил мне, что по приказу Управления замками в Берлине они были упакованы и отправлены в безопасные места — имения Восточной Пруссии и Саксонии.

Позднее, в то время, когда Кёнигсберг был окружен, Роде повторил мне то же самое...»

Таким образом, чем больше Анатолий Михайлович пытался распутать клубок неясностей вокруг исчезновения Янтарной комнаты, тем дальше он удалялся от Королевского замка. И Файерабенд, и Шауман по существу

предлагали свои версии, упирая на то, что Янтарную комнату вывезли из замка и спрятали в каких-то имениях на территории Восточной Пруссии или далеко за ее пределами. Однако свидетельства того и другого имели один источник информации — оба ссылались на доктора Роде, а это, как мы уже знаем, не позволяет оценивать данные показания как объективную реальность.

Позже, в 1950 году, Анатолий Михайлович Кучумов, внимательно изучив и обобщив все имевшиеся на тот период сведения о Янтарной комнате, сделал в служебной записке целый ряд принципиальных выводов, не потерявших, по моему мнению, своей актуальности и сейчас.

**Из записки А. М. Кучумова
«К вопросу о судьбе Янтарной комнаты
Екатерининского дворца». 1950 год**

«...Сам собой напрашивается вывод, что Янтарная комната была сохранена и укрыта в безопасном месте, которое, несомненно, должно было быть известно Роде. Версия о гибели Янтарной комнаты в пожаре орденового зала, выдвинутая Роде, должна была отвлечь внимание комиссии от дальнейших поисков.

Ошибка профессора Брюсова заключалась в том, что он слишком доверчиво отнесся к показаниям Роде, положившись на слово коллеги — музейного работника, забыв, что имеет дело с ярым нацистом-фанатиком.

Учитывая, что с середины января 1945 года железнодорожное сообщение Кёнигсберга с остальной Германией было прервано, т. к. фронт отрезал Восточную Пруссию, сухопутным путем ящики могли быть вывезены лишь в окрестности Кёнигсберга... Не исключена возможность, что Городское управление, принявшее на себя ответственность за Янтарные панели, укрыло эти ящики в одном из многих подземных убежищ Кёнигсберга...»

Более определенно в отношении Королевского замка Кучумов высказался спустя много лет, уже после своего повторного приезда в Кёнигсберг в 1949 году и непосредственного участия в течение почти двух десятков лет в практических поисках художественных ценностей. В подготовленном им «Обзоре изыскательских работ в бывшем Королевском замке (1945–1967)» Анатолий Михайлович делал однозначный вывод о том, что «Янтарная комната не погибла, а лишь надежно укрыта в одном из

тайников, не исключая самого замка с его глубокими подземельями и ходами».

В течение всего периода работы Кучумова и Трончинского в Кёнигсберге весной 1946 года обследованию, разумеется, подверглось не только интересующее нас северное крыло Королевского замка, но и другие его части — подвалы южного крыла под помещениями бывшего Прусского музея, руины здания Унфрида и обширные подземелья юго-восточной части замка с разветвленной сетью старинных ходов, огромные склепы, расположенные в толще земли под западным крылом руин тевтонской громады. Им довелось спускаться в подземные казематы фортов и башен внутреннего оборонительного обвода, осматривать некоторые железобетонные бункеры и городские ворота, в частности, Закаймские, расположенные на перекрестии Московского проспекта и Литовского вала, обследовать руины замка Лохштедт под Пиллау, пробираться среди зловещих, наполовину залитых водой сейфовых камер имперского банка... Обо всем этом можно было бы рассказывать бесконечно, тем более что поисковые работы, проводимые в 1946 году, не только изобиловали самыми невероятными приключениями и сопровождались опасностями, но и привели к серии ценных находок. И это — несмотря на то, что работать приходилось самостоятельно, практически не прибегая к помощи военных властей.

Конкретным результатом чрезвычайно плодотворной поездки Кучумова и Трончинского в Кёнигсберг явился вагон-пульман, прибывший через несколько недель на станцию Ленинград-Товарный. В нем были экспонаты и мебель из пригородных дворцов-музеев Ленинграда, почти пять лет считавшиеся утраченными. В Екатерининский дворец города Пушкина вернулась уникальная мебель, изготовленная по рисункам Растрелли; ценнейший гарнитур работы французского мастера Жоржа Жакоба; лаковые стулья из Китайского зала и остатки мебельного гарнитура из Лионского зала; множество великолепных рам от картин...

Примечательно, что Александр Яковлевич Брюсов, которому очень скоро стало известно о результатах поездки Кучумова и Трончинского в Кёнигсберг, а также об их выводах в отношении судьбы Янтарной комнаты, в целом положительно оценил эту работу и критически переосмыслил свое собственное мнение, сформировавшееся под впечатлением встреч с Роде и работ в замке весной и летом 1945 года. В то же время он считал, что Кучумов «несколько разбрасывается в работе», что надо было бы сосредоточиться на одном-двух конкретных объектах, полностью их отрабатывать, а затем уже переходить на другие. Знал ли Александр

Яковлевич, что спустя три года судьба сведет его с Анатолием Михайловичем Кучумовым, да не где-нибудь, а в Калининграде, и ему предоставится блестящая возможность продемонстрировать последовательность и обстоятельность своего подхода к поисковой работе.

Действительно, буквально через три года Кучумов и Брюсов встретились на калининградской земле, где уже действовала специальная комиссия, которую возглавлял Вениамин Дмитриевич Кролевский, заместитель председателя Калининградского облисполкома. В этот же период в Калининград был приглашен из Берлина бывший сотрудник Инспекции по охране памятников Восточной Пруссии референт Министерства просвещения ГДР доктор Герхард Штраус. Его приезд был результатом заявления, сделанного им одному из научных сотрудников Государственного Эрмитажа, — о том, что Янтарная комната спрятана в Королевском замке бывшего Кёнигсберга. По мнению членов комиссии, Штраус мог значительно облегчить поиски и на месте показать участки наиболее вероятного захоронения ценностей. Именно к моменту вызова Штрауса в Калининград и был приурочен приезд сюда Кучумова и Брюсова.

Одним из основных объектов работы комиссии в этот период являлся, конечно, Королевский замок и прежде всего — его северная часть, которая нас собственно интересует. Поэтому я, придерживаясь принципа концентрации внимания на выбранном объекте, не стану переключаться ни на что другое и продолжу свой рассказ. Однако задача эта усложняется тем, что деятельность комиссии в рассматриваемый период, за редким исключением, не нашла отражения в документах, и опираться на какие-либо подробные описания проведенных работ не представляется возможным. Тем не менее мне удалось обнаружить материалы, которые проливают свет на детали поисков и позволяют судить об их эффективности. Кроме того, как я уже рассказывал, летом 1990 года мне удалось встретиться с Анатолием Михайловичем, проживающим в Доме ветеранов архитектуры в Пушкине под Ленинградом, и подробно записать его воспоминания.

Итак, предоставляю слово участникам событий.

Из отчета А. Я. Брюсова о командировке в Калининград 21–29 декабря 1949 года

«По приезде моем 23 декабря меня встретил тов. И. П. Трофимов^[192], с которым мы проехали с вокзала прямо в Шлосс. Замок этот сильно разрушился с 1945 года, когда я там

был в первый раз. Обвалилось перекрытие почти всего второго этажа; рухнули многие стены; вымостка двора снята и т. д.

В замке производилась работа воинской командой по поискам Янтарной комнаты. В северном крыле, под орденским помещением, были пробиты полы и обнаружен ряд подвалов, оказавшихся пустыми; в некоторых местах были заложены глубокие шурфы и обнаружены новые кирпичные кладки, многоярусные бетонные перекрытия, нарушения старых арок, а в одном месте водоизолирующий слой. В засыпках находили поздние (современные) вещи. Не будучи архитектором, я не могу судить, являются ли эти признаки следами сокрытия каких-либо ценностей или нормальными конструктивными деталями...»

**Из подготовленного А. М. Кучумовым
«Обзора изыскательских работ в бывшем
Королевском замке (1945–1967)». Март 1967 года**

«...Комиссией были проведены разведывательные работы в некоторых частях Королевского замка, в частности, в подвале северного крыла (около дворовой лестничной башни)... В результате обследования одного из помещений северного крыла („комната со сводами“, прилегающая к бывшему гаражу-конюшне) установлено, что в этой части замка, относящейся к XIV–XV вв., были проведены большие строительные работы, относящиеся к современному периоду. Под полом комнаты оказалась свежая песчаная засыпка с тремя слоями бетонной смазки на различной глубине. Ввиду отсутствия соответствующей техники (бурильные установки) проверить наличие подземного бункера под обнаруженным укрытием не удалось. Не удалось найти входы в дворцовые подвалы под южным и северным крылом замка...»

Пусть читатель простит меня за сухость этой части повествования, несколько перенасыщенной документальными материалами. Но раз уж мы договорились строить рассказ о поисках Янтарной комнаты на фактах, а не на домыслах, приведение таких документов, на мой взгляд, просто необходимо.

В обоих процитированных материалах появилась, как вы уже заметили, качественно новая информация: наконец-то в северном крыле Королевского замка были обнаружены следы каких-то строительных работ,

проведенных, по-видимому, уже в годы войны и имеющих признаки преднамеренного их сокрытия. Давайте попытаемся разобраться, о чем идет речь.

И Брюсов, и Кучумов сообщают о каком-то расположенном в северном крыле помещении, при бурении пола которого обнаружались многоярусные перекрытия. В беседе с Анатолием Михайловичем мне удалось установить, что речь шла о небольшой комнатке первого этажа, примыкавшей к бывшему гаражу, который располагался в дворовой части замка, ближе к башне Луизы. Когда Кучумов с Трончинским осматривали северное крыло в 1946 году, они обратили внимание на то, что бушевавший когда-то пожар обошел стороной эти комнаты и они остались совершенно неповрежденными. Тогда в помещении, о котором я сейчас рассказываю, жили солдаты-регулировщики: стояли железные кровати, пара столов какого-то богатого мебельного гарнитура, кучей лежали вещмешки, шинели и полушубки. Теперь же помещение было совершенно пустым, лишь грязь покрывала пол, да куча снега возвышалась у окна с выбитой рамой.

В своем повествовании о северном крыле Королевского замка я еще не описывал подробно эту удивительную, полную средневековой романтики, часть крепости тевтонов. Именно здесь мы сталкиваемся с таинственными подземельями и скрытыми орденовыми ходами, замурованными рыцарскими комнатами и нишами. У меня нет необходимости прибегать к мистификациям и серьезно напрягать свою фантазию: в свое время немецкие ученые достаточно обстоятельно изучили конструктивные особенности архитектуры Королевского замка и оставили нам немало серьезных исследований в этой области.

Когда-то эта часть замка называлась «Фирманией», то есть попросту богадельней, где доживали свой век одряхлевшие и иссеченные шрамами «орденские братья», некогда грозные рыцари Тевтонского ордена. Фирмания была построена где-то в середине XIV века, потом неоднократно перестраивалась, перепланировывалась, но всякий раз вызывала острое любопытство современников своеобразием архитектуры и интерьера. В XVIII веке в ее залах разместились хранилища Прусского государственного архива. Многие путешественники, побывавшие в Кёнигсберге, обращали внимание на необычность сооружений этой части северного крыла замка.

Из книги Карла Розенкранца

«Кёнигсбергские зарисовки». Данциг, 1842 год

«...Коснемся теперь... той части замка, которая производит

очень сильное, прямо-таки фантастическое, сказочное впечатление. Это архив, помещение которого служит местом заседаний Королевского германского общества, с его арками и прекрасными готическими окнами... квадратными и прямоугольными... Здесь есть... замурованные двери и окна, которые обладают подлинно поэтическим эффектом. Куда вели эти проемы в давние времена? Что могло быть спрятано за ними? Такие мысли, возникающие перед этими призрачными дверями, погружают нас в фантазии, полные приключений. Мы мысленно переносимся в прошлое, в то время, когда замок окружали рвы и подъемные мосты, захватывались пленные, правили комтуры^[193] ...»

Все-таки поразительно! Одни и те же мысли волновали совершенно разных людей, оказавшихся среди этих стен в различные исторические эпохи.

Что же представляли собой интересующие нас помещения западной части северного крыла замка? На первом этаже (на том же уровне, где располагались знаменитые залы «Блутгерихта» — Большой и Малый ремтер) размещались одна за другой шесть комнат разной величины, самая большая из которых имела площадь тридцать шесть, а самая маленькая — шестнадцать квадратных метров. Комнаты соединялись между собой внутренними дверями, причем некоторые из помещений имели выход и в длинный коридор, тянувшийся вдоль комнат с внутренней стороны замка, то есть со двора. Массивные внешние стены из камня, построенные еще в XIII веке, достигали толщины двух с половиной метров (!), а кирпичная стена, отделявшая комнаты от коридора, тоже построенная в рыцарские времена, совсем немного уступала им в размерах.

Самой интересной по конструкции в этой анфиладе была последняя комната, примыкающая к бывшему гаражу, от которого ее отделяло две стены (!), одна такая же толстая, как и внешняя, а другая — толщиной всего в два кирпича, конечно, уложенных поперек. Между стенами находилась узкая камера-полость шириной чуть более метра. Примечательно, что такая же замурованная щель была и на втором этаже сооружения. Кучумов сразу обратил внимание на эту непонятную архитектурную деталь, еще в первый раз с недоумением осмотрев стены и своды.

Известный немецкий ученый, историк средневековой архитектуры Фридрих Ларс в своем фундаментальном труде, посвященном Королевскому замку, приводит богатый фактический материал, который

является результатом его многолетней исследовательской работы. Так вот, в этой монографии есть целый ряд подробнейших схем, в том числе — северного крыла Королевского замка. Интересующая нас комната бывшей Фирмари, обозначенная на плане цифрой 101, имеет какие-то две странные полости в стене, совмещенной с коридором, назначение которых установить не мог даже такой специалист, каким был Ларс. Наверное, именно поэтому на схеме, где пунктиром обозначены указанные замуровки, он поставил два знака вопроса. Еще более интересная особенность этой комнаты заключается в том, что она является по существу единственным помещением, под которым отсутствуют подвалы. Древнейший рыцарский погреб, образованный фундаментами старого «бурга» и имеющий длину почти тридцать метров, почему-то был в самой западной его части отгорожен стеной и засыпан грунтом. На схеме Ларса в этом месте остались только пунктирные очертания прежних стен подвала. Когда была замурована эта часть подземелья — неизвестно; может быть, еще в рыцарские времена или уже в период, когда образовалось прусское герцогство. А может быть, гораздо позже, и Фридрих Ларс неслучайно отказался от изображения на схеме подвала под комнатой № 101. Ведь его книга, хотя и основывалась на изысканиях двадцатых — тридцатых годов, вышла в свет в ФРГ уже в 1956 году.

Так или иначе, но в 1949 году таинственная комната со сводами оказалась в центре внимания поисковиков.

Из воспоминаний А. М. Кучумова.

Диктофонная запись. Август 1990 года

«...Нас эта комната как-то сразу привлекла. Разобрали паркетный пол, под ним старые перекрытия, как и полагается, в четыре кирпича. Дальше шел слой бетона, сантиметров 10–15.

Пробили бетон, пошел песок. Причем в песке попали куски битого черного шифера, которым были, как известно, покрыты крыши замковых построек, маленький осколок от фарфоровой куколки — традиционной немецкой детской игрушки...

Солдаты пробивали в подвале, примыкавшем к „Блютгерихту“, стену из булыжников, чтобы снизу проникнуть в замурованное помещение... Любопытно, что, когда они вывернули несколько каменных глыб в песчаной засыпке, попался кусок истлевшей газеты с готическим шрифтом. Обрывок этот не содержал ни дат, ни цифр, поэтому определить время, когда газета могла попасть туда, было невозможно...

Копали дальше. В песке обнаружили двухметровый металлический стержень, вроде как часть какой-то арматуры... Сделать больше в тех условиях мы ничего не смогли...»

До сих пор остается загадкой, как попали в толщу песка предметы, имевшие явно более позднее происхождение, чем можно было предполагать по конструктивным особенностям этой части сооружения. Никакого сомнения нет в том, что здесь велись какие-то скрытые строительные работы, причем велись очень тщательно, аккуратно и квалифицированно. Ведь нужно было не только засыпать грунт в имевшиеся полости, но и сделать так, чтобы снаружи (как со стороны комнаты, так и со стороны смежного подвала) не оставалось никаких признаков проведенных работ.

Но самое интересное, читатель, я приберег напоследок. Дело в том, что Анатолий Михайлович обратил внимание на две чрезвычайно существенные детали, связанные с «комнатой со сводами», которые делают наши подозрения еще более обоснованными.

Деталь первая. В центре потолка комнаты № 101, в том месте, где своды образуют так называемый замок, торчал массивный кованый крюк толщиной не менее трех сантиметров. Трудно даже предположить, что можно было подвешивать на таком толстом крюке в маленькой комнатке с высотой потолка около трех метров. Для люстры, даже самой массивной, такого мощного крюка не требовалось. Тогда для чего же? Может быть, для того, чтобы закрепить на нем систему подъемных механизмов с блоками и лебедкой, а затем осторожно опускать тяжелый груз в вырытую внизу шахту? К сожалению, ответа на этот вопрос до сих пор нет.

Деталь вторая. Со стороны коридора, проходящего вдоль всей анфилады, именно в этой части стены, которая прилегала к интересующей нас комнате, была массивная железная дверь, ведущая в... никуда. Сплошная кирпичная кладка наглухо замуровывала дверной проем. Как раз в том месте, где у Фридриха Ларса на схеме стоят знаки вопроса. В связи с этим Кучумов при нашей последней встрече вспоминал о найденном после войны письме доктора Роде профессору Циммерману, тайному советнику, работавшему в берлинском музее Кайзера Фридриха — культурном центре христианского, византийского, азиатского и исламского искусства, имевшем богатую картинную галерею и нумизматический кабинет.

**Из письма Альфреда Роде доктору Циммерману.
Кёнигсберг, 2 сентября 1944 года**

«Глубокоуважаемый тайный советник! Несмотря на полное разрушение кёнигсбергского замка взрывами и зажигательными бомбами, меры противовоздушной обороны, которые мы предприняли, оправдали себя. Художественное собрание до сих пор не потеряло ни одной значительной картины... Также обе миниатюры герцога Альбрехта и Анны Пруссских, которые находились в дворовом бункере^[194]. От этого бункера мы потеряли ключи к железной двери, так что пока не можем попасть в это помещение... Прошу вас сообщить... господину директору доктору Галлю, что Янтарная комната осталась неповрежденной...»

В 1945 году профессор Брюсов, обнаруживший это письмо в числе других документов замкового музея, интерпретировал почерпнутые из письма сведения как данные о бункере, расположенном за пределами Королевского замка. Доктор Роде, как я уже рассказывал в соответствующей главе, поведал в связи с этим о трехъярусном бункере в районе Штайндамм, получившем впоследствии у поисковиков наименование «бункера Брюсова». Кучумов же в течение всего времени поисков придерживался мнения о том, что этот объект является одной из мистификаций доктора Роде, стремившегося всеми правдами и неправдами отвлечь внимание от замка и, в первую очередь, от «дворового бункера», вход в который, может быть, и располагался как раз под «комнатой со сводами» или в прилегающих к ней помещениях. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые компетентные специалисты, занимающиеся поисковой работой в последнее десятилетие.

Наш интерес к помещениям бывшей Фирмари не исчерпывается наблюдениями Кучумова, сделанными в отношении комнаты № 101, потому было немало и других, объективно существовавших обстоятельств, которые нельзя не брать во внимание, если всерьез пытаться внести ясность в возможные способы укрытия ценностей на территории замка. Одним из обстоятельств такого рода является наличие древнейшего подземного хода из подвалов Фирмари, использовавшихся в качестве складских помещений винного погребка «Блютгерихт». Нет ни одного из тех мифических ходов, сведения о которых почерпнуты с оборотной стороны случайно найденного кирпича, о чем в конце 1990 года не раз писала газета «Калининградский комсомолец»^[195], а недавно даже сообщал один из уважаемых каналов центрального телевидения. Наш «скромный» подземный ход не обладал, конечно, всеми теми достоинствами, которыми,

по мнению авторов этих сюжетов, должны обладать орденские ходы. Смелые гипотезы о разъезжавших по ним в былые времена каретах и о поражающей воображение протяженности подземных «ярусов» к нему совершенно не имеют отношения. Но мне кажется, что даже самые общие сведения о нем представляют определенный интерес, хотя бы уже потому, что основываются на точных фактических данных.

Упоминаемый подземный туннель соединял подвальную часть Фирмариин с существовавшим некогда на месте замкового двора Домом Конвента — древнейшим сооружением орденового замка, построенном в первой четверти XIV века и являвшимся одно время местом пребывания Верховного маршала Тевтонского ордена. Ход, имевший довольно скромные размеры — около двух метров в высоту и полутора метров в ширину, — под прямым углом выходил из подвалов Фирмариин, на глубине около трех метров пересекал почти тридцатиметровое открытое пространство внутренней части замка и вливался в подземные лабиринты Дома Конвента. Пользуясь этим ходом, рыцари имели возможность незаметно посещать своего предводителя, если требовалось провести конфиденциальную беседу, могли препровождать допрошенных верховным маршалом пленных прямо в камеру пыток, расположенную в подвале башни фогта Лиделау, или в случае осады перемещаться с одного укрепленного участка на другой.

В подземный ход под Фирмариин можно было попасть, спустившись в небольшой тамбур, который располагался рядом с мастерскими и складом «Блютгерихта». Это всего в нескольких шагах от громадного подземелья, где наши солдаты пробивали стену из булыжников, чтобы попасть в замурованное пространство под упоминавшейся «комнатой со сводами». Когда-то ход был засыпан песком, но сохранившиеся прочные стены и полуциркульные своды из старинного обожженного кирпича позволяли в любой момент легко расчистить его и использовать в случае надобности. Кто знает, может быть, это было сделано осенью 1944 года или позже, в феврале — марте 1945 года, и старый орденовый ход еще раз сослужил службу, на этот раз помогая скрыть в подземных недрах Королевского замка ценности, которые мы ищем уже более шестидесяти лет. Так или иначе, но обстоятельные поиски, проведенные зимой 1949 года в самой древней части замка, не дали желаемых результатов.

Не оправдались надежды и на доктора Штрауса, специально приглашенного в Калининград из Берлина для консультации по интересующим поисковиков вопросам. Фактически он повторял уже известные сведения, ничего не добавляя к тому, что рассказывали Роде и

Файерабенд. Кучумов обратил внимание на то, что Штраус был категорически против разбора завалов и ведения каких-либо раскопок на территории замка. Свою позицию бывший сотрудник Инспекции по охране памятников Восточной Пруссии мотивировал необходимостью прежде всего найти хранившиеся в Берлине рабочие чертежи Королевского замка, чтобы, руководствуясь ими, искать не вслепую, а целенаправленно и с большим эффектом. Но где эти чертежи? Берлин лежал еще в развалинах, а смерч войны уничтожил многие архивные фонды. Разыскивать папки с планами, может быть уже не существующие, и в связи с этим прекратить практические поиски казалось тогда нерациональным.

Завершая работу в Калининграде, Александр Яковлевич Брюсов подготовил обстоятельную записку, в которой попытался проанализировать результаты поисков Янтарной комнаты и высказать ряд соображений о перспективах их дальнейшего проведения.

Из записки А. Я. Брюсова

«Дополнительные предположения по поводу поиска Янтарной комнаты».

Калининград, 25 декабря 1949 года

«1. Полагаю, что Янтарная комната сохранилась, так как:

а) на месте, где, по словам Роде, она хранилась (в Орденом зале) и где она якобы сгорела, оказались только следы сгоревших дверей от нее и не сохранилось ни кусочка от бронзовых частей ее;

б) другие сотрудники музея, бывшие в Кёнигсберге (Файерабенд, Фридрих), ничего не знали о том, что комната сгорела, а это — невероятно;

в) по словам д-ра Штрауса (сказано 23.XII.1949 года в присутствии т. Кучумова), Роде перед смертью заявил, что Янтарная комната цела...

... 3. Комната могла быть скрыта в самом замке. Но при этом надо обратить внимание на следующее:

...при моих раскопках в 1945 г. двух комнат Художественного отдела, которым заведовал Роде, были найдены многие вещи большой художественной ценности, как, например, картины итальянских мастеров XIV в. Вещи лежали в помещении 1-го этажа в южном крыле здания, по-видимому, подготовленные к упаковке и переносу их оттуда, так как рядом стояли ящики, корзина и лежал упаковочный материал. Следовательно, только в

самую последнюю минуту Роде собирался переместить эти вещи, но не успел. Даже очень ценные вещи до самого конца не были вывезены из замка (из отдела, которым заведовал Роде)...»

В заключение своей записки А. Я. Брюсов делал вывод о том, что Янтарная комната все-таки была спрятана не в северном, а в южном крыле Королевского замка, а именно в подвалах Прусского музея, относящихся к отделу, который возглавлял доктор Роде, так как именно это якобы могло обеспечить с его стороны постоянное наблюдение.

Кучумов же еще долго вспоминал «комнату со сводами», необъяснимые находки, сделанные в грунте, неизвестно когда засыпанном в полость подвала, массивный крюк на сводчатом потолке...

К сожалению, поиски, проведенные в замке зимой 1949 года, оказались бесплодными. Северное крыло замка принесло на этот раз крайне скудные находки — осколки фарфоровых сервизов, спрессованные пачки сгоревших документов Государственного архива Пруссии, которые буквально рассыпались в руках... Анатолий Михайлович увез с собой в Пушкин десятки керамических пробок от бутылок некогда знаменитого «Блютгерихта». На каждой из них имелось миниатюрное изображение замковой колокольни или северного крыла с турнирной галереей, въездных ворот с полукруглой аркой или восьмиугольной башней Хабертурм, а по окружности — надпись: «200 лет винному погребку „Блютгерихт“». Потом еще долго закрытые этими пробками бутылки с самодельным вином восхищали участников праздничных застолий и дружеских вечеринок. Смакуя янтарное вино и разглядывая экзотические пробки, гости говорили: «Умели же делать. А?»

Как легко мы обманываемся чисто внешними признаками, якобы говорящими о глубине внутреннего содержания. За красивой оболочкой мы зачастую не умеем распознать истинный смысл явления, разгадать чью-то хитрость. С орденскими залами северного крыла замка в те далекие послевоенные годы произошло то же самое. Талантливые исследователи, горячие энтузиасты поиска утраченных в годы войны сокровищ так и не смогли найти ключ к таинственным захоронениям в этих мрачных подземельях. Загадка осталась неразгаданной. Она терпеливо ждала своих открывателей. Но пока не дождалась.

Глава двенадцатая

В каменной западне

Приблизиться к цели — еще не значит достигнуть ее: не дойдя одного шага, можно встретить пропасть, которую не перейдешь...

Луи Огюст Бланки, французский
политический деятель (1805–1881)

Вот уже более сорока лет, как на калининградской земле отсутствует хоть какое-нибудь напоминание о том, что в самом центре города стоял некогда поражавший воображение современников Королевский замок. На его месте сейчас известная каждому калининградцу большая площадь с фонтанами и цветниками перед массивным, недостроенным и теперь уже никому не нужным зданием-монстром — символом ушедшей советской эпохи. Так и не состоявшийся Дом Советов стоит бесполезной громадой, и никто не знает, что делать с ним, разоренным, опустошенным, брошенным. Сколько стоять колоссу, одному Богу известно. И остается только надежда на то, что кому-нибудь придет в голову гениальная идея и будет найдено удачное решение, которое сможет вдохнуть в него новую жизнь.

Автор этих строк, как, впрочем, и многие калининградцы, конечно, помнят, как выглядело это место полвека назад: тогда здесь не было еще ни гостиницы, ни безвкусных, похожих на фабричные корпуса, махин торговых комплексов, ни эстакадного моста через Преголю. Среди громадного пустыря, лежащего между пятиэтажками, возвышались зловещие руины Королевского замка.

К середине шестидесятых годов от замка действительно остались лишь развалины. В 1954 году была взорвана угрожающая рухнуть стометровая колокольня, в 1955-м — подорваны стены северного и южного крыльев замка, а кирпич стал использоваться для изготовления строительных блоков. До 1956 года, когда разрушение Королевского замка было временно приостановлено, на его территории работала камнедробильная установка, превращавшая в пыль старинный кирпич с острова Эзель. Спустя годы стало известно, какая острая дискуссия развернулась в это время в связи с намечаемой окончательной разборкой руин. Мы знаем и о письме Брежневу главного архитектора города

В. В. Ходаковского, и об активной позиции писателя В. П. Ерашова, архитектора В. Еремеева, участника штурма Кёнигсберга Г. Зуева, и о выступлении первого секретаря обкома Н. С. Коновалова, энергично поддерживавшего на собрании актива в декабре 1965 года планы уничтожения «фашистского замка». Так или иначе, но с 1966 года начались плановые работы по ликвидации сохранившихся частей сооружения: подрывались башни и стены, обрушивались своды, разбирались на кирпич и камни горы обломков... Замку оставалось жить считанные месяцы.

Именно в это время мне, тогда еще московскому школьнику-старшекласснику, довелось побывать в Калининграде и оказаться в центре событий, которые надолго запали в память, определив во многом тот жгучий интерес к прошлому этого города, который сопровождает меня и в зрелые годы. Поскольку обстоятельства моего давнего знакомства с Королевским замком имеют прямое отношение к рассказу о древнейшей части тевтонской твердыни и связанными с нею версиями об укрытии художественных ценностей, давайте попытаемся окунуться в весенний день 1967 года, когда мы, двое шестнадцатилетних ребят-одноклассников, учеников 427-й московской школы Андрей Пржездомский и Володя Черный сидели на боковых местах в самом конце плацкартного вагона скорого поезда № 29.

Внизу под откидным столиком стояли на полу наши спортивные сумки, на плече у меня висела старая потертая папина полевая сумка с оттопыренным клапаном, а Володя сжимал в руках футляр старенького «ФЭДа». С каждой минутой мы приближались к цели, которой жили последние месяцы школьной жизни и которой были посвящены наши разговоры на переменах, множество записей и рисунков на последних страницах школьных общих тетрадей.

За окном уже мелькали пригороды большого города. Земля, освободившаяся от снежного плена, была покрыта мусором. Повсюду у заборов, у стен покосившихся сараев еще виднелись пласты почерневшего снега. Поезд замедлил ход. Рядом замельтешили пути со стоящими на них составами и отдельными вагонами, станционные постройки, длинные кирпичные сараи под черепичными крышами. За частоколом еще голых деревьев виднелись городские здания, улицы. Вдали медленно проплывали две высокие колокольни — одна с округлым черепичным куполом, другая — готическая, с зияющей на месте бывших когда-то часов пробоиной. Много позже первая из них, именовавшаяся Лютер-кирхой, была взорвана и на ее месте до сих пор пустота, а вторая — бывшая Кирха Святого Семейства — стала Калининградским органным залом.

Пассажиры, нагрузившись вещами, стали проталкиваться к выходу в тамбур, запрудили проход. Медленно наплывало здание вокзала, поезд тихо въезжал под застекленную крышу перрона. С двух сторон появились платформы с суetyающимися на них фигурами встречающих и носильщиков, спешащих к пребывающему московскому поезду.

Под гулкой крышей вокзала, сквозь открытые окна вагона, впустившие запахи весенней свежести, мазута и какого-то специфического станционного духа, зазвучало: «На вторую платформу первого пути прибывает скорый поезд номер двадцать девять, следующий из Москвы». Состав проехал еще немного, заскрипели тормоза, вагоны слегка дернулись, и поезд застыл на месте. Пассажиры засуетились, стали выходить на платформу. Возгласы встречающих, крики носильщиков «Посторонись!» слились в однообразный гул.

Мы выбрались из общей толкотни, спустились на платформу, с интересом озираясь по сторонам. В этом городе нас никто не мог встречать, и, постояв немного, мы с Володей направились к спуску в тоннель, ведущий в город...

Калининград давно будоражил наше воображение. В свои шестнадцать лет мы уже были достаточно хорошо осведомлены в истории и знали, что земля, именуемая ныне Калининградской областью, совсем еще недавно, каких-нибудь двадцать с лишним лет назад, проклиналась всем человечеством, так как являлась частью страны, которая породила страшное чудовище XX века — германский фашизм. Это была та самая Германия, вернее восточная ее окраина, откуда прусская военщина испокон веков осуществляла свою агрессию на Восток. Со времен псов-рыцарей захватчики несли отсюда народам Польши, Литвы, России кровь, слезы и смерть. Но мы знали также, что никакие кровавые события истории не способны были стереть в памяти людей страницы прошлого, связанные, например, с именем Канта, Бесселя, Эйлера, пребыванием в Кёнигсберге выдающихся россиян, созданием незаурядных архитектурных памятников...

Калининград привлекал не только своей многовековой историей, но и возбуждал воображение своим необычным видом: во второй половине шестидесятых годов среди множества новостроек сохранилось еще немало развалин — излюбленных мест для игр калининградских мальчишек и паломничества киностудий, снимавших фильмы о войне. К тому же в это время газеты запестрели броскими заголовками: «Тайна Янтарной комнаты», «Судьба сокровищ, награбленных фашистами в СССР», «Будет ли раскрыта тайна Янтарной комнаты?» Дело в том, что в феврале 1967

года неожиданно заявил о себе... Эрих Кох, бывший гаулейтер Восточной Пруссии и имперский комиссар обороны.

**Из статьи Ю. Пономаренко «Признания Коха.
Тайна похищения Янтарной комнаты приоткрывается».
26 февраля 1967 года**

«ВАРШАВА. 25 февраля (по телефону от соб. корр.). Польские газеты принесли сегодня сенсационное сообщение: заговорил военный преступник Эрих Кох, приговоренный польским судом к смертной казни и доживающий свой век в тюрьме. Бывший гаулейтер... приоткрывает тайну грабежа неповторимых ценностей искусства в Советском Союзе, среди которых находилась Янтарная комната из Пушкина, оцененная знатоками в 50 миллионов долларов.

— Янтарная комната, которую ищут более двадцати лет, спрятана в Калининграде, — заявил Кох...

Не кто иной, как именно Кох отдал приказ вывезти Янтарную комнату из Пушкина в Кёнигсберг (ныне Калининград) в его личное распоряжение, где она находилась до 1944 года.

Когда начались налеты советской авиации на Кёнигсберг, произведения искусства, в том числе и Янтарная комната, были упакованы в ящики и скрыты в подвалах замка. Немного позже город окружили советские войска. Кох отдал распоряжение спрятать награбленные богатства с особой тщательностью...»

Во всех статьях со ссылкой на бывшего гаулейтера и беседовавшего с ним польского журналиста Славомира Орловского говорилось о том, что Янтарная комната спрятана в бункере возле кирхи, расположенной неподалеку от школы Песталоцци в районе Понарт. Но и Королевский замок фигурировал во всех сообщениях, навеивая романтические настроения и пробуждая фантазию. Кроме того, перед поездкой нам удалось прочитать повесть Дмитриева и Ерашова «Дело о Янтарной комнате» с ее захватывающим полуфантастическим сюжетом, где действие в основном разворачивалось именно в развалинах замка. Словом, у нас с Володиёв было все для того, чтобы с трепетным чувством ожидать необычных приключений.

**Из дневниковых записей А. С. Пржездомского.
22 марта 1967 года**

«...Все устроилось самым наилучшим образом. Директором Дома пионеров на Молодежной оказалась миловидная женщина, которая, получив рекомендательную записку, доброжелательно встретила нас, тут же пригласила коменданта, и он определил нас на „постой“ в небольшую комнату на втором этаже — раздевалку кружка бальных танцев. На полу появились два толстых матраца, на стуле — стопка чистого постельного белья и полотенца. В руке у меня — ключ от комнаты. Наши обязательства сводятся лишь к тому, чтобы никого из посторонних не приводить в Дом, да и самим засветло возвращаться из города. Таким образом, уже через пару часов после приезда мы оказались устроенными и свободными для приключений...»

Надо сказать, что к поездке мы готовились основательно, но город совсем не знали, а в продаже тогда просто не могло быть каких-либо планов или схем Калининграда — города, закрытого для посещения иностранцами, в котором было много военных объектов и предприятий оборонки. Поэтому было решено ориентироваться по имеющемуся плану Кёнигсберга 1906 года из «Путеводителя по Германии» Карла Беддекера, который я купил в букинистическом магазине на Литейном в Ленинграде. Насколько это оказалось сложным, а зачастую даже невозможным, стало ясно очень скоро, когда мы убедились, что центр города претерпел сильнейшие изменения и очертания плана в большинстве случаев не соответствовали нынешнему состоянию: там, где раньше проходила улица и стояли дома, — либо высились совершенно другие, не совпадающие со старой планировкой пятиэтажки, либо место было совершенно голым, как поле с поросшими бурьяном холмиками на месте фундаментов. И лишь трамвайные линии да брусчатка мостовых пролегали там, где они обозначались на карте — на месте старых улиц и переулков.

Полчаса езды на трамвае, юрком и раскачивающимся из стороны в сторону, тоже показавшимся необычным из-за малых его размеров и узкой колеи, — и мы выехали на площадь перед замком.

«Дом профсоюзов», — объявила остановку женщина-кондуктор, и мы, новоиспеченные искатели приключений, разглядев вблизи громадину замка, соскочили на землю. Да, зрелище было действительно грандиозное. Стандартные четырех- и пятиэтажки по сравнению с высоченными развалинами выглядели карликами рядом с изувеченным великаном. На площадь выступали две цилиндрические башни высотой с двенадцатиэтажный дом с огромными окнами-проломами и овальными

бойницами в верхней части. Серый камень был испещрен тысячами выбоин, царапин и трещин. Башни соединялись между собой высокой каменной стеной с колоссальными окнами во всю высоту стены, отделенными друг от друга гигантскими контрфорсами^[196]. Сквозь глазницы окон виднелись обвалившиеся стены, лопнувшие и рухнувшие перекрытия, торчащие балки и прочий хаос — следствие катастрофического разрушения.

В нижней части замок покоился на сложенном из камня возвышении, становящемся все выше и выше по мере уклона холма к реке. По верхнему краю каменной кладки проходила фигурная ограда из красного кирпича и гранита. Застарелые завалы и кучи щебня были покрыты пожухлой травой и всяческим мусором. То тут, то там виднелись голые кусты и небольшие деревца. Один из таких кустов облюбовал себе место даже на верхотуре правой башни, свешиваясь в том месте карниза, где зияла заметная выбоина. От стен и особенно от нижних, наполовину засыпанных окон замка, казавшихся входами в пещеры, веяло промозглой сыростью и холодом запустения. По спине невольно пробежали мурашки.

Сделав несколько шагов, мы с Володей очутились в пространстве, окруженном со всех сторон высокими полуобвалившимися стенами. Еле заметная тропинка вела через нагромождение обломков, мимо слежавшихся кирпичных завалов и торчащих из них балок рухнувших перекрытий. Руины были столь впечатляющими, что невольно вспоминались прочитанные в книгах описания то ли лунного, то ли какого-то другого неземного ландшафта. В одном месте стены соединялись между собой дугообразной перемычкой, напоминавшей причудливый мост между скалами. Стены еще хранили следы существовавших когда-то этажей: кое-где уцелела фигурная лепка, поблескивали на солнце изразцовые плитки, удивляли своим местоположением сохранившиеся части лестничных маршей, добраться до которых теперь уж было просто невозможно.

Обогнув остов стены, похожий на валун высотой с трехэтажный дом, мы вышли через другой пролом во внутренний двор замка. Открывшаяся перед нами картина запустения потрясала своей грандиозностью. Куда ни бросишь взгляд — повсюду развалины, кое-где совсем свежие. Увидев у обломков южного крыла замка трактор и гусеничный тягач, пару деревянных вагончиков на колесах, в которых обычно располагаются строители и хранится их инвентарь, мы поняли, что приехали в Калининград вовремя и, видимо, через несколько месяцев с руинами замка будет покончено.

Доносившиеся издали звуки проезжающих машин и шум трамваев

казались нереальными в этом угрюмом хаосе. Городские улицы проходили в стороне от руин замка, а калининградцы, насмотревшись на всяческие развалины, которых в округе было предостаточно, не проявляли особого интереса к этому месту. Лишь вездесущие мальчишки, которые издавна облюбовали для своих игр руины замка, могли позволить себе удовольствие лазить по высоким стенам, спускаться в зияющие проломы подземелий, подниматься на головокружительную высоту, каждый раз рискуя сломать себе шею. И сейчас, где-то на противоположной стороне замкового двора мелькало несколько маленьких фигурок в легких курточках.

Володя сразу предложил подняться на остов какого-то сооружения слева в северном крыле замка. Высотой с шестиэтажный дом, оно напоминало причудливый корабль, несущийся по волнам из каменного крошева. По-видимому, раньше здесь была прямоугольная башня — сохранилась чудом не рухнувшая стена с огромным круговым плоским окном, а также достаточно ровная площадка одного из верхних этажей, загроможденная обломками и битым кирпичом. На площадке виднелось несколько молодых березок, еще с голыми ветками. Странно было видеть их среди руин на такой высоте. Откуда нам было знать, что это и есть знаменитая башня фогта Лиделау, о которой уже не раз шла речь в этой повести.

Из книги Фридриха Ларса

«Кёнигсбергский замок».

Штуттгарт, 1956 год

«Башня фогта Дитриха фон Лиделау... имеет площадь 11 × 12,8 метра и сильно выступает за пределы внешней стены...

Дитрих фон Лиделау был в 1278–1292 годах фогтом Замландии... По его указанию и была построена башня.

...Со стороны двора в стене башни находился сдвинутый слегка на восток дверной проем. Из этой ниши... в западном направлении спускалась к нижним помещениям лестница, а в восточном — проход в толще стены к крепостному ходу...»

Если читатель внимательно знакомился с предыдущими главами повести, повествующими о Королевском замке, то он, конечно, вспомнит рассказ немки Магды Путтерс о «тайнике под алтарем», который мог находиться в одной из стен капеллы Святой Анны. Тогда читатель, может быть, не обратил внимания на упоминание о потайной лестнице в толще

стены башни фогта Лиделау, примыкавшей к капелле, и на описание «Маршальского ремтера», где Анатолий Михайлович Кучумов и солдат-регулирующий чудом избежали в 1946 году гибели от рухнувших вниз сводов. А ведь «Маршальский ремтер» как раз примыкал к интересующей нас башне. В 1967 году случай свел меня в первую очередь именно с этим загадочным и романтическим сооружением времен Средневековья. Конечно, тогда я очень мало знал о самом замке и многочисленных версиях, связанных с захоронением в недрах прусской громады несметных сокровищ. И только благодаря подробным записям и десяткам любительских фотографий, сделанных стареньким «ФЭДом», впоследствии удалось реконструировать события тех дней, «привязать» их к конкретным объектам и по достоинству оценить обстоятельства, которые в 1967 году, к сожалению, не привлекли особого внимания.

Володя, а вслед за ним и я, не без труда стали подниматься на башню фогта Лиделау. Самое интересное заключается в том, что уже тогда нам бросился в глаза непонятный пролом в широкой трехметровой стене сооружения. Многократные разрушения этой части замка, последние из которых проводились путем подрыва стен и сводов орденских залов, полностью обнажили внутренние стены капеллы Святой Анны и «Маршальского ремтера». Среди кирпичного монолита трехметровой толщи башни, казалось, расколото гигантским молотом на две части, обозначилась узкая, рваная щель, пронизывающая рыцарское укрепление сверху донизу. Трудно было представить, чтобы кирпичи, намертво связанные каким-то древним раствором, сами вывалились из стены и образовали непонятную полость. Причем ее очертания имели явно правильную прямоугольную форму. Уступами (когда-то здесь были ступени!) щель уходила вверх на почти пятнадцатиметровую высоту и там достигала верхнего этажа башни.

Карабкаясь между нависающими каменными глыбами, мы достигли «вершины» — достаточно ровной поверхности сводов второго этажа. Пол, если так можно было назвать шероховатую поверхность, на которой мы оказались, был усеян осколками кирпичей, на неведомую откуда взявшейся земле валялось несколько бутылок из-под водки, пара ржавых консервных банок, обрывки газет, смятая лачка сигарет.

— Андрей, пожалуй, мы здесь не первые, — заметил с усмешкой Володя.

Действительно, мы были далеко не первыми «исследователями» башни. В 1953 году почти все помещения северного крыла Королевского замка буквально обшарила группа, возглавляемая Иваном Тимофеевичем

Цедриком. Читатель, должно быть, помнит мой рассказ об этом незаурядном поисковике и кладоискателе, который, работая в гараже «Балтрыбстроя», пытался найти подземные сооружения на улице Барнаульской в районе бывшей площади Хоймаркт. Тогда неудачи чередовались с неожиданными успехами, и скоро вокруг Ивана Тимофеевича собралась группа энтузиастов, таких же, как и он, одержимых идеей открыть тайны кёнигсбергских подземелий и отыскать спрятанные фашистами ценности. Их было пять человек: сам Цедрик, работавший механиком, инженер Кулешенко, научный сотрудник Областного краеведческого музея Лебедев, столяр Осокин и машинист паровозного депо Озеров. Иван Тимофеевич, понимая, что самодеятельность в этом вопросе чревата серьезными осложнениями, обратился в обком партии, где его неожиданно поддержали. Кролевский, сам активный сторонник развертывания поисков культурных ценностей, решил использовать авантюризм кладоискателей-энтузиастов «в мирных целях» и направить его в организованное русло. Цедрику было выдано городским отделом коммунального хозяйства специальное удостоверение, разрешавшее предъявителю обследование различных зданий и развалин на территории города, а также вести раскопки в местах, где это не требует особого согласования с другими инстанциями.

Одним из первых объектов, которым занялась группа Цедрика, был Королевский замок. Зная об успехах и неудачах Брюсова и Кучумова, самодеятельные исследователи сосредоточили свое внимание на северном крыле замка, как раз в том самом месте, о котором я рассказываю в этой повести. Сначала они осмотрели все доступные рыцарские помещения — «Большой», «Малый» и «Маршальский ремтеры», «Маршальские покои» с гостиной, «Конвент», Капеллу Святой Анны, бывшую «Фирмарию»... Конечно, Иван Тимофеевич и его друзья не только не знали, как назывались эти комнаты и залы раньше, но и не имели никакого представления о внутренней планировке замка вообще. И, разумеется, совершенно не могли знать о всяческих исторических, архитектурных и фортификационных хитростях типа узкой лестницы, проходящей в толще стены башни фогта Лиделау. Но они добросовестно исследовали все закоулки, бросали горящие факелы в дымоходы, пытались простукивать стены.

Настойчивость поисковиков была вознаграждена в конце января 1953 года, когда, спустившись в одно небольшое подвальное помещение под «Конвентом», они обнаружили едва заметный замурованный кирпичом дверной проем. В дело тут же пошли лом и кирка. Несколько сильных ударов и... кирпичи обрушились куда-то вовнутрь, открывая вход в

подземелье. Не без волнения Иван Тимофеевич входил в него, освещая себе дорогу шахтерской лампой-подвеской. Но, увы! Комната оказалась совершенно пуста. Никакой мебели, никакого строительного материала, ни даже обыкновенного мусора не было в этом небольшом помещении с крестовым сводом, лишь у стены угадывалась кучка песка и известки, по-видимому, насыпавшихся сверху через четко обозначившуюся на своде трещину.

Разочарование, которое испытали все в тот миг, не остановило группу Цедрика, и она продолжала поиски в других частях замка, добившись вскоре неплохих результатов. В короткий срок было найдено большое количество старинной фарфоровой посуды, в том числе чудесный сервиз, состоящий из множества тарелок, чаш, бокалов, ваз и кувшинов, некоторые экспонаты Прусского музея, остатки нумизматической коллекции. Поэтому огорчение, вызванное обнаружением пустого подвала, быстро забылось, да и работала группа Цедрика в таком динамичном режиме, что некогда было даже поразмыслить над возникающими загадками. О замурованной, но пустой комнате больше не вспоминали, как будто сама по себе эта нелепость не должна была натолкнуть на серьезные подозрения. Правда, тогда никто еще не имел тех свидетельств, которые стали поступать в шестидесятые и семидесятые годы, — например, заявлений Пауля Зонненшайна, Вацлава Флерковского и Станислава Гуры об укрытии ценностей в подвалах под «Конвентом» или «Малым ремтером». Так и «повисла» информация о подвальной комнате, найденной в северном крыле Королевского замка, не получив не только логического завершения (в виде обстоятельного обследования этого места), но и какого-либо вразумительного объяснения.

Если уж такому загадочному обстоятельству, как находке замурованной комнаты под «Конвентом», не придали серьезного значения, то уж, конечно, подвергать скрупулезному исследованию особенности строения башни фогта Лиделау группа Цедрика не стала. Думается, ее внимание не привлекла потайная лестница в толще башни еще и потому, что значительная часть этого древнего рыцарского хода была тщательнейшим образом заложена кирпичом. Именно на это я и обратил внимание весной 1967 года, когда разборка развалин замка, можно сказать, шла полным ходом.

Из дневниковых записей А. С. Пржездомского.

22 марта 1967 года

«...Когда мы с Володи́ей спустились с верхней площадки

башни, я заметил нечто интересное в том проломе, через который мы пробирались как по щели в гигантской скале. Поднимаясь на башню, мы не могли заметить того, что увидели, спускаясь вниз, потому что смотрели теперь совсем в другом направлении. Сверху отчетливо видны ступени, и даже какие-то металлические скобы в стене...

Володя посветил фонариком в глубокую нишу. Очень странно, что ее задняя стенка грубо заложена обычными красными кирпичами, которые заметно уступают своими размерами замковой кладке... Мы решили, что здесь замурован спуск куда-то вниз, потому что с внешней стороны нигде не видно выхода...»

Я до сих пор помню возбуждение, которое охватило нас после спуска с башни. Мне и Володе казалось, что еще немного, и удастся отыскать какой-нибудь скрытый от посторонних глаз вход в подземелья Королевского замка и приблизиться к разгадке тайны захоронения ценностей. Конечно же, это было наивным. И не только потому, что в замке уже не раз основательно работали специалисты, а десятки мальчишек до самого последнего закутка «прочесали» руины. Главным фактором, который мешал добиться успеха (впрочем, не только самодеятельных поисковиков-авантюристов), — это самые примитивные представления об объекте, в данном случае — о Королевском замке. Справедливости ради надо сказать, что в этом мы были не одиноки. Архитектурные особенности этого сооружения, характеристики опорных конструкций, имеющихся проемов, ниш, потайных лестниц и рыцарских комнат, подземных подвалов и глубоких колодцев — обо всем этом не знал никто из многочисленной армии специалистов, работавших в древних руинах, включая и участников Калининградской экспедиции, в том числе тех, кто выдавал себя за крупных специалистов в вопросах фортификации. Поразительно, но представления о Королевском замке ограничивались лишь самыми общими сведениями, почерпнутыми из немецкой краеведческой литературы и довольно поверхностных описаний этого сооружения в книге Адольфа Бёттихера «Памятники архитектуры и искусства провинции Восточная Пруссия», изданной в Кёнигсберге аж в 1897 году (!). Точных же чертежей замка, которые, по данным уже упоминавшегося Герхарда Штрауса, хранились в Берлине, так никто раздобыть и не смог. Таким образом, на протяжении всего периода обследования работы велись в основном по наитию, особенно тогда, когда исчезли стены и башни замка, уступив место

нагромождению валунов, кирпича и щебня.

Тогда, весной 1967 года, нам, юным искателям приключений, приехавшим в Калининград из столицы, казалось, что нашей напористости и страсти будет достаточно для того, чтобы сделать хотя бы небольшое открытие, ну, например, обнаружить какое-нибудь ранее неизвестное подземелье, о которых так много написано в разных исторических романах и приключенческих повестях. Самое удивительное, что нам с Володей частично удалось исполнить задуманное, и это остается до сих пор одним из самых сильных впечатлений нашей юности.

Через пару дней после «обследования» башни и обнаружения замурованного хода в стене мы, как всегда быстро собравшись утром и наскоро позавтракав кефиром с хлебом, купленными накануне, отправились в центр города. Знакомой тропинкой мы прошли через арку западного крыла замка, перелезли через кучи кирпичей и обломков во внутренний двор. Мы уже собирались направиться к заинтересовавшему нас сооружению с высокой башней на берегу Преголи, как вдруг увидели стайку мальчишек лет семи-восьми, копошащихся в развалинах под башней ниже того места, где накануне была обнаружена замурованная полость в нише. Они что-то оживленно обсуждали, показывая руками на груды развалин.

Мы с Володей медленно, стараясь сохранить достоинство старших по возрасту, подошли к мальчишкам.

— Ну как, ребята, нашли чего-нибудь здесь?

В ответ — молчание. Лишь парень в темно-синем свитере, по-видимому, самый старший и заводила среди них, пожал плечами.

— Говорят, тут есть глубокие подземелья, — была сделана еще одна попытка разговорить мальчишек.

— Да мы тут уже все облазили. Только вот теперь, с тех пор как стали рушить «замок трех королей», появились новые подземные ходы, — нехотя проговорил парень.

— Почему ты называешь его «замком трех королей»?

— Потому, что в нем жили три немецких короля, а подземные ходы отсюда шли аж вон туда, — он указал рукой в сторону острова, на котором высилась громада Кафедрального собора.

— Пряма-таки уж туда?

— Честное слово, Васька лазил и вытащил оттуда немецкий автомат и гранату с деревянной ручкой...

И сразу ребят как прорвало. Они, перебивая друг друга, стали рассказывать о громадных подземельях, будто бы пронизывающих весь

город, по которым могли разъезжать королевские кареты, об удивительных находках, о страшных привидениях и о эсэсовцах, блуждающих до сих пор в темноте сырых подвалов... Здесь с правдой переплетался вымысел, с имеющими место реальными событиями — ребячья фантазия и преднамеренная детская ложь. Потом мне не раз приходилось встречаться с калининградскими ребятами, слушать их истории, порой не такие уж и неправдоподобные, а время от времени и пользоваться их советами, особенно во время работы в экспедиции по розыску Янтарной комнаты.

Мальчишки, в отличие от всегда занятых и зачастую скептически настроенных взрослых, поступками которых иногда движет откровенный рационализм, свободны в своих действиях, раскованны и при условиях, дающих пищу их фантазии, способны на многое, даже на открытия. Нечто похожее произошло и в тот раз, когда один из мальчишек вдруг начал рассказывать о взволновавшем всю их компанию событии.

— Там, — мальчишка показал на руины у подножия башни фогта Лиделау, — вот за этой стеной после экскаватора на той неделе открылась дыра в подземелье. Мы уже лазили туда. Но у нас не было фонарика, а спички быстро все сгорели. Мы зажгли, правда, тряпку на палке, но она очень дымила, и с ней невозможно было ходить.

— Там знаете какие подвалы. Во-о-о... — невысокий паренек в кепочке, вступивший в разговор, широко развел руки и округлил глаза, наглядно демонстрируя величину подвалов замка.

— Пойдемте, мы вам покажем вход.

Входом оказалась узкая щель, образовавшаяся между верхней частью арочного проема и обрушившимися сверху обломками стен и сводов северного крыла. Она располагалась на бывшем замковом дворе чуть правее башни фогта Лиделау, — там, где, как мы теперь знаем, находился когда-то «Большой ремтер», помещение которого принадлежало винному погребку «Блютгерихт».

Из дневниковых записей А. С. Пржедомского.

25 марта 1967 года

«...Щель узкая, но достаточная для того, чтобы пролезть внутрь, при этом, конечно, изрядно испачкавшись в кирпичной пыли и известке. Я свечу фонариком: щель, как трещина в скале, ведет куда-то под небольшим наклоном вглубь и пропадает в темноте. Оттуда веет сыростью и холодом.

Ребята выжидательно смотрят на нас. По их лицам видно, что им ужасно хочется посмотреть, что же там внутри, в том

зловещем подземелье „замка трех королей“. Но страх, навеянный необыкновенными историями, не позволяет им лезть в такую пугающую своей бездонностью щель. Да они, наверное, и не были там, — думаю я...

Володя безучастно отворачивается в сторону и всем своим видом показывает, что его совсем не интересует эта „дыра“ и он уж, во всяком случае, не собирается лезть в нее. Я мучительно соображаю, какую бы уловку придумать для того, чтобы тоже увильнуть... На ум приходят мысли о том, что риск должен быть только оправданным и разумным. А здесь? Лезть куда-то во мрак и неизвестность, рискуя свалиться в какой-нибудь колодец или быть заваленным обломками! Нет уж! Это не для меня».

Наверное, благоразумие все-таки взяло бы верх и мы с Володей благополучно отправились бы дальше — на остров или в сторону Литовского вала, и не было бы волнующих и запавших в память впечатлений. Но все решила реакция одного из мальчишек. Он, вдруг точно прочел мои мысли, криво усмехнулся и с явной издевкой сказал:

— Ну что, боитесь? Дайте мне фонарик, я сам слазаю туда.

Это было уж слишком. Кровь ударила мне в голову, застучала в висках. Нет, не потому, что слова парня показались оскорбительными. Я понял — лезть в эту дыру все-таки придется, хотя по-прежнему боялся протиснуться в узкую щель и оказаться один на один с мрачным подземельем. А вдруг там внутри уже ждет здоровенный обросший детина в изодранном черном мундире и с автоматом в руках? — такая жуткая мысль мелькнула в голове.

Я очень отчетливо помню, как опустился на корточки, затем встал на колени, еще раз посветил фонариком внутрь: проходу, казалось, нет конца и он спускается куда-то прямо в самую преисподнюю.

— Ну что ж, слазаем, посмотрим, — наигранно бодрым голосом сказал автор этих воспоминаний. Наверное, выражение моего лица не очень соответствовало тону, которым говорилось эта фраза, и ребята уже без тени улыбки посмотрели на меня. Я согнулся в три погибели, вытянул вперед руки. В одной из них был Володин фонарик, старый немецкий батареечный «дайман», луч которого тонул в глубине щели. Просунув голову и ощутив плечами холод кирпичной стены, я подтянул свое тело, оттолкнувшись ногами от большого обломка, лежащего рядом со входом. Извиваясь, задевая локтями и головой нависающую кладку туннеля, медленно продвигался вглубь.

В щели стало совершенно темно — своим телом я почти загородил

весь свет, проникающий снаружи. Я прополз уже метра три, а конца туннеля не было видно. По спине пробежали мурашки. Помню пронзившую мозг мысль о том, что я могу застрять здесь и уж тогда никто не сможет вытащить меня из этой каменной западни. Такого страха, как тогда, 25 марта 1967 года, я, наверное, никогда больше не испытывал в своей жизни. Разве что в февральские дни 1990 года во время массовых беспорядков в Душанбе, когда дрогнул даже небезызвестный герой современности «комиссар Катани» — киноартист Мигель Плачидо, оказавшийся в гуще разъяренной толпы.

Вдруг проход резко расширился, я смог поднять голову, затем приподнялся сам, присел на корточки. Фонарик выхватил в темноте сводчатый потолок, мрачные массивные стены, заваленный чем-то неразличимым пол. Свет сюда едва проникал, образуя световую полосу, растворявшуюся в темноте подземелья. Мельком осмотревшись вокруг и убедившись, что ничего опасного здесь пока нет и уж во всяком случае эсэсовцы давно покинули это помещение, я прокричал в туннель, чтобы Володя спускался вслед.

— Здесь та-а-а-кое огромное подземелье, — крикнул я в проход и сразу поймал себя на том, что сам непроизвольно развел руки и округлил глаза, как это делал мальчишка, рассказывающий о подвалах. Мне вдруг стало очень весело, все страхи сразу ушли, я почувствовал себя смелым и мужественным первооткрывателем сокровищ Королевского замка. И когда Володя появился внизу, я, уже на правах хозяина, помог ему подняться и покровительственно похлопал его по плечу. Вслед за ним в пролом спустились двое мальчишек.

Подвальное помещение поражало своими размерами. Свет фонарика таял в темноте, сквозь которую проступали очертания массивных стен, полукругом сходящихся где-то вверху. Пол был усеян обломками кирпичей, то тут, то там торчали полуистлевшие доски и громадных размеров металлические обручи. С потолка свешивались длинные ржавые крюки и обрывки проводов. Слева от входа гора кирпичей и огромных камней достигала до сводов под самым потолком, — видно, они рухнули вниз через пролом в перекрытиях. Откуда нам тогда было знать, что этот зловещий подземный зал назывался когда-то «Большим ремтером» и являлся главным залом «Блютгерихта».

**Из книги Вальтера Франца
«О „Блютгерихте“ в Кёнигсберге».
Кёнигсберг, 1938 год**

«Как выглядел „Блютгерихт“ в первой половине XIX века, демонстрирует старая картина, изображающая главный зал. Громадные бочки на заднем плане еще не были украшены великолепной резьбой. Кажется, уже тогда использовался и большой стол, который сегодня стоит в центре зала, а два других — вдоль стен. Зал полон посетителей: военные в униформе периода Освободительной войны^[197], студенты в рубашках с высокими стоячими воротничками, торговцы в цилиндрах... Кельнер подносит новый штоф вина, проходя мимо музыкантов, играющих на арфе и гобое. Невзрачные светильники должны были концентрировать свет в нижнюю часть зала для того, чтобы хоть немного осветить толстые, серые стены...»

Спустя сто пятьдесят лет в этом зале было еще более мрачно, а два карманных фонарика позволяли получать лишь бледные пятнышки света на стене. Притихшие «исследователи» с любопытством осматривали подземелье, никакой звук не проникал сюда, ведь над головой у нас была многометровая толща камня и спрессованного кирпича. Наверное, так же мрачно здесь было и тогда, в марте 1945 года, когда «Большой ремтер» был завален ящиками самых различных размеров и мебелью, собранной из королевских покоев. По некоторым данным, как я уже рассказывал, доктор Роде именно здесь хранил после августовской бомбардировки ящики с демонтированными панелями Янтарной комнаты. Именно сюда за несколько дней до штурма он привел гаулейтера Коха и тот отчитал ученого-искусствоведа за нерасторопность в укрытии ценностей.

Но посетители «Большого ремтера» в 1967 году ничего этого не знали, потому и не задавались вопросом, куда же могли деться сокровища. Нас интересовали подземелья вообще, и какой-либо конкретной цели, спускаясь сюда, мы, конечно, не могли преследовать. Для нас «Большой ремтер» был просто громадным и зловещим подвалом полуразрушенного замка. Обшаривая фонариком стены зала, мы увидели, что справа, в углу — глубокая ниша, из которой несколько ступенек вели к дверному проему. Однако и здесь, по-видимому, разрушительная сила взрыва сделала свое дело, завалив вход в соседнее помещение. Попасть туда (а это был знаменитый «Малый ремтер») не представлялось возможным. Таким образом, я собственноручно мог бы удостоверить, что это помещение «Блютгерихта» в 1967 году было полностью завалено рухнувшими конструкциями. Они погребли не только то, что находилось в самом помещении, но и наглухо завалили расположенные еще ниже подземелья.

Как мы знаем из документальных источников, под «Малым ремтером» на глубине пяти метров располагался громадный сводчатый подвал площадью свыше ста десяти квадратных метров. Массивные цилиндрические своды поддерживались прямоугольным трехметровым пилоном^[198]. Интересно то, что зал этот имел несколько глубоких ниш в фундаментах орденовой постройки. Во внешней стене северного крыла эти ниши углублялись почти на всю толщину каменной кладки и даже несколько расширялись в своей верхней части. Для чего они служили в древние рыцарские времена? Для входа в подземные лабиринты старого города? Для спуска на глубину каких-либо грузов? Для каких-то других хозяйственно-бытовых целей? К сожалению, это неизвестно.

Вместе с тем, наличие ниш в заваленном подвале «Малого ремтера» наводит на очень любопытные предположения, в частности, с наибольшей степенью вероятности определяющие место одного или, может быть, двух (ведь ниши тоже две!) подземных ходов, ведущих к северу от Королевского замка. О первом рассказали в свое время поляки Вацлав Флерковский и Станислав Гура, которые участвовали в строительстве глубокой траншеи, под прямым углом пересекавшей брусчатку мостовой рядом с замком. О втором поведал в своих воспоминаниях старший советник Управления высотного строительства Ганс Гербах, руководивший постройкой трехсотметрового подземного туннеля, который соединялся с канализационным коллектором и доходил аж до Альтштадтской кирхи. Остается только гадать о том, когда же все-таки оказались обрушенными своды «Малого ремтера», ведь двумя этажами выше располагалась гостиная «Маршальских покоев», где Брюсов видел обгоревшие медные навески, а затем Кучумов обнаружил остатки трех панно флорентийских мозаик, являвшихся элементами декора Янтарной комнаты. Так или иначе, но к началу обстоятельного обследования замка подземелья под «Малым ремтером» оставались заваленными и, естественно, не могли быть изучены должным образом.

Не менее интересными были и другие конструктивные детали подвала под «Малым ремтером». Так, во внутренней стене замка, там, где находилась турнирная галерея и вход в «Блютгерихт», под землей располагались обширные ниши, почти на пять метров уходящие вглубь двора. Какой цели служили эти хранилища, также неизвестно, хотя не исключаются довольно прозаические объяснения, так как винный погребок являлся хлопотным хозяйством, своего рода торгово-производственным комплексом, требующим наличия многочисленных подсобок и технических помещений.

Ближе к углу подземной комнаты рядом с пятиметровыми нишами в стене была проложена узкая винтовая лестница, которая поднималась до расположенных двумя этажами выше «Маршальских покоев». Не по этому ли потайному ходу ретировались из осажденного замка нацистские бонзы и эсэсовские главари? Прощмыгнуть в горячке боя в узкую дверь и потом пятнадцатую метрами ниже попасть в длинный туннель-лабиринт, протянувшийся под старым городом вплоть до Альтштадтской кирхи, было делом нетрудным.

Где-то там во время постыдного бегства с поля боя сорвался в зловонную жижу канализационного коллектора генерал Фидлер, бывший уполномоченный обер-президента по вопросам противопожарной безопасности, директор Пожарной школы в Метгетене, пытавшийся по указанию оберфюрера Бёме помешать капитуляции кёнигсбергского гарнизона и расстрелять советских офицеров, прибывших в бункер генерала Ляша для ведения переговоров. Должно быть, десятки крупных и мелких фашистских руководителей скрылись через этот ход, прежде чем рухнули своды «Малого ремтера». Трудно понять, почему до сих пор никого не заинтересовал этот подземный лабиринт, выходящий из северного крыла замка, ведь по существу никаких основательных работ по его поиску проведено не было, если не учитывать немногочисленные и вялые попытки найти хотя бы «что-нибудь» в этом месте, предпринятые в шестидесятые — семидесятые годы. Впрочем, об этом речь пойдет дальше.

Внимательно осмотрев «Большой ремтер», самодеятельные исследователи в 1967 году неожиданно обнаружили большую арку, конусом поднимающуюся прямо до сводчатого потолка. Недолго думая, мы шагнули в темный проем...

Из дневниковых записей А. С. Пржездомского.

25 марта 1967 года

«...Шаги гулко отдаются в высоких сводах подвала. Ноги то и дело натыкаются на кирпичи, цепляются за проволоку и какие-то истлевшие тряпки. Шаг, другой. Остановка. Свет фонарика выхватывает тяжелые железные петли, вмурованные в стены. А дверей нет...

Весь пол усеян битыми бутылками, и стекло хрустит у нас под ногами. Очень холодно и сыро, как в какой-нибудь глубокой пещере... В конце подвала — опять дверной проем. Куда он ведет? Мы остановились перед ним и посветили фонариком...»

То, что предстало перед глазами ребят, спустившихся в недра рыцарского замка, было грандиозным. Длинный, похожий на громадную нору, арочный проем заканчивался большим, почти квадратным залом с высокими, не менее шести метров, сводами. Стало понятно, что мы неожиданно проникли в основание разрушенной башни фогта Лиделау, в самую нижнюю ее часть, заваленную практически со всех сторон обломками рухнувших стен северного крыла. Откуда-то сверху едва сочился дневной свет, позволяя рассмотреть очертания зала. Но тут чуть не случилась неприятность, которая могла обернуться большой бедой. Первый, кто сделал шаг в сторону зала (это был Володя), вдруг почувствовал, что нога не находит опоры и он проваливается вниз. Слава Богу, ему удалось ухватиться за выступ стены и удержаться на ногах. Теперь уже все заметили, что пол помещения утонул в темноте и, кажется, располагался значительно ниже порога.

Как выяснилось, от дверного проема вниз вела вдоль стены узкая, в один кирпич, лестница с чрезвычайно высокими неудобными ступенями, а пол зала располагался метра на два ниже входной двери, так что, оступившись, можно было разбиться. Тем более что внизу был приличный завал из обломков неизвестно откуда взявшихся здесь.

Трудно сейчас вспомнить, что взяло верх, когда мы приняли решение не спускаться вниз, — благоразумие или резко обострившееся чувство опасности, но дальше дверного проема-туннеля шага никто не сделал. А зря! Ведь мы оказались, пожалуй, как раз в том месте, тщательный осмотр которого мог дать серьезную пищу для размышлений, послужить поводом для активизации поиска в дальнейшем, когда к делу приступили специалисты.

Подземный зал нижнего яруса башни фогта Лиделау был если не самым интересным, то уж, во всяком случае, самым страшным помещением Королевского замка. Ведь именно благодаря ему винный погребок, размещившийся здесь, приобрел столь злое название — «Блютгерихт», что в переводе с немецкого означало «Кровавый суд» или «Суд крови». Дело в том, что этот зал популярного ресторана именовался «Камера пыток». Прекрасно, не правда ли, — особенно для торжественных застолий и дружеских вечеринок?

Из книги Вальтера Франца

«О „Блютгерихте“ в Кёнигсберге».

Кёнигсберг, 1938 год

«Камера пыток... пожалуй, самое возбуждающее

помещение, даже если мы не будем вспоминать о бедолагах, томившихся в этом застенке. Как в каждом зале, одна стена здесь занята пятью бочками с резьбой по дереву — работа мастера Лидтке... „Камера пыток“ — это место отдыха спокойных собутыльников, компаний в два, три или четыре человека... Через очень узкую щель, которая к тому же застеклена в несколько слоев, проникает лишь слабый дневной лучик... Здесь внизу постоянно горит свет. Все яркое изгнано отсюда, несколько ламп сохраняют лишь приятный полумрак в древнем подземелье. Но свечи были бы еще эффектнее!..»

Да, практически в последний год существования руин замка мне удалось не только увидеть могучие развалины, но и побывать в самом чреве этого-таинственного сооружения, места наибольшего притяжения не только всех поисковых групп и сознательных энтузиастов, но также и авантюристов-кладоискателей с криминальным уклоном. Обстоятельства сложились таким образом, что еще задолго до осмысленного участия в поисковой работе мне повезло соприкоснуться с такими удивительными вещами, которые, казалось, могли существовать только в книгах, — мрачные подземелья, потайные рыцарские лестницы, страшные ходы-лабиринты... В обыденность вторгались тайны прошлого, образуя с ним связующую нить с современностью и помогая лучше понять ее. Как жаль, что нынешним энтузиастам поиска утраченных сокровищ недостает таких романтических объектов, каким был Королевский замок!

Конечно, тогда, в шестьдесят седьмом, обшаривая фонариком углы подземного зала башни фогта Лиделау, никто не знал о том, что творилось здесь во времена Тевтонского ордена. Предания и документы свидетельствуют, что именно здесь вершился жестокий суд Средневековья над людьми, объявленными врагами крестоносцев, а врагами в те мрачные времена считались не столько разбойники, сколько политические противники магистра и комтура или жертвы интриг их окружения. Известно, например, что трех прибывших из Данцига высокопоставленных вельмож комтур Тевтонского ордена заманил в «Маршальский ремтер», а затем по потайной лестнице их буквально приволокли в самую преисподнюю — подвал с сырыми каменными стенами и вмурованными в них железными кольцами. Что пережили там эти несчастные, подвергавшиеся страшным пыткам и истязаниям в течение двух дней и ночей, можно только предполагать. Достоверно лишь то, что их обезображенные трупы, завернутые в полотно, были ночью тайно вывезены из замка и погребены

за пределами города. Эти истории щекотали нервы кёнигсбергского обывателя, поэтому винный зал под названием «Камера пыток» был наиболее популярен в «Блютгерихте».

Почти во всех путеводителях по Кёнигсбергу и более или менее подробных описаниях замка обязательно упоминается это древнее подземелье, живописуются зловещие приспособления, которые призваны были вырвать любое признание из уст узников. «Испанская игла», «большой колпак», «перечная камера» — вот далеко не полный перечень из арсенала заплочных дел мастеров Тевтонского ордена, орудовавших когда-то в сыром подземелье, где мне довелось побывать более чем сорок лет назад.

Мои запоздалые сожаления о том, что в 1967 году не хватило духа подробно осмотреть «Камеру пыток», связаны прежде всего с одним очень важным обстоятельством, которое нельзя не учитывать, если всерьез задаться целью выяснить возможные пути исчезновения сокровищ из Королевского замка. Тогда, не имея никакого представления о назначении и устройстве замковых подземелий, мы — одни из последних посетителей винного погребка — ограничились беглым осмотром каменного склепа башни фогта Лиделау. И только спустя годы, после изучения многочисленных документов можно с уверенностью сказать, что тогда, по-видимому, была упущена реальная возможность приоткрыть еще одну тайну Королевского замка.

Как я уже рассказывал, пол «Камеры пыток» располагался ниже входа в само помещение. Фридрих Ларс, известный исследователь замковой архитектуры, объяснял это значительной осадкой всего сооружения, простоявшего почти семьсот лет на холме Твангсте. Именно поэтому оборудованная когда-то в толще трехметровой стены входная дверь с проходом в подземелье постепенно опустилась вместе с башней почти на два метра и, разумеется, уже не совпадала с этажами северного крыла замка. Попасть в подвал можно было только по узкой лестнице-щели в толще стены, о которой я уже не раз рассказывал. А это было, конечно, не очень удобно, — ведь для того, чтобы там оказаться, предстояло подняться на этаж выше, а затем, рискуя сорваться вниз по чрезвычайно крутым ступеням, спускаться в «Камеру пыток». В XIX веке это неудобство было устранено — потайную лестницу соединили проходом с полуподвальным этажом здания и навесили массивную железную дверь, точь-в-точь такую же, как делали в рыцарские времена.

Читатель, наверное, недоумевает, зачем ему знать эти подробности давно минувших столетий, связанные с несуществующим сейчас

сооружением. А дело как раз в той самой двери, которая погрузилась в толщу земли вместе с фундаментом башни фогта Лиделау. Получилось, что основательно сооруженный в свое время проход в каменной стене вел теперь в... никуда. Оказавшись на два метра ниже пола соседнего помещения, примыкавшего к «Большому ремтеру», этот трехметровый туннель не мог использоваться по назначению и был замурован кирпичной кладкой. С другой стороны, это мог быть только грунт, потому что в этом месте северного крыла замка глубоких подвалов не было.

Теперь самое время, читатель, напомнить Вам свидетельства немки Магды Путтерс, о которых я рассказывал ранее. Помните, она, работая поваром в части фольксштурма, дислоцировавшейся в замке, случайно услышала разговор двух эсэсовцев о том, что Янтарная комната надежно укрыта в каком-то подвале под капеллой Святой Анны, куда можно якобы попасть через залы винного ресторанчика. Конечно, допустимы различные интерпретации этих, прямо скажем, не очень конкретных сведений, и читатель при желании может поупражняться в выдвижении тех или иных версий. Но в связи с рассказанным о «Камере пыток» напрашивается очень правдоподобная и довольно заманчивая версия: значительные ценности могли быть укрыты как в оказавшемся ненужным проходе в толще стены башни, так и ниже полуподвальных помещений, расположенных под капеллой Святой Анны. В пользу этого свидетельствуют, в частности, следующие обстоятельства.

Во-первых, исключительная надежность самих подвалов, трехметровые стены которых и почти метровые перекрытия сводов гарантировали предметам сохранность даже при прямом попадании снарядов и бомб в расположенные выше сооружения замка.

Во-вторых, простота подготовки помещений для укрытия ценностей. Чтобы поместить туда ящики, достаточно было разобрать слабую кирпичную замуровку XIX века, а в случае необходимости выбрать немного грунта под соседним помещением, для чего требовались считанные часы.

В-третьих, почти абсолютная уверенность в том, что никто не знает о давным-давно замурованной двери во внутренней стене. Ведь даже на самых точных планах, составленных Фридрихом Ларсом, она обозначается едва различимым пунктиром.

В-четвертых, объем подземных полостей для укрытий представлялся довольно значительным. Ведь только туннель в стене имел в длину три, а в высоту и ширину — полтора метра. Возможности же оборудования укрытия за пределами башни, куда вел указанный проход, были почти

неограниченными — выбирай песок с двухсотметровой площади пространства между подвалами и укладывай что угодно среди фундаментов из гигантских валунов. Даже не требовалось заботиться об отводе сточных вод. Ведь в самом низу башни хорошо сохранился старый дренаж — крайне узкий, выложенный камнем туннель, по которому просочившаяся в подвал вода уносилась к бурным потокам проходящего по трубе ручья Катцбах.

Наконец, в-пятых, воспоминания очевидцев последних дней перед падением замка в апреле 1945 года свидетельствуют, что именно здесь произошел громадной силы взрыв, заваливший вход в «Камеру пыток» со стороны капеллы Святой Анны. Уже тогда некоторым показалось, что это было не попадание советской авиабомбы, а преднамеренный подрыв заранее установленного фугаса. Не исключено, что взрыв этот мог разрушить лишь часть помещений, оставив невредимым проход в башню фогта Лиделау под самой капеллой, иначе как бы мы проникли в это подземелье в 1967 году?

От того романтического визита в залы винного погребка «Блютгерихт» более сорока лет назад у меня остались, как говорится, неизгладимые впечатления, которые потом, спустя несколько лет, заставляли вновь и вновь обращаться к этому загадочному объекту. Тем более что новый виток поисков начался как раз с Королевского замка.

Насколько интересно переплетаются судьбы людей, как часто ждут нас неожиданные встречи, известно, конечно, каждому. Но тогда, в марте 1967 года, нам с Володей и в голову не могло прийти, что мы были совсем рядом с теми, кто всерьез решал задачи поиска Янтарной комнаты. Почти каждодневно «обследуя» развалины замка, забираясь в самые немыслимые его уголки, мы, конечно же, обратили внимание на часто появляющуюся здесь группу солидных, представительных людей. Они что-то оживленно обсуждали, о чем-то спорили, глядя на руины замка. Один из них, коренастый мужчина невысокого роста в сером плаще, время от времени энергично указывал рукой то на возвышающийся остов бывшей колокольни, то на пролом в стене, то на груды обломков в восточной части замкового двора. Остальные, как по команде, поворачивали головы в нужном направлении. Со стороны это не могло не вызвать улыбки. Изредка доносились странные, звучащие как заклинания слова: «Блютгерихт», «Роде», «Штраус», «бункер», «Файерабенд»...

Мы, прислушиваясь, старались уловить смысл разговора, но на расстоянии это сделать было трудно, а приблизиться к столь представительному обществу казалось неудобным. Так и не удалось тогда

узнать, чем занимались эти люди, и лишь спустя два года мне посчастливилось познакомиться с тем самым невысоким человеком в сером плаще. Встреча с ним во время работы экспедиции положила начало длительного знакомства, со временем он стал добрым старшим другом, контакт с которым не прерывался в течение всех последующих лет, вплоть до его смерти в 1994 году. Мы вместе участвовали в поисках Янтарной комнаты на территории Калининградской области, встречались в Москве и Ленинграде, Пушкине и Павловске. А в моей личной библиотеке есть немало книг по искусству с дарственными надписями этого человека. Как читатель, видимо, уже понял, это был Анатолий Михайлович Кучумов, — человек, спасший в лихую годину десятки тысяч произведений искусства, авторитет, признанный в широких научных кругах, непререкаемый участник многих поисковых групп, действовавших в Калининграде. О его работе в 1946 и 1949 годах я достаточно подробно рассказал в предыдущих главах.

Тогда, в марте 1967 года, в Калининграде начинался новый этап поисков, в ходе которого предполагалось на принципиально новой основе обобщить накопленные сведения и целеустремленно приступить к обследованию всех возможных объектов укрытия похищенных гитлеровцами ценностей. Именно для этого в Калининград была направлена специальная рабочая группа.

**Из докладной записки председателю комиссии
по розыскам Янтарной комнаты Стриганову В. М.
25 марта 1967 года**

«...По Вашему поручению в г. Калининграде с 17 по 26 марта 1967 года находилась рабочая группа в составе т.т. Ермолаева А. И., Глушкова В. К., Кучумова А. М., Лернера Я. М., Поповой М. И. и Роганова С. М. Перед данной группой была поставлена задача на месте изучить имеющиеся материалы... и на основании их анализа выработать предложения для правительственной комиссии...

...Было проведено совещание рабочей группы в облисполкоме с участием организаций, которые в той или иной степени могут оказать помощь в розысках похищенных... ценностей...

Анализ... материалов и документов, а также имевшие место беседы дают основания полагать, что многие музейные ценности, не исключая Янтарную комнату, немцам из Кёнигсберга вывезти не удалось и они находятся в различных тайниках и укрытиях

города или его окрестностей.

По нашему мнению, наиболее вероятными местами укрытия Янтарной комнаты и других ценностей следует считать:

1. Королевский замок (северо-западная часть, южная часть и другие части...).

2. Бункер под кирхой ул. Штайндамм (у нынешнего дома облпрофсовета).

3. Бункер на ул. Штайндамм — Ланге Райе (в районе нынешнего размещения автобазы)...»

Итак, как мы видим, Королевский замок был в числе первоочередных объектов поисковой деятельности, а это позволяло надеяться, что уж теперь-то его исследуют вдоль и поперек. Возникал шанс дать исчерпывающие ответы на вопросы, поставленные Брюсовым и Кучумовым еще в первые послевоенные годы.

6 апреля 1967 года в Министерстве культуры РСФСР состоялось первое заседание Правительственной комиссии, на котором начальник Управления музеев Ермолаев обстоятельно рассказал о результатах командировки в Калининград и выводах рабочей группы. Главное, по мнению Александра Ивановича, заключалось в том, чтобы грамотно решить вопрос об организации поисковых работ. В этом был залог успеха создаваемой экспедиции.

Не буду утомлять читателя пересказом в целом небезынтересной дискуссии, развернувшейся на заседании. Скажу лишь, что разговор там шел достаточно компетентный и проблема поиска рассматривалась с разных точек зрения. Думается, и для нынешних поисковиков принципиальные подходы некоторых участников Правительственной комиссии не утратили своей актуальности и в наши дни.

А что же решили члены комиссии в отношении Королевского замка? Ведь в 1967 году полным ходом шла разборка развалин и расчистка площадки для будущего Дома Советов, а это лишало возможности вести обстоятельную исследовательскую и изыскательскую работу в руинах. Да и времени до того момента, когда на месте замка должна была появиться ровная площадка, оставалось совсем немного.

В ходе того памятного заседания Правительственной комиссии о Королевском замке говорилось очень много. Например, представитель инженерных войск армии предложил не вести раскопок подвалов Королевского замка, а сначала обеспечить подрыв и снос всех строений на поверхности — башен, стен с контрфорсами, остатков громадной

колокольни. В крайнем случае он рекомендовал обследовать самый верхний ярус подвалов, а за второй и третий ярусы приняться тогда, когда обломки будут вывезены и на образовавшейся площадке можно будет вести работы по вскрытию подземных сооружений — подвалов, ходов, замуровок. Эта точка зрения в целом была поддержана участниками заседания, но Вениамин Дмитриевич Кролевский все-таки не удержался и высказал свое скептическое отношение к работам в развалинах замка.

**Из выступления В. Д. Кролевского на заседании
Правительственной комиссии 6 апреля 1967 года.
Стенограмма**

«...Теперь относительно поиска на первом ярусе, в подвале. Боюсь, что там ничего существенного нет. Первый ярус я проходил сам, но проходил там, где нет обвала; еще в 1949 году там можно было пройти, а потом уже произошли обвалы, когда начали проводить работы.

...Дальше 25 метров не углублялись. Мы находили разные вещи, даже золотые, ювелирные, они носили бытовой характер. Музейных ценностей не нашли. Надо углубиться. Я думаю, что все работы сосредотачивать на одном Королевском замке не стоит. Думаю, что Роде не был таким простаком, чтобы оставить в „Блютгерихте“...

Вы знаете, что Кох посетил... (замок. — *Авт.*). Он ругал Роде за то, что он как будто не укрыл Янтарную комнату. Но это необходимо проверить, так как заботы у Коха были другие...»

В то же время приглашенные на заседание комиссии специалисты резко критиковали характер работ, проведенных в прошлом на территории замка. Без точных планов, фотоснимков и описаний поиск вести невозможно, так как «методом тыка» никогда никто и ничего не достигал. С такой сентенцией нельзя не согласиться, жаль только, что в жизни так и не удалось в полной мере избавиться от подобного «творческого» метода, даже в работе Калининградской экспедиции.

Серьезную озабоченность почти у всех членов Правительственной комиссии вызывал огромный ажиотаж, возникший вокруг поиска Янтарной комнаты, который мог стать существенным препятствием для вдумчивой, обстоятельной работы. Председатель и члены комиссии сетовали на то, что «невероятные полчища людей устремляются (в Королевский замок. — *Авт.*), стремясь найти золотые вещи», что обнаруженная в развалинах

буквально перед отъездом из Калининграда старинная посуда с фирменным вензелем винного погребка «Блютгерихт» оказалась разграбленной мародерами. Но еще больше организаторов поисков беспокоили инициативные группы кладоискателей, хорошо организованные и оснащенные.

Из выступлений на заседании Правительственной комиссии 6 апреля 1967 года. Стенограмма

«...Во время нашего пребывания в Калининграде на поверхности замка ковырялись несколько „поисковых“ групп, и прежде всего... группа некоего Цедрика, который продолжительное время работает над этим объектом и... весьма целеустремленно — нанимает бульдозеры, технику, рабочих.

...Мы были вынуждены, уезжая из Калининграда, оставить своего работника — члена группы А. М. Кучумова — бывшего хранителя Янтарной комнаты в Царском Селе, с тем, чтобы он там дежурил и как только обнаружит каких-то разбойников... немедленно сигнализировал...»

Обидно, конечно, что такие инициативные и деятельные люди, как Иван Тимофеевич Цедрик, о котором я уже не раз рассказывал в этой повести, попадали в разряд «разбойников», в то время как, на мой взгляд, было крайне важно всячески привлекать таких энтузиастов к поисковой работе, использовать их авантюрную жилку, направляя их усилия в организованное русло. По-видимому, и мы с Володиёй, «обследовавшие» руины замка как раз в то время, когда там работала группа Правительственной комиссии, тоже производили впечатление подозрительных личностей и вполне могли быть отнесены к категории «разбойников». Хотя спустя два года это не помешало мне стать сотрудником экспедиции и внести свою лепту в поисковую работу.

Несмотря на то что в течение 1967–1968 годов, в период решения очень сложных вопросов организационного характера, связанных с образованием Калининградской геолого-археологической экспедиции, плановые работы на территории замка не проводились, по инициативе В. М. Якубовича, который долгие годы сам активно участвовал в поисковой работе, было сделано несколько раскопов среди гигантского нагромождения обломков и мусора. Тому, что еще сохранилось от замка, — двум никак не поддающимся подрыву крутым банными и громадным стенам западного крыла — оставалось стоять считанные месяцы. Вереницы

самосвалов вывозили, казалось, ничуть не уменьшающиеся завалы кирпича и щебня. Саперы перевели уже не одну сотню подрывных шашек, а танковым тягачом был порван уже не один металлический трос, с помощью которого заваливались остовы стен.

Раскопы производились при помощи одноковшового экскаватора в разных местах, но ни единого раскопа не было сделано в кирпичном крошечке, оставшемся от северного крыла. По-видимому, Владимир Михайлович не считал достаточно перспективной в плане поиска эту часть Королевского замка или не хотел до геофизического обследования даже пытаться вскрыть подземелья под старыми орденовыми залами. В результате вплоть до лета 1969 года руины северного крыла замка практически не исследовались, и только с созданием экспедиции началась там, прямо скажем, несколько запоздалая поисковая суета.

Поначалу предполагалось, что территория замка перед разборкой оставшихся обломков и проведением раскопок будет подвергнута проверке геофизиками. Но как всегда у нас бывает, сплошные накладки и организационные упущения привели к тому, что работа экспедиции и геофизические исследования проводились почти одновременно.

**Из отчета о результатах
опытно-производственных геофизических работ
Калужской геолого-геофизической экспедиции.
Калуга, 1974 год**

«...Геофизические исследования на территории бывшего Королевского замка... проведены по одиночным профилям, по которым невозможно дать сколько-нибудь уверенных рекомендаций. Кроме того, этот объект был исследован буровскрышными работами... которые не вскрыли каких-либо подземных захоронений. Интересно, однако, что на глубине 10–13 м скважинами № 2, 4, 6, 8 встречены пустоты, заполненные водой, с мощностью до 1,5 м. В случае определенной площадной приуроченности этих скважин следует обратить на это особое внимание».

Чтобы читателю, знакомящемуся с этой косноязычной абракадаброй, было ясно, какие конкретно участки северного крыла замка «просветили» своими приборами геофизики, сообщу, что профили обследования пересекали груды кирпича и обломков в месте расположения бывшей башни фогта Лиделау и чуть в стороне от нее (там, где под землей

располагались громадные винные подвалы «Блютгерихта»), а также в том месте, где, по данным Кучумова, должна находиться уже упоминавшаяся «комната со сводами». Но, как видим из отчета, результаты оказались неутешительными. В северном крыле замка, буквально нашпигованном подземельями, в том числе имеющими второй, углубленный ярус, не было обнаружено ни одного мало-мальски интересного подвала! Почему? Отчасти геофизики это объяснили сами.

**Из выступления начальника геофизической партии
В. П. Климовских на совещании по итогам работы
Калининградской экспедиции. 15 декабря 1969 года.
Стенограмма**

«...Работы в городских условиях... очень затруднены вследствие наличия промышленных помех и других наружных построек, которые оказывают влияние на наши методы...

...Мы сейчас находимся в затруднительном положении в смысле выдачи определенных выводов... Имеются аномалии, но чем они вызваны, мы не знаем... Если мы получим результаты проверки наших аномалий, мы будем умнее... А так как мы сделали в этом году, собрав все методы — этого делать не стоит. И этот печальный опыт надо учесть...»

Итак, современная наука явно подводила поисковиков. То ли набор методов не соответствовал решаемым задачам, то ли проверяли не там, где следует. Например, почему не провели магнито- и электроразведку подвалов под «Большим» и «Малым ремтером», а также «Конвентом»? Факт налицо: когда на территории замка начал работать экскаватор, в экспедиции имелись крайне смутные представления о том, где же надо в первую очередь проложить траншею или выкопать котлован. Как ни прискорбно это сознавать, но заключительный этап обследований замка, который продолжался до тех пор, пока оставшуюся от него кирпичную пыль не скрыли плиты и газоны Центральной площади, проводился больше по наитию, чем на основании выверенных данных и точных расчетов.

Я имел возможность не только лично наблюдать за этими беспорядочными, хаотическими действиями, но и непосредственно участвовать в работах, названных впоследствии громкими словами «исследовательские и поисково-производственные работы». Мария Ивановна Попова, руководившая в то время поисками, человек энергичный и самоотверженный, пыталась организовать дело так, как это

предполагалось с самого начала, как предусматривали решения Правительственной комиссии, рабочей группы и планы самой экспедиции. Но сразу обозначились труднопреодолимые препятствия с выделением техники для проведения земляных работ. Казалось бы, что еще нужно — есть постановление Совета Министров РСФСР, решения Правительственной комиссии, облисполкома. Во все привлекаемые к работам организации отправлены соответствующие заявки и письма. Выделены достаточные средства. Но все стоит на месте, потому что необходимые работы, оказывается, не были включены в план 1969 года, и экспедиционному руководству каждый раз приходилось, унижаясь и заискивая, выпрашивать у «богатых» начальников то экскаватор, то буровую установку, то бульдозер. Причем давали они технику нехотя и, как правило, в субботние и воскресные дни, когда уговорить рабочих трудиться после обеда было практически невозможно. Получалось как в известной интермедии Аркадия Райкина: кирпич есть — раствора нет, раствор есть — кирпича нет.

Спустя два с лишним года после памятной поездки в Калининград, от которой у меня остались смутные ощущения упущенных возможностей, в июльские дни 1969 года, я, уже будучи студентом истфака МГУ, работал в качестве полноправного члена экспедиции. Не буду рассказывать подробно, как московскому студенту удалось попасть в столь романтическое и не очень афишируемое предприятие. Жажда приключений и уверенность в собственных силах помогли преодолеть массу преград — и нежелание родителей отпускать в город, таящий в себе немало опасностей; и грядущий призыв на службу в армию, который неумолимо поджимал оставшиеся до осени дни; и подозрительность экспедиционного начальства, крайне осторожного в подборе кадров. В Калининград я приехал вместе с Виктором Купцовым, с которым нас со школьной скамьи до сих пор связывает крепкая дружба. Потом мы еще не раз бывали вместе в Калининграде, но лето 1969 года оставило самые сильные впечатления, предопределившие во многом наш дальнейший интерес к проблемам поиска художественных ценностей.

Решающее слово сказал находившийся в то время в Калининграде Анатолий Михайлович Кучумов, и после нескольких обстоятельных бесед с В. М. Якубовичем и М. И. Поповой нас зачислили в штат экспедиции. И завертелся калейдоскоп интереснейших событий: осмотры подземелий замков, раскопки вероятных захоронений ценностей, спуски в страшные колодцы и обмеры бункеров, обследования «глухих» уголков в городе и области, беседы с людьми удивительной судьбы...

Конечно же, память вряд ли бы сохранила подробности работы на том или ином объекте. Тем более что «поисковых точек» летом 1969 года существовало несколько десятков. Но Королевский замок, или, точнее, территория, где он раньше находился, среди них занимал особое место. И не только потому, что у меня еще свежи были воспоминания о спуске в подвалы «Блютгерихта» и башню фогта Лиделау. Как все дороги ведут в Рим, так и многие версии в той или иной степени связывались с мрачными подземельями замка. А в том, что под толщей обломков сохранились обширные подземелья, не сомневался никто — ни Анатолий Михайлович Кучумов, сам обследовавший некоторые из них в 1946 и 1949 годах; ни Иван Тимофеевич Цедрик, теперь уже штатный сотрудник экспедиции; ни, конечно, я сам, готовый вместе со своим приятелем, несмотря на подстерегающие опасности, спуститься в самую геенну огненную.

Большинство работ тем летом проводилось на месте южного и восточного крыльев замка. Саперы подрывали предполагаемые своды подвалов, экскаватор с воем и скрежетом переваливал каменное крошево, образуя глубокие траншеи, бульдозер вслед за ним засыпал ямы. На месте северного крыла было сделано только три раскопа. Один, шестиметровой глубины, — с внешней стороны фундаментов «Малого ремтера» и «Конвента», — где, по некоторым версиям, мог быть подземный ход в сторону несохранившейся Альтштадтской кирхи. Другой — в том месте, где, по предположению А. М. Кучумова, располагалась «комната со сводами», подвалы под которой безуспешно искали в послевоенные годы. А там, где когда-то проходил подземный ход, соединявший орденскую Фирмарию с бывшим рыцарским «Домом Конвента», была прорыта глубокая тридцатиметровая траншея.

Нельзя сказать, что проведенные работы оказались уж совсем безрезультатными — кое-что интересное удалось все-таки обнаружить в летние дни 1969 года. А это лишний раз доказывало, что искать здесь стоило, но делать это надо было как-то иначе, более целенаправленно, что ли — не перескакивая с места на место, не удовлетворяясь поверхностными раскопами и не переходя в другую часть объекта до тех пор, пока не станет совершенно очевидной тщетность попыток обнаружить что-то в первоначальном месте. Такие мысли возникли в период работы экспедиции на территории Королевского замка. Возникают они и сейчас при чтении старых записей. Судите сами.

**Из дневниковых записей А. С. Пржездомского.
22 июля 1969 года**

«...Подъем — 6.00. Встали, собрались... взяв спецовки, поехали на замок. Там уже бродил Анатолий Михайлович...

Часов в 9 начались работы. Экскаватор выгребал куски кирпича, камни, мусор, взломал „ложный подвал“, который мы вчера взрывали. Через полчаса он переехал к месту „колодца“, который указывал Цедрик, и начал копать там, а мы с Витей, пока не было солдат, начали копать в котловане.

Первой находкой в нем была моя. Разгребая киркой кирпичи, я наткнулся на камень округлой формы... Стал руками в рукавицах очищать предмет. Это было ядро из камня, видимо, старое средневековое ядро. Я... показал его нашим археологам. Они были в восторге. Наконец, нашли!

...Тут же под лопатой обнаружили старинный тевтонский меч в ножнах, несколько копий, металлические украшения — медные и железные браслеты...

Часам к 12 приехали солдаты, и они продолжили нашу работу. Экскаватор копал в районе „колодца“ ...но найти его не удалось, хотя выкопали большой котлован, широкую глубокую траншею, Так и бросили это дело...

После „колодца“ экскаватор послали раскапывать другие завалы... чуть западнее места, где проводились взрывы сегодня... и нашли „стилизованного прусского орла“. Выбрав груды кирпичей и создав колоссальный котлован, экскаватор переместился в другое место... Вот так бессистемно работала экспедиция и не только сегодня, но вообще все эти дни...

К вечеру начали копать в районе бывшей северо-западной башни (башни Луизы. — *Авт.*), там, где должны быть конюшни. Но опять взрыли массу щебня, кирпича, мусора, камня, взломали ряд стен, а ничего хорошего не обнаружили. Таким образом, за весь день так и не смогли рационально использовать силу мощного экскаватора... Рабочий день кончился...»

Подобных записей у меня в дневнике немало. Они — как немой укор всем участникам, как напоминание о неиспользованных возможностях, излишней торопливости и досадных промахах, исправить которые теперь, по-видимому, уже никогда не удастся.

Хотя к началу семидесятых от замка уже не осталось и следа, работы периодически возобновлялись, кое-где были пробурены скважины, прорыты траншеи и раскопаны котлованы. Однако успех не сопровождал

исследователям — отчасти, может быть, потому, что их надежды связывались с другими, казавшимися более перспективными объектами. Одна за другой отметались поисковые версии. Прорытая вдоль северного крыла траншея пятиметровой глубины и несколько раскопов с внешней стороны замка не выявили подземного хода, о котором свидетельствовали поляки Вацлав Флерковский и Станислав Гура. В результате в отчетной документации экспедиции появилась лаконичная запись о том, что они «ошиблись местом расположения объекта или их заявление сделано под впечатлением прочитанной статьи в газете „Глас Ольштынский“». Не нашлось подтверждения версии об укрытии ценностей во втором ярусе одного из подвалов «Блютгерихта», содержащейся в заявлении Пауля Зонненшайна. Не удалось доказать наличия захоронения сокровищ под алтарем капеллы Святой Анны, о чем поведала Магда Путтерс.

Думается, все эти отрицательные результаты конца шестидесятых — начала семидесятых годов объяснялись определенной непоследовательностью самого поиска, стремлением в одночасье проверить сразу несколько версий, поставить точки над «и» там, где требовалась прежде всего обстоятельная аналитическая работа, детальное сопоставление фактов, наложение их на хронологическую канву и увязка с планировкой Королевского замка. Как мы с вами уже установили, практически каждое помещение северного крыла в свое время использовалось или могло быть использовано для укрытия ценностей. Поэтому важно было, проведя точную привязку сохранившихся развалин к подробному плану замка, последовательно, помещение за помещением, подвал за подвалом, аккуратно очищать от обрушившихся кирпичей и конструкций. Эта часть замка требовала не выборочной, а сплошной проверки. А получилось, что обследованными оказались лишь несколько отрезков сооружения. Остальные же помещения, — например, громадные подземелья под бывшей Фирманией, где хранились винные запасы «Блютгерихта», подвалы и потайные ниши в стенах башни фогта Лиделау, второй ярус рыцарских комнат под «Малым ремтером» и «Конвентом», — не подверглись обстоятельному осмотру.

Ковш экскаватора без разбора ворошил слежавшиеся кирпичи и каменное крошево, натываясь то на неподдающиеся фундаменты из валунов, то на железные балки, искореженную арматуру и металлические трубы. Но ведь еще в 1967 году доступны были только некоторые из интересующих нас подземелий, а большая их часть была полностью завалена рухнувшими сводами и стенами. В отдельных казематах замка не довелось после 1945 года побывать никому, потому что они были

превращены в сплошные завалы еще в ходе апрельских боев. А. Я. Брюсову и А. М. Кучумову, успешно работавшим в развалинах замка в послевоенные годы, не удалось организовать трудоемкие, требующие мощной техники, раскопки.

В. М. Якубович, как я уже сообщал, почему-то обошел своим вниманием северное крыло замка, а И. Т. Цедрик со своей компанией энтузиастов «обшаривал» лишь легкодоступные места. К сожалению, и экспедиция, сделавшая за четыре года работы на территории северного крыла шесть раскопов и несколько скважин, оставила без внимания многие интересные его уголки.

Одно из многочисленных разочарований, сопутствовавших поискам Янтарной комнаты и других похищенных культурных ценностей, безусловно, связано с Королевским замком. Этот объект всегда был в центре внимания, и до последних дней поисков рядом с досадой теплилась надежда. Надежда на то, что вот подковырнет ковш экскаватора еще одну грудку кирпичей, осыплется внутрь свод древнего подвала, образуя зловещую черную дыру, посветят поисковики фонариками вглубь подземелья и увидят заветные ящики или хотя бы уходящий куда-то в сторону таинственный подземный ход. Но этого не случилось. И в 1982 году появилась в отчете экспедиции уже знакомая нам по рассказам о других объектах запись, не оставляющая надежды на успех.

**Из отчета Калининградской экспедиции по объекту
«Бывший Королевский замок». 1982 год**

«...Ничего не обнаружено...

В 1973–78 гг. территорию бывшего Королевского замка начали готовить под Центральную площадь, а рядом возводить здание Дома Советов: планировалась местность, прокладывалась дренажная система, рылись траншеи под водопровод и канализацию, укладывалось бетонное покрытие, строились фонтаны, подпорные стенки, подъездные пути и т. д....

...При проведении вышеуказанных работ на глубине 3–5 м в западной части двора замка вскрыты старые фундаменты (видимо, бывшего здания форбурга^[199]) и небольшие пустые подвалы с мусором...

ВЫВОДЫ:

...3. Утверждать однозначно о вывозе Янтарной комнаты из замка или захоронении в его подвалах нельзя, т. к. достоверными документами об этом экспедиция... не располагает, а те

заявления, которые были сделаны иностранными гражданами, не подтвердились производственными работами...

6. Сейчас на территории бывшего Королевского замка сооружена новая Центральная площадь Калининграда, и поиски музейных ценностей там вести нельзя, да и все имевшиеся до сего времени заявления проверены.

В связи с изложенным... считаем необходимым объект „Бывший Королевский замок“ передать в комиссию на закрытие».

Так была поставлена точка на продолжении поисков в руинах замка тевтонов. Только не осталось ли у нас с Вами, читатель, некоторого недоверия к приговору, вынесенному почти тридцать лет назад? Не возникли ли у Вас сомнения в том, что сделано было все возможное для обнаружения сокровищ на территории этого загадочного объекта? Не настанет ли день, когда, вооруженные современными приборами и точными чертежами, придут на площадь с фонтанами и цветниками исследователи-энтузиасты, готовые еще раз потревожить скрытые плитами останки старого замка и, наконец, дать убедительные и мотивированные ответы на вопросы, скоро уже более шестидесяти лет волнующие человечество?

Часть III

Секретные объекты Эриха Коха

Глава тринадцатая

Тайна нацистского гаулейтера

...Мой друг действительно утверждает, что вся эта территория была местом охоты Коха и что там он спрятал... награбленные ценности... Мне кажется, что мой друг знает об этом совершенно точно. Как офицеру инженерно-саперных войск, ему, по всей видимости, было известно об этом...

*Из письма в Калининград профессора
Герхарда Штрауса,*

*бывшего директора Управления охраны
памятников искусства Восточной Пруссии.
1981 год*

*...Герру Эриху Коху есть чем блеснуть: он «собрал»
и транспортировал в свой прусский замок ценную в
валюте коллекцию картин, скульптур и памятников...*

*Из книги «Палачи Европы. Портреты и
памфлеты».*

Москва, 1945 год

Гросс Фридрихсберг. Что это? Такого названия нет ни на одной карте современной Европы. Ни в Германии, ни в Австрии, ни в какой-нибудь другой немецкоязычной стране. Вроде бы очень просто — «гросс» — значит «большой», а «берг» — «гора». Значит, все вместе — «большая гора Фридриха». Не странно ли, что среди многочисленных городов и городишек, хуторов и деревень Мекленбурга и Баварии, Саксонии и Гессена не нашлось ни одного населенного пункта с таким названием?

А между тем местечко, носившее такое название более шестидесяти лет назад, находится на восточной оконечности Калининграда. Раньше туда можно было доехать на трамвае «единичке», затем от конечной остановки в районе Тенистой аллеи пройти мимо больницы, пересечь старую окружную

дорогу и напрямик выйти к группе одноэтажных домиков и хозяйственных построек, именуемых сегодня поселком «Совхозное». Это и есть бывшее местечко Гросс Фридрихсберг, являвшееся некогда имением одного из могущественных нацистских главарей — гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха.

Для того чтобы достаточно полно представить себе, как выглядел этот интереснейший поисковый объект, расположенный в непосредственной близости от города, объект, с которым было связано целое звено таинственных и до сих пор невыясненных обстоятельств, я позволю себе некую аналитическую реконструкцию событий завершающего периода минувшей войны, происходящих в этих местах. Итак, вернемся к событиям более чем шестидесятилетней давности.

* * *

Машины сделали резкий поворот у перекрестка и понеслись дальше по извилистой, уложенной мелкой брусчаткой улице пригорода. Слева недалеко от дороги промелькнули очертания кирхи с высоким острым шпилем. Улица круто поднималась между соснами. Несмотря на то что нигде не было видно ни огонька из-за жестких правил светомаскировки, окружающие дома были хорошо различимы. Мартовский снег, еще покрывавший землю и крыши домов, делал пейзаж пустынным и холодным. Еще несколько десятков метров, и тяжелый «адлер» с плотной зашторенными окнами и неотрывно следующий за ним «опель» охраны пересекли окружную дорогу. Стоявшие у тротуара рядом с мощным мотоциклом солдаты в стальных шлемах и серых шинелях с большими блестящими бляхами на груди отдали честь.

Оба автомобиля выехали на прямую, обсаженную липами дорогу. Деревья стояли так плотно, что казалось, будто машины едут по тоннелю. Через несколько секунд справа замелькал высокий каменный забор, машины сбавили ход и остановились перед массивными железными воротами. Вышедшие из караульного помещения солдаты охраны, посветив маленькими ручными фонариками, вытянулись по стойке «смирно» по обе стороны ворот, которые с вибрирующим гулом стали медленно раздвигаться. Блестящий черный лимузин с номерным знаком IC-33 061 плавно въехал в раскрытые ворота.

Нацистский гаулейтер и обер-президент Восточной Пруссии Эрих Кох, возвратившийся после встречи в Мюнхене руководящего состава НСДАП,

прибыл в свое имение Гросс Фридрихсберг под Кёнигсбергом.

Из книги Эриха Штокхорста

«5000 голов. Кто был кто в Третьем рейхе».

Киль, 1998 год

«Кох Эрих, род. 19.6.1896 в Эльберфельде, профессия: железнодорожный служащий. Участник 1-й мировой войны... 1922–1928 — сотрудник Гауляйтунга НСДАП в Руре, с 1928 — гаулейтер НСДАП, гау Восточная Пруссия, местопребывание в Кёнигсберге. С 1930 — депутат рейхстага... 1933 — обер-президент провинции Восточная Пруссия, сент. 1941 — имперский комиссар обороны 1-го военного округа, 1941–1944 — имперский комиссар Украины, 9.3.1959 приговорен в Польше к смерти и впоследствии казнен»^[200].

Из книги Славомира Орловского

«Эрих Кох перед польским судом».

Москва, 1961 год

«...Активная деятельность и пропаганда национал-социалистской идеологии в Рурском бассейне способствовали назначению его Гитлером в 1928 году гаулейтером Восточной Пруссии»

Из «Краткого очерка политической карьеры»,

написанного Кохом в Мокотовской тюрьме.

Польша, 1951 год

«...Летом 1933 года Гитлер вызвал автора этих строк в Мюнхен и заявил ему в присутствии Гесса и Фрика буквально следующее:

...Вы никогда не были моим другом, но зато всегда были другом моего самого большого врага Грегора Штрассера. Вы никогда не пользовались ни моей помощью, ни моей протекцией. Все, что создано в Восточной Пруссии, создано целиком Вами, без моей помощи. Вы будете обер-президентом Восточной Пруссии, только дайте мне время... Я знаю, что если Вы принесете мне присягу, то Вы будете ей верны...»

Загородная резиденция Эриха Коха была предметом его особой гордости. После прихода нацистов к власти в 1933 году Эрих Кох, будучи

руководителем НСДАП в Восточной Пруссии, занял пост обер-президента провинции и сразу же стал подумывать о приобретении для себя загородной резиденции. Власть открыла перед ним широкие возможности удовлетворения честолюбия и реализации самых безудержных фантазий. Никогда до того не живший в роскоши, бывший служащий из Эльберфельда, «старый борец», помогавший Гитлеру устанавливать диктатуру, мог рассчитывать на создание для себя особых условий в восточнопрусской вотчине. Благо нашлись добровольные помощники в этом деле, которые в обмен на благосклонность шефа готовы были пойти на любые аферы, дабы угодить Коху.

Руководитель так называемого «Имперского продовольственного сословия» в Восточной Пруссии — организации, объединяющей все сельскохозяйственное население провинции, штурмбаннфюрер СС Шпикшен выделил солидные средства для покупки имения. Очень скоро было найдено место, удовлетворяющее потребностям Коха, — почти заброшенные постройки, принадлежащие маргарино-жировому заводу в Велау и расположенные в живописной местности к западу от Кёнигсберга. Таким образом, уже в 1934 году Кох стал владельцем участка земли в две тысячи моргенов^[201].

В кратчайшие сроки на территории имения развернулось интенсивное строительство. Различные восточнопрусские строительные фирмы — «Вольф Дёринг», «Курт Брёдель», «Густав Браузеветтер», «Гратен & Ко» — принимали участие в реконструкции старых и сооружении новых построек, установке оборудования, отделочных работах. Через некоторое время на берегу одного из живописных прудов, связанного с другими водоемами сетью миниатюрных шлюзов, появилось красивое двухэтажное здание с балконами и мансардой, а поодаль — целая группа хозяйственных построек под черепичной крышей: конюшни, хлев, коровники, крольчатники, различные сараи и амбары. По другую сторону прудов был заложен парк, между деревьев виднелись какие-то сооружения. Среди жителей окрестностей ходили слухи, что стоимость имения превышала несколько миллионов рейхсмарок.

Из «Служебной телефонной книги по округам имперской почтовой дирекции.

Кёнигсберг и Гумбиннен». 1941 год

«...Кох, Эрих, деп. рейхстага, гаулейтер Нац.-соц. немецкой рабочей партии, Гросс Фридрихсберг — 2 52 55...»

Из «Адресной книги Кёнигсберга». 1942 год

«...Кох, Эрих, деп. Рейхстага, государственный советник, обер-президент и гаулейтер НСДАП, гау Восточная Пруссия, Гросс Фридрихсберг. Тел. 2 52 55»

Из показаний доктора Шимона Датнера на судебном процессе Эриха Коха. Варшава, 1958 год

«...Начал он с небольшого. Однако уже в первые годы после прихода Гитлера к власти стали распространяться слухи, что Кох устраивает свои частные дела. Чтобы скрыть свои махинации, он основал так называемый „Эрих-Кох-штифтунг“^[202]. В итоге Кох стал собственником двух газет, которые был обязан выписывать каждый чиновник, одним из крупных собственников земельных владений, насчитывавших десятки тысяч моргенов. Он занимался разведением арабских скакунов, был акционером компании, ведавшей текстильными фабриками в Белостоке, — на первых порах официально, а позднее, когда это обнаружилось, — через подставных лиц...»

Эрнст Корнблюм, водитель гаулейтера, привычным движением открыл заднюю дверь лимузина. Эрих Кох, устало кивнув замершему перед входной дверью часовому, поднялся по ступенькам и шагнул в арку, над которой простер крылья хищный стилизованный орел со свастикой, зажатой и когтях.

Пройдя по просторному холлу, стены которого были украшены в стиле старинных замков — медвежьими и оленьими шкурами, массивными медными подсвечниками, деревянными мозаичными гербами, инкрустированными металлом, — гаулейтер, не раздеваясь, поднялся по деревянной винтовой лестнице на второй этаж особняка. Здесь, в своем рабочем кабинете, Эрих Кох наконец мог немного расслабиться. Сильное напряжение последних дней давало себя знать. Он сбросил шинель на тумбочку у двери, молча оглядел кабинет. Было достаточно чисто, аккуратно убрано. Видимо, Марта, ожидая приезда хозяина, недавно навела порядок.

Окна были плотно зашторены, на столе лежала стопка книг и альбомов, которые привезли ему накануне из городской библиотеки, но которые он так и не успел посмотреть. Взгляд Коха остановился на миниатюрной картине в золоченой рамке, изображавшей одно из самых старых кёнигсбергских зданий — Сиротский приют у Закхаймских ворот.

На высокой подставке в углу комнаты стояла бронзовая фигурка штурмовика, сжимающего знамя, — подарок, преподнесенный ему по случаю сорокапятилетия местными группами НСДАП. Со стены смотрели портреты Гинденбурга и фюрера.

Кох, слегка поморщившись, сел в глубокое кресло у письменного стола. Мысли его были далеко не веселыми. Совещание имперских руководителей и гаулейтеров в Мюнхене проходило на нервной, истерической ноте. Геббельс в своем докладе говорил о вступлении Германии в «решающую стадию войны», о «мобилизации всех сил нации».

Из «Аналитической справки» В. Г. Ефимова

«...Гаулейтер и обер-президент, комиссар имперской обороны Восточной Пруссии, Э. Кох обладал огромной властью. Исходя из принципа фюрерства, существовавшего в нацистской Германии, гаулейтер на территории своего гау являлся, в сущности, самодержавным властителем, поскольку по закону 1934 года гаулейтер одновременно являлся и рейхсштатгальтером (наместником имперского правительства) провинции, то есть осуществлял функции как партийного, так и государственного руководителя области. Как гаулейтер и комиссар имперской обороны Э. Кох осуществлял руководство работой всех партийных организаций... возглавлял и координировал все области военной экономики, находившиеся на территории гау...»

Воспоминания Коха о прошедшем совещании перемежались с далеко не веселыми мыслями о необходимости неотложных мероприятий по обеспечению безопасности своих многочисленных коллекций, состоящих из того, что во всём цивилизованном мире принято было бы называть «награбленным». Бесценным сокровищам, с такой тщательностью собранным для Коха угодливыми помощниками и соратниками по партии, угрожала реальная опасность. Ни штандартенфюрер СС Фидлер, руководитель пожарного управления провинции и начальник пожарной школы в Метгетене, ни заместитель Коха на посту имперского комиссара Украины оберфюрер СС Даргель, являвшийся одновременно правительственным президентом одного из оккупированных польских округов, получившего немецкое название Цихенау, ни руководитель тамошнего школьного отдела правительственный директор Хабиш, изрядно поднаторевшие в сборе коллекции гаулейтера, вряд ли могли предложить готовый рецепт. А ведь ценности в руках у первого человека

восточнопрусской провинции сосредоточились немалые.

Последние годы принесли Коху мощную волну обогащения. Он, как и фюрер, мечтал создать собственный художественный музей, для чего внимательнейшим образом следил за деятельностью «Айнзатцштаба рейхслейтера Розенберга», занимавшегося сбором культурных ценностей на оккупированных территориях. Он постоянно был в курсе акций батальона специального назначения под командованием майора фон Кюнсберга — особенно когда стал рейхскомиссаром Украины.

Будучи уже в Киеве, Кох утвердил инструктивный документ, позволяющий от его имени конфисковывать любые произведения искусства на оккупированной немцами территории Советского Союза.

**Из «Служебной директивы № 3
Айнзатцштаба штаба рейхслейтера Розенберга.
Главная рабочая группа Украины».
27 ноября 1941 года**

«...Ревизия всех культурных ценностей обеспечивается путем прекращения доступа к ним населения, опечатывания основных входов и вывешивания объявления: „Конфисковано и взято под охрану по заданию рейхскомиссара Украины“...

Перечень материалов направляется главной рабочей группе, которая направляет перечни конфискованных культурных ценностей для окончательного решения их дальнейшей судьбы рейхскомиссару.

После решения рейхскомиссара рабочая группа должна позаботиться об отправке изъятых культурных ценностей в рейх...»

Особую озабоченность у Коха вызывала судьба ни с чем не сравненного Янтарного кабинета, находящегося в ведении директора всемирно известной Кенигсбергской коллекции янтаря доктора Альфреда Роде, человека своенравного и имеющего, по мнению гаулейтера, маниакальную привязанность к янтарю и изделиям из него. При встречах с Роде Кох не раз указывал ему на необходимость беречь «возвращенное достояние рейха», но читал в глазах ученого глубоко скрываемую насмешку. «Все они, эти интеллигенты, хотя и стараются доказать свою преданность фюреру, в глубине души ненавидят „старых борцов“ партии, считая нас выскочками и невеждами», — подумал Кох и вспомнил расхожую фразу Ганса Йоста^[203] о том, что при слове «интеллект» его рука

«тянется к спусковому крючку пистолета». Взгляд Коха упал на голубые шторы на стене слева от письменного стола. Он потянул за шнурок — шторы раздвинулись: за ними висела красочная топографическая карта провинции с бирюзовыми лентами рек и пятнами озер, ажурной сетью железных и шоссейных дорог, зелеными квадратами лесов и искусственных лесных насаждений.

Где? Где оно, то укромное место, куда в случае угрозы можно было бы упрятать на время ценную коллекцию, — вот что занимало мысли гаулейтера. О том, чтобы везти ценности в рейх, нечего было и думать. Тогда очень многое из того, что оказалось в личной собственности Коха, могло попасть в руки чиновников рейхслейтера Розенберга или того хуже — в руки сотрудников РСХА, которые особенно последнее время прибирали к рукам все мало-мальски ценное — картины, скульптуры, изделия из драгоценных камней, золота и серебра. И все под лозунгом чистоты рядов партии! Могло даже дойти до партийного суда чести, где уже не раз рассматривались дела о злоупотреблениях высших чинов аппарата НСДАП.

Кох пристально вглядывался в карту, будто в ней самой пытался найти ответ на мучающий его вопрос. Нельзя сказать, что у него не было на примете каких-либо довольно надежных объектов на территории провинции, благо Восточная Пруссия изобиловала наличием различных фортификационных сооружений, начиная с рыцарских замков и кончая построенными в последние годы многочисленными бункерами. Существовало немало удаленных от основных магистралей имений и фольварков, принадлежащих преданным партийным функционерам, которые, возможно, сочли бы за честь помочь гаулейтеру в столь пикантном деле. И все же это было совсем не то, чего хотел Кох. О месте захоронения сокровищ должны были знать только он и двое-трое самых надежных людей. Хранилище необходимо располагать в точке, не вызывающей никаких подозрений. И главное — это место должно было находиться неподалеку от самого имения. Тогда отпали бы все вопросы, связанные с обеспечением конспирации при транспортировке груза. Да и решить вопрос о захоронении можно было бы достаточно оперативно: в случае возникновения реальной угрозы прорыва противника или нанесения тяжелых бомбовых ударов по Кёнигсбергу и его окрестностям.

Кох еще раз взглянул на карту, сосредоточившись на конкретном ее квадрате, образованном градусной сеткой. Он как бы по-иному оценил район расположения Гросс Фридрихсберга. К востоку от него, менее чем в километре, проходила граница города, чуть дальше — окружное шоссе и

сеть кёнигсбергских улиц. С севера территорию имения ограничивал канал Ландграбен^[204] и озеро Филиппстайх^[205].

Примерно в километре к западу от имения располагался большой поселок и имение Меттетен^[206], кирпичный завод и старый парк. С юга примерно на таком же расстоянии проходили железная дорога и шоссе на Пиллау.

Гаулейтер долго и сосредоточенно рассматривал ограниченный указанными ориентирами участок местности вокруг Гросс Фридрихсберга. Может быть, именно в этот момент и созрело у него решение, определившее дальнейшую судьбу коллекций и не только их...

* * *

В августе 1973 года в Калининградскую экспедицию из редакции газеты «Калининградская правда» было передано письмо Андрея Александровича Захарчука, проживающего в Горловке на Украине. В нем он рассказал о событиях конца минувшей войны, очевидцем которых оказался.

**Из письма Захарчука в редакцию газеты
«Калининградская правда». Август 1973 года**

«Я много читал про Янтарную комнату и мне вот уже 30 лет не дает покоя один вопрос. Я в 1944 г. работал в районе Калининграда в имении Эриха Коха в Гросс Фридрихсберге... В сентябре м-це в его... имении строился железобетонный тайник, то место я очень хорошо помню... Он был построен и очень хорошо замаскирован — причем глубоко в земле. Когда его строили, то в бетон была вставлена очень толстая железная арматура, причем очень густо. Не могу знать, что в этом тайнике есть, но надеюсь, что он не пуст...»

Информация, сообщенная Захарчуком, возвращает нас в осенние дни 1944 года, когда к Кёнигсбергу неумолимой громадой приближалась Советская Армия, круша на своем пути откатывающиеся на Запад войска вермахта.

Именно в это время в районе Гросс Фридрихсберга происходили таинственные события, смысл которых до сих пор не ясен. Расскажу о них по возможности поподробнее. Во всяком случае, настолько подробно,

насколько позволяют это сделать имеющиеся в моем распоряжении источники.

* * *

Лай овчарок становился невыносимым. Цепь охранников, удерживающих на поводках беснующихся собак, казалось, сжимала и без того ограниченное пространство вокруг глубокого котлована. На площадку, огороженную забором из свежевystруганных досок, то и дело заезжали неуклюжие тяжеловесные машины, обдавая людей, работающих там, удушливым сизым газом. Одновременно действовали сразу две больших бетономешалки, жадно пожирающие широкими раструбами цемент и песок. Рядом, оглушительно грохоча, работала камнедробилка. Вокруг нее буквально на глазах увеличивались кучи щебня — основного балластного компонента, обеспечивающего прочность любого сооружения.

По деревянным мосткам, спускающимся в котлован, сновали люди в грязном, потерявшем первоначальный цвет обмундировании. Загружая тачки свежеприготовленным бетонным раствором, они спускались в котлован и где-то там в его чреве заливали смесь в деревянную опалубку сложной конфигурации. Их работало здесь около двадцати человек — советских военнопленных из лагеря, расположенного в Метгетене, пригороде Кёнигсберга. С конца августа, после серии тяжелых авианалетов англичан на город, условия в лагере стали невыносимыми. Голод косил людей, тяжелая каторжная работа превращала их жизнь в сплошную цепь мучений, избавление от которых сулила только смерть. Когда они вечером возвращались в свои бараки после четырнадцати часов изнурительного труда, их ждало по сто восемьдесят граммов хлеба, наполовину из опилок и соломы, и один литр супа без соли, сваренного из неочищенного гнилого картофеля. На таком рационе долго протянуть было невозможно.

И вдруг в начале сентября на одной из утренних переключек из военнопленных, построенных на лагерном аппельплаце, было отобрано два десятка человек, которые казались наиболее способными к тяжелой физической работе. Их перевели в отдельный барак и первое, что сделали — сытно накормили. Теперь эта группа военнопленных стала работать отдельно от остальных. Каждое утро за ними приезжал в лагерь грузовик с брезентовым верхом и надписью большими белыми буквами «Бетонштайнфабрик АГ»^[207], у борта садились два эсэсовца с автоматами, и они выезжали за ворота. И хотя езды до места работы было самое

большее двадцать минут, всякий раз их доставляли туда на автомобиле с плотно задернутым брезентовым пологом.

Очень скоро всем стало ясно, что в огромном котловане под бдительным наблюдением СС строится какое-то подземное сооружение — не то бункер в несколько этажей, не то хранилище с многочисленными помещениями. В траншее укладывались бетонные кольца метрового диаметра, образующие своеобразные трубы, расходящиеся в нескольких направлениях. Швы между блоками и места стыковки их с бетонными кольцами замазывались толстым слоем темной вязкой массы, служащей, по-видимому, гидроизоляцией.

Строительство продолжалось до конца сентября. К котловану несколько раз подходил в сопровождении двух рослых эсэсовцев важный человек в генеральском мундире, невысокий, с острым взглядом и рыжеватыми гитлеровскими усиками. Пленные с опаской смотрели на немца, интуитивно чувствуя, что от него может зависеть не только их положение, но и сама жизнь в фашистской неволе.

Из материалов личного штаба рейхсфюрера Гиммлера.

Александровская пленка, Т-175, ролик 18

«...До 1943 года строительные бригады СС занимались строительством различных объектов по линии Главного административно-хозяйственного управления СС. В 1943 году в связи с усилившимися воздушными налетами на города Германии все бригады были брошены на расчистку разрушенных городов, спасение имущества и ценностей, укрытие этих ценностей и строительство оборонительных укреплений и других объектов по линии СС и полиции безопасности».

В последних числах сентября, когда котлован с расположенными на его дне сооружениями был закопан двумя мощными бульдозерами, пленным досталась уже совсем легкая работа — на опушке леса выкапывать ровные квадраты дёрна, покрытого пожухлой травой, грузить их в кузов грузовика, а затем укладывать ровными рядами на утрамбованной площадке, появившейся на месте котлована. Работа была фактически завершена: осталось убрать мусор, увезти будку с инвентарем и разобрать забор, все еще окружавший пространство совсем недавно оживленной стройки.

Пленные, окруженные охраной с собаками, привычно построились у выездных ворот, ожидая приезда автомашины. Ее долго не было, и высокий

офицер в серой войсковой шинели заметно нервничал, постоянно поглядывая на часы и бросая хмурые взгляды на пленных. Грузовик приехал уже далеко затемно, и охрана, лениво покрикивая на пленных и подталкивая крайних из них прикладами автоматов, загнала людей в кузов. Как обычно, был наглухо застёгнут брезентовый полог, два эсэсовца, держа автоматы перед собой, разместились на откидных сиденьях у бортов. Раздались гортанные крики «Абфарен!»^[208] — и машина, тяжело взывая мотором, выехала за ворота. Впереди и сзади слышалось тарахтение сопровождавших грузовик мотоциклов. Еще немного и колонна выехала за пределы имения. Прогрохотали с вибрирующим гулом механические ворота, заглушая голоса охранников, которые о чем-то оживленно говорили с сопровождавшим транспорт офицером. Водитель резко включил скорость, машина вздрогнула, тронулась с места и вдруг неожиданно для сидящих в кузове пленных сделала поворот налево — на дорогу в сторону кёнигсбергского окружного шоссе. И разом всем стало понятно — их везут не в лагерь. Навалившаяся на тело усталость как-то сразу отодвинулась в сторону, уступая место чувству тревоги и смертельной тоски...

Из записки А. В. Максимова

«Краткая история розыска Янтарной комнаты»

«Хочу... привести один характерный факт по материалам разведки и допросов русских пленных тех лет. Этими документами мы часто пользовались в связи с изучением обстановки, окружающей противника в последние дни Кёнигсберга.

Смысл его такой: где-то в Кёнигсберге находился лагерь советских военнопленных, которые делали для противника подземные казематы из бетона с усиленной гидроизоляцией. Верх сооружения был на глубине десяти метров от уровня земли. Это стало известно от одного из пленных, инвалида, который не мог ходить на работы, а всегда был дневальным. Он, почувствовав недоброе от немцев и слыша канонаду переднего края, сбежал, скрываясь несколько дней в подвалах центра города, и этим остался жить».

В этот день грузовик с брезентовым верхом и надписью «Бетонштайнфабрик АГ» не появился в лагере. Не приехал он и в последующие дни. А судьба двадцати советских военнопленных так и осталась неизвестной. Правда, недалеко от озера Филиппстайх местные

жители однажды сентябрьской ночью слышали несколько резких пулеметных очередей. Да ведь чего только не бывает в расположенном неподалеку от фронта городе. Нередко полевая жандармерия ловила дезертиров, скрывающихся в брошенных домах, сараях или подвалах. Случались и перестрелки с русскими парашютистами, которые, по слухам, десятками забрасывались в предместья Кёнигсберга...

* * *

Прошло чуть более четырех месяцев... И снова в Гросс Фридрихсберге развернулись события, представляющие для нас, собирающих по крупицам сведения об укрытии культурных ценностей, несомненный интерес. Теперь они уже связаны с другой важной фигурой, некоторым образом соприкоснувшейся с одной из тайн Третьего рейха, — генералом Отто Ляшем.

**Из статьи Михаила Брагина
«Крах Восточной Пруссии»**

«...Комендант Кёнигсберга генерал Ляш. Его судьба закономерна и отражает судьбу Восточной Пруссии.

Безусым лейтенантом тридцать с лишним лет назад участвовал Отто Ляш в составе 1-й кавалерийской дивизии в битве у Танненберга. Все три десятилетия готовился Ляш к новой войне. Он достиг поста командующего восточнопрусским военным округом. Он жил здесь же, в прусском городке Морунгене. Свою семью, свою вотчину он собирался защищать как только мог. Ляш воевал под Ленинградом, успел бежать из-под Львова и был назначен как испытанный в боях командир, отлично знающий Восточнопрусский театр военных действий, комендантом Кёнигсберга...»

За всю свою довольно продолжительную военную карьеру генерал Отто Ляш не испытывал столь тягостного, гнетущего чувства безысходности. Казалось, в один миг рухнула продуманная и тщательно подготовленная система обороны. Войска, закрепившиеся в районе Гумбинена и Пилькалена, 13 января подверглись массированному удару русских и начали стремительно отступать в западном направлении. Очень скоро стали понятны оперативные цели противника — расчленение всей

восточнопрусской группировки, окружение Кёнигсберга и плотная изоляция его от других частей вермахта, действующих на Земландском полуострове. К 27 января немецкие войска вынуждены были отступить с боями в ближайшие пригороды Кёнигсберга, а во второй половине дня передовые части Красной Армии перерезали шоссе Кранц — Кёнигсберг. С юга им оставалось продвинуться километров на двадцать, чтобы выйти на берег залива Фришес Хафф. Любому здравомыслящему человеку становилось ясно, что окружение Кёнигсберга — фактически дело одного-двух дней. Еще утром этого январского дня командующий первым военным округом генерал Ляш побывал в Пиллау, где обсудил с морским комендантом порта вопросы эвакуации населения на судах военноморского и гражданского флота. Ведь лишь 27 января руководство НСДАП пошло на объявление массовой эвакуации.

Возвращаясь утром из Пиллау, Ляш был потрясен зрелищем страшной паники, охватившей жителей Кёнигсберга. Все шоссе было запружено повозками беженцев. Толпы людей везли свой скарб в телегах, детских колясках, на велосипедах. Крытые фуры с железными трубами печек-временок, простые крестьянские повозки с большими деревянными колесами, аккуратные фургончики с затейливой готической вязью надписей — все это перемешалось в сплошную массу, лавину, которая со стоном и плачем двигалась к морю, спасаясь от надвигавшихся войск Красной Армии. Пропаганда Геббельса сделала свое дело: десятки тысяч людей, бросая свои дома и имущество, в дикой панике рванулись в Пиллау — единственное, как им казалось, спасение от «безжалостных азиатских орд». Женщины, несущие на руках укутанных в одеяло детей; молчаливые старики и старухи, сидящие в повозках среди груд чемоданов, тюков, ящиков; трескучий январский мороз; пронизывающий северный ветер и отдаленный грохот канонады — все это ассоциировалось у Ляша с одним словом: «фергельтунг» — «возмездие». Но это было не то возмездие, о котором истерически кричал фюрер, обрушивая сотни смертоносных ракет на Лондон^[209]. Это было возмездие, приходящее с востока, от стен Москвы, Ленинграда и Сталинграда, и найти спасения от него, Ляш это знал точно, было уже невозможно.

По приезду на командный пункт округа, размещавшийся в доме лесника, что в полукилометре к югу от Модиттена^[210], Ляш принял доклад полковника фон Зюскинд-Швенди, который сообщил, что, по данным разведки, части Красной Армии наступают по всему фронту, огибая Кёнигсберг с севера и юга, и достигли к семнадцати ноль-ноль линии

Трутенау — Мандельн — Крауссен — Людвигсвальде^[211].

Ляш понимал, что если не удастся провести перегруппировку наличных сил, то противник уже к исходу следующего дня может ворваться в город. Об этом же говорил и начальник штаба. У полковника были свои предложения на этот счет, и он проработал их уже с начальниками отделов Ia и Ic^[212] майором Кохом и полковником Нотцни фон Гожински. Ляш было хотел сразу перейти к обсуждению необходимых мер, но Зюскинд-Швенди торопливо доложил, что уже несколько раз звонил гаулейтер и интересовался, где генерал, и просил срочно связаться с ним. Имение Коха было совсем рядом, и Ляш, прихватив с собой оперативную карту в планшете, отправился на доклад к «имперскому комиссару обороны».

На переезде машина простояла минут двадцать, пока мимо не проследовал на медленном ходу состав из пассажирских вагонов, подножки которых были буквально облеплены беженцами. Они стояли у многочисленных дверей, судорожно вцепившись в поручни, держась за выступы открытых окон. Наиболее решительные взгромоздились на крыши вагонов, другие — сгрудились, балансируя на сцепках... Маневровый паровоз, испуская клубы дыма и пара, подавал протяжные и хриплые гудки. На фоне заснеженных полей и голых кустов этот поезд, состоящий из ярко-зеленых вагонов рейхсбана, казался призрачным видением, неизвестно откуда появившимся и неизвестно куда исчезнувшим. От переезда до имения было около километра.

Машина генерала обогнала колонну из четырех автофургонов, во главе которой ехал бронетранспортер, а позади — грузовик с солдатами. Машины шли тяжело, надрывно ревели дизельные моторы. По-видимому, ящики из свежевыструганных досок, торчащие из-под брезента в кузовах автомобилей, были тяжелыми. «Похоже, гаулейтер что-то свозит в свою резиденцию, да притом в спешном порядке», — отметил про себя Ляш.

Совещания у гаулейтера с предыдущего вечера стали проводиться в подземном бункере, примыкавшем к подвалу дома Коха. После того как части Красной Армии вышли на ближние подступы к Кёнигсбергу и начали массированный артобстрел города, постоянно находиться в доме было уже небезопасно.

Подвалы у дома Коха были как будто специально приспособлены для того, чтобы обустроиться там в случае необходимости: пять больших комнат с узкими зарешеченными окошками у потолка, кухня, душевая комната и ватерклозет, сверкающие керамической плиткой. Попасть в подвал можно было из дома или через небольшой тесный коридорчик с

массивной железной дверью прямо с улицы, спустившись по ступенькам в небольшое углубление у фундамента дома. Из подвала длинный тоннель вел в бункер, расположенный к северу от дома. Построенный несколько месяцев назад во время мероприятий по реализации уже упомянутой мной Егер-программы, бункер был оснащен современными устройствами жизнеобеспечения: громадным водогрейным котлом фирмы «Шеффер & Валькер», системой приточной вентиляции и электрогенератором, обеспечивающим автономное функционирование всех устройств. В одном из помещений был оборудован узел связи, имеющий прямые телефонные каналы с гауляйтунгом НСДАП на Егерхофштрассе, зданием правительства на Миттельтрагхайм и комендантом города генерал-лейтенантом Шиттнигом. С помощью шифрованной связи Кох мог оперативно связаться с правительственными учреждениями и военным руководством рейха.

Эрих Кох ждал приезда генерала. В ярко освещенной комнате подземного бункера Ляш застал гаулейтера, его заместителя Гроссхерра, начальника полиции Восточной Пруссии группенфюрера СС Редисса, руководителя отдела СД в Кёнигсберге бригадефюрера Раша и крайслейтера Вагнера, которые сидели за столом. Перед ними лежала оперативная карта с нанесенной на нее обстановкой. Кох без предисловий сообщил генералу, что сегодня днем у него состоялся телефонный разговор с фюрером, который интересовался личностью Ляша, его способностями военачальника, его моральным духом и преданностью идеям национал-социализма, а главное — решимостью сражаться до последнего солдата. Делая упор на такие качества генерала как инициативность и изрядный боевой опыт, Гитлер предложил назначить его комендантом «крепости Кёнигсберг» и возложить на Ляша всю полноту военной власти в городе и ответственность за боевые действия на данном участке фронта. Кох испытующе посмотрел на генерала. «Эти „золотые фазаны“ теперь готовы все взвалить на военных и не скупятся на назначения», — с раздражением подумал Ляш, но гаулейтеру ответил о своем согласии занять этот пост и готовности исполнить долг «перед родиной и фюрером».

Началось детальное обсуждение сложившейся обстановки. С вступлением Ляша в должность коменданта крепости, в его полное подчинение передавались все части, дислоцированные в городе или непосредственной близости к нему: 1, 61, 69 и 367-я пехотные дивизии, 548-я и 561-я дивизии фольксгренадеров, 5-я танковая дивизия под командованием генерал-майора Липперта, саперные крепостные части полковника Бургера, отдельные пехотные, саперные, зенитные, разведывательные и танковые подразделения, в частности, 505-й батальон

тяжелых танков «тигров».

Однако в Кёнигсберге находилось кроме того восемь батальонов фольксштурма и несколько команд Имперского трудового фронта, насчитывающих в общей сложности свыше десяти тысяч человек, — шестнадцатилетних юнцов и стариков, многим из которых перевалило за семьдесят. Эти части подчинялись политическому руководству обороной города в лице заместителя гаулейтера Гроссхерра и крайслейтера Вагнера, которые определяли оптимальные формы оперативного использования «желудочных батальонов»^[213]. Для Ляша было необходимым добиться от Коха подчинения ему этих частей, хотя он прекрасно понимал, что в военном отношении они не представляли реальной силы, так как были очень плохо вооружены и наспех обучены. Достаточно сказать, что на шестьсот солдат третьего батальона приходилось лишь около ста винтовок различных образцов, а фаустпатронов хватало менее чем на половину солдат. Но когда Ляш заикнулся о передаче частей фольксштурма в его подчинение, Кох зло спросил: «А кто сдержит ваших солдат, когда они оставят свои позиции под напором красных и хлынут в город?»

Продолжать разговор не имело смысла, и Ляш, попрощавшись кивком головы с присутствующими, быстро вышел из помещения. Рослый эсэсовец проводил его к выходу из бункера. На улице стало темно, но снег, покрывающий землю, делал хорошо различимыми окружающие постройки, имена и грузовики с работающими моторами, которые стояли поодаль. Ляш обратил внимание на то, что задний борт одного из них был открыт, рядом сустились солдаты и толстяк-фельдфебель.

Он, подсвечивая себе карманным фонариком, сверял маркировку на ящиках с каким-то списком и делал пометки в блокноте.

«Крысы готовятся бежать с тонущего корабля и прячут награбленное», — пришло на ум генералу. Он круто повернулся и зашагал по скрипящему снегу к стоявшей у контрольно-пропускного пункта машине. Вдали слышался гром артиллерийской канонады. Далеко, в стороне Нойхаузена виднелись всполохи зарева — это горели аэродромные сооружения — там уже были русские. Немецкие саперы, отступая, подорвали резервуары с авиационным топливом и склады боеприпасов.

Из книги Отто Ляша «Так пал Кёнигсберг».

Штуттгарт, 1959 год

«...Это сообщение я получил в утренние часы 28 января. В нем говорилось следующее: „С этого момента Вы назначаетесь командующим кёнигсбергскими оборонительными

сооружениями и крепости Кёнигсберг“... Таким образом, я стал четвертым и последним комендантом крепости Кёнигсберг после того, как три моих предшественника в течение четырех последних недель были смещены по тем или иным соображениям личного характера».

Ящики, лежащие в кузовах трех грузовиков, на которые обратил внимание Ляш, имели маркировку черной краской. Может быть, на верхней крышке каждого из них кроме трехзначных цифр через трафарет были нанесены буквенные индексы «MWR», «UKI», «UKCH», «OLE»... а через дробь одни и те же буквы — «ES»? Так обычно маркировались подразделениями «Айнзатцштаба рейхслейтера Розенберга» ящики с ценностями, награбленными нацистами на оккупированной советской территории — в Белоруссии, на Украине, в Эстонии... и направленные в штаб реквизиций и просмотра, расположенный в Берлине.

Вероятнее всего, указанный груз в Берлин все-таки не попал, тем более что очень скоро Кёнигсберг был блокирован с суши войсками Третьего Белорусского фронта, а вывоз его из города морским путем через порт Пиллау был крайне проблематичен, так как активные действия советской авиации и подводных лодок на Балтике практически парализовали эвакуацию, а после потопления 30 января «Вильгельма Густлова» вселили в нацистскую верхушку Восточной Пруссии суеверный страх^[214].

Глава четырнадцатая

«Вервольф» действует

...10 или 11 апреля 1945 года в отдел контрразведки Смерш 5 армии был доставлен задержанный контрразведчиками одной из дивизий зам. полицай-президента Кёнигсберга, который сообщил, что по дошедшим до него косвенным данным в подземных бункерах затаились специальные отряды эсэсовцев... что по указанию Э. Коха в Кёнигсберге и его окрестностях созданы надежно замаскированные тайники, где спрятаны громадные ценности, вывезенные с советской территории, в том числе Янтарная комната...

Из записки Владимира Ананьевича Боярского, бывшего начальника разведки 5-й армии. 20 декабря 1984 года

Июль 1945 года. Лето было в самом разгаре. Казалось, опаленная войной земля стремилась как можно быстрее воспрянуть из пепла, гари, черной копоти, покрывшей все вокруг. На территории бывшего имения нацистского гаулейтера развернулось подсобное хозяйство гвардейского стрелкового полка. С близлежащих хуторов, покинутых местными жителями, собрали уцелевший после апрельских боев домашний скот, несколько десятков лошадей, которые были размещены в полуразрушенных постройках Гросс Фридрихсберга. Во фруктовом саду, чудом уцелевшем среди обугленных деревьев парка, созрел хороший урожай яблок, слив и черешни. Прикомандированные солдаты и несколько местных жителей восстанавливали теплицы и огород, заготавливали корм для коров и свиней, пытались починить разрушенный водопровод и дренажную систему. Так что у майора Борисова, боевого офицера, прошедшего войну от Старой Руссы до Пиллау, а теперь вопреки его воле назначенного начальником подсобного хозяйства, дел было невпроворот.

Прошла кровавая круговерть боев — и наступило долгожданное расслабление. Борисов вдруг неожиданно для себя вспомнил, что он — бывший студент четвертого курса исторического факультета Московского

университета. Память все чаще возвращала его в предвоенное время: семинары, лекции, студенческий кружок по изучению истории большевизма, туристский поход в июне сорок первого по маршруту Москва — Кубинка — Москва под лозунгом «Сегодня в походе — завтра в бою», вечеринки, драматический кружок... Все это было так давно, что казалось Борисову неправдоподобным. Но здесь, в Германии, он снова почувствовал себя историком-исследователем... Дело в том, что вот уже несколько дней он был захвачен идеей найти ценности, спрятанные фашистами перед штурмом Кёнигсберга.

А началось так: старый немец, безуспешно ремонтирующий насос, который качал воду из артезианской скважины, рассказал ему, что год назад здесь велись большие строительные работы, результатов которых практически не видно. Борисов знал, что на месте хозяйства раньше находилось имение «палача украинского народа Эриха Коха», по указанию которого многие сооружения были взорваны перед приходом наших войск, а все сельскохозяйственные животные умерщвлены каким-то сильнодействующим ядом. Борисов не обратил бы особого внимания на болтовню старика, если бы через пару дней немка Элизабет, которую наши солдаты звали Лизой, не рассказала майору о том, как «наци» что-то прятали в районе имения. Об этом ей по секрету поведал ее школьный товарищ перед уходом в фольксштурм. Его дядя, правительственный директор отдела культуры Оберпрезидиума, якобы знал, что какие-то ценности из музеев Кёнигсберга, упакованные в ящики, были вывезены из города в район Гросс Фридрихсберга, после чего их следы затерялись в суматохе последних месяцев.

Борисов стал выяснять у оставшихся немцев, что они знают о пропавших сокровищах. Большинство жителей, подавленные катастрофическими событиями весны, потерявшие близких и настороженно относящиеся к победителям, как правило, отмалчивались. Некоторые старательно заверяли майора в своей лояльности по отношению к Красной Армии, наперебой ругали Гитлера и Геббельса, проклинали войну и настойчиво повторяли, что кроме своего хозяйства и дома ничего не видели и ничего не знают. Были и такие, которые бросали злые, ненавидящие взгляды на советского офицера, шипя сквозь зубы проклятия. От немца-инвалида, потерявшего ногу под Тобруком в 1942 году, Борисов узнал, что неподалеку отсюда на хуторе рядом с окружным шоссе живет бывшая кухарка Коха — Магда, которая уж наверняка может сообщить «герру майору» интересующие его сведения.

**Из справки А. В. Максимова
«Местечко „Фридрихсберг“»**

«...Первый начальник подсобного хозяйства нашей воинской части был по званию майор, хорошо говоривший по-немецки. По описанию он был человек всесторонне развитый, любопытен и внимателен к каждой необычной детали поведения хуторян. Некоторых принял на работу с тем, чтобы с их помощью раскрыть тайну... Через них он нашел бывшую кухарку Э. Коха. Но расположить ее к себе ему не удалось. Она была дерзка, надменна и до предела ненавидела победителей».

Магда оказалась худощавой немкой приятной наружности. Она настороженно встретила офицера, долго слушала его разъяснения и вопросы, но на каждый из них давала отрицательный ответ. Она не отрицалась, что работала у Коха, о чем, собственно, как она сказала, ее уже допрашивали в «эн-ка-вэ-дэ». Теперь она живет здесь у родственников и занята единственно тем, где бы достать продукты, так как не сомневается, что скоро наступит голод и все жители вымрут на радость победителям. Она именно так и сказала: «на радость победителям». Борисов пытался убедить Магду в том, что Красная Армия не воюет с населением, а теперь, когда война уже закончилась, все скоро войдет в норму и наступит новая жизнь.

Когда уже в который раз на вопрос Борисова о строительных работах в имении Коха Магда ответила «не знаю», майор повысил голос и пригрозил ей, что, если она ему не скажет все начистоту, ей придется снова побывать в «эн-ка-вэ-дэ», и тогда неизвестно, чем это закончится. Немка резко встала, бросила ненавидящий взгляд на Борисова и отрывисто сказала, что «даже если ее будут пытаться, она ничего не скажет». Разговор был окончен.

На свой страх и риск Борисов решил начать поиск сокровищ сам. Он доложил об этом по команде. Там от Борисова только отмахнулись, сказав, что поиск материальных ценностей — дело трофейных команд, а он пусть занимается своим делом — разводит свиней, доит коров и собирает яблоки. Борисов пытался дозвониться командиру 31-го отдельного трофейного батальона капитану Беляеву, но тот был в отъезде. Знакомый офицер из восьмой районной комендатуры посоветовал Борисову связаться с неким майором Цырлиным, членом бригады Комитета по делам культпросветучреждений, которая проводила работу по розыску ценностей, похищенных фашистами в Советском Союзе. С большим трудом Борисову удалось дозвониться в политуправление фронта и переговорить с

Цырлиным. Но тот, казалось, совсем не реагировал на доводы майора и, сославшись на то, что занят делами более важными, переадресовал Борисова снова к трофейщикам. При этом Цырлин упомянул о разносе, недавно учиненном генералом Галицким, который запретил вывозить что-либо из Кёнигсберга.

Из дневника А. Я. Брюсова. 8 июля 1945 года

«...8/VII. Третьего дня приехал в Кёнигсберг ген. Галицкий, армия которого принимает В. Пруссию. Он собрал совещание всех командированных и в резкой речи обозвал всех „барахольщиками“, заявил, что не даст вывезти из города ничего, что снимет посты (!) со всех складов и т. д... Речь была грубой... (далее следует несколько зачеркнутых строчек. — *Авт.*). Итак, наша работа, по-видимому, пройдет впустую. Вещи мы упакуем, но сохранятся ли они — маловероятно... При таких условиях нет смысла дальше оставаться в В. Пруссии...»

Тогда Борисов решился провести самостоятельное обследование бывшего имения гаулейтера. Для начала он внимательно осмотрел вместе с солдатом-сапером всю территорию имения, включая заросли в парке и болотистую низину рядом с прудами. Борисова поразили некоторые сооружения, на которые он совсем недавно даже не обращал внимания. Во-первых, непонятного назначения резервуар на территории парка. Поначалу казалось, что это плавательный бассейн, строительство которого не успели закончить по каким-либо причинам. Но конфигурация отдельных бетонных узлов сооружения вызывала сомнения в том, что это спортивно-оздоровительный объект — уж слишком замысловатым был профиль некоторых бетонных плит. Земляные брустверы, бетонные и кирпичные конструкции, глубокие колодцы с металлическими скобами и трубами-ответвлениями — все это тоже порождало ряд вопросов.

Еще большая неожиданность подстерегала Борисова, когда он попытался привести в действие повторный механизм, установленный в одном из колодцев неподалеку от озера. Повернув с трудом поддающееся ржавое колесо-штурвал, они с солдатом заметили, как с шипением убывает вода в водоеме. Прошло несколько минут, и полностью обнажилось усеянное ржавым железом и каким-то тряпьем дно озера. Вода ушла в сливное отверстие, аккуратно обложено со всех сторон ровным булыжником, как будто это было не озеро, а громадный искусственный резервуар. На следующий же день вода опять наполнила озеро через

систему шлюзов и достигла прежнего уровня. «Да, мастаки эти фрицы на всякого рода технические хитрости», — думал Борисов.

В те же дни рабочие подсобного хозяйства и прикомандированные солдаты вдруг обнаружили в одной из комнат железобетонного бункера под завалом из досок и сломанной мебели несколько ящиков с дорогой фарфоровой посудой, столовым серебром, свернутыми в тюки коврами, изрядно подпорченными сыростью. К всеобщей радости там оказалось и три ящика с коньяком и водкой. Особое впечатление на всех произвели затейливые высокие бутылки традиционной восточнопрусской водки «Беренфанг» — смеси спирта, меда и хвои. К сожалению, Борисов узнал о находке слишком поздно и смог конфисковать у солдат лишь несколько бутылок да пару тарелок с изображением кораблей древних викингов.

Как стало известно, солдаты автобата, дислоцировавшегося в развалинах форта «Фридрих-Вильгельм III», что в четырех километрах от хозяйства Борисова, нашли среди кип немецкого обмундирования и тряпья, лежавших навалом в одном из казематов форта, тонкую янтарную пластину размером с офицерский планшет. Недолго думая, они распилили ее на узкие полоски. Завидные мундштуки получились из этой пластины — гордость курильщиков и очень ценный предмет обмена. На один янтарный мундштук можно было выменять дюжину ручных часов или хромированную, отделанную перламутром губную гармонику.

Борисов все свободное время проводил в поисках, вызывая усмешки командиров и товарищей по службе. Только один раз офицера немного встревожили слова немца-инвалида, работавшего в хозяйстве. Он сказал, что очень уважает «герра майора», ценит его доброе отношение к «нации побежденных», но просит его отказаться от поисков ценностей, так как не всем это нравится. «На свете, герр майор, плохих людей гораздо больше, чем хороших, и я бы не хотел, чтобы у Вас были неприятности», — этой фразой немец закончил разговор и удалился, опираясь на самодельный костыль. Борисова смутило лишь упоминание немца о каких-то «плохих людях», которым не нравятся его поиски. Слова эти звучали как предупреждение и скрытое предостережение, и майор подумал о том, что действительно, наверное, есть среди немцев такие, которые знают о месте захоронения ценностей, а может быть, даже специально оставлены оберегать их от возможных попыток обнаружения. «Надо будет завтра обязательно сообщить об этом разговоре в Смерш», — решил Борисов.

Конечно, не искушенный в тайном противоборстве спецслужб, Борисов не мог знать, что Кёнигсберг, в котором уже молчали пушки, был буквально наводнен агентурой, оставленной Главным управлением

имперской службы безопасности. Еще задолго до начала боевых действий на территории Восточной Пруссии в ничем неприметной кёнигсбергской школе имени Йорка, располагавшейся на одноименной улице в кёнигсбергском районе Закхайм^[215], дислоцировалась военно-разведывательная диверсионная школа, руководство которой осуществлял некий Гюнтер Бааль — профессиональный военный разведчик, работающий в СД. Набор в школу производился через систему партийных ячеек НСДАП и находился под строгим контролем крайслейтера Вагнера. В течение трех месяцев молодые немцы, фанатично преданные фюреру, изучали с опытными преподавателями тактику тайной борьбы — агентурную работу, диверсионную и разведывательную деятельность.

По прямому указанию Коха спецподразделение СД сформировало из выпускников школы около сорока подпольных групп «Вервольфа» и так называемых «Эдельвейс-пиратов», в которых шестнадцатилетние мальчишки из «Гитлерюгенда», присягнув на верность Адольфу Гитлеру, готовы были пойти на самопожертвование во имя пресловутых идей национал-социализма. После кровопролитных апрельских боев и падения города-крепости в нем осталась агентурная сеть, руководимая тщательно законспирированными резидентурами СД. Для ведения боевых операций члены групп «Вервольфа» были снабжены личным оружием, боеприпасами, подрывными средствами, радиостанциями. В специально замаскированных бункерах и заранее обусловленных местах оставались склады продовольствия и вооружения. Именно деятельностью подпольных нацистских групп объясняется то обстоятельство, что в совершенно опустошенном городе с полностью деморализованным населением в первые мирные месяцы отмечались частые случаи убийства советских солдат, поджоги складов и порчи военной техники. Нередко кёнигсбергская оперативная группа «Смерш» Краснознаменного Балтийского флота или армейские подразделения НКВД выявляли целые осиные гнезда фашистского подполья. И только через пару лет, когда из Калининградской области уехали последние немецкие жители, закончилась тайная война террора и диверсий.

Из книги Фрайгера Рута

«Вервольф. Осколки коричневой империи».

Москва, 2007 год^[216]

«„Вервольф“ не был мифом. Это был последний идеологический оплот нацистского режима... „Вервольфы“ взрывали мосты, расправлялись с советскими и союзническими

офицерами, расстреливали из засад транспортные колонны, разрушали здания, где располагались новые органы власти... В 1945 году, после крушения рейха, „вервольфы“ превратились в форменных линчевателей... Их жертвой мог стать фактически любой, кто хотел поспособствовать налаживанию мирной жизни в новых, послевоенных условиях».

Но ничего этого, конечно, майор Борисов не знал, а рядом с ним, кроме немцев, не нашлось людей, которые могли бы предостеречь его от опасных поисков. Поэтому и случилось то, что должно было случиться. Активность советского майора не осталась без внимания «сторожевой агентуры» СД или фанатиков из «Вервольфа», и те сделали свое черное дело, чтобы сохранить тайну, которая должна была уйти в небытие вместе с гибелью Третьего рейха.

**Из беседы с писателем А. Васильченко на тему:
«Партизаны Третьего рейха». Радио «Эхо Москвы».
26 ноября 2006 года**

«...Где-то после 1945-го, к 1946 году это были мелкие вылазки, в основном сводившиеся к подрыву мостов, обрезанию линий связи, убийству... отдельных милиционеров. В мае — июне 1945-го — огромное количество диверсионных вылазок из руин, большое количество погибших советских солдат и... немецких антифашистов, готовых к сотрудничеству».

Труп майора с обезображенным лицом и колотыми ранами на груди и руках был найден в дальнем конце парка, там, где в каменном заборе зияла большая пробоина, а на дороге стоял обгоревший остов немецкой самоходки. Военврач, осматривавший бездыханное тело, сделал заключение, что смерть Борисова наступила от удушения, а раны на лице и теле были нанесены незадолго до смерти. «Видимо, пытались у него что-то узнать», — предположил врач. Старший лейтенант отдела контрразведки «Смерш», выехавший на место происшествия сразу по поступлении сигнала об обнаружении трупа, подумал, слушая военврача: «А что, собственно, он такого мог знать, этот майор Борисов, начальник подсобного хозяйства стрелковой дивизии, — разве что количество коров и свиней в хозяйстве?» И, не вдаваясь в подробности, составил соответствующую докладную записку.

Спустя год в этих же местах произошло еще одно крайне странное событие, очевидцами которого были два человека — мать и дочь Дороховы. Об этом стало известно в 1962 году, когда в редакцию газеты «Калининградская правда» пришло письмо из Ленинграда.

**Из письма Дороховой в редакцию газеты
«Калининградская правда». 1 мая 1962 года**

«Уважаемые товарищи! Прочитав книгу В. Дмитриева и В. Ерашова „Тайна янтарной комнаты“ и узнав о розысках в районе г. Кёнигсберга немецких подземных сооружений, мы вспомнили об одном случае, который на всякий случай решили Вам описать...»

Далее следовала какая-то даже немного жуткая история с элементами мистики. Судите сами.

В августе 1946 года Раиса Ивановна с дочерью Леной приехали в Кёнигсберг, с 4 июля называвшийся уже именем «всесоюзного старосты»^[217], чтобы немного отдохнуть. Приехали из превращенного в руины Минска, куда возвратились после четырехлетней эвакуации. Их дом на улице Карла Маркса чудом оказался цел, и они с дочерью постепенно начали налаживать нелегкий послевоенный быт. На лето их пригласил к себе брат Раисы Ивановны, направленный в начале 1946 года на восстановление кёнигсбергского мельничного комбината. Брат писал, что хотя город весь разрушен и находится в страшном запустении, он поможет сестре с племянницей, и они не пожалеют о месяце, проведенном у него в гостях. При этом он намекал, что родственники даже смогут кое-что привести из продуктов домой в Минск.

Устроились мать и дочь в пустующей пока комнате двухэтажного дома на Текстильной улице. Квартiry здесь занимали сотрудники комиссии по приему, размещению и хозяйственному устройству переселенцев отдела областного управления по гражданским делам, а также специалисты различного профиля, прибывшие вместе с семьями восстанавливать объекты целлюлозно-бумажной, лесной и пищевой промышленности.

Дом был добротный, с большим садом, огороженный невысокой резной железной оградой, двумя подземными гаражами, детской площадкой с качелями и чудом уцелевшей гипсовой фигуркой смешного

гномика. Но особенно интересны были рельефные орнаменты на межоконных проемах. На коричневой керамической плитке выделялись миниатюрные изображения всевозможных животных и рыб, маленьких амурчиков с луками и стрелами, каких-то причудливых фигурок. Часто повторялись изображения весов и раков с растопыренными клешнями. На металлической решетке у калитки со сломанным электрическим замком висела еще табличка с немецким названием улицы — «Брюннэкаллее».

Весь июль лили проливные дожди. В августе немного распогодилось, но дни были хмурыми. До отъезда оставалось совсем немного времени, когда погода вдруг резко переменялась, наступили теплые солнечные дни.

Раиса Ивановна узнала от женщины из квартиры напротив, жены начальника какой-то строительной конторы, что неподалеку отсюда есть несколько озер, куда все ходят купаться. Вода в этих озерах была чистая, не в пример запущенным городским каналам и прудам, которые еще весной сорок пятого года оказались забитыми трупами людей и животных, завалены всяким мусором и обломками рухнувших зданий.

Они несколько раз ходили на озеро мимо высокой полуразрушенной кирпичи с остроконечным шпилем, мимо аккуратных одноэтажных домиков, каким-то чудом сохранившихся среди черных от копоти остовов зданий. За окружной дорогой, обсаженной липами, начиналась тропинка, выходящая между кустов, огибающая небольшие овраги и заросшие тростником болотца. Чуть дальше она выходила к каналу и шла уже вдоль него прямо до водоема, который все называли Филипповым озером. Народу здесь было мало, несмотря на жаркий день. Стайки ребят ныряли с возвышающегося над водой бетонного мола, несколько женщин, похоже немки, молча стирали белье, складывая его в высокие металлические баки.

Вдоволь накупавшись и полежав на горячем песке, Раиса Ивановна решила, что пора возвращаться домой. Лена еще немного поплавала недалеко от берега, затем тоже выбралась на песок. Хотя жара еще не спадала, чувствовалось, что день близится к вечеру. На тропинке между кустов акации показалась группа подростков, с громким смехом приближавшихся к месту, где сидели мать и дочь. Один из них, долговязый, что-то сказал, указывая на Лену. Шпана разразилась громким хохотом. Раиса Ивановна почувствовала, что нужно срочно уходить отсюда, дабы избежать столкновения с парнями. Подхватив узелки с полотенцами и мылом, они с Леной чуть не бегом бросились в спасительные заросли. Позади раздался озорной мальчишеский свист...

Этой дорогой они к озеру никогда не ходили. Тропинка обогнула песчаный карьер, спустилась с пригорка и влилась в узкую дорогу,

мощенную большими бетонными плитами. С одной стороны было широкое поле, за ним виднелись уцелевшие после войны коровники и сарай расположенного здесь хутора, с другой — небольшая березовая рощица. Место оказалось довольно пустынное, немного даже жуткое, потому что рядом с дорогой Раиса Ивановна заметила вдруг ржавый остов сгоревшего тупорылого грузовика, а чуть поодаль — торчащий из земли бетонный колпак с узкими щелями, таких повсюду натыкано было множество. Сразу стало как-то не по себе. Вспоминались страшные рассказы о бандах, ночью бродящих в окрестностях города, а днем прячущихся в подвалах разрушенных домов и пустующих немецких бункерах. Всплыл в памяти леденящий душу рассказ брата о шайке бандитов, нападавших на людей среди бела дня и убивавших всех одинаковым приемом — перерезая горло опасной бритвой.

Раиса Ивановна, таща Лену за руку, почти уже бежала по дороге, однако очень скоро они выдохлись и, тяжело дыша, остановились у какой-то каменной стены, тянувшейся вдоль дороги. В нескольких местах в стене были проломы и через них виднелась брусчатка мостовой. «Значит, мы добрались до города», — подумала Раиса Ивановна. И тут Лена до боли сжала ее руку. Мать посмотрела в испуганные глаза дочери и, обернувшись, увидела нечто странное... В стороне от дороги спиной к ним стоял высокий мужчина с мешком за спиной. На нем были грязно-серые брюки немецкого покроя и старый рваный пиджак, явно с чужого плеча. Мужчина что-то внимательно рассматривал в густой траве. В руке он держал какую-то бумажку, временами пристально поглядывая на нее, как бы сверяя нарисованное или написанное на ней с тем, что он видел в траве. Проследив за взглядом незнакомца, Раиса Ивановна заметила торчащую на полметра из земли металлическую трубу. Из ее чуть расширяющейся горловины... шел легкий дымок. Это было так неожиданно и необычно, что Лена даже вскрикнула: «Ой, мама!»

Мужчина, вздрогнув, резко обернулся, сунул бумагу во внутренний карман пиджака. Мгновение он с перекошенным от злобы лицом пристально смотрел на женщину с девочкой, потом, издав какой-то нечленораздельный звук, резко прыгнул в сторону и исчез в кустах. С минуту слышался его удаляющийся топот и хруст ломаемых веток. Затем наступила тишина.

Раиса Ивановна долго не могла опомниться. «Что же это было?» — думала она, крепко прижимая дочь к себе. Что так напугало их в поведении незнакомца? Когда они немного успокоились и подошли к пролому в каменной ограде, дочь неожиданно проговорила: «Мама, это был немец. Я

слышала, как он выругался по-немецки. Я это точно знаю». У Лены по немецкому всегда было «отлично».

И не сговариваясь, мать и дочь посмотрели еще раз на то место, где несколько минут назад стоял незнакомец. Из трубы по-прежнему вился сизый дымок...

Через два дня Раиса Ивановна и Лена уехали домой, в Минск. Больше им никогда не довелось побывать в Калининграде. Сообщая о странной встрече в газету, Дорохова признавалась, что не имеет никакого представления о том, где точно находится место с торчащей из земли металлической трубой. Судя по описанию Раисы Ивановны, оно расположено как раз неподалеку от развалин дома Коха в Гросс Фридрихсберге.

Значит, какой-то неизвестный, возможно немец, спустя год и четыре месяца после окончания войны предпринимал попытку установить местонахождение подземного объекта, пользуясь для этого самым примитивным способом: бросая в попадающиеся среди кустов вентиляционные отверстия зажженные предметы и тем самым определяя наличие значительных полостей под землей. Кто это мог быть? Бывший житель Кёнигсберга, желающий пожить каким-либо сохранившимся в подвалах скарбом, или специально оставшийся в городе агент, наблюдающий за сохранностью сокровищ, спрятанных в секретных бункерах гитлеровских спецслужб? Ответа на этот вопрос, естественно, нет.

Однако достаточно хорошо известно, что один из органов немецкой фронтовой разведки под названием «Татост-1», подготовивший в своей спецшколе в восточнопрусском местечке Гросс Раум^[218] сотни диверсантов для действия в тылу противника, оставил в районе Кёнигсберга несколько групп по пять-девять человек «на длительное оседание». Неподалеку от местечка Альте Клаутен в густом лесу в стороне от дорог уже после войны советскими контрразведчиками были обнаружены специальные тайники и замаскированные укрытия, оборудованные всем необходимым для тайной работы в тылу. Поиски и разоблачение фашистской агентуры в районе Кёнигсберга продолжались в течение нескольких месяцев. Нередко при арестах гитлеровские головорезы, выдававшие себя за жителей города или чаще всего за оказавшихся на территории Восточной Пруссии литовцев или поляков, оказывали ожесточенное сопротивление, отстреливаясь от наседавших контрразведчиков в блокированных домах и подвалах. Конец, как правило, был один — бандиты-фанатики пускали себе пулю в лоб, предпочитая погибнуть, нежели попасть в руки советских властей, что само

по себе уже предreshало для них печальный и неизбежный исход.

Вместе с тем доподлинно известно, что часть уничтоженной гитлеровской агентуры выполняла специальные задания по отслеживанию обстановки вокруг тайных укрытий крупных материальных и культурных ценностей, по сбору и накоплению информации обо всех русских, проявлявших интерес к охраняемым спецобъектам, или о немцах, готовых сотрудничать с советской администрацией и помогать ей в розыске ценностей. К сожалению, за всю историю поисковой работы эти данные не стали достоянием исследователей, не послужили основой для качественной проработки версий о возможном местонахождении Янтарной комнаты и других художественных ценностей. Остается только надеяться, что когда-нибудь приоткроются двери специальных хранилищ и станут доступны для поисковиков точные факты, способные, наконец, внести ясность в некоторые обстоятельства скрытой борьбы за овладение тайной местонахождения похищенного достояния человечества.

Глава пятнадцатая

Гросс-фридрихсбергские призраки

...Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше...

Евангелие от Матфея. Глава 6

Июньским вечером 1960 года в заросших бурьяном развалинах на берегу небольшого пруда в совхозе «Майский», совсем неподалеку от сараев с пробитой черепичной крышей и массивного здания амбарного типа, слышны были какие-то непонятные шорохи и скрипы. Как будто в глубине кто-то возился, пытаясь пробиться сквозь толщу земли. Не призраки ли прошлого, оказавшиеся под обломками дома гитлеровского гаулейтера, пытались выбраться наружу? Нет, не призраки, а вполне реальные люди. Одни из тех, кто стремился найти сокровища Эриха Коха.

Копать было трудно. В подвал, куда они спустились по заваленной обломками и мусором лестнице, свет проникал лишь через проем входной двери, и полумрак скрадывал размеры помещения. Сначала они обшарили все углы и, убедившись, что остальные подвальные комнаты безнадежно завалены обрушившимися сверху перекрытиями, приступили к самому главному. Они расчистили пол в центре комнаты. Пол был удивительно гладкий, и при свете фонарика стало видно, что он выложен красивой шестиугольной плиткой. Под ногами все время путались какие-то провода, хрустело стекло...

Работа длилась более двух часов. На зубах скрипел песок, от пыли слезились глаза, першило в горле. А яма, образовавшаяся в центре пола, едва достигала в глубину одного метра. Наконец что-то металлическое звякнуло о лопату. Они переглянулись. Расчистив песок, они обнаружили, что это была водопроводная оцинкованная труба толщиной примерно полдюйма. Труба прочно сидела в грунте, уходя куда-то в сторону. Однако они заметили нечто такое, что заставило их с еще большим усердием продолжить «археологические раскопки»: посередине труба была явно

распилена пополам ножовкой, и один ее конец отведен в сторону и загнут. Как будто кто-то в этом месте уже изрядно потрудился и труба мешала ему углубиться дальше. Работа закипела с новой силой. Казалось, еще немного — и появятся заветные находки...

А началось все с пятницы. Володя уже успел с утра стогнать на своей полуторке в Правдинскую РТС и привезти оттуда два ящика с запчастями, за которыми его послал директор. Это ему удалось сделать довольно быстро. Причем он старался нигде не потерять время. Ведь еще позавчера они договорились с Петькой, рабочим совхоза и старым своим дружкой, попытаться после обеда сделать раскоп в поросших бурьяном развалинах бывшего господского дома.

Живя здесь с 1952 года, Володя Семенихин еще мальчишкой облазил все подвалы, траншеи, блиндажи и бункеры, оставшиеся с войны. В то время, когда земля Калининградской области была буквально нашпигована оружием и боеприпасами, каждый уважающий себя мальчишка считал необходимым иметь автомат, пистолет, винтовку или на худой конец острый немецкий клинок с инкрустированным на ручке орлом и свастикой. У каждого было потайное место, где он хранил оружие, а иногда и найденные в окопах гранаты, мины и даже снаряды. Скольким мальчишкам эти находки стоили жизни! А они все равно искали, находили, прятали, затем меняли, продавали, покупали и опять прятали...

Еще в детстве Володя слышал от своих сверстников удивительные рассказы о таинственных сокровищах, которые укрыли фашисты во время войны здесь, на центральной усадьбе поселка Совхозное. Он уже знал, что тогда на этом месте был «дворец главного фашиста Восточной Пруссии Коха», который приказал спрятать награбленное в каких-то подземных казематах. Старожилы рассказывали, что в первые послевоенные годы рабочие совхоза не раз находили здесь спрятанные вещи — ковры, фарфоровую посуду, столовое серебро, ящики с винами.

Совхозный сторож Филиппыч поведал ребятам, как при разборке полуразрушенного дома у шоссе, кирпичи от которого теперь использовались для строительства птицефермы, была найдена бутылка с вложенным в нее листом бумаги. Филиппыч помнил, что в записке какой-то бедолага сообщал, что он попал в плен и находится в лагере под Кёнигсбергом. Пленный просил сообщить его родным в Чкаловскую область, что он не предатель, а в плен попал во время паники и неразберихи в самом начале войны, пытался бежать, но неудачно, и теперь оказался здесь. Записка датировалась 1942 годом.

Рассказывали о каких-то подозрительных людях, ночами

ковырявшихся в развалинах и скрывавшихся, как только их окликали или пытались задержать. Среди ребят ходили страшные легенды о затаившихся в кёнигсбергских подземельях эсэсовцах-вампирах, которые только ночью выходят на поверхность и творят свое черное дело. На территории центральной усадьбы Володя знал много загадочных мест: во-первых, развалины господского дома с примыкающим к нему бункером, залитым водой и заваленным мусором; во-вторых, несколько колодцев в районе тира, почти до верха забитых землей, камнями, битым кирпичом; в-третьих, непонятного назначения трубы с кольцами, торчащие из земли в самых неожиданных местах бывшего имения — у холма, что рядом с прудом, в парке, недалеко от развалин дома. И наконец, совершенно непонятное сооружение недалеко от каменной ограды — не то бассейн, не то какие-то резервуары с затейливой системой водослива. Везде ребята пытались копать, простукивать стены, прощупывать металлическим штыком землю, но нигде ничего им не удавалось найти. Конечно, если не считать стреляных гильз, ржавых патронов, немецких касок, иногда совершенно целых, иногда продырявленных в различных местах.

За несколько часов изнурительной работы в подвале бывшего дома Коха рабочим совхоза Владимиру Семенихину и Петру Храмову удалось выкопать яму глубиной свыше двух метров. С помощью тали[219] они вытащили из нее валун весом килограммов сто пятьдесят и несколько полусгнивших деревянных досок, неизвестно каким образом попавших на глубину в два метра. Дальше копать было практически нельзя. В глубокой и узкой яме негде было повернуться и уже не хватало сил поднимать с глубины в ведре тяжелый влажный песок и глину.

Из воспоминаний Владимира Семенихина.

12 августа 1975 года

«...На глубине примерно 2-х метров нам встретился песок с прослойкой черного песка... Мы обнаружили несколько досок (3–4) в виде прямоугольника, лежащего в песке. Доски были следующих размеров: длина примерно 50 см, ширина каждой доски примерно 15–20 см и толщина примерно 4 см. Доски лежали свободно, между собой не были сбиты...»

Перекурив, Володя стал прощупывать дно ямы ломом. Лом легко входил в шину. Один удар, два, три... Лом опять наткнулся на что-то металлическое. Это «что-то», судя по ударам, походило на металлический стержень диаметром 50–70 миллиметров. Звук был звонкий, а не глухой,

как это бывает при ударе по трубе. Скорее всего, это была не труба, а что-то еще...

* * *

В майские дни 1996 года я оказался на праздновании Дня Победы в Калининграде. После череды официальных мероприятий, встреч с руководством области и многочисленными друзьями у меня наконец выкроилось три часа свободного времени, и я решил проехать на любезно предоставленной мне, как гостю, машине по памятным местам, связанным с поисками Янтарной комнаты. И, конечно же, бывшее имение Коха являлось для меня одним из тех мест, которое хотелось посмотреть в первую очередь.

На быстrophодном джипе мы домчались до цели за считанные минуты. По дороге успели завести на дачу моего доброго и старшего друга Георгия Петровича — уважаемого в Калининграде ветерана-чекиста и участника многих событий послевоенной истории. Привычной дорогой вдоль каменного забора добрались до имения, свернули направо, потом повернули еще раз, огибая сараи под черепичной крышей. Водитель Андрей, мой тезка, искренне удивлялся, откуда я знаю все закоулки и повороты, не будучи калининградцем.

В праздничный день здесь было как-то уж совсем пустынно. Лишь на берегу пруда ребята ловили рыбу, да на огородах у близлежащих домов копошились хозяева — весенняя страда шла полным ходом. Вместе с водителем и моим калининградским товарищем Алексеем мы прошли через настежь распахнутые ворота с массивными каменными столбамитумбами к тому месту, где когда-то находился дом Коха. Густой бурьян, заросли уже зеленеющего кустарника, горы позеленевшего от времени кирпича и щебня, какие-то проржавленные куски металла, мусор... Вот и все, что осталось от дома некогда самого могущественного человека Восточной Пруссии.

Неподалеку от проглядывающих из земли очертаний фундамента мы заметили большой обломок черной могильной плиты с немецкой надписью: «...Konrer. 8.4.1879 — 10.11.1926. Geliebt beweint und unvergessen». Как она попала сюда, на территорию имения, где никакого кладбища раньше не было?

Мы осмотрели с внешней стороны оба входа в бункер-бомбоубежище. Они нисколько не изменились с того времени, когда мне пришлось

спускаться в подземелья имения, работая в составе Калининградской экспедиции. Толстенные бетонные перекрытия, облезлые, с еще оставшимися кое-где ошметками черной краски, стены, ступени, ведущие вниз к темным провалам...

Мы прошли по тихому поселку. Лишь радостное пение птиц, почувствовавших близкое лето, сопровождало наше неторопливое перемещение по бывшему имению. Я без особого труда обнаружил среди зарослей кустов остатки бассейна с какими-то замысловатыми приспособлениями неизвестного назначения, опасное круглое отверстие глубокого, из красного кирпича, колодца с поперечиной посередине. Для чего все это служило когда-то? Какие гидротехнические задачи решались с помощью непонятных устройств? Наверное, об этом теперь уж никто не узнает. Пройдет еще немного времени, и даже эти жалкие остатки прошлого будут засыпаны, завалены или использованы для хозяйственных нужд. И тогда уже нам будет совсем трудно «привязать» поисковые объекты к топографической карте или самодельным планам этой территории, составленным некоторыми свидетелями минувших событий.

Вдруг неожиданно к нам подошел немного подвыпивший седой мужичок и, узнав, что я из Москвы, стал рассказывать, шепелявя, о том, как здесь в послевоенные годы все кому не лень искали сокровища Коха. Он и сам не раз со своими сверстниками копался в завалах, спускался в подземные бункеры, «обследовал» чердаки и сараи.

Из рассказа старожила поселка Совхозное.

9 мая 1996 года

«...Вот здесь поселок... Я приехал сюда пацаном. Но я уже работал вовсю. Вот здесь бараки были. Немецкие. Да. Ну пленные там наши жили. Там печка стояла. Ну, я возьми да ткни ее ногой. Честно! Смотрю, б..., пистолет... С барабаном. Значит, пленные наши спрятали...

А еще там в подвале кто-то работал... Никто не знал. Свет провели... Булыжник поднятый был. И ничего нету. Куда, что делось... Тут милиция приехала. А что? Нету и ничего... Вот подняли и за ночь все сделали. Вот... А что взяли, никому не известно...»

Так спустя более трех десятков лет запечатлелся в памяти жителей поселка тот самый случай, когда Володя Семенихин и Петр Храмов проводили свои тайные раскопки в глубине коховского бункера.

Тогда, в шестидесятом, так ничего и не найдя, горе-кладоискатели засыпали яму в подвале, сбросив в нее все, что с таким трудом извлекали в течение нескольких часов. Сверху в яму полетели полусгнившие доски, валун, сломанный черепок от лопаты и пустая пачка от папирос «Беломор». Так закончилась очередная попытка доморощенных поисковиков-энтузиастов найти заветные сокровища нацистского гаулейтера.

Но что интересно. Спустя ровно девять лет с аналогичными надеждами, но уже при поддержке ученых и специалистов в бывшее имение прибыли сотрудники Калининградской экспедиции. К этому времени я и мой друг Виктор Купцов состояли уже во временном штате экспедиции и активно участвовали в поисковых работах в развалинах Королевского замка и Рейхсбанка, в саду у дома Альфреда Роде и рядом с Понартской кирхой. Однако наш с Витей путь до имения Коха был непростым, связанным прежде всего с преодолением сопротивления экспедиционного начальства. Нам с Витей очень хотелось самостоятельной работы. И имение Коха, казалось, было самым подходящим объектом для этого.

Из дневниковых записей А. С. Пржедомского.

17 июля 1969 года

«...Из разговора с Анатолием Михайловичем:

Я сказал ему, что мы хотели бы заняться каким-либо самостоятельным объектом, получив задание экспедиции. Он ответил, что переговорит с Марией Ивановной насчет того, чтобы меня и Витю послать на разведку нов. объектов...

Где-то под Калининградом находится дача Коха с бункерами. В окрестных лесах должны находиться еще 3 бункера. Немцы, которых допрашивали еще в 1945 году, говорили, что эти районы были запретной зоной... охранялись эсэсовцами, которые по свидетельству очевидцев что-то прятали там. В бункерах в период фашизма находились школы гитлерюгенда (Hitlerjugend).

В каком состоянии сейчас эти бункеры, целы ли, засыпаны ли, имеют подземные коммуникации — никто не знает. Нашей задачей и будет найти их расположение по ориентирам... Когда это будет найдено, приедут геофизики и будут искать аномалии...»

Наконец-то в кармане моей куртки лежала заветная «охранная грамота», выданная и подписанная начальником экспедиции. Бумажка в

пол-листа с бланком Государственного исторического музея (для прикрытия!), а сколько заманчивого и неожиданного таили в себе три строки, отпечатанные на пишущей машинке:

«СПРАВКА

Дана настоящая Пржездомскому А. С. и Купцову В. Е. в том, что им поручается обследование бункеров в лесу района совхоза „Майского“.

Начальник археологической экспедиции М. Попова».

Еще пару недель назад мы приехали в Калининград из Москвы с надеждой включиться в поиски Янтарной комнаты, о которой уже давно писали многие центральные газеты. Мы с Виктором знали, что здесь, в Калининграде, работает экспедиция, которая ведет поиски. Но как попасть в нее, где найти ее штаб, мы, конечно, не имели никакого представления. И поэтому ехали, можно сказать, наобум. Несколько дней ушло на то, чтобы узнать, где размещается экспедиция, кто ею руководит. Нам пришлось буквально по пятам ходить за невысоким хмурым мужчиной, которого все называли Владимиром Михайловичем. Именно он был «самым главным» в экспедиции, и от него зависело, сбудутся ли наши надежды... Поначалу начальник лишь отмахивался от назойливых кандидатов в искатели, а потом все-таки пригласил в свой кабинет на втором этаже барачного типа здания около высокой кирпичи и строго спросил: «А что вы умеете?»

Мы с Виктором наперебой стали уверять Владимира Михайловича в том, что готовы выполнять любую, даже самую черновую работу, только бы нас взяли в экспедицию. «Ладно, оформим вас землекопами на полтора месяца» — таково было решение Владимира Михайловича Якубовича, начальника Калининградской геолого-археологической экспедиции, созданной по решению Правительственной комиссии по розыску Янтарной комнаты в апреле 1969 года. Но работать нам пришлось уже под руководством другого начальника. Приказ о нашем зачислении в экспедицию был подписан уже Марией Ивановной Поповой, бывшим директором областного краеведческого музея.

Должно было пройти немало времени, чтобы руководство экспедиции смогло доверить нам, двум восемнадцатилетним москвичам, очень важное и интересное дело — обследование окрестностей бывшего имения Эриха Коха, одного из самых загадочных и перспективных объектов розыска Янтарной комнаты.

С первого же дня работы в экспедиции нам пришлось много и тяжело работать — лопатой, киркой, ломом. Уже были пройдены подземелья Королевского замка, раскопки в имении около Черняховска, произведены осмотры подвалов разных домов и полузасыпанных бункеров; уже не раз мы удивляли экспедиционное начальство своей неутомимостью и даже смекалкой. А когда я продемонстрировал неплохие знания истории города, умение пользоваться топографической картой и привязывать к ней те или иные объекты на местности, Мария Ивановна уже созрела для того, чтобы дать возможность нам проявить себя в самостоятельном поиске. Решение ускорил Анатолий Михайлович Кучумов, ученый-искусствовед, приехавший в Калининград из Павловска в качестве консультанта по вопросам розыска похищенных фашистами ценностей советских музеев. Чувствовалось, что ему импонировала наша настойчивость, энергия и здоровый дух авантюризма. На долгие годы совместная работа в экспедиции подружила нас, таких разных по возрасту, но близких по характеру и интересам людей. И позже, когда я приезжал в Павловск с молодой женой, а затем с дочкой, мы неизменно встречались с Анатолием Михайловичем, много говорили друг с другом, вспоминали эпизоды из совместной работы в Калининграде в 1969 году. Он бывал у нас в Москве, и мы сидели за чашкой чая в тесной квартире на Сиреневом бульваре. Когда Анатолий Михайлович тяжело заболел, я присылал, а потом и привозил несколько раз так необходимые ему лекарства. Мы засиживались допоздна в его богатой уникальными коллекциями павловской квартире. Пили чай и опять вспоминали, вспоминали...

**Из дневниковых записей А. С. Пржедомского.
18 июля 1969 года**

«...Состоялся разговор с Якубовичем. В принципе он был не против, как он сам говорил, но фактически не хотел доверить нам дело обследования местности вокруг виллы Коха. Якубович дал нам карту р-на имения Коха (1:2000). Мне дали кальку, я сел в помещении экспедиции на втором этаже музея за стол и стал переводить схему...»

Итак, разрешение было получено, бумага отпечатана и заверена гербовой печатью Государственного исторического музея. Перед нами была поставлена задача обследовать район, прилегающий к центральной усадьбе совхоза «Майский», где раньше располагалось имение Коха, — в первую очередь на предмет обнаружения каких-либо, возможно, замаскированных

подземных сооружений, бункеров или других укрытий. О том, что такие должны здесь быть, свидетельствовал целый ряд фактов, имевшихся в распоряжении экспедиции. В частности, приводились данные Арсения Владимировича Максимова, который в первые послевоенные годы был главным архитектором Калининграда при Горкомхозе, а в начале пятидесятых годов занимался проектированием теплично-парникового хозяйства на территории имения. Максимов рассказывал, что не раз слышал от местных жителей и ранее проживавших здесь немцев о том, что неподалеку от имения располагался большой лагерь военнопленных, которых использовали для строительства подземных сооружений. Потом якобы фашисты расстреляли не только этих военнопленных, но и команду охранников, которая несла службу в лагере.

Из справки А. В. Максимова

«Краткая история розыска Янтарной комнаты». 4 октября 1971 года

«...Во время войны (здесь. — *Авт.*) проводились силами советских пленных секретно строительные работы. О них мы узнали через немцев-хуторян, которых в те дни немецкие военные не пропускали по т. дороге через имение к городу, а заставляли ходить в обход.

После падения Кёнигсберга эти хуторяне ходили по руинам имения Коха с лопатами, пожимали плечами и недоумевали, говоря: „Как так? Работал целый лагерь пленных, возили строительный материал, а следов строительства нигде нет никаких, кроме декоративного каменного забора“.

И действительно, в 1945–1947 гг. мы еще застали каркасы сборных железобетонных бараков, которые немцы строили для военнопленных».

О строительстве подземных объектов в этом районе сообщали и другие лица, ранее причастные к розыску ценностей на территории Калининградской области. Обо всем этом нам рассказал тогда Анатолий Михайлович Кучумов, который сам во время пребывания в Кёнигсберге весной 1946 года много слышал о загадочном строительстве к западу от города.

Прежде чем отправиться на поиски бункеров, мы тщательно изучили по карте участок, который нам предстояло обследовать. Это была равнинная местность, простиравшаяся к северу от центральной усадьбы.

Ее, извиваясь, пересекал неширокий, заросший густыми кустами, питьевой канал. Среди покрытой камышом низины лежал причудливой формы Филиппов пруд. Ходили слухи, что именно там, неподалеку от пруда, сохранились остатки каких-то сооружений, возможно, тех самых бункеров.

И вот теперь мы, двое друзей, приехавших в поисках приключений в Калининград, тряслись в «единичке» — трамвайном маршруте, пересекающем весь город с северо-востока на запад. В кармане моей куртки лежал, как уже было сказано, «мандат» на обследование местности, на плече висела полевая сумка, а в ней — перенесенный с топографической карты на кальку план. Виктор нес в руках небольшую сумку-торбочку, в которую он предусмотрительно положил пару китайских фонариков, моток прочной синтетической веревки и маленькую саперную лопатку с короткой ручкой. От конечной остановки до «Майского» дошли за каких-нибудь полчаса, так как дорога была хорошо известна по прежним посещениям бывшего имения Коха. Правда, раньше мы ездили сюда на экспедиционном автобусе, и путь от самого замка занимал не более двадцати минут.

Прошли мимо больницы, потом мимо каких-то построек, окруженных высокими заборами, и вот уже справа от дороги потянулась каменная ограда, сложенная из крупных булыжников.

Из дневниковых записей А. С. Пржездомского.

19 июля 1969 года

«...Пройдя примерно метров 200 вдоль стены, мы повернули у небольшого одноэтажного домика направо и попали в середину между хозяйскими постройками. Слева стояло два больших сарая торцом к дороге. Они были пробиты во многих местах, испещрены пулями... Между сараями стояли большие деревья, росли кусты, видно, что здесь было что-то вроде парка. Сзади деревьев от одного сарая к другому стоял фасадом к нам третий. На черепичной крыше высилась деревянная башенка с часами. Ее увенчивал большой флюгер в виде металлического флажка с датой постройки...»

Около длинного сарая тарахтел трактор. Тракторист, наверное, куда-то ушел, а мотор не выключил. Всюду лежали штабеля досок, земля была усеяна опилками и стружкой, пахло древесной пылью. Слышался вой циркулярной пилы. Рядом, на месте бывшего дома Коха, возвышалась деревянная постройка лесопилки.

На нас никто особенно не обращал внимания. Мы прошли по

территории центральной усадьбы, свернули на проселочную дорогу, ведущую к птицеферме. Пейзаж был настолько обыденным и умиротворенным, что всякая мысль о каких-то таинственных подземельях в этих местах казалась несерьезной. Стрекот кузнечиков, аромат летнего поля, душистый запах скошенной травы...

Когда из дома около дороги вышел высокий парень в штормовке и стал седлать пегого жеребца, привязанного за уздечку к перилам крыльца, я обратился к нему с вопросом, не видел ли он в округе каких-либо бункеров или других подземных сооружений. Парень внимательно выслушал, ухмыльнулся, легко вскочил в седло, а потом, как будто нехотя, согласился показать «доты»^[220], расположенные поблизости.

Через четверть часа наш импровизированный отряд искателей с конным проводником во главе, продираясь через густые заросли кустов, вышел в редкий березняк. Среди деревьев то тут, то там валялись сгнившие стволы, покрытые мхом и плесенью, видимо, очень давно упавшие или спиленные человеческой рукой. Пахло сыростью, кое-где виднелись небольшие канавы и ямы, на дне которых стояла вода. Парень показал нам на остов какого-то сооружения, окруженного высоченной крапивой, и, не попрощавшись, повернул обратно. Еще пару минут было слышно, как конь продирался сквозь кусты, потом цоканье копыт стихло и наступила тишина.

Мы стали осматривать торчащие из-под земли обломки здания. Собственно, никакого здания, видимо, здесь и не было. Бетонная плита торцом уходила куда-то вниз. Рядом с ней в образовавшийся проем спускалась лестница. Ступени были бетонные с ребрами из ржавого металла. Дверь отсутствовала, но у самого входа в бункер из стены торчали массивные петли, способные выдержать многопудовую тяжесть. Достав фонарик, Виктор посветил вниз: примерно на трехметровой глубине в стороне от входа виднелся провал дверного проема. Однако помещения или хода обнаружить не удалось — в полутора метрах от двери все было завалено рухнувшими откуда-то сверху бетонными плитами и землей. Единственное, что привлекало внимание, — это труба, торчащая из стены и напоминающая водопроводную. На сохранившейся части потолка бункера торчали ржавые крючья, — наверное, следы существовавшей здесь когда-то электрической проводки или телефонного кабеля. Мы тщательнейшим образом осмотрели остатки бункера, а я зарисовал его в блокнот и отметил место на кальке с планом.

По самым приблизительным оценкам величина всего бункера, включая подземную его часть, была весьма значительной — не менее пятидесяти

метров в длину и десятка метров в ширину. Такое предположение мы сделали потому, что именно в указанных пределах из земли торчало несколько широких металлических труб, почти до самого верха забитых землей и прелыми листьями...

**Из дневниковых записей А. С. Пржедомского.
19 июля 1969 года**

«...Закончив с первым бункером, записав его координаты и оставив отметки у дороги, мы прошли еще по лесу и наткнулись на второй бункер... Остатков бетона здесь было меньше, зато в нескольких местах из земли торчали трубы (большие и маленькие). Ясно, что трубы — привод к какому-то помещению.

Один, ближайший (бункер. — *Авт.*), находился тут же у виллы, где стояли сельскохозяйственные машины. Мы прошли к нему. Спустились вниз. Он был поразительно похож на тот, который находился в доме Коха в Königsberg'e.

...Мы пошли налево и, пройдя с километр, вышли к железной дороге... Еще через километра полтора... мы увидели колоссальные глыбы — остатки какого-то громадного железобетонного сооружения. Во многих местах среди глыб виднелись остатки узкоколейных линий. Все глыбы, поросшие бурьяном, располагались на площади примерно 200 × 300 метров... Через километр справа мы увидели еще груды железобетонных плит, покрытых внутри толстыми гофрированными листами железа... колоссальный железобетонный куб (метров 10×5×5) представлялся подводной лодкой, разделенной на узкие круглые помещения с десятками труб, выходящими в различные стороны. Вся внешняя часть железобетонных плит была испещрена тысячами выбоин от пуль, снарядов, осколков...»

За два с половиной часа, проведенных в лесу, нам удалось обнаружить остатки по меньшей мере десятка бункеров. Во всех случаях входы в них были засыпаны землей или завалены рухнувшими плитами, а сверху на земле кое-где зияли провалы, торчали ржавые трубы разного диаметра и куски колючей проволоки. Все увиденное я аккуратно зарисовал в тетрадь и отметил на плане, а затем, вернувшись в город, передал начальнику экспедиции. Однако последующие события показали, что наши данные никого особенно не заинтересовали, так как на этой территории серьезных

работ производить не планировалось. А зря. Ведь почти все исследователи, которые соприкоснулись с проблемой поиска Янтарной комнаты, считают имение Коха крайне перспективным объектом, так до конца и не проверенным, хотя оснований для обследования было более чем достаточно: и конкретные версии, и свидетельства очевидцев, и наличие на этой территории многочисленных подземных сооружений.

Глава шестнадцатая

Поиски тайника: надежды и разочарования

Trahit sua quemque voluptas^[221]

Публий Вергилий Марон, древнеримский поэт
(70–19 гг. до н. э.)

Пишущая машинка была уже старая. Буквы ложились неровно, иногда вдруг неожиданно в результате сбоя появлялся пробел там, где он совсем был не нужен. Получалось как-то неаккуратно и несолидно, словно это был совсем ничего не значащий документ, какая-нибудь внутренняя опись или выписка из архивных материалов. А документ был довольно примечательным. На титульном листе стояло: «Калининградская геолого-археологическая экспедиция. Отчет по объекту „Бывшее имение Э. Коха“ (св. сп. № 3). г. Калининград. 1983 год». И дальше на семи листах шло достаточно подробное описание работы экспедиции по проверке версий о захоронении Янтарной комнаты в районе совхоза «Майский».

Отчет начинался оптимистической фразой:

«Объект „Бывшее имение Э. Коха“ включен в сводный список... в 1969 году в связи с многочисленными заявлениями, на основании которых рабочая группа Министерства культуры РСФСР предложила к проверке, как одно из наиболее вероятных мест захоронения музейных ценностей».

Далее следовало краткое перечисление поисковых работ, проведенных в конце шестидесятых — начале семидесятых годов в этом районе, заявления советских и иностранных граждан, дающие основание считать его перспективным объектом поиска, а также все, что было сделано здесь экспедицией. Конец же отчета был отмечен печатью разочарования:

«Проведенные работы показали, что на проверенных участках ценностей нет. Объект очень насыщен взрывоопасными предметами, которые периодически вывозились вплоть до 1981 года. Считаем заявления граждан о возможном захоронении на объекте проверенными, поисковую работу законченной, а

материалы передаем в Комиссию на закрытие».

Это означало, что на территории бывшего имения гаулейтера Эриха Коха не удалось обнаружить ровным счетом ничего. Ничего, несмотря на то, что экспедицией была проведена большая работа. Какая?

Прежде чем приступить к поисковым работам в бывшем Гросс Фридрихсберге, Елена Евгеньевна Стороженко, назначенная начальником экспедиции в 1974 году, внимательно изучила все заявления, поступившие ранее, и материалы предшествующих поисков. Картина оказалась достаточно противоречивой.

Особый интерес представляли сведения, полученные от иностранных граждан, бывших жителей Кёнигсберга, которые имели какое-либо отношение к событиям, происходившим в имении Коха.

В начале семидесятых годов гражданин ГДР Вернер Граам, проживавший до 1945 года в Кёнигсберге, сообщил, что в связи с публикацией в газете «Фрайе Вельт» статьи о Янтарной комнате вспомнил один эпизод периода войны. Будучи пятнадцатилетним юношей, он обучался слесарному делу у владельца мастерской на Кайзерштрассе Иоганна Альберта, который, являясь старейшим членом НСДАП, был хорошо знаком с гаулейтером. Во всяком случае, Кох не раз присылал за ним машину и приглашал на товарищеский ужин «старых бойцов» в кёнигсбергскую пивную «Альтер Хирш» на улице Альтштедтише Лаштассе, где 1 марта 1925 года состоялось учредительное собрание первой ячейки гитлеровской партии. Однажды Альберт пригласил парня совершить загородную прогулку на автомобиле. Вернер помнит, что они ехали мимо католической кирхи Святого Адальберта, через Йудиттен, пересекли окружную дорогу и вскоре оказались за городом. Здесь Иоганн Альберт остановил машину и, указав на высокую каменную стену, сказал юноше, что за оградой располагается резиденция гаулейтера. Вернер обратил внимание на шум моторов, рокот каких-то механизмов, увидел небольшую группу военнопленных, перетаскивающих металлические конструкции непонятного назначения. На каждом шагу попадались солдаты в эсэсовской форме, пару раз сотрудники полевой жандармерии проверяли у Альберта и Граама документы. Какие работы проводились в районе Гросс Фридрихсберга, Рудольф Граам так и не узнал, но, прочитав в «Фрайе Вельт» о поисках Янтарной комнаты, решил поделиться своими воспоминаниями.

С Граамом состоялось несколько бесед. Он достаточно подробно описывал тот памятный день, когда оказался вместе с Альбертом в

непосредственной близости от имения гаулейтера. Вернер вспоминал разные несущественные детали: во что был одет Иоганн Альберт, какого цвета был тент на автомобиле, какая погода стояла в тот день. Но все это, естественно, не помогало поискам, так как не позволяло точно определить смысл увиденного Граамом. Впрочем, один раз немец упомянул важнейшую деталь разговора с Альбертом. Когда они уже садились в автомобиль, Иоганн Альберт, раздосадованный назойливым вниманием военной полиции, процедил сквозь зубы что-то вроде: «Ну да, эти тыловые крысы до смерти рады, что их поставили на охрану подземной виллы Эриха, вместо того, чтобы на фронте проливать кровь за фюрера». Что подразумевал близкий друг Коха, упоминая «подземную виллу», Граам объяснить, конечно, не мог, так как не придавал никакого значения словам Альберта. Трудно сказать что-либо определенное, опираясь лишь на эту случайно оброненную фразу. Во всяком случае, вполне можно предположить, что Альберт с досады на жандармов проговорился о чрезвычайно важном секрете своего партийного патрона. Да, собственно говоря, «старый боец» НСДАП вряд ли принимал пятнадцатилетнего Граама всерьез, и фраза предназначалась совсем не ему, а вырвалась просто как проявление крайнего недовольства и раздражения.

Не менее интересным было заявление жительницы польского города Познань Стефании Рогатской, которая сразу после немецкой оккупации Польши в 1939 году в течение нескольких лет проработала служанкой в доме Коха. Она рассказала, что в 1944 году супруга Коха неожиданно сообщила ей о предстоящем отъезде в центральную Германию, так как фронт с каждым днем приближался к Восточной Пруссии. Рогатская должна была поехать вместе с женой Коха. Накануне отъезда та распорядилась, чтобы Стефания сходила в примыкающий к «паласту»^[222] (так они звали дом Коха) бункер и принесла из первой комнаты чемоданы с ручными часами. Стефания спустилась в подземелье, взяла два тяжелых кожаных саквояжа из груды разных вещей и собралась было подниматься наверх. Но в этот момент она обратила внимание на свет, проникающий через неприкрытую дверь из четвертой комнаты. Оттуда раздавался знакомый приглушенный голос. Стефания подумала, что там находится личный шофер гаулейтера — Корнблум, крепкий блондин с громадными кулачищами, который всегда подтрунивал над ней, но относился в целом доброжелательно. Рассчитывая попросить Корнблума донести тяжелые чемоданы, она вошла в комнату. То, что она увидела, было настолько неожиданным, что Стефания не смогла сдержать возгласа удивления.

**Из «Справки о беседе сотрудника милиции г. Познань
со Стефанией Рогатской». Январь 1972 года**

«...Открыв дверь в четвертую комнату, Рогатская увидела четыре деревянных сундука, стоящих напротив входа, и на них еще четыре таких же. Посередине комнаты была выкопана яма, из которой торчала коричневая переливающаяся глыба, достигающая потолка. Рядом стоял Кох с лакеем Корнблюмом...

Увидев Рогатскую, Кох рассердился и прогнал ее. За неделю до этого Рогатская заходила в эту комнату, и там ничего не было... Она уехала с женой Коха, сам же Кох остался якобы проследить, чтобы дом взорвали...»

В беседах, которые проводили по нашей просьбе польские коллеги, Стефания подробно рассказывала о том фантазмагорическом видении, которое наблюдала в подвале «паласта». Особенно ее поразили громадные размеры переливающейся каменной глыбы, а также то, что Корнблюм стоял с наполненным водой ведром в руках. Весь пол вокруг ямы был мокрый, а сама глыба прямо-таки лоснилась от влаги. Поэтому Стефания поняла, что шофер поливал глыбу из ведра. Нелепее картины трудно было себе представить. Она не успела даже открыть рот, чтобы извиниться, как Кох грозно рявкнул: «Вон отсюда!» Лицо его побагровело от злобы. Стефания никогда не видела хозяина таким рассерженным и поспешила ретироваться. Спрашивать о происшедшем Стефания, конечно, не стала, только заметила, что Корнблюм на следующий день как-то очень пристально на нее посмотрел, будто испытывал, обратила ли она внимание на необычность вчерашней сцены.

Скоро вихрь событий захватил Рогатскую, и она, находящаяся в самом пекле гибнущего мира, ни разу и не вспомнила о бомбоубежище, лоснящейся глыбе, деревянных сундуках. Весной сорок пятого на косе Хела ей удалось бежать от своих хозяев. Многократно рискуя жизнью, она вернулась на свою опустошенную родину. Услышав о показаниях, которые давал Кох, отбывавший пожизненное заключение в польской тюрьме, Стефания вспомнила о событиях последних месяцев войны и попросила передать эту информацию в Советский Союз.

Интересные сведения сообщил бывший сотрудник Института по охране памятников Восточной Пруссии Герхард Штраус, проживающий в Берлине. По прошествии многих лет он не изменил музейному делу и стал в Восточной Германии директором Института истории искусств. Участвовавший в розыске Янтарной комнаты еще в 1949 году, Штраус

высказал предположение, что этот шедевр и, возможно, некоторые другие ценности спрятаны где-то в районе Йудиттена. Ему якобы рассказывал один «надёжный друг» о том, что вся территория к западу от этого кёнигсбергского района являлась охотничьим угодьем гаулейтера, и именно здесь он в конце войны распорядился спрятать награбленные ценности. Когда Герхарда Штрауса спрашивали, кто же этот знающий человек, он не сообщал о нем никаких подробностей, кроме того, что в годы войны он был офицером инженерно-саперных войск и принимал участие в каких-то работах в районе Гросс Фридрихсберга. В 1981 году Штраус многозначительно писал руководству Калининградской экспедиции: «Мне кажется, что мой друг знает об этом совершенно точно». Кто он, так и не удалось выяснить. Но на собственноручно начерченном плане местности Герхард Штраус черным крестиком обозначил «район, использованный Эрихом Кохом для сооружения тайника».

Небезызвестный Георг Штайн, один из активнейших зарубежных инициаторов поиска Янтарной комнаты, проживавший в Германии, сообщал, что ему стало известно от некоего Альфреда Кляйна, что тот якобы видел Янтарную комнату 12 июля 1944 года в имении Коха. При каких обстоятельствах это происходило, Георг Штайн объяснить не мог. Однако он выдвинул целую «гросс-фридрихсбергскую версию».

Из письма Георга Штайна

«...Летом 1944 года объекты были вывезены из замка и доставлены сначала в Гр. Фридрихсберг... Часть ценностей в начале января 1945 года... была погружена на автомашины для того, чтобы отправить их через Нойкурэн^[223] в рейх. После неудачи первой транспортировки... всякая дальнейшая перевозка прекращается... В районе Йудиттен, Гр. Фридрихсберг, Варген^[224], Меттетен, Вальдгартен имеется примерно восемь бункеров, расположение которых мне хорошо известно, три из них находятся в лесу рядом с границей владений Коха. Эти бункеры очень интересны, так как до 1941 года вермахт предоставил их в распоряжение местных групп гитлерюгенда... Местные мастера из Йудиттена, в том числе знакомый мне плотник Эрлих в течение года работал по укреплению этих бункеров. Затем эти укрепленные пункты были включены в запретную зону...»

Георг Штайн допускал, что именно в этом районе было проведено захоронение сокровищ, причем он упоминал в связи с этим начальника

пожарной школы в Метгетене Фидлера, имя которого уже встречалось на страницах этой документальной повести.

Экспедиция располагала многочисленными свидетельствами старожилов, участников штурма Кёнигсберга, бывших военнопленных, военнослужащих, проходивших службу в послевоенные годы в частях, дислоцировавшихся в указанном районе, а также участников различных комиссий и групп, осуществлявших розыск похищенных фашистами ценностей. Сведения были крайне противоречивыми. Причем зачастую данные одного заявителя противоречили утверждениям другого. И это создавало такую пестроту версий, что в глазах рябило.

На объекте под номером три, то есть на территории бывшего имения Коха, начались поисковые работы. В 1969–1970 годах Калужская геофизическая экспедиция по договору с Калининградской экспедицией провела серию изысканий с помощью специальных приборов. На разной глубине было обнаружено девять аномальных участков. Последующее бурение скважин и исследование металлическим щупом показало, что во всех случаях в земле обнаруживались валуны, трубы, металлический лом. Потом в этих местах работал экскаватор, десятки рабочих лопатами, ломом и кирками ковыряли землю. Но все безрезультатно. Ни один из раскопов не дал положительных результатов. Везде было одно и то же — битый кирпич, щебень, глина, куски бетона, металлическая арматура, различный строительный и хозяйственный мусор.

Я отчетливо помню, как мы работали в июле 1969 года на «объекте № 3» — в бывшем имении Коха. Стояла палящая жара, и лишь спуск в глубокие подвалы с сырыми стенами спасал от теплового удара. Скупая запись в толстой общей тетради позволяет сейчас восстановить ход событий.

Из дневниковых записей А. С. Пржездомского.

19 июля 1969 года

«...В имении Коха работали топографы и геофизики... У озера в центре совхоза „Майский“ стоял броневик. Саперы закончили свое дело. Вчера они взорвали последний снаряд на дне озера. Его осушают. Очень много легенд говорят о том, что на дне его что-то спрятано.

В нескольких десятках мест обнаружены крупные аномалии. Мы осмотрели развалины (остатки фундаментов) служебных помещений имения, заросший бассейн для купания со странными колодцами вокруг».

Тогда меня поразила всеобщая вялость и нежелание вести какие-либо серьезные работы. Начальство на объекте почти не появлялось, рабочие, раздобыв поллитровку, скрылись где-то между сараями, солдаты, скинув гимнастерки и сапоги, загорали на берегу пруда. И только ученый из Ленинграда, профессор-биофизик, все мерил шагами территорию, держа в вытянутой руке алюминиевую проволочку, изогнутую посередине. Древнейшее искусство лозоискательства помогало геофизикам выявить подземные полости и скопления металла. Однако тогда, в 1969 году, на территории имения ничего, кроме кучи боеприпасов и ржавых винтовок, обнаружить не удалось.

В 1973 году геофизики из Калуги снова подвергли территорию имения детальному изучению и вдруг пришли к обнадеживающим результатам.

**Из «Отчета о результатах геофизических работ
в Калининграде и его окрестностях,
проведенных в 1973 году»**

«...Имение Коха. Этот объект весьма интересен с точки зрения захоронения ценностей. Аномальные поля... под купальней были проинтерпретированы на ЭВМ... Нулевая изодинамия от купальни идет на северо-восток и объединяет аномальные поля от каменного жилого дома и от „купальни“. Это сочленение аномальных полей интересно с точки зрения возможного подземного хода, связывающего эти два сооружения...

Вторым заслуживающим внимания участком является жилая площадь, на которой ранее стояли дом Коха, убежище-бункер и подземный ход, связывающий дом с бункером... Весь этот участок заслуживает проверки...»

Кстати говоря, спустя семь лет, в 1981 году снова попробовали вести поиск геофизическими и биоэнергетическими методами. На этот раз в работу включились курсанты военного училища во главе с преподавателем Авениром Петровичем Овсяновым. В поиске опять принимал участие крупный ученый, теперь уже доктор геолого-минералогических наук, который с помощью биолокации помог установить три значительных аномальных участка. Опять буры и щупы, опять лопаты, ломы, кирки, натужный скрежет ковша экскаватора. И снова — ничего.

Беседы с людьми, обладающими какой-либо информацией, которая может представлять интерес, также оказались бесплодными: мозаика

отдельных фактов, домыслов и преданий не укладывалась в логическую схему. Все сведения были настолько противоречивыми, что строить на их основе поисковую работу было практически невозможно.

Осенью 1974 года по вызову экспедиции из Горловки приехал некий Остапчук, решивший рассказать нечто важное. Решение пригласить его в Калининград созрело после получения письма с воспоминаниями о событиях военной поры.

**Из письма Остапчука в редакцию газеты
«Калининградская правда». Август 1973 года
«Уважаемая Редакция!**

Я много читал про Янтарную комнату и мне вот уже 30 лет не дает покоя один вопрос. Я в 1944 году работал в районе Калининграда в имении Эриха Коха в Гросс Фридрихсберге... В сентябре м-це в его доме в имении строился железобетонный тайник, то место я очень хорошо помню. Тайник был шириной примерно 4 на 4 метра в квадрате. Он был построен и очень хорошо замаскирован — причем глубоко в земле. Когда его строили, то в бетон была вставлена очень толстая железная арматура, причем очень густо, не могу знать, что в этом тайнике есть, но надеюсь, что он не пуст...»

Свое решение через тридцать лет после войны поделиться воспоминаниями он объяснил тем, что «боялся своего прошлого» и рассчитывал, когда подрастут сыновья, вернуться в Калининград, найти сокровища и «обеспечить детей на всю жизнь». Остапчук указал место строительства подземных сооружений. Прибывший туда экскаватор сделал большой раскоп на глубину три с половиной метра, но... ничего не обнаружил. Остапчук только развел руками.

Спустя некоторое время объявился некий Дробот, который рассказывал о том, как в годы войны он, военнопленный немецкого лагеря в Метгетене, участвовал в земляных работах в районе имения Коха. Сначала пленные копали длинные траншеи, а затем с помощью кранов устанавливали в них метровые бетонные кольца, наглухо заложённые с обеих сторон кирпичом. Траншеи потом были тщательно засыпаны и утрамбованы.

Из «Заключения по объекту „Бывшее имение Коха“»

«...Дробот Д. В. в своем заявлении указал, что...

железобетонные трубы метрового диаметра опускались в отрытые траншеи, заполнялись имуществом... Имущество в траншеи складывали офицеры, а пленных отводили якобы за тир. Глубина захоронения метр-полтора от поверхности земли. Место захоронения — восточнее тира метров 100–150...»

Дробот, также как и Остапчук, указал место земляных работ. Оно находилось неподалеку. После этого — опять раскопы и опять никаких результатов.

Житель совхоза Белов рассказал, что, копаясь в огороде, обнаружил толстый бронированный кабель, тянущийся к бомбоубежищу, в котором был оборудован ледник. Своими воспоминаниями поделился и совхозный шофер Семенихин, который еще в 1960 году вел самостоятельные раскопки в подвале развалин бывшего дома Коха. Были и другие заявления, но, к сожалению, ни одного прямого указания на захоронение каких-либо ценностей, не говоря уже о самой Янтарной комнате.

В 1983 году Калининградская экспедиция еще раз тщательно проверила подземный бункер Коха, находящийся «под подозрением». Было сделано два раскопа, проведено исследование металлическим щупом. Снова никаких результатов! В отчете о проделанных работах резюмировалось:

«Скрытых помещений не обнаружено. Консультант-фортификатор преподаватель Калининградского высшего военного инженерного училища им. Жданова дал заключение, что четырехметровая засыпка вокруг бункера служит своеобразным амортизатором для бомбоубежища и типична для построек такого рода... Считаем проверку объекта законченной и материалы на закрытие передаем в комиссию».

Так совершенно безрезультатно закончилась поисковая эпопея, связанная с одним из самых интересных объектов — бывшим имением гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха.

Весной 1996 года, когда я в очередной раз бродил между поросших бурьяном и кустами фундаментов дома, и осматривал то, что осталось от гидротехнической системы имения — «бассейн», колодцы, остатки шлюзов, пруд, превратившиеся в болото каналы, везде царило запустение. В самом центре хозяйственного двора бывшего имения, где когда-то давно был разбит парк и установлен фонтан с фигуркой мальчика, восседающего

на дельфине, — заваленная мусором яма с жалкими обломками посередине, в которых угадывались очертания скульптуры. Пусто, заброшено, тоскливо. Крыши сараев провалились, ярко-оранжевая черепица зияла пробоинами и черными дырами. И только деревянная башенка-надстройка со следами часов и флюгером, казалось, продолжала как ни в чем не бывало взирать на окружающее запустение.

А я помню те дни, когда здесь, в самом центре совхоза «Майский», шли интенсивные поисковые работы. На берегу пруда стоял бронетранспортер саперов, около остатков ворот — наш экспедиционный салатовый автобус. Геофизики разворачивали свою аппаратуру между обоими входами в бункер-бомбоубежище, а мы, разморенные июльской жарой, сидели на траве и обсуждали перспективы работ на объекте. Все мы — приехавший из Павловска Анатолий Михайлович Кучумов, начальник экспедиции Мария Ивановна Попова, профессор Баженов из Ленинграда, мой товарищ Виктор Купцов и я — сходились в том, что работа здесь по всем признакам не может быть безрезультатной, и в конце концов именно отсюда пойдет везение и мы сделаем первые крупные находки, которые вселят уверенность в поисковиков, послужат новым импульсом для дальнейших работ. О Янтарной комнате, как таковой, мы не говорили, понимая, сколь мала вероятность того, что Кох решился спрятать ее именно здесь, в своем имении. Скорее всего, речь могла идти о личных коллекциях гаулейтера, да о собранных впопыхах отовсюду предметах старины и произведениях искусства.

К слову сказать, Елена Евгеньевна Стороженко тоже считала имение Коха одним из самых перспективных объектов. Во время нашей последней встречи в 1992 году мы не раз возвращались к мысли, что надо бы основательно поработать в этом месте. Елена Евгеньевна вспоминала различные обстоятельства, волновавшие ее, — в частности, обнаруженные на восьмиметровой глубине аномалии, свидетельствующие о возможном наличии глубоко под землей какого-то мощного сооружения. Тогда на рубеже семидесятых как будто кто-то специально противодействовал поисковикам: то завальцовывалась или застревала в скважине бурильная труба, то рвалась приводная цепь, то неожиданно цементировался песок. Так и не удалось тогда до конца довести поисковые работы. С началом девяностых, казалось, сама судьба открывает новые возможности для поиска сокровищ...

Но этим надеждам, как Вы уже знаете, не суждено было сбыться, как, впрочем, и большинству надежд, связанных с поисками Янтарной комнаты. Вихрь новой жизни, сметающий на своем пути все устоявшиеся

представления и обесценивающий накопленный опыт, не принес уверенности в том, что в ближайшем будущем мы наконец хоть немного продвинемся в благородном деле возвращения человечеству бесценных достояний мировой культуры. Сейчас все, от министра до инженера, от крупного коммерческого босса до рядового брокера, от маститого профессора до студента-первокурсника — все озабочены только одним — где достать деньги. Погоня миллионов людей за «золотым тельцом», стремление их чисто по-американски «делать деньги», забывая об интересах великого государства, пренебрегая его выдающейся историей и культурой, — все это, кажется, безнадежно отодвигает на задний план любые идеи, связанные с поисками утраченных произведений искусства. Но Россия уже не раз доказывала всему миру, что на переломных рубежах своей истории способна собрать воедино духовную силу нации, преодолеть трудности и выйти на путь созидания, где будет место не только рациональному расчету и прагматике действий, но и благородным порывам бескорыстного служения Отечеству. Тогда, наверное, и откроются новые возможности для тех, кто готов, не рассчитывая на вознаграждение и славу, взяться за трудное дело поиска культурных ценностей, утраченных в годы Второй мировой войны.

Эпилог

Наступила напряженная тишина. Ее нарушали только скрежет досок, отрываемых ломиком, и гул мотора экскаватора, стоящего неподалеку. Люди, обступившие со всех сторон глубокую яму, не отрываясь смотрели вниз, где трое загорелых парней в линялых комбинезонах склонились над большим деревянным ящиком грязносерого цвета. Сбоку виднелась полустертая надпись на немецком языке «Achtung! Nicht stürzen!»^[225], а под ней — какие-то буквенно-цифровые индексы.

Когда была сбита последняя верхняя доска, все увидели, что внутри стоит аккуратный футляр с двумя металлическими пломбами по краям. После проверки индукционным миноискателем в ход пошли кусачки. Крышка легко поднялась. Луч солнечного света, проникнув в щель, вдруг отозвался удивительным блеском, который способен давать только один минерал на земле. И взорам открылись золотистые панели с чудесной янтарной мозаикой. Сомнений быть не могло...

Эти секунды спрессовали в себе чаяния и надежды многих тысяч искателей. Не только тех, кто в трудные послевоенные годы, неоднократно рискуя жизнью, спускался в мрачные подземелья и бункеры, пробирался среди грозивших рухнуть развалин, но и тех, кто потом, не жалея сил, работал в составе экспедиций и групп добровольных помощников. Не только тех, кто с лопатой и киркой в руке обливался потом и задышался от кирпичной пыли в глубоких раскопах, но и тех, кто старательно изучал многочисленные документы в архивах и библиотеках. И вот теперь как будто они все собрались здесь и с нетерпеливым ожиданием смотрели на исполнение своей мечты...

Я уверен, что эта картина, созданная моим воображением, когда-нибудь станет реальностью, и великое творение рук человеческих — Янтарная комната — вновь предстанет перед нами, восхищая и радуя современников и все последующие поколения жителей нашей Земли.

Об авторе

Андрей Станиславович Пржездомский — автор художественно-документальных повестей «Янтарный призрак», «Тевтонский крест», «Секретные объекты „W“», «Кагэбэшник», многочисленных публикаций на историческую тематику. Главный редактор и автор большинства статей Иллюстрированного энциклопедического справочника «Кёнигсберг — Калининград». Член Союза писателей России. Кандидат исторических наук.

Кадровый сотрудник органов безопасности, занимал руководящие должности в Администрации Президента Российской Федерации, был заместителем директора Федеральной службы налоговой полиции России. Генерал-лейтенант налоговой полиции. Дважды избирался членом Общественной палаты Российской Федерации, возглавлял подкомиссию по проблемам противодействия коррупции, Координационный совет по защите избирательных прав граждан, являлся членом Президиума Комиссии по государственным наградам и других коллегиальных органов.

С июня 2010 года — советник Председателя Национального антитеррористического комитета — директора ФСБ России.

Иллюстрации

Екатерининский дворец в 1944 году

Строительство подземных бункеров в Линце. 1943 год

Эрих Кох (второй слева) с Рудольфом Гессом в Кёнигсберге

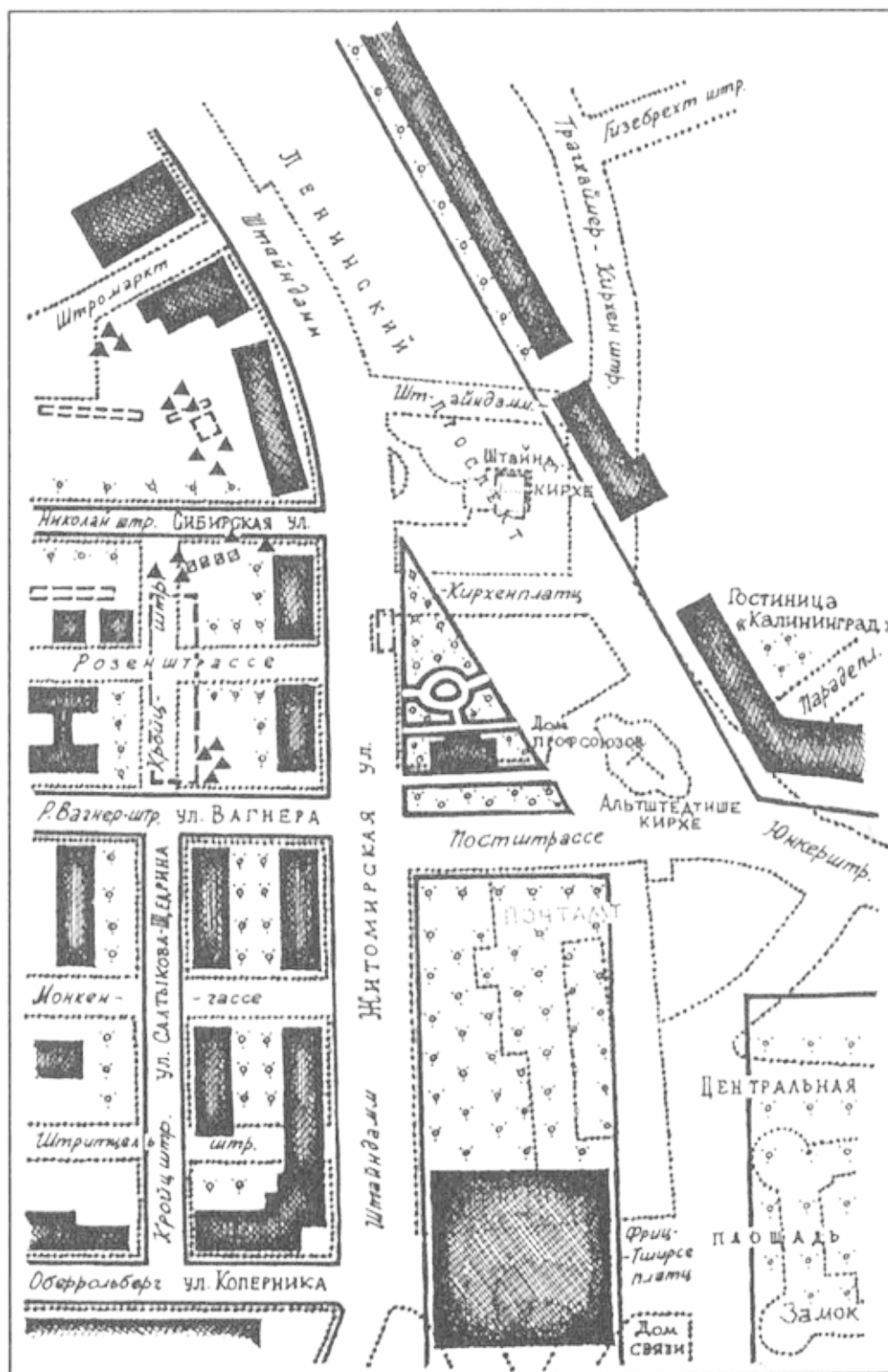

Улица Штайндамм

Штурмовики проходят маршем мимо Штайндаммской кирхи

Район поисков бункера Брюсова

Штайндаммская кирха

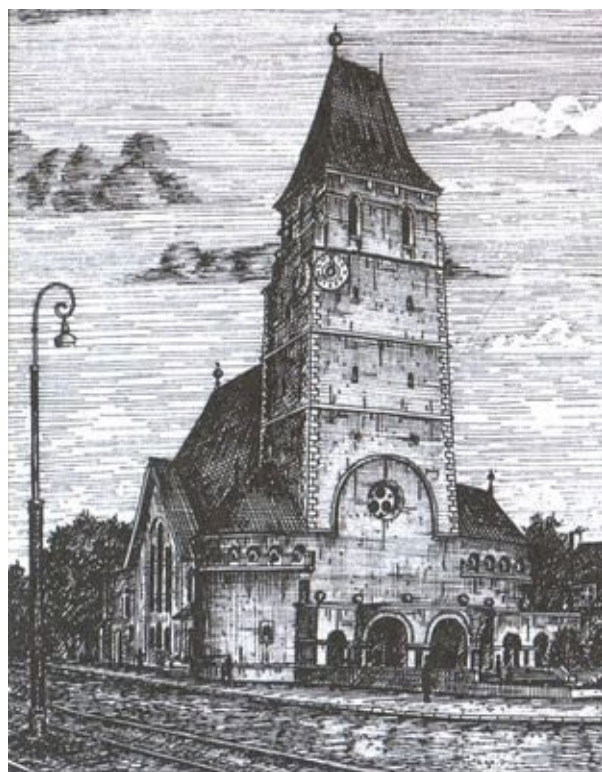

Около кирхи улица Штайндамм делала небольшой изгиб

Чудом сохранившиеся старинные дома на улице Коперника — бывшей Оберрольберг.
1997 год

Оттокар-кирха в районе Марауненхоф

Кафедральный собор на острове Кнайпхоф

Руины в районе улицы Ланге Райе

Иван Тимофеевич Цедрик (справа) и Андрей Пржездомский. 1969 год

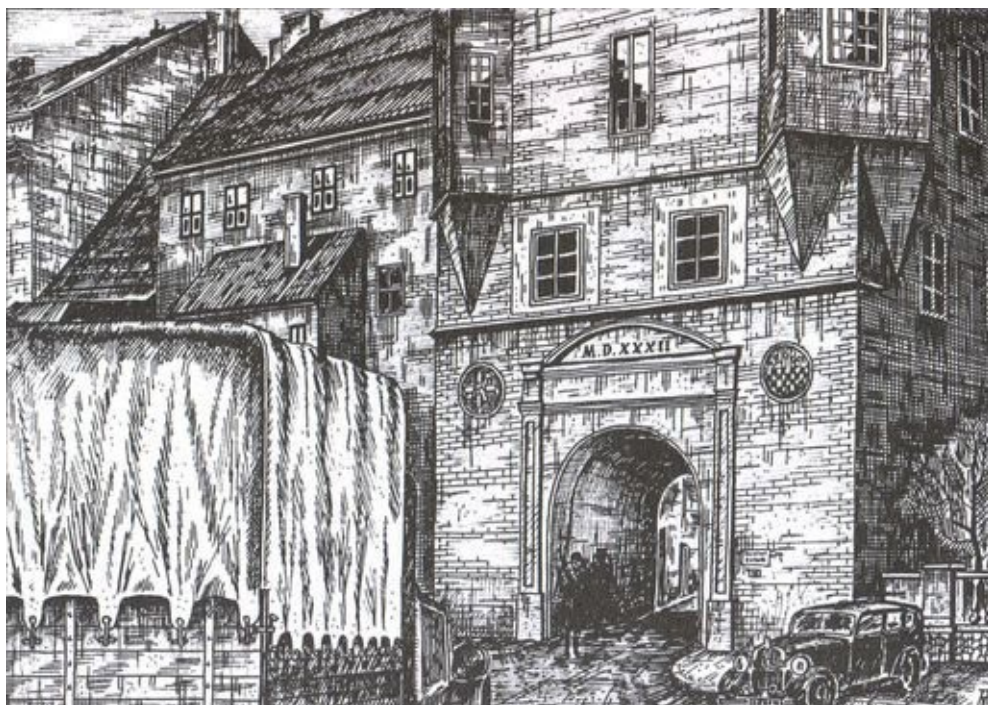

Улица Кёнигштрассе (Штрассе дер СА) около ворот Кёнигстор

Грузовик Берле у въезда в гараж СС. Март 1945 года

Въездные ворота Королевского замка

Руины Штайндамма после завершения уличных боев. Апрель 1943 года

Западное крыло Королевского замка с колокольней

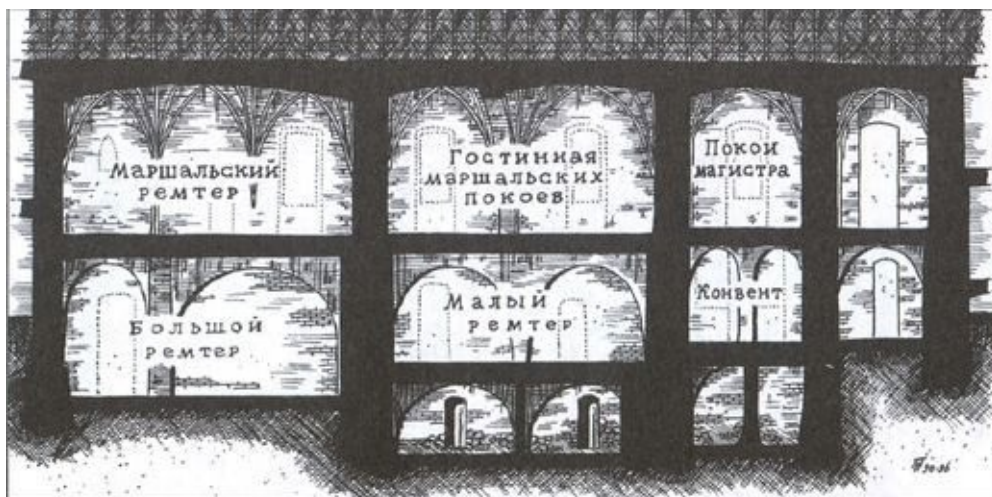
Северо-западная угловая башня замка. 1964 год

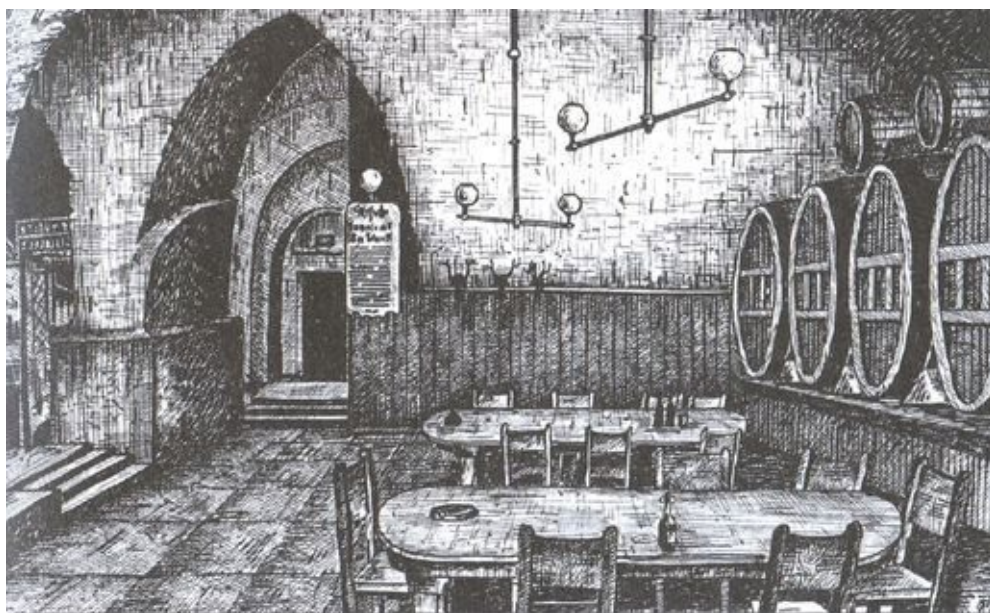
Руины Королевского замка. 1964 год

Рыцарская турнирная галерея и винный погребок Блютгерихт

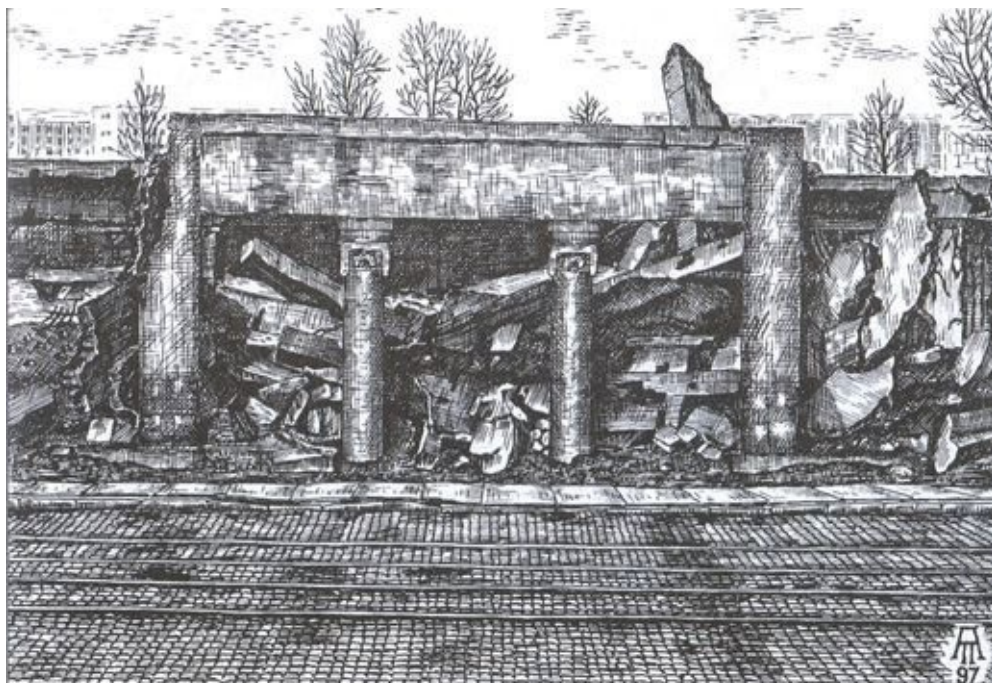

Часть северного крыла Королевского замка в разрезе

Зал Большой ремтер в Королевском замке

Руины Дома труда. Март 1967 года

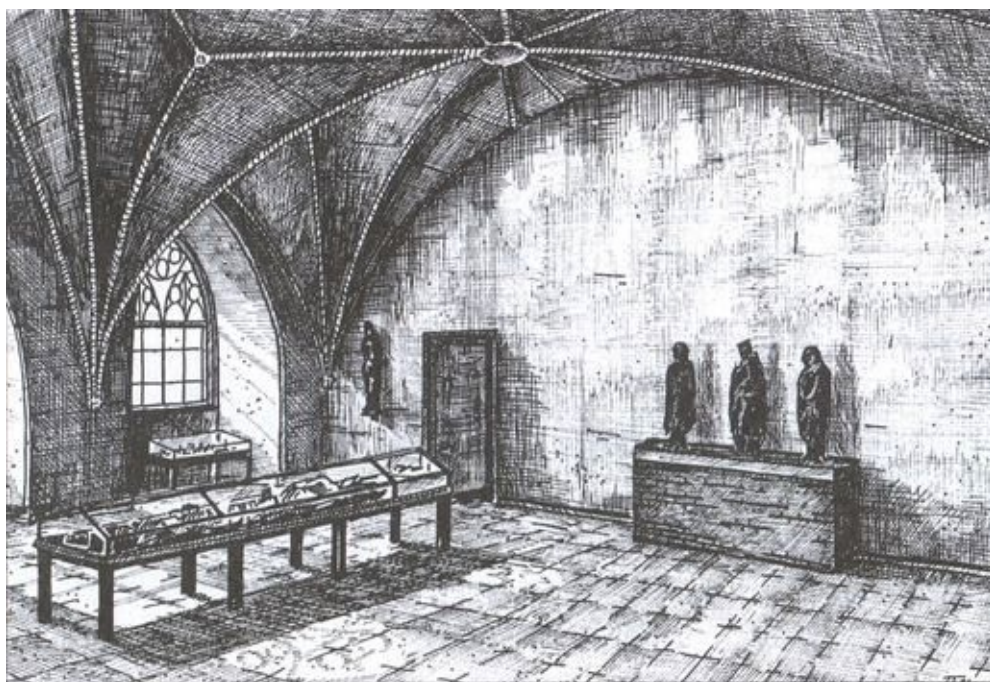

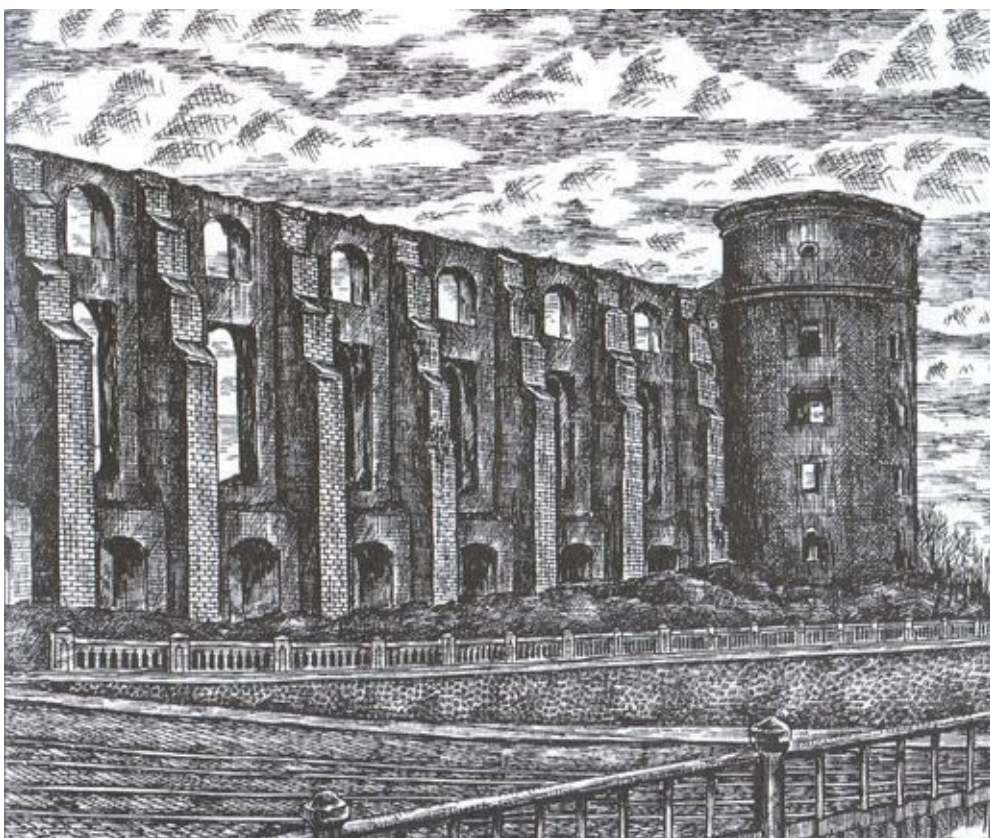
Старая Росгартенская кирха

Развалины Старой Росгартенской кирхи

Зал Маршальский ремтер в Королевском замке

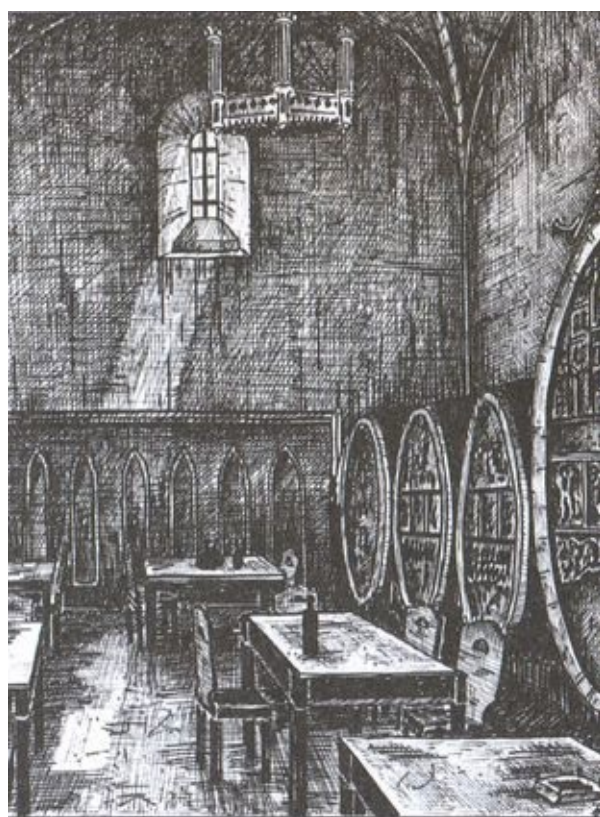

Развалины западного крыла Королевского замка. 1964 год

Остов северного крыла замка и башня фогта Лиделау. 1967 год

Зал «Камера пыток» в Королевском замке

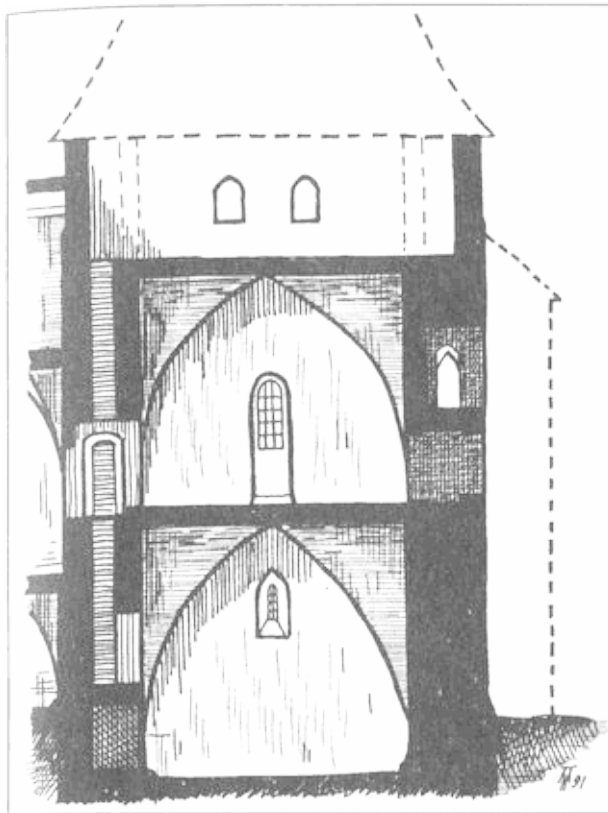

Руины Королевского замка. 1967 год

Подземелья Блутгерихта. 1967 год

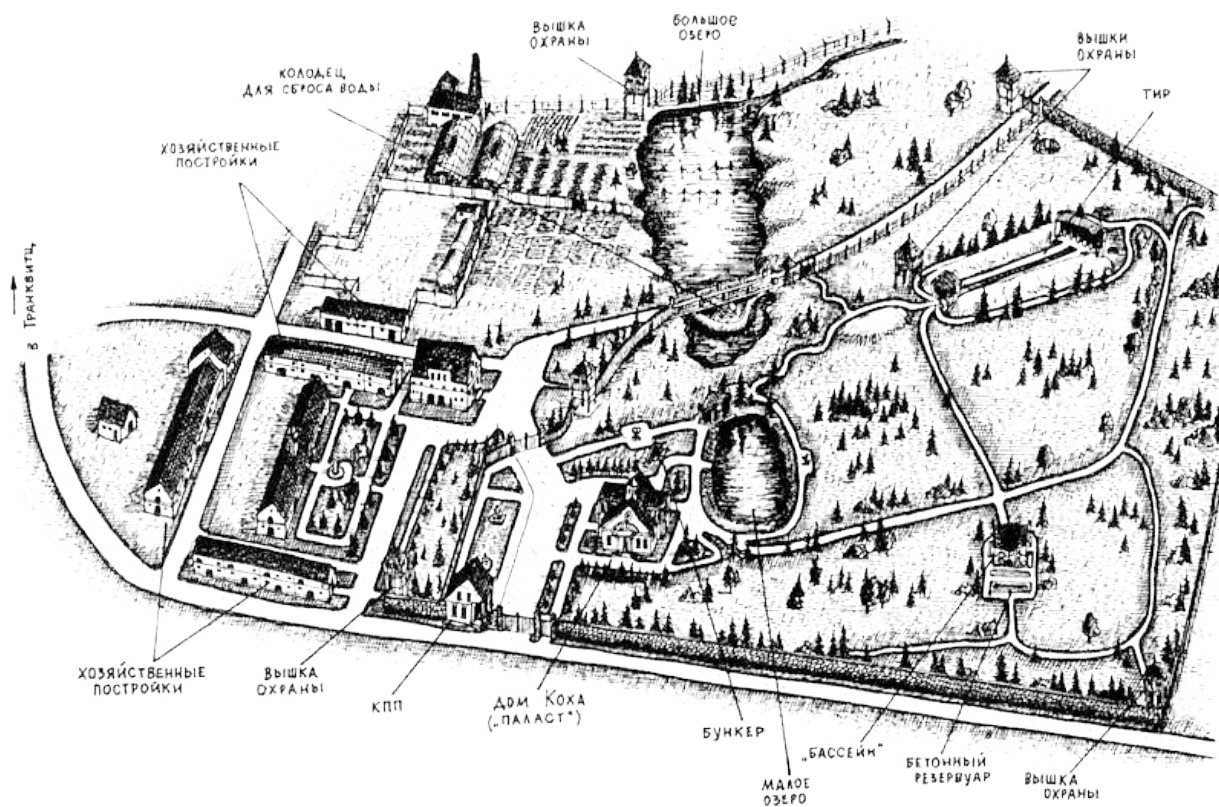
Строение башни фогта Лидлау с потайной лестницей

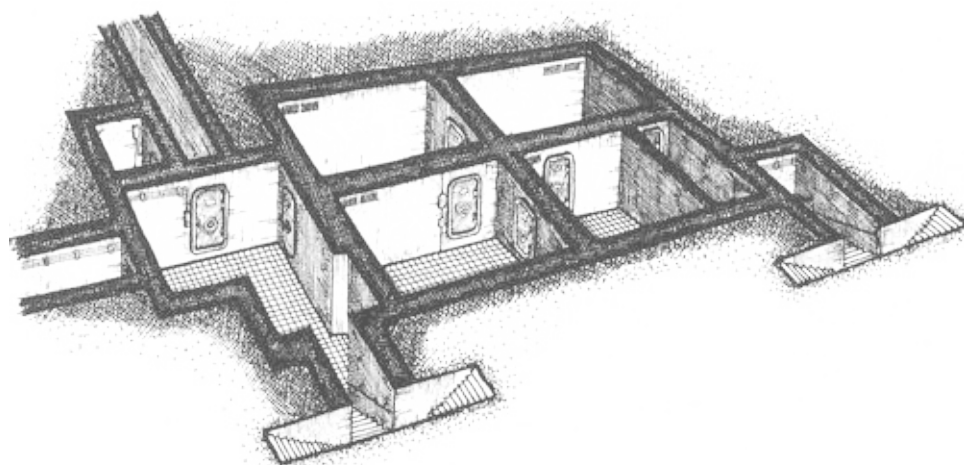
Раскопки на месте северного крыла Королевского замка. 1969 год

Пробивка входа в подземный коридор в замке. Второй справа — А. М. Кучумов, третий (копает) — А. С. Пржедомский. 1969 год

План имения Эриха Коха

Бункер рядом с домом нацистского гаулейтера

Имение Эриха Коха после окончания боев. Апрель 1945 года

Здание Гауляйтунга НСДАП

Улица Вальринг

Спуск в один из бункеров в Калининградской области. 2009 год

Кирха Святого Адальберта в районе Амалиенау

Трофейная карта местности в районе имения Коха

notes

Примечания

«Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg» (*нем.*) — гитлеровская организация, проводившая захват культурных ценностей на оккупированной территории; возглавлялась главой Внешнеполитического управления НСДАП Альфредом Розенбергом.

ОКН (сокр.) — Oberkommando des Heeres (*нем.*) — Верховное командование сухопутными войсками фашистской Германии.

«Ahnenerbe» (нем.) — «Наследие предков» — «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков» — нацистская организация, занимавшаяся изучением традиций, истории и наследия арийской расы.

Земландский полуостров был блокирован 29 января 1945 года в результате прорыва советских войск к заливу Фришес Хафф в районе населенного пункта Хайде-Вальдбург.

28 января 1945 года советскими войсками была перерезана железнодорожная линия Кенигсберг — Хайлигенбейль.

Enke P. Bemsteinzimmer-Report. Berlin, 1987.

Zauner G. Verschollene Schätze im Salzkammergut. Graz — Stuttgart, 2003; *Hammer K.* Glanz im Dunkel. Die Bergung von Kunstschatzen im Salzkammergut am Ende des 2. Weltkrieges. Wien, 1996.

Первая книга на эту тему вышла в 1997 году под названием «Янтарный призрак». Данная публикация представляет собой частично переработанный и дополненный вариант этой книги.

В переводе с латинского это изречение звучит так: «Я сделал, что мог, и пусть, кто может, сделает лучше».

Так, видимо, царь Петр I сократил слово «король», имея в виду прусского короля Фридриха-Вильгельма I.

Bernstein (*нем.*) — янтарь.

Пилястра — вертикальный прямоугольный выступ на плоскости стены, состоящий из тех же частей, что и колонна.

Воронов М. Г., Кучумов А. М. Янтарная комната. Шедевры декоративно-прикладного искусства из янтаря в собрании Екатерининского дворца-музея. Ленинград, 1989; Бирюков В. Г. Янтарная комната. Мифы и реальность. Москва, 1992; Аксенов В. Дело о Янтарной комнате. Москва, 2000; Овсянов А. П. Янтарная комната. Калининград, 2002; Овсянов А. П. В руинах старого замка. Калининград, 1998; Петровский Н. В. Отблеск янтаря. Поиски похищенного шедевра. Москва, 2009; Турченко С.И. Военные тайны. Янтарная комната. Москва, 2005; Enke P. Bismsteinzimmer-Report: Raub, Verschleppung u. Suche e. weltbekannten Kunstwerkes. Berlin, 1987.

Капитель — верхняя часть колонны или пилястры.

РККА (сокр.) — Рабоче-Крестьянская Красная Армия —
наименование Вооруженных Сил Советской России и СССР в 1918–1946
годах.

Бергхоф — резиденция Гитлера в Оберзальцберге (Бавария).

Поссе Ганс (1879–1942) — немецкий ученый, директор Дрезденской картинной галереи, был уполномочен Гитлером организовать «Мировой музей» в Линце, для которого повсеместно собирал экспонаты, в том числе культурные ценности, награбленные фашистами на оккупированных территориях.

Гиммлер Генрих (1900–1945) — видный нацист, рейхсфюрер СС, руководитель РСХА, главный военный преступник, покончил жизнь самоубийством.

Розенберг Альфред (1893–1946) — видный нацист, министр по делам оккупированных восточных территорий, организатор захвата культурных ценностей, глава «Штаба Розенберга», как главный военный преступник казнен на основании решения Международного трибунала в Нюрнберге.

Геринг Герман Вильгельм (1893–1946) — видный нацист, председатель рейхстага, министр авиации, уполномоченный по четырехлетнему плану, преемник Гитлера, главный военный преступник. Покончил жизнь самоубийством.

Гаулейтер — партийный функционер в гитлеровской Германии, глава гау — региональной (земельной) организации НСДАП.

Кох Эрих (1896–1986) — видный нацист, гаулейтер Восточной Пруссии, рейхскомиссар Украины, польским судом приговорен к пожизненному заключению, умер в тюрьме.

Бомбардировка советской авиации Кёнигсберга осенью 1941 года действительно, по существу, не причинила серьезного вреда городу.

Это не соответствует действительности. Налет советской авиации на Кёнигсберг весной 1943 года был достаточно успешным. Бомбы легли в центре города в районе улиц Оберрольберг, Штайндамм и Друмштрассе.

С Веной у Гитлера были связаны воспоминания о неудачах, постигших его в молодости, в частности провал при поступлении в Венскую академию художеств.

Ревель — немецкое название столицы Эстонии Таллина.

Гудериан Хайнц Вильгельм (1888–1954) — гитлеровский военачальник, в 1943 году — генерал-инспектор танковых войск, генерал-полковник. Эйгрубер Август (1907–1946) — видный нацист, гаулейтер земли Верхний Дунай, как военный преступник казнен в 1946 году.

«Adlerhorst» (*нем.*) — «Орлиное гнездо».

«Felsenest» (*нем.*) — «Горное гнездо».

«Wolfsschlucht» (*нем.*) — «Волчье ущелье».

«Wolfschanze» (*нем.*) — «Волчье логово».

Kreisleiter (*нем.*) — окружной руководитель нацистской партии, в данном случае — руководитель кёнигсбергской НСДАП.

«Himmelbett» (*нем.*) — «Кровать с балдахином» — условное наименование немецкой системы ПВО, включавшей в себя мощный пояс прожекторов, самые современные радары и эскадрильи ночных истребителей.

«Führerstadt» (*нем.*) — «город фюрера».

Ныне — район проспекта Мира.

Максимов Арсений Владимирович (1914–2003) — российский архитектор и художник, один из первых архитекторов Калининграда, автор многочисленных акварелей с видами послевоенного Кёнигсберга, участник поисков Янтарной комнаты.

Здесь и далее в документах и цитатах сохраняется стиль и орфография подлинников.

Так на немецкий лад А. Я. Брюсов называет Королевский замок. Schlo (нем.) — замок.

Ныне — улицы Больничная и Коперника.

В настоящее время — пространство между домами к северу от улицы Вагнера.

«Vernichtungsgruppen» (*нем.*) — истребительные отряды (группы).

«Werwolf» (нем.)—«Оборотень» — подпольная организация, объединявшая специальные вооруженные отряды, созданные фашистами из немецкого населения для осуществления разведывательно-диверсионной и террористической деятельности в тылу Красной Армии и войск западных союзников.

Ныне — сквер перед зданием Калининградского государственного университета.

В настоящее время — район улицы Тельмана.

Ныне — улица Сибирская.

Jäger-Programme (нем.) — «Егер-программа» — условное наименование совокупности мероприятий, предпринимавшихся в гитлеровской Германии в 1944–1945 годах на основании решения руководства НСДАП. Предусматривала создание подземных укрытий для заводов, фабрик и иных предприятий, ценных машин и станков, эвакуируемых из зоны военных действий.

Так «для конспирации» именовалась экспедиция, занимавшаяся поисками Янтарной комнаты на территории Калининградской области в 1969–1984 годах.

Ныне — улица Вагнера.

«Жизнь коротка, искусство же долговечно, случай мимолетен, опыт опасен, суждение затруднительно» (*лат.*).

Vaterland (*нем.*) — отечество.

Luftwaffe (*нем.*) — Военно-воздушные силы гитлеровской Германии.

Это одно из немногих уцелевших старых зданий на Ленинском проспекте, на первом этаже которого в настоящее время располагаются отделение Внешторгбанка и японский ресторан «Якитория».

Фольксштурмист — солдат народного ополчения «фольксштурма» — Volkssturm (*нем.*).

NSKK (*сокр. нем.*) — Национал-социалистский автомобильный корпус — моторизованное подразделение гитлеровской партии, имевшее самостоятельную структуру в рамках НСДАП.

В настоящее время — улица Баранова.

Ныне — город Гурьевск Калининградской области.

Ныне — улица Портовая.

«Ost» (*нем.*) — нашивки с такой надписью должны были носить «восточные рабочие» — граждане СССР, насильственно угнанные на принудительные работы в Германию.

Vorstadt (*нем.*) — район Кёнигсберга между нынешней улицей Багратиона и Преголей.

Кнеірhof (*нем.*) — ныне остров Центральный, на котором расположен Кафедральный собор.

Сейчас на этом месте мостовая Ленинского проспекта.

Ныне две последние именуются соответственно улицами Клинической и Фрунзе. Там, где пролегла немецкая улица Егерхоф, в настоящее время начинается улица Девятого Апреля.

В настоящее время — улицы Александра Невского и Тельмана.

Ныне — улица Каменная.

RSHA — R.L.M. — сокращенные наименования Главного управления имперской безопасности (Reichssicherheitshauptamt) и Имперского министерства авиации (Reichsluftfahrtministerium).

Ныне — улица Октябрьская.

Ныне — это территория в районе спортивного комплекса «Юность» на улице Баграмяна.

По-видимому, имеется в виду металлическая емкость с высокими антикоррозийными и изоляционными свойствами.

«В-3» Рудолф Вист расшифровал как «бункер № 3» (Bunker 3), допуская в качестве варианта прочтения аббревиатуры как «арка № 3» (Bogen 3). Однажды напечатанное на пишущей машинке с русским шрифтом словосочетание с тройкой, выполненной римскими цифрами (BIII), привело к целой серии курьезов. Как только не расшифровывалось образовавшееся сокращение «БШ»: «Брауэряй Шенбуш» (пивоварня Шёнбуш) и «Бург Шайдунген», «Бад Шандау», «Бад Шуссенрид», «Бад Шауенбург» и еще целый ряд «бадов» (курортов) и «бургов» (замков), расположенных в самых различных районах Германии. Ложная трактовка уводила нередко поиски на ложные пути.

В соответствии с организационным построением фашистской партии гауляйтунг НСДАП (Gauleitung NSDAP) являлся высшим руководящим органом в данной области (Gau).

Оберфенрих — в гитлеровском вермахте: военнослужащий, окончивший военное училище, до присвоения офицерского звания.

Ныне в этом месте улица Барнаульская выходит к Ленинскому проспекту.

Так выглядела сокращенная роспись рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Генриха Гиммлера.

Ныне — город Хемниц в Германии.

В дословном переводе с немецкого «Neumarkt» означает «сенной рынок».

RAD (сокр.) — Reichsarbeitsdienst (*нем.*) — Имперская служба трудовой повинности в гитлеровской Германии.

«Reichssender» (нем.) — «Райхсзендер» — главная радиостанция Кёнигсберга.

Улица Якобштрассе называется ныне улицей Генерала Соммера, а площади Гезекусплатц в настоящее время не существует. На ее месте — массивное здание «Северо-западного телекома», что рядом с эстакадой.

Так в Калининградской геолого-археологической экспедиции именовались граждане, направлявшие в различные инстанции свои письма и заявления с воспоминаниями и предложениями в связи с поисками Янтарной комнаты.

Ныне — город Балтийск.

В настоящее время — Калининградский залив.

Ныне — город Приморск.

Ныне — город Мамоново.

Бывший восточный пригород Пиллау.

Ныне — посёлок Мечников в черте Балтийска.

GFP (*сокр.*) — Geheime Feldpolizei (*нем.*) — Полевая тайная полиция — полицейский исполнительный орган в действующей армии гитлеровской Германии.

Ныне — посёлок Люблино под Калининградом.

Ныне — посёлок Александра Космодемьянского.

«Штадтхаус» — ныне здание городской администрации на площади Победы, в котором и раньше размещались органы городского управления.

Ныне — улица Фрунзе.

Реферат 6(Н) в Главном управлении гестапо в Кёнигсберге осуществлял руководство всей контрразведывательной работой на подведомственной ему территории, а после включения в его состав в 1944 году соответствующего подразделения из «Абвер-3» занимался разработкой дезинформационных мероприятий.

Ныне — посёлок Коса, расположенный на Балтийской косе.

Ныне на этом месте стоит здание «Калининградгазавтоматики» на Гвардейском проспекте.

Кастелян — смотритель общественного здания.

Bemsteinsammlung (нем.) — Янтарное собрание.

Фибула — металлическая застежка для одежды в древности и в Средние века.

«Suum cuique» (*лат.*) — «Каждому свое».

Это не совсем точно. Как уже указывалось, в доме № 4 по улице Ланге Райе размещался Геолого-палеонтологический институт и янтарное собрание (коллекция) Кёнигсбергского университета.

До 1945 года этот населенный пункт носил наименование Шварцорт и принадлежал Германии.

«Пусть не хватает сил, но желание похвально». Овидий, I век н. э.
(перевод с латинского).

OKW (*сокр.*) — Oberkommando der Wehrmacht (*нем.*) — Верховное командование вермахта.

ЗИП (сокр.) — запасные части, инструмент, принадлежности, предназначенные для всех видов технического обслуживания, регламентных работ и ремонта, в данном случае — средств связи.

Ныне — город Черняховск.

Дроссель — катушка из медной проволоки, включаемая в электрическую цепь для регулирования силы переменного тока.

«КЕПА» (сокр.) — «Königsberger Einheitspreisgeschäft» (нем.) — «Кёнигсбергский торговый дом стандартных цен».

В. В. Крылов сделал в конце этих записей поправку-дополнение, указав, что не помнит, спускался ли он в подвал вместе со старшиной или был один, в то время как Куделяк указывает совершенно точно, что Крылов самостоятельно обследовал близлежащий дом.

Ныне здесь размещается отдел внутренних дел Ленинградского района Калининграда.

Ныне — Рижское в черте Калининграда.

НСФО — сокращенное наименование введенной во всех частях вермахта в 1943 году должности «офицера национал-социалистского руководства», занимавшегося политическим воспитанием личного состава.

«Heer» (*нем.*) — сухопутные войска вооруженных сил гитлеровской Германии.

Ныне — улица Гагарина.

Палестрой в Древней Греции называлась школа физического воспитания для мальчиков.

Ныне — горд Светлогорск.

Ныне — улица Салтыкова-Щедрина.

Hochbunker (*нем.*) — «Высотный бункер». Так именовались бункеры ПВО в виде многоэтажной башни, служащей для укрытий живой силы и размещения зенитных орудий. Таких бункеров сохранилось немало на территории Германии, есть они и в Калининграде.

Название улицы сохранено, она и сейчас называется улицей Коперника.

Четырехэтажная постройка в юго-восточной части Королевского замка была возведена по проекту архитектора Иоахима Людвига фон Унфрида.

Балюстрада — невысокое ограждение балконов, лестниц, террас, галерей в виде стоек с перилами.

Фогт — чиновник рыцарского ордена, осуществляющий судебные функции.

«Blütgericht» (*нем.*) — «Кровавый суд».

Шпайхеры — старинные сараи-хранилища, составлявшие целый район старого Кёнигсберга — Лададие. Ныне — местность вокруг спортивного комплекса «Юность» на улице Баграмяна.

Ремтер — зал для сбора и общих трапез рыцарей в средневековых замках.

Конвент — здесь: зал общего собрания монахов рыцарского ордена.

С начала образования фольксштурма в октябре 1944 года гитлеровцы провели четыре призыва населения Германии, последний из которых поставил под ружье шестнадцатилетних юнцов и стариков, в том числе признанных «полностью непригодными» к военной службе.

НСФ — принятое в гитлеровской Германии сокращенное наименование «Национал-социалистского женского союза».

Bemsteinzimmer (*нем.*) — Янтарная комната.

Вартегау — административно-территориальная единица, образованная гитлеровцами на территории одной из частей оккупированной Польши.

Ныне этот польский город называется Познанью.

Ныне — улица Портовая.

Отличительный знак техника по строительству укреплений в немецко-фашистской армии.

Ныне — район улицы Герцена.

В настоящее время — улица Артиллерийская.

Ныне — улица Клиническая.

В соответствии с организационным построением фашистской партии крайсляйтунг являлся руководящим органом НСДАП в данном районе, здесь — в городе.

В настоящее время — район улиц Суворова и Керченской.

Schloßteich (*нем.*) — Замковый пруд.

Stadthalle (*нем.*) — Городской концертный зал.

General-Kommando (*нем.*) — Генеральное командование.

Алькасар — название укрепленных замков в Испании; использовалось гитлеровской пропагандой для обозначения очагов сопротивления в последние месяцы войны.

Бах-Залевски Эрих Юлиус (1899–1972) — видный нацист, генерал полиции и СС, в 1942–1943 годах — уполномоченный рейхсфюрера СС по борьбе с партизанами, организатор массовых казней на оккупированной территории. В 1963 году — приговорен к пожизненному заключению, умер в тюрьме.

Так пренебрежительно население гитлеровской Германии именovalo руководящих функционеров нацистской партии, большинство из которых имели «золотой партийный знак».

На месте этой улицы и прилегающих к ней кварталов ныне находится широкая проезжая часть улицы Шевченко, там, где она сливается с Центральной площадью.

Историческое наименование одного из старейших центральных районов Кёнигсберга — так называемого «Старого города» (Altstadt).

Улица Постштрассе (Poststrasse) сохранилась между нынешним «Инвестбанком» и торгово-развлекательным центром «Плаза» на Ленинском проспекте.

Оберланд (Oberland) — название холмистой местности в бывшей Восточной Пруссии, ныне — на территории польского Поморья между рекой Пасленка и Любавской грядой.

В настоящее время — район улиц Бассейной и Воздушной.

Ныне — улица Дмитрия Донского.

Ныне — территория, занятая проезжей частью и газонами около Дворца бракосочетаний в самом начале улицы Фрунзе.

ОРПО — сокращенное наименование так называемой полиции порядка в гитлеровской Германии, в состав которой входили имперская и муниципальная охранная полиция, жандармерия, пожарная охрана и другие службы.

Ныне на этом месте широкая проезжая часть улицы Шевченко рядом с гостиницей «Калининград».

Ныне — район улиц Тенистая аллея и Химическая.

Ныне — улица Подполковника Иванникова.

Ныне здесь размещается склад «Ростекстильторга» на улице Профессора Баранова.

В настоящее время — улица Чайковского.

Сейчас — улица Алябьева.

Schloß (*нем.*) — замок.

Bernsteinzimmer (*нем.*) — Янтарная комната.

Гурт — ребро, составляющее основу свода.

Verbrannt (*нем.*) — сгорела (речь идет о Янтарной комнате).

По-видимому, имеется в виду левкас — разновидность жидкой шпаклевки, используемой при позолоте художественных изделий.

Ныне здесь размещается Городская инфекционная больница. Бывшая улица Йоркштрассс называется сейчас улицей 1812 года.

Фольварк (*польск.*) — небольшая усадьба, хутор.

Ныне — города и поселки Нестеров, Гусев, Черняховск, Междуречье, Знаменск, Гвардейск, Комсомольск, Луговое.

В настоящее время — проспект Мира.

Ныне — улица Пугачева.

В настоящее время — район, прилегающий к улицам Кутузова, Чернышевского, Каштановой аллее.

Сейчас на месте этой улицы — отрезок Ленинского проспекта от гостиницы «Калининград» до набережной Преголи вдоль эстакадного моста.

1532 год.

Фирмария — богодельня рыцарского ордена.

Левкас — меловой грунт в русской средневековой живописи.

Кайзерлинга — старейший графский род в Пруссии, среди которого наиболее известны ученый-естествоиспытатель Александр Кайзерлинг, писатель Эдуард Кайзерлинг и философ Германн Кайзерлинг.

Картуш — лепное украшение в виде не совсем развернутого свитка, на котором помещаются надписи, эмблемы, панно.

Архивольт — профиль, обрамляющий арку.

Нервюра — ребро готического свода.

Ныне — это здание кардиологического корпуса областной больницы на улице Клинической.

В настоящее время — Химическая улица.

Район улиц Кутузова и Разина.

Ныне — православный храм Святого Николая на улице Тенистая аллея.

В настоящее время — Театр кукол на проспекте Победы.

Ныне — улица Нахимова.

В настоящее время — улица Пролетарская.

Простоявшее в полуразрушенном виде более пятидесяти лет это здание было отремонтировано и сейчас в нем располагается торгово-развлекательный комплекс «Эпицентр».

Ныне — улица Томская.

В настоящее время — Октябрьская площадь в Балтийском районе.

«Грефе унд Унцер» — наименование всемирно известного кёнигсбергского издательства и книжного магазина, основанного в 1832 году и располагавшегося на площади Парадеплатц.

Ныне — улица Угловая.

«Kreuz-Apotheke» (*нем.*) — «Аптека Креста».

Так в первые послевоенные годы именовалась нынешняя площадь Победы.

Эта улица не сохранилась. Сейчас на этом месте — современные жилые дома на перекрестке улиц Пролетарской и Генерала Соммера.

Ныне — улица Кирова.

В настоящее время — Советский проспект.

И. П. Трофимов был заведующим областным отделом по делам культпросветучреждений и являлся членом комиссии по поискам культурных ценностей.

Комтур — обладатель одного из самых высоких титулов среди рыцарей Тевтонского ордена, предводитель комтурства — территории, находящейся во владении ордена.

В немецком тексте употреблено слово «Hofbunker», что в переводе означает «дворовый бункер» или «бункер во дворе».

См., например, газету «Калининградский комсомолец» от 24 ноября 1990 года.

Контрфорс — каменная поперечная стенка или выступ, усиливающие основную несущую конструкцию; один из основных элементов готической архитектуры.

Имеется в виду Освободительная война 1813 года, которая велась Германией за освобождение от господства наполеоновской Франции и являлась историческим примером боевого содружества с русским народом и российской армией.

Пилон — большой столб, поддерживающий своды.

Форбург — предмостное укрепление средневековой крепости, замка.

Автор книги допустил серьезную неточность: Э. Кох был приговорен польским судом к пожизненному заключению и умер в тюрьме в 1986 году.

Морген — старая земельная мера в Германии разной величины: от 0,25 до 1,22 гектара.

«Erich-Koch-Stiftung» (*нем.*) — «Фонд Эриха Коха».

Йост Ганс (1890–1978) — нацистский поэт и драматург, личный друг Гиммлера.

Ныне — Калининградский питьевой канал.

В настоящее время — пруд Филиппов за Окружной дорогой к западу от Калининграда.

Метгетен — ныне посёлок Александра Космодемьянского.

Betonsteinfabrik AG (*нем.*) — АО «Бетонный завод».

Abfahren! (*нем.*) — Трогай! Отъезжай!

«Оружием возмездия» («Vergeltungswaffe») гитлеровская пропаганда называла крылатые ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2, использовавшиеся немецко-фашистскими войсками для обстрела Лондона в 1944–1945 годах.

Ныне — посёлок Александра Космодемьянского.

Современные названия этих населенных пунктов, кроме Мандельна, которого просто не существует, соответственно: Медведевка — Борисово — Лесное.

По принятой в гитлеровской армии терминологии индексом Ia обозначался оперативный, а индексом Ic — разведывательный отделы штаба войскового соединения.

Так в конце войны в гитлеровской Германии в обиходе называли части фольксштурма — народного ополчения.

«Вильгельм Густлов» — морской лайнер фашистского гражданского флота, построенный в 1938 году и потопленный в Данцигской бухте 30 января 1945 года советской подводной лодкой «С-13» под командованием капитана 3-го ранга А. И. Маринеско.

215

Ныне — улица 1812 года.

По признанию писателя А. Васильченко, Фрайгер Рут — его литературный псевдоним.

Так называли в СССР М. И. Калинина (1875–1946), Председателя Президиума Верховного Совета СССР, в честь которого в 1946 году и был назван город.

Ныне — посёлок Рябиновка.

Тали — система блоков для поднятия тяжестей.

ДОТ (сокр.) — долговременная огневая точка.

«Каждого влечет его страсть» (*лат.*)

«Паласт» — Palast (*нем.*) — дворец.

Ныне — город Пионерский.

В настоящее время — посёлок Котельниково.

«Внимание! Не кантовать!» (нем.).